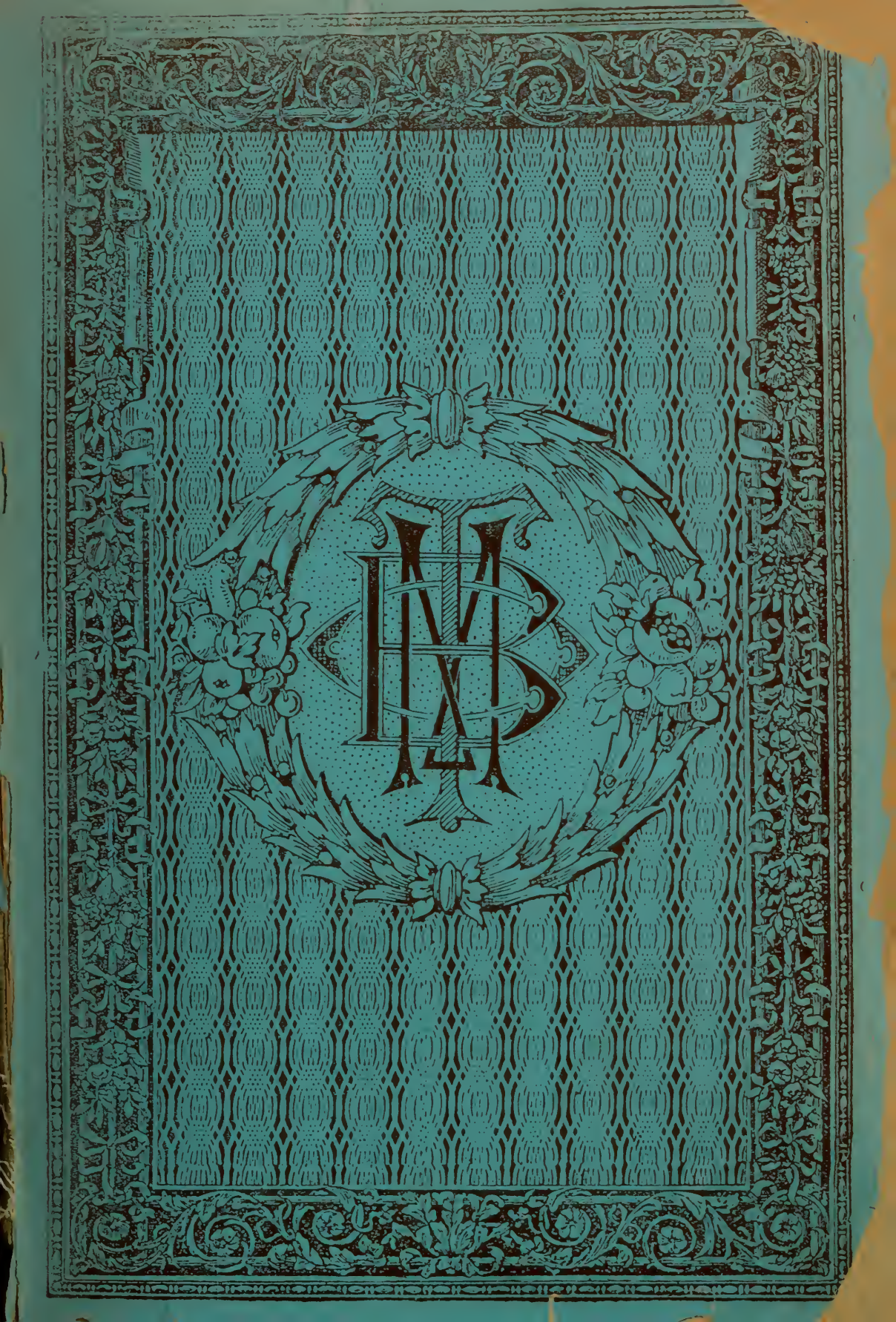
3 1761 04119 4242

СОЧИНЕНІЯ ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ Е.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛФЪ

Printed in Russia



№ 1021/1657

933

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ПЯТЫЙ

LR
L4314V

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ПЯТЫЙ

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

SEEN BY
PRESERVATION
SERVICES
DATE.....

494863
25.7.49

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ 12
1899

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ

Вотъ повость для меня!—Да кто же тотъ шалунъ,
Кто смѣлъ, безъ моего и плана и совѣта,
Всю важность поддержать столь труднаго сюжета?
Тутъ надобенъ языкъ, пріятный, легкій слогъ!
Спросилъ-бы у меня—и я-бъ ему помогъ!

Ком. „Гов."—*Хмельницкій.*

Долго страдала Лифляндія подъ игомъ перемѣнныхъ властителей, пока не достигла нынѣшняго своего благосостоянія. То рыцари нѣмецкіе, искавшіе иные опасностей, славы и награды небесной, другіе—добычи, земель и вассаловъ, наступили на нее, окрестили ее мечомъ, и первые ознакомили бѣдныхъ ея жителей съ высокими замками, данью и насиліями; то власти, ею управлявшія, духовныя и свѣтскія, епископы и гермейстеры, въ спорѣ за первенство свое, терзали ее на части. То русскіе, считая ее искони своею данницею, нерѣдко приходили зарубать на сердцѣ ея древнія права свои, или поляки и шведы, въ борьбѣ за обладаніе ею, душили первыя силы ея общественной

жизни. Война желѣзною рукою повила ее вдоль и поперекъ всѣми своими бѣдствіями. Вѣра безъ вѣрованія, съ примѣсью идолопоклонства, невѣжество, безчеловѣчіе, самоуправство обозначили время существованія Лифляндіи до начала XVII вѣка. Изрѣдка оживлено было это время проблесками великихъ характеровъ — и цвѣтущей торговли, прибавилъ бы я, если бы богатства ея придали тогда что-нибудь ея просвѣщенію, а не послужили, какъ это случилось, къ усиленію ея развратной роскоши.

Только съ именемъ Густава Адольфа соединяется воспоминаніе всего прекраснаго и великаго; онъ, въ одно время защищая свободу мнѣній и подписывая уставъ дерптскаго университета, бережно снялъ кровавыя пелены съ Лифляндіи и старался уврачевать ея раны. Но счастіе ея было кратковременно. Дочь Густава, этотъ феноменъ ума и страстей, хотѣла только собирать дань удивленія чуждыхъ народовъ, а не любовь своего. Христина, покровительница ученыхъ, отняла у дерптскаго университета его земли; она хвалилась любовью къ человѣчеству, и за новыя пожертвованія страны отдарила ее новыми налогами. Вслѣдъ затѣмъ нивы лифляндскія были истоптаны побѣдами русскихъ (при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ). Миръ въ Кардисѣ возвратилъ это спорное пепелище шведамъ, но не водворилъ въ него долговременнаго спокойствія.

Съ царствованіемъ Карла XI настали самые черные годы для лифляндскаго дворянства. Желая поправить разстроенные финансы Швеціи, онъ повелѣлъ *редукцію* имѣній, принадлежавшихъ нѣкогда правительству и правительствомъ же подаренныхъ частнымъ лицамъ въ потомственное владѣніе во времена епископовъ, гермейстеровъ и королей. На этотъ предметъ учреждена была *комиссія*. Разсужденію ея подлежало также узаконеніе великое и благодѣтельное, за которое надле-

жало бы человѣчеству благословлять память государя, творца этого узаконенія, еслибъ оно не смѣшивалось въ одно время съ своекорыстными видами. Къ тому жъ мѣры и способы исполненія были приняты несправедливые, насильственные и жестокіе; исполнители переступили волю государя—и цѣль самыхъ благодѣтельныхъ видовъ правительства была потеряна. Въ позднѣйшее время предоставлено было Миротворцу Европы сдѣлать важный приступъ къ соглашенію человѣколюбія съ сохраненіемъ правъ собственности, и тѣмъ собрать на себя еще при жизни, посвященной счастію великой имперіи, благословенія лифляндскихъ помѣщиковъ и земледѣльцевъ. Не такъ дѣйствовалъ своекорыстный Карлъ XI. За ужасными словами: *редукція* и *ликвидація* послѣдовало дѣло, и отчины, безъ всякаго уваженія давности и законности, были отрѣзаны и отписаны на короля. Изъ шести слишкомъ тысячъ гаковъ, бывшихъ во владѣніи частныхъ лицъ, слишкомъ пять тысячъ были взяты въ казну, тысяча съ небольшимъ оставлена владѣльцамъ и при церквахъ. Противъ начетовъ этихъ трудно было спорить: ихъ составлялъ любимецъ Карла, предсѣдатель редукціонной комиссіи, графъ Гастферъ, запечатлѣвшій имя свое въ лѣтописяхъ Лифляндіи ненавистью этой страны; ихъ утвердилъ самъ государь, хозяинъ на тронѣ искусный, хотя и несправедливый, который, подобно Перуну, имѣлъ золотую голову, но держалъ всегда камень въ рукахъ.

Оставалось угнетеннымъ просить: они это и сдѣлали, пославъ къ королю отъ лица дворянства лифляндскую депутацію съ трогательнымъ адресомъ о смягченіи, хотя нѣсколько, приговора его. Отвѣтомъ были новыя униженія. Къ большому несчастію ихъ, одинъ изъ членовъ депутаціи, Іоганъ-Рейнгольдтъ Паткуль, увлеченный краснорѣчіемъ правды и негодованія, пыл-

костью благороднаго нрава и молодыхъ лѣтъ [1]), незнакомыхъ съ притворствомъ, осмѣлился обвинить любимца королевскаго, Гастфера, въ преступленіи данной ему свыше довѣренности. Паткуль осужденъ къ отсѣченію правой руки, лишенію имѣнію, чести и жизни, а товарищи его: Фитингофъ, Менгденъ и Буденброкъ—только къ смерти. Вскорѣ приговоръ тремъ послѣднимъ былъ замѣненъ вѣчнымъ заключеніемъ; наконецъ, дарована имъ свобода. Первый же успѣлъ бѣжать отъ наказанія въ Швейцарію, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ подъ чужимъ именемъ. Между тѣмъ въ отечествѣ его бѣдность и отчаяніе во многихъ семействахъ были неизъяснимы: вспыхнулъ ропотъ, тайными путями перебѣжалъ по мызамъ и—погасъ со вступленіемъ новаго государя на престолъ шведскій. Добрые лифляндцы умѣли терпѣливо ждать у моря погоды.

Въ такомъ состояніи засталъ страну эту Карлъ XII, о которомъ сказать можно, что онъ рожденъ былъ быть полководцемъ, но ошибкою судьбы призванъ царствовать. Вскорѣ отъ Бельта до Вислы развѣялись побѣдоносныя знамена его. Подъ эти призывные знаки чести спѣшили завербовать себя молодые лифляндскіе дворяне, забывъ прежнія угнетенія и горя жаждою вновь запечатлѣть кровью своею благородство рыцарскаго происхожденія, которому ни предки, ни потомки ихъ не измѣняли. Отцы новобранцевъ, отпуская къ королю живые залоги преданности къ нему Лифляндіи, казалось, ввѣряли его великодушію свои и отечества надежды. Но двадцатилѣтній герой, окруженный увлеченными раннею его славою офицерами и солдатами, переходя отъ торжества къ торжеству, грезилъ только побѣдами и мало заботился объ утѣшительныхъ ожиданіяхъ своихъ подданныхъ. Хотя и

---

[1]) Ему было съ небольшимъ 20 лѣтъ

обѣщалъ онъ въ 1700 году облегчить участь лифляндскихъ помѣщиковъ, однакожъ, не думалъ никогда выполнить это обѣщаніе. Еще не забыта имъ была депутація 1692 года, обступившая тронъ отца его просьбами, похожими на требованія; не забытъ еще былъ смѣлый и краснорѣчивый голосъ Паткуля. Онъ зналъ, что этотъ гордый лифляндецъ, унеся изъ-подъ сѣкиры палача руку и буйную голову свою, служитъ тою и другою опаснѣйшему его непріятелю — и поклялся въ л цѣ его унизить лифляндскихъ дворянъ его партіи и отмстить ему, хотя бы цѣною собственной славы.

Провидѣнію угодно было, чтобъ на пути отважныхъ замысловъ Карла остановилъ его соперникъ, явившійся съ неожиданной стороны. Это былъ нашъ Петръ I. Помня слова великаго предка своего: «*а Лифляндскія земли не перестать намъ доступать, докудова намъ ее Богъ дастъ*» [1]) и желая стать твердою ногою на берегу Балтійскаго моря, чтобы сзывать въ свое отечество богатства и просвѣщеніе Европы, онъ бросилъ Карлу перчатку будто за оскорбленіе, сдѣланное ему рижскимъ комендантомъ Дальбергомъ. Гдѣ ближе было имъ развѣдаться, какъ не въ странѣ, которую оба они почитали своею отчиною? Здѣсь-то Преобразователю Россіи опредѣлено было получить отъ царственнаго учителя своего жестокій урокъ и здѣсь же показать, съ какимъ успѣхомъ онъ имъ воспользовался. «*Я знаю*, — говорилъ онъ послѣ нарвской потери, — *что Шведы будутъ бить насъ еще разъ нѣсколько; но теперь мы ученики ихъ; придетъ время, что мы ихъ побѣждать будемъ*».

Карлъ пріѣзжалъ, казалось, подъ Нарву выиграть закладъ. Отважный, но слишкомъ самонадѣянный и

---

[1]) Грамата Царя Іоанна Васильевича къ Ягану королю Свейскому, $\frac{1573}{7081}$ января $\frac{6}{18}$. Смотри *Древнюю Вивліоѳику*.

мало разсудительный, вмѣсто того, чтобы воспользоватяся успѣхами своими и укрѣпиться въ Лифляндіи, онъ посвятилъ зиму въ Лансѣ забавамъ звѣриной охоты, побилъ, мимоходомъ, саксонцевъ подъ Ригою и отправился въ другой край Европы пощеголять своею непобѣдимою арміей, какъ дитя полученною имъ въ даръ острою саблею, которою въ первый разъ владѣетъ и спѣшитъ рубить все, что ему на встрѣчу попадется. Не такъ дѣйствовалъ противникъ его: онъ пользовался временемъ отдыха, даннаго ему счастливымъ соперникомъ, чтобы созидать войско и флотъ. Уже въ концѣ 1701 года фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, съ остатками полковъ, уцѣлѣвшихъ отъ лозы шведскаго героя, и съ корпусами, вновь образованными, сторожилъ отъ Пскова лифляндскую грань. Схватками съ малочисленными отрядами непріятеля знакомилъ онъ понемногу русскаго солдата съ его силами, съ потѣхою военныхъ удачъ, и воспитывалъ духъ его къ будущимъ побѣдамъ. Уже зародыши русскаго флота брали смѣлость выходить изъ заливовъ Чудскаго озера и, разгульемъ мимо шведской флотиліи, притаившейся въ устьѣ Эмбаха, вызывать ее *на чистую воду*.

Сыну военачальника предоставлено было открыть кампанію: близъ этого озера, подъ мызою Рапинъ, *волонтеръ* Михайла Борисовичъ Шереметевъ разбилъ 4-го сентября 1701 года передовой отрядъ шведовъ. Потомъ самъ фельдмаршалъ — въ отвѣтъ на упрекъ своего Государя: «*полно отговариваться, пора дѣлать!*»—отпраздновалъ первый день 1702 года первою знаменитою побѣдой при Эррастферѣ, заставившею Петра I сказать: «*Благодареніе Богу! мы уже до того дошли, что шведовъ побѣждать можемъ*». Остальные мѣсяцы зимы и всю весну военачальникъ осторожно высматривалъ силы непріятеля, выжидалъ ихъ раздробленія, какъ послѣдствія разностороннихъ слуховъ,

лукаво пущенныхъ въ становья шведскія и, показывая нѣкоторую робость, *надѣялся* усыпить сѣвернаго льва у воротъ самой Лифляндіи. Можетъ быть Шереметевъ—распорядитель и герой въ полѣ, Фабій или Кутузовъ тѣхъ временъ — простеръ эту осторожность слишкомъ далеко и могъ бы потерять плоды своихъ соображеній, еслибъ имѣлъ противника болѣе смѣтливаго и смѣлаго, нежели каковъ ему данъ былъ Карломъ XII.

Мы видѣли, что нетерпѣливый характеръ государя разогрѣлъ душу военачальника упрекомъ. Четыре слова кстати—и въ этихъ словахъ заключалась побѣда. Шереметевъ доказалъ, что достоинъ понимать ихъ, что имѣетъ всѣ качества хорошаго военачальника, и потомъ, опять увлеченный умомъ осторожнымъ, холоднымъ, погрузился въ соображенія благоразумныя, полезныя, это правда, но уже слишкомъ долго выдерживаемыя. На этотъ разъ полководецъ выведенъ былъ изъ бездѣйствія внушеніями Рейнгольда Паткуля, генералъ-кригскоммисара и ближайшаго совѣтника его.

Надо оговорить, что Паткуль, приговоренный къ казни, бѣжалъ изъ Швеціи на берега Женевскаго озера. Оттуда, скучая праздною неизвѣстностью, перешелъ къ двору польскаго короля, непріятеля Карла XII, Августа, но и при этомъ государѣ, вяломъ, ненадежномъ, неславолюбивомъ, найдя кругъ дѣйствій своихъ тѣснымъ, вступилъ въ службу къ Петру I. Скоро исполинскія дѣла, простота, твердость и величіе души русскаго Царя привязали къ нему навсегда благороднаго лифляндца. Съ другой стороны, тому, кому нужно было все вновь творить въ Россіи, любившему, чтобы между мыслію его и исполненіемъ не было холодныхъ промежутковъ, часто уничтожающихъ самыя лучшія намѣренія, нужны были и люди съ пылкимъ, предпріимчивымъ характеромъ Онъ скоро

полюбилъ новаго своего подданнаго, умѣвшаго понять его. Можно сказать, что Паткуль былъ достоинъ всей вражды Карла и довѣрія Петра: оба чувства эти умѣлъ онъ равно питать, равно и оправдывалъ. При дворѣ новаго государя своего онъ былъ хитрый, проницательный министръ, быстрый исполнитель его видовъ, вельможа твердый, хотя иногда слишкомъ нетерпѣливый, неумѣвшій льстить ни ему, ни любимцамъ его, выше всего почитавшій правду и между тѣмъ неограниченно преданный его выгодамъ и славѣ. Политическіе разсчеты Паткуля, оправданные послѣдствіями, доказываютъ, какимъ дальновиднымъ умомъ онъ обладалъ. Онъ первый утвердилъ русскаго монарха въ мысли завоевать *для себя* Лифляндію: онъ видѣлъ, что исполненіе этой мысли было не по силамъ колебавшагося духомъ Августа, и что одному только Петру можно было сдержать и понесть ее на исполинскихъ раменахъ своихъ. Съ какимъ восторгомъ, развертывая передъ Великимъ планъ свой, прочелъ онъ въ одномъ его взорѣ отпаденіе родного края отъ Швеціи и присоединеніе его къ возраставшему могуществу Россіи. Этимъ геніальнымъ взоромъ Паткуль былъ уже отмщенъ за наслѣдственныя оскорбленія двухъ шведскихъ королей.

Вывожу его на сцену моего романа въ одну изъ занимательныхъ эпохъ его жизни: здѣсь-то онъ всего себя посвятилъ мщенію, чувству, которое господствовало въ немъ надъ высокостью помысловъ и дѣяній и, можетъ статься, было единственнымъ ихъ источникомъ. Не только рукою дѣйствуетъ онъ противъ отрядовъ шведскихъ, онъ работаетъ сердцемъ и головой, приводитъ въ движеніе всѣ сокровенныя пружины ухищренной политики, даже не всегда разборчивой, чтобы подрыть основаніе шведскаго могущества. Для достиженія своей цѣли изыскиваетъ онъ всѣ средства,

и ни одного не отвергаетъ. Часто дѣйствія свои сопровождаетъ отвагою: досаждая дѣломъ врагамъ, онъ любитъ еще посмѣяться надъ ними смѣлыми проказами, нерѣдко приводящими его жизнь и честь въ опасность, отъ которой только имя его, дорогое патріотизму, изобрѣтательный умъ и преданные друзья могутъ его освобождать.

На границѣ псковской, въ срединѣ Лифляндіи, Паткуль имѣетъ друзей, преданныхъ, подкупленныхъ, обольщенныхъ, ему усердно содѣйствующихъ; въ знатнѣйшихъ домахъ лифляндскихъ агенты и лазутчики его всякаго званія неусыпно обо всемъ развѣдываютъ и передаютъ ему свѣдѣнія о движеніи шведовъ и замыслахъ ихъ партій. Не многочисленные, но удачно выбранные, хитрые, благоразумные, испытанные въ вѣрности къ нему, они свили гнѣздо враговъ для Швеціи въ сердцѣ самой Лифляндіи. Сначала робко вкрадывается неудовольствіе въ дворянскіе домы; потомъ, усиливаемое войною безъ цѣли, безъ пользы для отечества, оно смѣлѣе начинаетъ говорить въ гостиныхъ. Политика занимаетъ всѣхъ, военныхъ, студентовъ, женщинъ, купцовъ, духовныхъ. Судятъ о дѣйствіяхъ шведскаго правительства, начинаютъ и осуждать ихъ. Недовѣріе, потомъ нѣкоторая холодность зараждаются между шведами и лифляндцами. Благоразумнѣйшіе изъ послѣднихъ предугадываютъ уже, что самое положеніе Лифляндіи, отдѣляя ее моремъ отъ Скандинавскаго полуострова, должно рано или поздно прикрѣпить ее нравственно къ Россіи, какъ она физически прикрѣплена къ материку ея. Они видятъ, что Карлъ явно пожертвовалъ ихъ отечествомъ своенравному героизму, но предпочитаютъ остаться вѣрными законному правительству и предоставл ютъ жестокостямъ войны рѣшить судьбу ихъ и выборъ новаго владыки. Многіе, даже изъ почитателей короля, идутъ уже за торже-

ственною колесницею его, какъ за великолѣпною похоронною процессіей. Одна молодежь не охлаждается въ энтузіазмѣ къ нему и готовится, въ честь его, переломить не одно копье.

Въ эти смутныя времена Лифляндіи генералъ-вахтмейстеръ Шлиппенбахъ, главный начальникъ шведскихъ войскъ, оставленныхъ на защиту Лифляндіи, безпечно расположился на квартирахъ отъ Сагница до Гельмета. Небольшимъ коннымъ отрядомъ наблюдалъ онъ близъ Розенгофа, на берегу Шварцбаха, дорогу отъ Новгородка-Ливонскаго (Нейгаузена), готовый протянуть крыло свое въ помощь Дерпту или Ригѣ, либо, въ случаѣ неудачи, обезопасить себя уходомъ въ одну изъ этихъ крѣпостей. Силы его ослаблены гарнизонами въ нихъ и несогласіемъ начальниковъ. Между тѣмъ, ободренный осторожностью русскаго полководца, которая начинала казаться ему робостью, рѣшился онъ неожиданно напасть на него въ Нейгаузенской долинѣ и тѣмъ загладить стыдъ Эррастферской битвы.

Въ такомъ состояніи, къ первымъ числа іюля 1702 г., были дѣла Лифляндіи, колеблемой, какъ дерево, опаленное грозою и вновь оспариваемое противными вѣтрами. Послѣдними тяжкими опытами должна она была искупить свое будущее благосостояніе.

Вотъ нѣсколько словъ, необходимыхъ для поясненія происшествій, о которыхъ я намѣренъ разсказывать.

На случай вопроса, почему избралъ я сценою для русскаго историческаго романа *Лифляндію*, которой одно имя звучитъ уже иноземнымъ, скажу, что ни одна страна въ Россіи не представляетъ народному романисту пріятнѣйшаго и выгоднѣйшаго мѣста дѣйствія. Крымъ, Кавказъ выигрываютъ, въ сравненіи съ Лифляндіей, красотами мѣстной природы, но теряютъ передъ ней историческими воспоминаніями. Въ палла-

діумахъ нашихъ, Троицкомъ монастырѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Москвѣ разгуливало уже вмѣстѣ съ истиной воображеніе писателя, опередившаго меня временемъ, извѣстностью и талантами своими. Другіе края Россіи бѣдны или исторіею, или мѣстностью; но въ живописныхъ горахъ и долинахъ Лифляндіи, на развалинахъ ея рыцарскихъ замковъ, на берегахъ ея озеръ и Бельта, русскій напечатлѣлъ неизгладимые слѣды своего могущества. Здѣсь колыбель нашей воинской славы, нашей торговли и силы; здѣсь русскій воинъ положилъ на грудь свою первое крестное знаменіе за первую побѣду, дарованную ему Богомъ надъ образованнымъ европейскимъ солдатомъ; отсюда — дивная своею судьбою и достойная этой судьбы Жена, неразлучная подруга преобразователя нашего отечества и спасительница нашего величія на берегахъ Прута; здѣсь многое говоритъ о Петрѣ безпримѣрномъ. Вотъ причины моего влеченія къ Лифляндіи! Эррастеферъ, Гуммельсгофъ, Маріенбургъ, Канцы, Лустъ-Эландъ — нынѣ *имена* мѣстъ, едва извѣстныхъ русскимъ, между тѣмъ какъ въ нихъ происходили тѣ великія явленія, о которыхъ идетъ дѣло. Къ этимъ-то мѣстамъ хотѣлъ бы я пробить свѣжую, цвѣтистую дорогу; хотѣлъ бы, чтобы любовь къ народной славѣ, посѣщая ихъ, съ гордостью указывала на нихъ иноземцу, и чтобы сердце русскаго билось сильнѣе, повторяя ихъ имена. Чувство, господствующее въ моемъ романѣ, есть любовь къ отчизнѣ. Въ краю чужомъ оно отсвѣчивается сильнѣе; между иностранцами, въ толпѣ ихъ, подъ сильнымъ вліяніемъ нѣмецкихъ обычаевъ, виднѣе вырисовывается русская народная физіономія. Даже главнѣйшія лица изъ иностранцевъ, выведенныя въ моемъ романѣ, сердцемъ или судьбою влекутся необоримо къ Россіи. Вездѣ родное имя торжествуетъ; нигдѣ не унижено оно — безъ униженія, однакожъ, непріятелей нашихъ того

времени, которое описываю. Вотъ чего хотѣлъ я достигнуть, помѣщая героя моего въ Лифляндіи!

Доволенъ буду, если рѣшу задачу, предложенную мнѣ сердцемъ, и вмѣстѣ доставлю моимъ читателямъ пріятное препровожденіе времени.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДОЛИНА МЕРТВЕЦОВЪ

И стала та страна съ тѣхъ поръ
Добычей запустенья...
И все какъ мертвое окрестъ:
Ни листъ не шевелится,
Ни звѣрь близъ сихъ не пройдетъ мѣстъ
Ни птичка не промчится.
Но полночь лишь сойдетъ съ небесъ—
Вранъ черный встрепенется,
Зашепчетъ пробужденный лѣсъ,
Могила потрясется;
И видится бродяща тѣнь
Тогда въ пустынѣ ночи...
„Двѣн. сп. Д".—*Жуковскій.*

На пути отъ Маріенбурга къ Менцену (иначе названному *Черною мызою*) останавливаешься не разъ любоваться живописными видами, обступающими васъ съ седьмой версты и преслѣдующими за Ней-Розенгофъ. Дорога большею частію идетъ по горамъ и между горъ, разнообразныхъ, какъ игра воображенія. То протягиваются онѣ въ прямой цѣпи, подобно волнамъ, которыхъ ряды дружно гонитъ умѣренный вѣтеръ; то свиваютъ эту цѣпь кольцомъ, захватывая собою зеленую долину, или служа рамою зеркальному озеру, въ которомъ облачка мимолетомъ любятъ смотрѣться; то встаютъ гордо, одинокія, въ пространной равнинѣ, какъ боецъ, разметавшій всѣхъ противниковъ своихъ и оставшійся одинъ господиномъ поприща; то пересѣкаютъ

одна другую, забѣгаютъ и выглядываютъ одна за другою, высятся далѣе и далѣе амфитеатромъ и, наконецъ, уступаютъ первенство исполину этихъ мѣстъ, чернѣющему Тейфельсбергу. Почти каждая гора имѣетъ свой особенный видъ, свою привлекательность. На острой конечности одной стоитъ роща букетомъ, по другой разлилась, какъ по шлему, косматая грива; третью черный, сосновый боръ оградилъ зубчатою стѣною. Тамъ кустарникъ окудрявилъ голову горы; здѣсь обвилъ ее вѣнцомъ, или смѣло всползъ на нее въ разныхъ кривизнахъ. Эту картину оживляютъ разостланныя по отлогостямъ полосы яровой зелени или золотой жатвы, красивыя мызы съ ихъ розовыми кровлями, гордо озирающія окрестность, разсыпанныя тамъ и сямъ одинокія хижины, которыя лѣпятся къ бокамъ горъ, какъ ласточкины гнѣзда, или стоятъ смиренно за щитомъ подножія ихъ съ частоколами и овощными садами. Почти во всю дорогу до Менцена (36 верстъ) не перестаетъ оглядываться на васъ кирка Оппекаленская— будто провожаетъ и охраняетъ васъ святынею своей отъ нечистаго духа, который, по словамъ народа, поселился съ давнихъ временъ на Тейфельсбергѣ *(Чортовой горѣ)*, и пугаетъ прохожихъ только ночью, когда золотой пѣтухъ оппекаленскаго шпиля изъ глазъ скроется. Видъ съ высоты Ней-Лайтценской мызы очарователенъ: панорама ея нѣсколько десятковъ верстъ обставлена разнообразіемъ горъ, озеръ, рощъ и селеній. Съ трудомъ отрывается путешественникъ отъ этого мѣста. Немного далѣе, за мызою, горы понижаются и замѣняются скучнымъ лѣсомъ и болотцами; но при появленіи рѣчки Вайдау, у грани, стоящей на мосту ея и раздѣляющей уѣзды Верровскій отъ Валкскаго, природа даритъ васъ прелестями уединенныхъ долинъ, обведенныхъ извилинами этой рѣчки и образуемыхъ провожающими ее двумя цѣпями холмовъ. Всѣхъ пріі-

ятнѣе долина близъ мызы Ней-Гозенгофъ (въ недавнемъ еще времени называемой *Катериненгофъ*).

Въ началѣ XVIII столѣтія, по дорогѣ отъ Маріенбурга къ Менцену не было еще ни одной изъ мызъ, нами упоминаемыхъ. Нынѣ она довольна пуста, а въ тогдашнее время, когда война съ русскими наводила ужасъ на весь край и близкое сосѣдство съ ними отъ псковской границы заключало жителей въ горахъ, — въ тогдашнее время, говорю я, едва встрѣчалось здѣсь живое существо. Несмотря, на эти опасенія, въ одно изъ первыхъ чиселъ іюля 1702 г., въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣчки Вайдау, пробиралась сквозь мрачный лѣсъ красноватая карета, запряженная двумя рыжими лошадками. День былъ жаркій. Полуденное солнце, въ одинокомъ величіи своемъ протекая по голубой степи неба, на которомъ ни одно завистливое облачко не смѣло заслонить его, лило горящіе лучи свои прямо на темя земли. Лѣнивый вѣтерокъ пересѣкалъ эти лучи повременамъ и только на мгновенія обдувалъ раскаленную ея поверхность. Разслабленная природа, казалось, потеряла движеніе; едва струились изрѣдка верхи деревъ; неохотно переливались волны зрѣющей жатвы; медленно текли воды, какъ будто потоки растопленнаго хрусталя. Все живущее спѣшило куда-нибудь укрыться отъ палящаго зноя. Птицы прятались въ рощахъ и на днѣ густыхъ нивъ; стада бѣжали въ воды, а гдѣ воды не было, бѣдныя животныя, оцѣпенѣвъ, съ поникнутыми головами, одно въ тѣни другого, искали малѣйшей прохлады.

Съ трудомъ ползла карета сквозь пески, нерѣдко попадавшіеся на пути. По щегольской отдѣлкѣ ея, особенно замѣтной въ золотыхъ обводкахъ съ узорами около огромныхъ рамъ въ видѣ несомкнутой цифры 8, въ золотыхъ шишкахъ, украшающихъ углы имперіала, въ колонцахъ по двумъ переднимъ угламъ кузова и

розовомъ вѣнкѣ въ голубомъ полѣ, изображающемъ на дверцахъ гербъ ея обладателя, можно было судить, что она принадлежала зажиточному барину. Двѣ рыжія лошадки, эзельской породы, повидимому сильныя, почти отказывались тащить ее; шоры на нихъ были взмылены. Колеса экипажа едва вертѣлись, погружая ободья свои въ песчаную топь. Не видно было, кто сидѣлъ въ немъ, потому что розовыя шелковыя шторы были опущены. Кучеръ, въ треугольной шляпѣ, нахлобученной бокомъ на глаза, въ кафтанѣ, котораго голубой цвѣтъ, за пылью, нельзя было бы различить, если бы пучекъ его, при толчкахъ экипажа, не обметалъ плечъ и спины, то посматривалъ съ жалостью на свою одежду, то съ досадою сгонялъ бичемъ оводовъ, немилосердно кусавшихъ лошадей, то, останавливая на время утомленныхъ животныхъ, утиралъ потъ съ лица. Замѣтно было, что жалостный возничій мучился за себя и за нихъ. По правую сторону кареты ѣхалъ верхомъ на тощемъ, высокомъ конѣ, офицеръ, подъ пару ему долговязый и сухощавый. На немъ былъ мундиръ синяго цвѣта; треугольная шляпа, у которой одна задняя пола была отстегнута, кидала большую тѣнь на лицо, и безъ того смуглое; перчатки желтой кожи раструбами своими едва не доставали до локтя; къ широкой портупеѣ, изъ буйволовой кожи, обхватывавшей станъ его и застегнутой напереди четвероугольною, огромною мѣдною пряжкой, привѣшена была шпага съ вальяжнымъ эфесомъ, на которомъ изображены были пушка дуломъ вверхъ и гранаты; кожаные штиблеты, съ привязными раструбами, довершали эту фигуру. Если бы не двигалось подъ нею высокое животное, она по важности своей походила бы на монументъ. Офицеръ былъ въ полномъ вооруженіи: ручки пистолетовъ торчали изъ чушекъ; къ сѣдлу прикрѣпленъ былъ карабинъ. Путешественники погружены

были въ глубокое молчаніе. Наконецъ, возничій прервалъ его сначала глубокимъ: уфъ! потомъ, видя, что это восклицаніе не имѣло желаемаго дѣйствія, униженно снялъ шляпу и, обратившись къ офицеру, сказалъ:—Воля ваша, господинъ цейгмейстеръ...

— Сначала покройся, не то испечешь лысую голову твою, какъ яйцо, а потомъ начинай свою рѣчь,— прервалъ его важнымъ голосомъ путешественникъ, ѣхавшій верхомъ.

Кучеръ опустилъ шляпу въ знакъ благодарности, потомъ надѣлъ ее и продолжалъ:—Воля ваша, господинъ цейгмейстеръ, мои лошади не горшки, а я не горшечникъ, чтобы ихъ жарить въ этомъ пеклѣ. Госпожа баронесса настрого приказала поберечь ихъ, во-первыхъ, потому, что она любитъ всѣхъ животныхъ, отъ лошади до кошечки, отъ попугая до чижика, какъ вы изволите знать; во-вторыхъ... эка бестія оводъ сѣлъ на самый крестецъ Арлекина!.. эти звѣрьки привезены съ острова Эзеля на большомъ суднѣ, какъ бишь его звали?

Кучеръ наморщился и поколотилъ себя пальцемъ по лбу, какъ бы выбивая оттуда память.

— Мимо названіе! Потомъ?

— Потомъ они подарены баронессѣ дядею жениха...

— Фюренгофомъ?.. Неужели онъ въ жизнь свою хоть разъ дарилъ?

— Былъ съ нимъ этотъ промахъ! Поохалъ, можетъ статься, ночекъ съ сотню, да съ конюшни нашей воротить рыжаковъ ужь было нельзя. Что къ намъ попало, то пропало. О чемъ бишь я говорилъ?.. Да, объ рыжакахъ. Вотъ видите, они подарены баронессѣ нашей дядею жениха нашей молодой госпожи... смекаете, сударь... госпожи, которую, какъ вы знаете, господинъ цейгмейстеръ... (увидя, что оводъ кусаетъ лошадь) собака, кровопійца! перелетѣлъ за Зефирку!..

которую, замѣтьте, она любитъ какъ самую себя, или себя въ ней любитъ. (Изъ кареты послышался хохотъ, да и на лицѣ угрюмаго офицера мелькнула усмѣшка; однакожъ, начавшій рѣчь, не смѣшавшись, продолжалъ). Но я самъ имъ не злодѣй, то есть рыжакамъ, Арлекину и Зефиру; говорю т.-е., чтобы ваша милость не подумала, что я говорю о баронессѣ или о комъ-нибудь изъ почтеннѣйшей фамиліи Зегевольдовъ. Нѣтъ, я имъ не только не злодѣй, но люблю ихъ и уважаю во-первыхъ...

— Ни первыхъ, ни вторыхъ, пустомеля! Твои слова, какъ татары въ сраженіи: разсыпаются въ стороны такъ, что нашъ рейтаръ не знаетъ, котораго и какъ настигнуть. Думаетъ уловить подъ палашъ одного, а попадается другой. Безъ обиняковъ, скорѣе къ дѣлу!

— Я хотѣлъ сказать, что лошади устали.

— Ну!

— Да ужь онѣ и нуканья не слушаютъ, сударь. Мы проѣхали отъ Маріенбурга... (тутъ кучеръ началъ считать что-то по пальцамъ), да! именно, на этомъ мостикѣ ровно 4 мили, что мы проѣхали. До Менцена еще добрая и предобрая миля; будутъ опять пески, горы, косогоры и, Богъ знаетъ, что. Вздохните хоть здѣсь на мосту, бѣдныя лошадки, если ужь къ вамъ такъ безжалостливы. И пушкѣ въ сраженіи даютъ отдыхъ, а все-таки созданія Божьи!

— Ты съ ума сошелъ, Фрицъ! Да кто-жъ, доннерветтеръ, мѣшаетъ намъ остановиться въ ближайшей долинѣ и покормить лошадей?

Въ это время одна изъ розовыхъ шторъ у праваго окна кареты поднялась, и ручка, которой удивительную бѣлизну позволяла видѣть спущенная по кисть перчатка и короткій, недоходившій до локтя рукавъ, по модѣ тогдашнихъ временъ, опустила стекло. Мо-

лодая, прелестная женщина выглянула изъ окошка и, подозвавъ къ себѣ рукою офицера, шепнула ему: — Ради Бога, Вульфъ, упросите господина пастора остановиться въ долинѣ, о которой я вамъ на дняхъ разсказывала.

Офицеръ не отвѣчалъ ничего, но кивнулъ дружески въ знакъ согласія, остановилъ своего коня, неуклюжаго и неповоротливаго; потомъ, давъ ему шпоры, повернулъ къ лѣвой сторонѣ кареты, наклонился къ ней и осторожно постучался пальцами въ раму. Въ отвѣтъ на этотъ стукъ выглянуло изъ окна маленькое, сухощавое лицо старика, со сверкающими изъ-подъ густыхъ бровей сѣрыми глазами, съ ястребинымъ носомъ, въ парикѣ тремя уступами рыжекаштановаго цвѣта, который, въ крѣпкой дремотѣ его обладателя, сдвинулся такъ, что открылъ лысину въ разрѣзъ головы.

— Я слышалъ все сквозь дремоту, — сказало это новое лицо, поправляя свой парикъ, — и одобряю отъ души Фрицево желаніе и ваше согласіе, любезный господинъ цейгмейстеръ. Мнѣ самому такъ жарко, какъ если бы я принялъ потогонное. Да гдѣ-жъ вы думаете остановиться?

— Въ долинѣ, напротивъ которой стоитъ на горѣ крестъ,—отвѣчалъ офицеръ, — лучшаго мѣста для отдыха нельзя найти до Менцена.

Улыбка бѣжала уже на губы Фрица, но онъ не далъ ей вылиться наружу. — *Въ долинѣ мертвецовъ*, господинъ пасторъ? помилуйте! — закричалъ онъ съ ужасомъ, вытянувъ шею, какъ испуганный журавль, стоя на часахъ.

Молодая женщина засмѣялась отъ души; пасторъ съ улыбкою произнесъ: — Давно-ли стали мы такъ трусливы, Фрицъ? И что за новую сказку сплели здѣшніе жители?—Потомъ онъ присовокупилъ вполголоса, качая головой и уставя передъ маленькимъ лбомъ ука-

зательный палецъ правой руки:—Какое-нибудь старое повѣрье, грубое невѣжество, остатки идолопоклонства! Такъ! церковь далеко—духовный пастырь также. Надо придумать, какъ вывести; надо разобрать это, принять мѣры, средства. Это наша обязанность, нашъ долгъ! Всего лучше прибрать сильный текстъ изъ «Латышской Библіи», мною изданной [1]). Но рѣчь не о томъ: разскажи-ка, Фрицъ, откуда выкопалъ ты названіе этой долины?

— Сказкою своею ты сократишь намъ путь до назначеннаго мѣста,—примолвила сидѣвшая въ каретѣ.

— Опять-таки до назначеннаго мѣста? — отвѣчалъ угрюмо кучеръ,—вы все шутите, фрейлинъ. Хорошо еще, что мы ѣдемъ въ полдень; другое бы заговорили, кабы проѣзжали долину мертвецовъ ночью до кочетовъ. Тогда въ ней дѣятся такія чудеса, что и... кого бы назвать безстрашнѣе всѣхъ?.. да, напримѣръ, кто безстрашнѣе шведскаго офицера?.. и у того, съ позволенія сказать, господинъ цейгмейстеръ, побѣгутъ мурашки по кожѣ, когда увидитъ безплотнаго барона этой долины. Осмѣлюсь вамъ поперечить, господинъ пасторъ—со всѣмъ уваженіемъ къ вашему сану—это не сказка, не выдумка, а... (озирается со страхомъ кругомъ и вглядывается пристально въ густоту лѣса) я доложу вамъ, во-первыхъ, о томъ, что видѣлъ своими глазами. Вы знаете, что я не люблю трусу праздновать.

— Знаемъ! знаемъ! — закричали въ одинъ голосъ духовный отецъ и военный. — Но бываютъ сверхъестественныя силы... — прибавилъ съ притворнымъ ужасомъ послѣдній, давая пастору знакъ головою, чтобы онъ подтвердилъ его слова.

---

[1]) Глику, вмѣстѣ съ рижскимъ суперинтендентомъ Фишеромъ, обязана Лифляндія переводомъ Библіи на латышскій языкъ, начатымъ въ 1680 г. и конченнымъ въ 8 лѣтъ.

— Конечно, бываютъ... мы сами не можемъ вовсе отвергнуть, чтобы...

— Чтобы, любезный папахенъ, вы не сговорились съ любезнымъ братцемъ попугать меня, — возразила дѣвушка, лукаво улыбаясь. — Это вамъ не удастся. Можетъ быть, приличнѣе мнѣ, женщинѣ, бояться. Вульфъ это часто твердитъ и даетъ мнѣ въ насмѣшку прозванія мужественной, безстрашной; но онъ позволитъ мнѣ въ этомъ случаѣ вести съ нимъ войну, чтобы не быть въ разладѣ съ моей природой. Рабе останется тѣмъ, чѣмъ была еще ребенкомъ.

— Рѣчь не о томъ, — прервалъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ пасторъ,—послушаемъ, что разскажетъ намъ вожатый нашъ въ царство тѣней.

— Готовы слушать! — вскричали въ одинъ голосъ офицеръ и дѣвушка.

— Прошу всепокорнѣйше вниманія, почтеннѣйшіе господа и вы, фрейлинъ, — произнесъ важно Фрицъ, раскланиваясь на обѣ стороны шляпою, — и вѣрьте, что конюшій баронессы, которой, во-первыхъ, никогда еще не лгалъ, особенно передъ столь почтенными господами...

— Во-вторыхъ, начнетъ теперь,—сказала сидѣвшая въ каретѣ.

— Слушай же, Кете! — вскричалъ сердито пасторъ. — И та, къ которой онъ обращался съ этимъ восклицаніемъ, смиренно опустила длинныя, черныя рѣсницы на прекрасные, черные глаза, полные огня и остроумія.

— Только безъ пунктиковъ, Фрицъ, безъ пунктиковъ, которыми ты любишь зарубать свою рѣчь,— примолвилъ офицеръ.

— Прошу извиненія, господинъ цейгмейстеръ! (Фрицъ снялъ униженно шляпу и, по знаку своего повелителя, опять надѣлъ ее). — Привычка пуще не-

воли; топи ее въ морѣ словъ, а все гдѣ-нибудь вынырнетъ. Вотъ, напримѣръ, господинъ Ле... Ліо...охъ! эту фамилію забываю вѣчно.

— Фамилію мимо!

— Онъ былъ въ старые годы закройщикъ, нынѣ лифляндскій дворянинъ съ прибавкою *фонъ*.

— Лифляндскій дворянинъ?—прервалъ съ горькою усмѣшкой старикъ, сидѣвшій въ каретѣ и терявшій вовсе терпѣніе. — Неправда! Лейонскронъ изъ числа тѣхъ 8 графовъ, 24 бароновъ и 428 дворянъ шведскихъ, которыхъ угодно было королевѣ Христинѣ — не тѣмъ бы ее помянуть!—вытащить изъ грязи. Надо называть каждую вещь своимъ именемъ; всякому свое, Фрицъ!

— Сущая справедливость, господинъ пасторъ! Вотъ этотъ Лейонскронъ былъ въ чести, какъ вы изволите знать...

— Чтобъ его!..

— А все-таки имѣлъ привычку шевелить пальцами, какъ будто кроилъ ножницами, хотя бы на меня, грѣшнаго, кафтанъ. Такъ-то несетъ еще и отъ меня точностью фискальнаго судьи, потому что, какъ вы изволите знать...

— Знаю, знаю!.. чтобъ тебѣ... Минерва привязала замокъ на ротъ!—пробормоталъ съ сердцемъ пасторъ и, готовый вынести только послѣднюю осаду своего терпѣнія, углубился въ карету.

— Я прожилъ у одного фискала нѣсколько лѣтъ, а онъ имѣлъ привычку говорить сначала своимъ просителямъ, искавшимъ пропуска запутанному дѣльцу: *во-первыхъ, милостивый государь!* Проситель смекалъ, приносилъ первое, тогда *во-вторыхъ* не задерживалось въ судейскомъ горлышкѣ, и дѣло пропускалось гладко и скоро, какъ лодка по наполненному шлюзу. Онъ также строго взыскивалъ съ меня, если я излагалъ

ему дѣло о покупкѣ овса, сѣна и прочаго для лошадей, неясно, не по пунктамъ, какъ теперь...

— Что еще проклятый болтунъ?

— Нашъ амтманъ Шнурбаухъ взыскиваетъ съ меня, когда не прибавляю словечка *фонъ*, обращаясь къ нему; а передъ баронессою, повѣрите-ли, господинъ цейгмейстеръ, стоитъ, какъ натянутая струнка!

— Ха, ха, ха! спѣсь рыцарей меча и низость бременскихъ купцовъ, все вмѣстѣ!.. Вотъ эти patres patriae defensores justitiæ [1])!—вскричалъ коварно смѣясь путникъ, ѣхавшій верхомъ.

— Низость бременскихъ купцовъ? низость... Гмъ!— сердито проворчалъ пасторъ сквозь зубы. — Это говоритъ шведъ! въ Лифляндіи! ищетъ еще руки лифляндки!.. Прекрасно! безподобно!

Дѣвушка, видя, что между спутниками ея скоро загорится война не на шутку, поспѣшила еще во-время затушить ее. Она обратилась къ Фрицу съ убѣдительною просьбою начать обѣщанную повѣсть. Догадливый кучеръ, сообразивъ время и длину пути, который имъ оставался до таинственной долины, спѣшилъ исполнить эту просьбу.

— Въ приходѣ Ренко-Мойсъ,—началъ такъ Фрицъ свой разсказъ,—неподалеку отъ развалинъ замка, жила когда-то богатая *Тедвенъ*, знаете, которая сдѣлала дочери на славу такое платье, что чортъ принужденъ былъ смѣяться. Въ этомъ замкѣ живали и наши святые рыцари, и злодѣи русскіе, и монахи и едва ли, наконецъ, не одна нечистая сила — да проститъ мнѣ Господь! — Вы хорошо знаете Ренко-Мойсъ, фрейлинъ?

---

[1]) Такъ величали себя прежде лифляндскіе дворяне; Карлъ XI имъ это запретилъ.

— Рингенъ [1]), хочешь ты сказать? Какъ не знать мнѣ! Я только-что не родилась въ приходѣ рингенскомъ.

— Припомните, за болотцемъ, въ виду замка, пригорокъ. Вотъ на этомъ пригоркѣ, въ затишьѣ отъ вѣтровъ, за щиткомъ березовой рощи, стояла, лѣтъ сто тому назадъ, худенькая избушка, однимъ угломъ избоченясь, другимъ припавъ къ землѣ. Силачу стоило только ее пошевелить, такъ она бы и развалилась. Въ этой избушкѣ поселился, неизвѣстно откуда пришедшій, мастеровой человѣкъ, именно сапожникъ, еще не старый, одинъ-одинехонекъ. Душенка у него была дурная, потому во-первыхъ, что онъ нищему не подалъ въ жизнь свою даже куска черстваго хлѣба; во-вторыхъ, что онъ не любилъ дѣтей, а это худая примѣта! Никто въ домишкѣ его не слыхивалъ ни пѣсни, ни голоса женщины, ни говора хоть забѣглаго мальчишки, никто не выпилъ съ нимъ рюмки вина. Только и слышны были заказъ сапоговъ, или торгъ, или разсчеты, да тукъ-тукъ молоткомъ, и опять все тотъ же тукъ-тукъ, какъ стукъ гробового червяка. Руки же у него были золотыя — а можетъ быть, помогалъ ему окаянный — шивалъ онъ на славу сапоги безъ разрѣза и безъ тачки изъ цѣльной кожи. Нынѣ, благодаря нашимъ пасторамъ, такіе мастера вывелись. Заказывали ему сапоги скупые бароны, чтобъ были безъ сносу; епископы и архидіаконы, чтобъ были безъ шуму; рыцари, чтобы отражали копье татарское. Можете судить: когда такія особы заказываютъ что-либо, то и платятъ хорошо. Тогда еще не слышно было о вѣдьмѣ редукціи, которая въ недавнемъ еще времени ходила по мызамъ, и

---

[1]) Въ Лифляндіи мѣста имѣютъ иногда по три и четыре названія: нѣмецкое, латышское, чухонское и русское.

бароны жили попѣваючи и попиваючи. Оттого нашъ ремесленникъ долженъ былъ зашибать хорошую деньгу, но божился и клялся, что голъ, какъ облупленная липка, что онъ не женится за неимѣніемъ чѣмъ содержать жену, что его обкрадываютъ, что у него въ долгахъ много пропадаетъ. И будто бы потому онъ ѣлъ черствый хлѣбъ съ мякиной пополамъ, жердочками подпиралъ валившуюся хижину свою, все жаловался на свою бѣдность и безпрестанно завидовалъ богатымъ. Особенно, когда старики перебирали того и другого, разбогатѣвшихъ отъ кладовъ, онъ насупливалъ брови, какъ сычъ, лицо его подергивало туда и сюда, дрожь его пронимала, и нашъ сапожникъ невидимо утекалъ изъ круга разсказчиковъ въ свою пустую избушку. Собирались смѣлые проказники подмѣтить, что у него дѣлается по ночамъ, собирались, да видно не выполнили. Храбро только языкомъ шли на рать. Въ одно время онъ вовсе покинулъ работу, скрылся—и цѣлый мѣсяцъ не слышно было стуку его молотка. Приходившіе съ заказами со страхомъ отступали отъ пустой избушки, въ которой только двери, по блажи вѣтра, стонали на петляхъ. Онъ пришелъ домой для того только, чтобы черезъ нѣсколько дней умереть; но лежа на смертной постелешкѣ — знать ему отъ хорошаго житья уже тошно приходило!—послалъ за пасторомъ Рингенскимъ и, стуча зубъ объ зубъ, объявилъ ему то, что я буду вамъ теперь разсказывать. «Вы знаете или слышали, святой отецъ,—такъ говорилъ сапожникъ духовнику своему,—какая жадность къ богатству одолѣвала меня съ молодыхъ лѣтъ, но не знаете, съ какимъ усердіемъ отыскивалъ я сокровища въ горахъ и—открыться уже долженъ, приступая къ страшному суду—отыскивалъ ихъ въ мѣстахъ, гдѣ покоятся усопшіе. Я потревожилъ кости трехъ витязей русскихъ, схороненныхъ въ болотѣ близъ Оденне; сдѣлалъ то же

съ римскимъ рыцаремъ [1]), который столько лѣтъ спитъ на высотахъ гумельсгофскихъ подъ баюканье лѣсовъ; всего на все разрылъ я собственными руками въ полночные часы 11 могилъ; 11 покойниковъ воззвалъ я отъ сна вѣчнаго...» — Тутъ у самого умирающаго волосы встали дыбомъ; холодный потъ выступилъ на немъ; онъ закашлялся: кхе! кхе! кхе! такъ, что пасторъ хотѣлъ прочесть отходную; но сапожникъ, вздохнувъ немного, продолжалъ: «Въ долинѣ за Менценомъ, окруженной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ—видѣло только небо! — была мнѣ одна удача...» Здѣсь опять духовникъ не могъ разслушать, что прошепталъ ему, скрежеща зубами, кающійся. Оправившись, онъ опять началъ говорить: «Прихожу съ кладомъ домой, въ осеннюю мѣсячную ночь. Домишко мой едва лѣпился на жердочкахъ; дверью меня ударило, филинъ встрѣтилъ меня ужаснымъ свистомъ, какъ будто бичемъ полоснуло меня по сердцу; собака съ развалинъ замка отвѣчала ему воемъ. Чтобы себя успокоить, высѣкаю огонь, зажигаю фонарь, и спѣшу полюбоваться сокровищемъ своимъ: почти все золото, чистое, какъ лучъ солнечный! Только... были... пятна!... Принимаюсь считать деньги... Вдругъ 11 голосовъ захохотали, двѣнадцатый вздохнулъ тихо; но этотъ вздохъ, отецъ святой, былъ для меня ужаснѣе всѣхъ. Отъ страха... ру... полотно выпало у меня изъ рукъ и деньги разсыпались...» Не забудьте, почтеннѣйшіе господа и вы, фрейлинъ, что это—Боже меня сохрани!—не я говорю, а умирающій сапожникъ.

— Помнимъ, помнимъ!—отвѣчали слушатели Фрица.

---

[1]) И донынѣ показываютъ на этомъ болотѣ три камня, подъ которыми лежитъ прахъ русскихъ витязей. Гумельсгофскіе крестьяне водили меня на мѣсто, гдѣ будто бы похороненъ какой-то *римскій* рыцарь.

Кучеръ помахалъ себѣ въ лицо шляпою, какъ опахаломъ, потомъ надѣлъ ее, хлопнулъ искусно бичемъ такъ, что, казалось, разрѣзалъ лѣсъ пополамъ, и продолжалъ свой разсказъ: — «Было къ полуночи,—говорилъ задыхающимся голосомъ сапожникъ духовнику,— явились ко мнѣ, одна за другою, одиннадцать дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, съ вѣнками на головахъ. Онѣ принялись собирать деньги съ полу, и въ нѣсколько минутъ опять наполнили... полотно; только требовали за труды, чтобы я поплясалъ съ ними *на мягкой травѣ, при свѣтѣ мѣсяца.* Я долженъ былъ выполнить ихъ волю и плясалъ съ ними до пѣтуховъ, пока не выбился изъ силъ. «Каждую ночь будемъ посѣщать тебя,—сказали они мнѣ,—пока не выдашь намъ двѣнадцатой подруги; безъ нея нельзя намъ веселиться въ прекрасной долинѣ за Менценомъ *на мягкой травѣ, при свѣтѣ мѣсяца*». Вотъ уже 11 дней, какъ онѣ не даютъ мнѣ любоваться кладомъ моимъ, разсыпаютъ его, опять собираютъ, мучатъ меня своими плясками и грозятъ мнѣ тѣмъ же, пока я живъ, если не выдамъ имъ двѣнадцатой, а кого—не знаю. На разсвѣтѣ нынѣшняго дня отнесъ я безъ счета горшокъ съ золотомъ въ развалины замка, и тамъ заклалъ его въ стѣнѣ восточной башни, отъ средняго круглаго окна четвертый камень внизъ. Ты видишь, отецъ духовный, въ какомъ я теперь состояніи. Вѣрно, меня двѣнадцатаго дѣвы требовали къ себѣ въ долину. Ради Отца небеснаго, похороните меня тамъ. Чувствую, что смерть близка... но умирая, хочу, по крайней мѣрѣ, облегчить себѣ переходъ въ вѣчность... искупить хоть часть грѣховъ моихъ... добрымъ дѣломъ». Замѣтьте, онъ не смѣлъ сказать: богоугоднымъ дѣломъ. «Отказываю половину своего сокровища бѣднымъ, а другую рингенской церкви, чтобы она...» Съ этимъ словомъ сапожникъ испустилъ духъ такъ скоро, что усердный пасторъ не успѣлъ

прочесть отходной. Немедленно созвано было множество окружныхъ прихожанъ, дворянъ и простолюдиновъ, и объявлено имъ завѣщаніе покойнаго. Сначала приступили къ открытію сокровища въ восточной башнѣ рингенскаго замка. Мѣсто, гдѣ оно хранилось, было такъ твердо, что едва сдалось на усилія нѣсколькихъ дюжихъ парней, вооруженныхъ добрыми ломами. Показался горшокъ; вынули его: въ немъ лежало что-то завернутое въ какомъ-то полотнѣ; раскрыли—и чтожъ нашли?—Человѣческій черепъ, обернутый саваномъ!.. Посовѣтовались между собою и положили: черепъ въ саванѣ похоронить по христіанскому долгу, на высотѣ противъ долины, въ которую одиннадцать дѣвъ требовали къ себѣ двѣнадцатую, и поставить на могилѣ деревянный крестъ; тѣло же сапожника, ради Отца небеснаго, Котораго онъ поминалъ при кончинѣ, не бросать на съѣденіе вороньямъ и волкамъ въ поле, а зарыть просто, какъ еретика, въ темномъ ущельѣ лѣса, неподалеку отъ долины. Такъ и сдѣлано было.—То, что я вамъ разсказалъ, слово въ слово записано тогда въ рингенскую книгу, самъ священникъ тутъ же руку приложилъ.

— Что правда, то правда! — сказалъ пасторъ. — *Подобное* происшествіе *дѣйствительно* записано въ старинной метрической книгѣ рингенскаго прихода. Мой собратъ,—продолжалъ онъ усмѣхаясь, — управлявшій тамошною паствою, лѣтъ близъ ста тому назадъ, много чудесъ помѣстилъ въ этой книгѣ; между прочими и сказаніе Фрица въ ней отыскать можно. Но я не зналъ, что долина, къ которой подвигаемся, имѣетъ съ нею такія близкія сношенія.

— Это не все еще, господинъ пасторъ! Въ долинѣ творятся такія дѣла... и днемъ разсказывать ихъ, такъ ужасъ беретъ. Надо вамъ прежде объяснить, что изстари — то-есть съ того времени, какъ похоронили

черепъ съ саваномъ на высотѣ и зарыли сапожника въ глухомъ ущельѣ—ходило преданіе, что двѣнадцать дѣвъ—замѣтьте, ужь двѣнадцать—въ бѣлыхъ платьяхъ, съ вѣнками на головахъ, каждую полночь собираются въ долинѣ, пляшутъ нѣсколько времени хороводомъ на мягкой травѣ, при свѣтѣ мѣсяца, и потомъ въ разныя стороны убѣгаютъ. Когда дѣвы разыграются, изъ ущелья показывается высокое привидѣніе, смотритъ на нихъ; не двигаясь съ мѣста, вздыхаетъ такъ, что противный берегъ началъ осѣдать; а какъ скоро кончится пляска ихъ, уходитъ опять въ свое ущелье. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ завелся въ здѣшней сторонѣ обычай привозить на высоту утопленниковъ и удавленниковъ. Но повѣрите ли, почтеннѣйшіе господа и вы, фрейлинъ, лишь только положатъ одного изъ этихъ несчастныхъ близъ креста, въ ту же ночь онъ пропадаетъ! Видали, что длинное, какъ шестъ, привидѣніе изъ ущенья выползаетъ, идетъ прямо на высоту, поднимаетъ мертвое тѣло на плечи и уноситъ его въ свое домовище. Безъ того, сказываютъ, дѣвы не пляшутъ въ долинѣ *при свѣтѣ мѣсяца, на мягкой травѣ*. Дороги къ ущелью не проложено, а видны только огромныя ступни нечеловѣческія,—я покажу ихъ вамъ какъ, проѣдемъ мимо ихъ.

— А бывалъ-ли кто въ страшномъ ущельѣ днемъ?—спросила дѣвушка.

— Никто изъ живущихъ не смѣетъ взглянуть въ него, — отвѣчалъ кучеръ, — а зашелъ туда невзначай (сколько лѣтъ тому назадъ, не упомню) прохожій егерь, нетутошный, изъ дальнихъ мѣстъ. Видно, онъ не слыхалъ объ этихъ ужасахъ.

— Чтожъ онъ тамъ видѣлъ?

— Долину, темную, какъ глубокій, осенній вечеръ, сѣрые камни, обрызганные кровью и обставленные вокругъ косматаго привидѣнія, которое освѣтило его

большими, нечеловѣческими глазами и встрѣтило визгомъ, стономъ и скрежетомъ. Въ ушахъ у егеря затрещало, глаза его помутились, рубашка на немъ запрыгала, и онъ едва, едва не положилъ тутъ душонки своей. Только молитвѣ да ногамъ обязанъ онъ своимъ спасеніемъ. Съ того времени всякій другу и недругу заказываетъ хоть полуглазомъ не заглядывать въ ущелье.

— Но тебѣ, Фрицъ, — спросилъ пасторъ,—случалось-ли проѣзжать здѣсь въ полночь и видѣть привидѣніе?

— Была на меня эта напасть прошлаго года, когда ѣхалъ я за фрейлинъ,—только я объ этомъ ей не сказывалъ.—Вотъ видите, господинъ пасторъ, до поѣздки этой я и самъ посмѣивался надъ ужасами долины, какъ охотникъ не боится медвѣдя, пока не побываетъ въ его лапахъ. Думалъ все, что тутъ какіе-нибудь вздоры или шашни кроются. Была ночь мѣсячная. Зная, что до Маріенбурга придется работка рыжакамъ, плетуся потихоньку и, подремливая, киваю головою, будто носомъ рыбу ужу. Вдругъ только что спустился съ косогора въ долину, рыжаки захрапѣли, навострили уши, съежились и стали въ пень. Я — ну, ну! Не тутъ-то было. Лошади мои дрожали, какъ будто домовой ихъ объѣзжалъ, и ни смѣста. Смотрю впередъ и самъ обомлѣлъ: вижу, привидѣніе, не ниже кареты, плетется черезъ долину съ мертвецомъ на спинѣ. Я уставилъ глаза въ лошадей, и куда ужъ оно дѣвалось, ничего не видалъ. Лошадки фыркнули и мчали меня съ четверть мили.

— А дѣвъ видалъ-ли ты?

— Грѣхъ солгать, дѣвъ-то я ни разу не видѣлъ. Какъ прикажете, господа, останавливаться-ли въ долинѣ мертвецовъ.

— Что скажетъ наша Кете? — улыбаясь спросилъ пасторъ свою сосѣдку.

— Если за мною дѣло стало,—отвѣчала дѣвушка,— такъ я просила бы васъ сдѣлать мнѣ удовольствіе остановиться въ долинѣ, страшной только ночью, а днемъ... это рай!.. вы увидите сами, папахенъ.

— Будь по-твоему, дружокъ! Слышишь-ли, Фрицъ?

— Мое дѣло слушаться,—сказалъ, качая головою, кучеръ,—хоть бы приказали мнѣ прикорнуть на лапкахъ у самого сатаны; лишь бы моимъ рыжакамъ было гдѣ вздохнуть

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КРУПНЫЙ РАЗГОВОРЪ

Поспорятъ, да сочтутся;
Итогъ все старый подведутъ!
Да мы свой счетъ найдемъ-ли тутъ?
Запросъ нерѣшенный.

— Постараемся,—сказалъ офицеръ съ видомъ таинственности,—свести на обратномъ пути знакомство съ здѣшними духами.

Пасторъ, забывавшій также скоро оскорбленіе, какъ и приходилъ въ гнѣвъ, видя, что конный товарищъ искалъ завязать разговоръ, посмотрѣлъ на него съ дружескою улыбкою и присовокупилъ:

— Духи еще бѣда не великая, отъ нихъ можно обороняться и молитвою.

— Ваша правда, господинъ пасторъ!—сказалъ офицеръ, — ваша правда! А вотъ бѣда, какъ нагрянутъ сюда въ ужасной плоти и образѣ русскіе варвары, которые бродятъ по сосѣдству.

— По сосѣдству? Это въ самомъ дѣлѣ ужасно!—лукаво произнесла та, къ которой относилась рѣчь.

— Еще хорошо бы, — продолжалъ конный спутникъ,—еслибъ пожаловали сюда такъ называемыя регулярныя войска русскія· а какъ, доннерветтеръ, сдѣ-

лаютъ намъ эту честь татары да калмыки? Вы, сестрица, конечно, не видывали еще этихъ звѣрковъ? О! ихъ можно показывать въ желѣзной клѣткѣ за деньги. Представьте себѣ движущійся чурбанъ, отесанный равно въ ширину, какъ въ вышину, нѣчто похожее на человѣка, съ лицомъ плоскимъ, точно сплющеннымъ доской, съ двумя щелочками вмѣсто глазъ, съ маленькимъ ртомъ, который доходитъ до ушей, въ высокой шапкѣ даже среди собачьихъ жаровъ; прибавьте еще, что этотъ купидончикъ со всѣми принадлежностями своими, колчаномъ, лукомъ, стрѣлами, несется на лошадкѣ, едва примѣтной отъ земли, захватывая на лету волшебнымъ узломъ, все, что ему на встрѣчу попадается: гусей, барановъ, женщинъ, дѣтей...

— И шведскихъ офицеровъ, не правда-ли? — промолвила сидѣвшая въ каретѣ.

— До сихъ поръ былъ неудаченъ ловъ послѣднихъ, не знаю, что будетъ впередъ! Впрочемъ, не въ первый разъ получать мнѣ щелчки изъ рукъ моей любезной сестрицы въ разговорѣ о русскомъ войскѣ, которое имѣетъ честь быть подъ особеннымъ ея покровительствомъ. Подвергая себя новымъ ударамъ, докончу то, что я хотѣлъ сказать о калмыкахъ. Разъ привели ко мнѣ на батарею подобнаго урода на лошади...

— Не страшнаго-ли Мурзенку, котораго имя съ ужасомъ твердитъ вся Лифляндія?—спросилъ пасторъ.

— Нѣтъ, этотъ разбойничій атаманъ, которымъ напуганы здѣшнія женщины и дѣти, покуда гуляетъ еще по бѣлому свѣту. Мой плѣнникъ былъ не такой чиновный. Какъ бы вы думали, сестрица, что у него было подъ сѣдломъ? Конское мясо, скажете вы? — Нѣтъ! Вспомнить только объ этомъ, такъ волосы становятся дыбомъ. — Младенецъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, бѣлый, нѣжный, какъ изъ воску вылитый!

— Ужасно, если это не выдумка, — сказала дѣвушка.

— Не намѣренъ убѣждать васъ вѣрить мнѣ, а хотѣлъ я договорить, что этимъ уродомъ шведскій артиллеристъ велѣлъ зарядить шведскую пушку и отослать его въ русскій лагерь.

— Мнѣ совѣстно спросить офицера великой арміи шведской, при какомъ мѣстѣ происходилъ этотъ подвигъ; скажу вамъ въ свою очередь, что одна жестокость стоитъ другой. Однакожъ, если бы въ самомъ дѣлѣ вздумалось этимъ господамъ татарамъ пробраться на нашу дорогу?

Пасторъ, видѣвшій или думавшій видѣть, что неустрашимость его спутницы начинала нѣсколько остывать, спѣшилъ на помощь ей противъ нападеній офицера.—Развѣ,—сказалъ онъ,—мы не имѣемъ благороднаго и сильнаго защитника въ нашемъ другѣ? Отъ грозныхъ орудій, которыми онъ запасся и умѣетъ владѣть, какъ ловкая швея иглою, цѣлый десятокъ бедуиновъ разсѣется.

— А если ихъ будетъ сотня? Вульфъ одинъ, мы съ вами, папахенъ, не сладимъ и съ однимъ уродомъ, какого описалъ намъ услужливый братецъ. Фрицъ же скорѣе ускачетъ съ своимъ Арлекиномъ и Зефиркою, чѣмъ за насъ вступится. Чтожъ будетъ тогда съ нами?

Кучеръ покачалъ головою и погрозилъ у своего уха пальцемъ, какъ бы упрекая за несправедливые выговоры. Капитанъ, желая повеселиться на счетъ храбрости сидѣвшей въ каретѣ, продолжалъ грубыя шутки свои: — Бѣдному, ничтожному шведу карачунъ дадутъ, господина пастора изжарятъ на вертелѣ, а васъ, безстрашная фрейлинъ Рабе, увезутъ въ плѣнъ, въ дикую Московію, можетъ быть, къ падишаху ихъ въ...

— Нѣтъ, меня не разлучатъ съ моимъ вторымъ отцомъ!—возразила дѣвушка, прижимая къ себѣ изсохшую руку старика.

— Фуй, фуй, Вульфъ!—вскричалъ пасторъ, у котораго лицо вспыхнуло отъ необдуманныхъ словъ цейгмейстера. — Вы и въ шуткахъ показываете вещи въ черномъ видѣ. Нынѣшній день вы, позвольте вамъ сказать, особенно доказали, что въ вашихъ рѣчахъ нѣтъ ни Граціи, ни Минервы. Еще прибавлю, сударь: — и татары имѣютъ начальниковъ русскихъ; а развѣ русскіе не христіане? Развѣ они не озарены свѣтомъ Евангелія такъ же, какъ и мы, лифляндцы и шведы? И они уважаютъ не только своихъ поповъ, но и нѣмецкихъ пасторовъ: я слыхалъ многіе тому примѣры. Тѣмъ болѣе имѣю право ожидать ихъ снисхожденія, что могу изъясняться съ ними безъ помощи переводчика.... вы знаете, что я употребилъ нѣсколько часовъ моей жизни на изученіе русскаго языка.

— Къ сожалѣнію, знаю!—прервалъ офицеръ,—потраченный порохъ!

— Нѣтъ, сударь!—продолжалъ пасторъ, всѣ болѣе и болѣе горячась,—надѣюсь, что мои оружія получше защитятъ меня, нежели васъ ваши маріенбургскія заржавленныя пушченки. За меня *Ювеналъ*, *Четыре монархіи*, *Пуффендорфъ* съ своимъ *вступленіемъ во Всемірную Исторію*, *Планисферія*, весь *Политическій Театръ*,—всѣ, всѣ уже стоятъ у меня на стражѣ; заговорятъ за меня по-русски и умилостивятъ побѣдителей! — Вижу коварную улыбку вашу. «Все пустячки! объ нихъ и слухомъ не слыхать въ Московіи! говорите вы. Нѣтъ сударь,—объ нихъ извѣстенъ ученѣйшій человѣкъ въ Россіи, библіотекарь патріарха, которому я уже послалъ переведенныя мною на его родной языкъ: Orbem pictum и Vestibulum, и съ кото-

рымъ мы условились составить славяно-греко-латинскій лексиконъ.

— Прекрасно! — вы, въ военное время, и переписочку ведете съ непріятелями своего государя, врагами новаго отечества вашего.

— Народы враждуютъ, брань кипитъ; просвѣщеніе дѣлаетъ свое, прокрадывается хитростью, гдѣ не пускаютъ его силою. Мечи на-крестъ, музы черезъ нихъ умѣютъ подавать другъ другу руки! Изгнанныя изъ одного мѣста, онѣ поселяются въ сосѣдствѣ, на зло и къ несчастію гонителей. Браннолюбивый Карлъ напугалъ ихъ въ Швеціи и Лифляндіи, — онѣ отправляются вереницею къ Петру, умѣющему приласкать ихъ. Швеція становится близорукою, бѣднѣетъ, слабнетъ; Россія, просвѣщаясь, богатѣетъ, мужается. Горькая истина, господинъ цейгмейстеръ, но все-таки истина!

— Школьное умствованіе, вылупившееся изъ засиженнаго яйца какой-нибудь ученой вороны! Налетитъ шведскій левъ, и въ могучей лапѣ замретъ ея вѣщательное карканье! Отъ библіотекаря московскаго патріарха ступени ведутъ выше и выше; смѣю-ли спросить: не удостоится-ли и Царь получить отъ васъ какую-нибудь цыдулку?

— А что вамъ до этого, львамъ и орламъ сѣвера?.., Да, господинъ изъ свиты львиной, маріенбургская ученая ворона надѣется скоро и очень скоро посвятить Великому Петру переводы Юлія Цесаря, Квинта-Курція, Institutio rei militaris, Ars navigandi и Эзоповы притчи. Онъ любитъ древнихъ героевъ, потому-что ихъ въ себѣ воскрешаетъ. Не одни шведы будутъ учителями его въ наукѣ войны и мореплаванія — можетъ быть, и нашимъ книжечкамъ, и намъ скажетъ онъ нѣкогда спасибо! Эзопъ—о! онъ, говорятъ, знаетъ его наизусть, и словами фригійскаго мудреца умѣетъ

обличать самонадѣянность, невѣжество, безтолковое удальство, грубость, неуваженіе къ старшимъ. Здѣсь пасторъ отдохнулъ немного, потомъ, обратившись къ своей спутницѣ, не смѣвшей сказать ни слова въ защиту того или другого, ибо, повидимому, уже между ними не было слова на миръ, снова продолжалъ:—На зло господину цейгмейстеру, чтобы онъ впередъ не пугалъ тебя, Кете, и не говорилъ двусмысленностей, предсказываю, что, въ случаѣ похищенія, насъ ни жарить, ни печь не станутъ, меня въ уваженіе моего сана, моихъ трудовъ, тебя, въ уваженіе твоего хорошаго личика, которое и на Руси проглянуло бы, какъ солнышко. Напротивъ, насъ повезли бы въ Москву; тамъ ученые люди нужны. Царь сзываетъ ихъ и подалѣе, чѣмъ изъ Лифляндіи. Я опредѣлился бы при нѣмецкой церкви пасторомъ, сталъ бы проповѣдывать Слово Божіе, какъ здѣсь дѣлаю; основалъ бы академію, scholam illustrem; а ты, моя милая Кетхенъ, была бы украшеніемъ почтеннаго семейства какого-нибудь боярина.... Ой! ой! Фрицъ, по какимъ кочкамъ ты насъ везешь!

— Настоящая Московія! — пробормоталъ сердито офицеръ,—песокъ, лѣсъ, кочки, буераки!

— А вотъ мы сейчасъ и въ пригожей долинѣ, въ которой угодно было вамъ остановиться,—сказалъ кучеръ.—Слышите? слышите?

— Что такое еще тамъ?—спросилъ пасторъ, котораго гнѣвъ уже растрясся по ухабамъ.

— Я слышу, несетъ изъ долины запахомъ цвѣтовъ, точно отъ букета, что у фрейлинъ на шляпкѣ. Авось либо духи не ѣдятъ травы, и моимъ рыжакамъ будетъ что покушать. Вотъ она, долина мер... (Фрицъ, озираясь кругомъ, не договорилъ рѣчи своей). Въ самомъ дѣлѣ лѣсъ начиналъ рѣдѣть, показались излучины Вайдау, зеленые лужки, холмы, рощи и, нако-

нецъ, уединенная, живописная долина. Рѣчка пересѣкала дорогу поперекъ, бѣжа съ лѣвой стороны на правую; тутъ, удержанная горою, потянулась прямо, потомъ обогнулась влѣво дугою и, наконецъ, понесла далѣе свои ропщущія по камнямъ воды, въ извилинахъ своихъ все повинуясь своенравному направленію обступившихъ ее холмовъ. Дружно обсаженная деревьями, она за ними притаилась и казалась издали вьющейся по лугу тѣнистою дорожкой; только журчаніе измѣняло ей. По правую сторону возвышалась гора, которой нетронутую временемъ отлогость покрывалъ съ подошвы до гребня сосновый лѣсъ, немного протянувшійся по немъ мрачною оградою и вдругъ въ разрѣзъ остановившійся; далѣе самая вершина горы была на довольно большое пространство обнажена, а желтоглинистый бокъ ея, до самаго низу, обсѣлся въ видѣ прямого, какъ стѣна, утеса. На этой-то вершинѣ стоялъ необыкновенной величины деревянный крестъ, почернѣвшій отъ времени и непогодъ: онъ господствовалъ надъ всею долиной, а изъ нея, казалось, захватилъ полнеба. Далѣе, по косогору начиналась роща; изъ чащи ея выпадала дорожка. Лѣвую сторону долины обсѣли нѣсколько зеленыхъ холмовъ, иные въ половину обнаженные, другіе осѣненные красивыми рощами, примыкавшими къ густому лѣсу, изъ котораго чернѣлось *ущелье привидѣнія*.

Переѣхавъ мостикъ, карета повернула съ дороги налѣво и стала тамъ, гдѣ подножіе холма и рѣчка сходились угломъ. Сидѣвшая въ каретѣ выскочила изъ нея на мураву, не дожидаясь чужой помощи. — Какія прекрасныя мѣста! — воскликнула она. — Если такова Московія, то... Она хотѣла что-то сказать, не договорила и продолжала смутившись:—Тѣнистая роща ждетъ насъ на этомъ холмѣ; въ ней будто нарочно для насъ, разостланы цвѣтистые ковры.

— Есть изъ чего набрать вѣнокъ для будущаго побѣдителя шведа Вульфа! — присовокупилъ офицеръ, сошедши съ лошади и привязавъ ее къ каретѣ.

— Какіе вы недобрые, Вульфъ! Этого я не помышляла даже въ шутку. Могу-ли не желать во всякомъ случаѣ успѣха тому, кто былъ другомъ моему отцу, кого любитъ такъ много мой благодѣтель, мой второй отецъ? Развѣ вы не принадлежите къ нашему маленькому семейству?

— Полно, полно, дѣти! — сказалъ ласковымъ голосомъ пасторъ, которому Фрицъ помогалъ вылѣзть изъ экипажа. — Шутка пусть останется шуткой. Скорѣй мировую! аминь!

Прекрасная дѣвушка протянула Вульфу руку, онъ спѣшилъ ее поцѣловать.—Вотъ такъ-то! — вскричалъ старикъ, всплеснувъ руками въ знакъ одобренія,—это лучше, чѣмъ смотрѣть другъ на друга сентябремъ. А знаете ли, друзья мои, всѣ настоящія бѣды наши, не выключая и вашей размолвки, происходятъ оттого, что адресъ, поданный лифляндцами блаженныя памяти королю, былъ худо сочиненъ.

— Адресъ?—спросила въ одинъ голосъ примиренная чета съ видомъ изумленія.

— Да, точно! я вамъ это сейчасъ объясню. Если бы онъ написанъ былъ, какъ должно, т.-е. какъ я думалъ написать его, король принялъ бы его милостиво. Вспомните, что его величество, не разобравъ еще хорошенько адреса, поданнаго депутаціею, потрепалъ Паткуля по плечу и сказалъ ему: «Вы говорите въ пользу своего отечества, какъ истинный патріотъ; тѣмъ больше я васъ уважаю».

— И черезъ нѣсколько дней прозорливый государь велѣлъ палачу поласкать шею у почтеннаго лифляндца!—возразилъ съ усмѣшкою офицеръ.

— Не намъ, Богу судить дѣяніе царей! Новому

отечеству моему отъ этого не было легче. Но дѣло не въ томъ. Возьмите въ соображеніе, что блаженныя памяти король, нашъ милостивѣйшій господинъ, приказалъ сдѣлать эту экзекуцію черезъ нѣсколько времени, т.-е. тогда, когда успѣли его величеству растолковать несообразности адреса — чего не могъ онъ при слушаніи его понять.—Итакъ, вы видите, что все зло произошло, опять скажу, отъ неловкаго сочиненія адреса. Въ противномъ случаѣ Паткулю не погрозили бы плахою, онъ не бѣжалъ бы изъ Стокгольма отъ мысли, что палачъ будетъ играть головою его, какъ мячикомъ,—головою, которой, надобно признаться, подобной же не нахожу болѣе въ Лифляндіи. И его-жъ, стыжусь выговорить, нашъ братъ духовникъ, Нордбекъ, упрекаетъ, почему онъ ушелъ отъ приговора закона! Но дѣло не въ томъ. Тогда бы, т.-е. если бы адресъ написанъ былъ, какъ я полагалъ его написать, Паткуль не находился бы въ русскомъ войскѣ, не служилъ бы Шереметгофу—выговариваю имя это полководца на нѣмецкій ладъ, по-русски надо сказать Шереметевъ; но дѣло не въ томъ. Паткуль не служилъ бы ему живою лифляндскою ландкартой, не шевелилъ бы страстей въ своемъ отечествѣ, война кончилась бы скорѣе, мы не боялись бы теперь сосѣдства русскихъ, вы не ссорились бы въ разговорѣ о нихъ... И Богъ знаетъ, отъ какихъ бѣдъ избавилъ бы насъ адресъ, дѣльно составленный, обдуманный не горячими умами, но холоднымъ стариковскимъ разсудкомъ. Если бы адресъ...

Конца бы не было сильному, все сокрушающему потоку, льющемуся изъ устъ нашего оратора, для котораго слово *адресъ* было то же, что поднятіе затвора у спуска воды на мельницѣ,—если бы не поспѣшилъ Фрицъ заткнуть прорывъ этотъ докладомъ, что поставитъ карету и лошадей въ уголку долины, въ тѣн

Между тѣмъ пасторъ, воспитанница его и Вульфъ вошли въ рощу; усердный конюшій понесъ за ними нѣсколько подушекъ. Чѣмъ далѣе углублялись они въ нее, тѣмъ болѣе жаръ терялъ силы. Вѣтерокъ вился мотылькомъ между деревьями и обвѣвалъ нашихъ путешественниковъ нѣгою прохлады. Сплетшіяся вѣтви душистой липы, всегда шепчущей осины и широколиственнаго клена манили ихъ подъ свою тѣнь къ отдыху; однообразное жужжаніе пчелъ склоняло къ дремотѣ. Пасторъ, утомленный путешествіемъ, охотно предался зову природы: онъ прилегъ въ бесѣдкѣ, которую нѣжная заботливость его спутницы устроила со всѣми возможными удобствами для него. Старецъ, забывъ мертвецовъ, адресъ, переводы и всѣ великія намѣренія свои, вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ душевнаго спокойствія. Прекрасная путешественница сѣла не въ дальнемъ разстояніи отъ него подъ наметомъ цвѣтущей липы и занялась чтеніемъ *Свѣтлѣйшей Аргениды*, одного изъ *превосходнѣйшихъ романовъ настоящаго и прошедшаго временъ* (по крайней мѣрѣ, такъ сказано было въ заглавіи книги), сочиненнаго знаменитымъ Барклаемъ. Подалѣе, цейгмейстеръ задремалъ, прислонясь къ пню, обитому пышнымъ мохомъ и ползуномъ. Онъ имѣлъ осторожность взять съ собою карабинъ, который поставилъ въ пріятельскомъ отдаленіи. Фрицъ... но мы разскажемъ, что съ нимъ случилось, чрезъ главу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КТО ОНИ ТАКІЕ?

Ужъ разумѣется, что это мы узнаемъ!

Хмѣлницкій.

Отдыхъ нашихъ путешественниковъ представляетъ намъ удобный случай короче ознакомить съ ними читателя нашего. Начнемъ со старшаго лица.

Эрнстъ Гликъ былъ пасторомъ въ лифляндскомъ городкѣ Маріенбургѣ, лежавшемъ близъ границъ псковскихъ. Лифляндія не была его отечествомъ: онъ родился въ Веттинѣ, что въ герцогствѣ Магдебургскомъ, гдѣ отецъ его, Христіанъ, также священствовалъ. Дѣдъ его Іоганнъ былъ нѣкогда типографщикомъ въ Лейпцигѣ. Отъ перваго получилъ онъ въ наслѣдство любовь къ добру, отъ второго любовь къ просвѣщенію; и съ такимъ достояніемъ почиталъ себя богатымъ. — Занесенный разными обстоятельствами, о которыхъ умалчиваемъ по незанимательности ихъ, сначала въ Ригу, потомъ въ настоящее мѣстопребываніе свое, онъ вездѣ, гдѣ только жилъ, приносилъ съ собою извѣстность почтеннаго имени и оставлялъ память о своихъ добрыхъ дѣлахъ. По лѣтамъ и по сану его, а болѣе по уваженію и любви къ нему обывателей маріенбург-

скихъ, можно было назвать его патріархомъ этого городка. Но какъ доброе сердце его, найдя тѣснымъ этотъ кругъ дѣятельности, умѣло расширить его на нѣсколько десятковъ миль отъ Маріенбурга, такъ и любовь и уваженіе успѣли найти Глика изъ отдаленныхъ мѣстъ Лифляндіи.

Добро дѣлать считалъ онъ такою же потребностью, какъ пить и ѣсть. Онъ былъ небогатъ; но догадливая любовь къ нему прихожанъ и окружного дворянства, вознаграждая недостатки его, доставляли ему постоянные способы исполнять эту потребность. За стыдъ не считалъ онъ получать дары, потому что ихъ же раздавалъ неимущимъ: въ этомъ случаѣ почиталъ онъ себя только посредникомъ между благотвореніемъ и несчастіемъ. Не дѣлалъ онъ такого *скрытаго* добра, которое преданные люди обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ, разглашаютъ человѣкамъ двадцати; не любилъ онъ также и открытой дѣлежки. Зато съ какою пламенною готовностью спѣшилъ онъ къ безпомощному больному съ лѣкаремъ, лѣкарствомъ, пособіями всякаго рода и даже хожалою (горничною, старой дѣвой Грете, часто замѣнявшею его въ такихъ человѣколюбивыхъ подвигахъ). Съ какимъ усердіемъ поддерживалъ онъ существованіе безпріютной вдовы, отдавалъ бѣдныхъ сиротъ въ ученіе разнымъ ремесламъ, оказывалъ великодушныя пособія подсудимымъ! «*Законы* должны дѣлать свое, — говаривалъ онъ, — а я, какъ *человѣкъ*, свое». Однакожъ, острый взглядъ его умѣлъ почти всегда отличать въ числѣ истинно-бѣдныхъ и несчастныхъ, составляющихъ вездѣ многочисленное семейство, тѣхъ самозванцевъ - несчастливцевъ, бродягъ, тунеядцевъ, просящихъ милостыню по привычкѣ, которые могли бы работой рукъ своихъ доставать себѣ пропитаніе. Опекунъ злополучія, великодушный, но не безразсудный, онъ отказывалъ послѣднимъ въ веществен-

номъ пособіи, но преслѣдовалъ ихъ духовными благодѣяніями, мѣрами, болѣе дѣйствительными къ исправленію порока; онъ успѣлъ даже многихъ изъ нихъ отучить отъ бродяжничества. Этотъ добродѣтельный человѣкъ основалъ въ городѣ рабочій домъ, богадѣльню и училище, помня, какъ онъ говорилъ, что пороки не иначе можно изгнать изъ общества, какъ удовлетвореніемъ трехъ главнѣйшихъ потребностей человѣка: укрѣпленіемъ тѣла, очищеніемъ сердца и просвѣщеніемъ разума. Успѣхи его благодѣтельныхъ средствъ были доведены до того, что дали бургомистру возможность въ одно воскресенье прибить у всѣхъ въѣздовъ въ Маріенбургъ доски съ надписью: *Здѣсь не позволяется просить милостыню.* Въ этотъ достопамятный день гражданами поставленъ былъ въ киркѣ великолѣпный, по тогдашнему времени, органъ. Вечеромъ же окна пасторскаго дома внезапно освѣтились необыкновеннымъ свѣтомъ. Онъ выставилъ свою лысую голову изъ окна, и былъ изумленъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ: по озеру летѣло съ разныхъ сторонъ множество двойственныхъ огней, которые соединились у берега противъ дома, произвели въ воздухѣ блестящее зарево и зажгли воды. Раздались, при звукѣ мечей, громкіе виваты и пропѣтъ былъ хриплымъ голосомъ почетнѣйшихъ жителей кантъ, сочиненный въ честь виновника общаго ихъ благополучія, въ которомъ сравнивали его съ Ликургомъ, Солономъ и многими другими законодателями. Торжество это извлекло у добраго старца слезы и радостью взволновало его кровь до того, что онъ не могъ заснуть прежде разсвѣта. Извѣстно намъ также по преданію, что сочинитель канта, городской школьный мастеръ Дихтерлихтъ, былъ нѣсколько дней въ лихорадкѣ отъ одной мысли перейти въ потомство съ новорожденнымъ своимъ твореніемъ.

Слово Глика къ паствѣ было слово отца къ дѣтямъ: онъ поучалъ, увѣщевалъ, не пугая. Правда, платилъ онъ изрѣдка дань своему вѣку, щеголяя въ проповѣдяхъ схоластическою ученостью, которою голова его была изобильно снабжена, тревожа съ высоты каѳедры робкіе умы слушателей варварскими терминами изъ физики и математики, и возбуждая отъ сна вѣчнаго не только героевъ Греціи и Рима, но даже Грацій и Минерву, съ которыми онъ рѣдко гдѣ-нибудь разставался. Къ чести его надобно оговорить, что онъ въ концѣ своихъ рѣчей, съ скромностью христіанина, почти всегда извинялся передъ слушателями, что отвлекъ ихъ вниманіе отъ даровъ небесныхъ къ дарамъ человѣческимъ. Но лучшее, незабвенное благодѣяніе, которое онъ сдѣлалъ не только своимъ прихожанамъ, но и всему лифляндскому краю, былъ переводъ на латышскій языкъ Библіи; съ этого времени Законъ Божій сталъ извѣстенъ поселянамъ на природномъ языкѣ и понятенъ ихъ разуму и сердцу.

Ученость его вошла въ пословицу. Онъ зналъ хорошо языки греческій, латинскій и, что удивительнѣе всего въ тогдашнее время, русскій, на который онъ перевелъ множество латинскихъ сочиненій. Имъ хотѣлъ онъ сдѣлаться извѣстнымъ Преобразователю русскаго царства и занять въ его исторіи почетное мѣсто. Чтобы достигнуть своей цѣли и между тѣмъ согласить чувства вѣрноподданнаго шведскаго короля съ нетерпѣливою любовью къ знаменитости, онъ ожидалъ мира, какъ жиды Мессіи. Страстный поклонникъ всего великаго, являлось ли оно въ лютеранинѣ или иновѣрцѣ, въ соотечественникѣ или чужестранцѣ, онъ питалъ уже съ давняго времени пламенную любовь юноши къ славѣ Царя Алексѣевича (такъ звали его за-просто нѣмцы), и успѣлъ напитать этимъ огнемъ воображеніе своихъ домашнихъ. Еще въ 1697 году (15-го марта:

это число было у него записано красными чернилами и огромными буквами въ календарѣ), смѣшавшись въ толпѣ лифляндскихъ дворянъ, прибывшихъ встрѣтить русскаго монарха на границѣ своей въ Нейгаузенѣ, онъ видѣлъ тамъ лично этого великаго мужа, ѣхавшаго собирать съ Европы дань просвѣщенія, чтобы обогатить ею свое государство. Тамъ еще успѣлъ онъ угадать его сердцемъ, которое часто вѣрнѣе изслѣдованій ума осязаетъ истину; и съ того времени, съ цѣлью далекою, посвятилъ лучшіе досуги свои изученію русскаго языка. Мы видѣли по прочитанной имъ самимъ номенклатурѣ книгъ, имъ переведенныхъ на этотъ языкъ, что труды его были велики; узнаемъ впослѣдствіи, были ли они безполезны.

Всякая фигура имѣетъ свой свѣтъ и свою тѣнь; идея человѣка соединяется всегда и съ идеею слабостей его: это сказано и пересказано уже до меня. Хорошо еще, когда свѣтъ преобладаетъ надъ мракомъ; мы уже до того дошли, что стали говорить: хорошо бы, если бы на людяхъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло, проглянуло гдѣ-нибудь бѣлое пятнышко, а то бываютъ нынѣ и такіе черненькіе, какъ уголь, который горитъ и свѣтитъ для того только, чтобы сожигать! Этимъ разсужденіемъ приговариваюсь къ тому, чтобы выиграть, сколько можно, болѣе снисхожденія къ слабой сторонѣ нашего Глика. Пытливость ума его, страсть къ планамъ, нововведеніямъ и усовершенствованіямъ нерѣдко простирались на мелочи, но рѣдко проявлялись въ смѣшныхъ, странныхъ способахъ. Въ нашъ вѣкъ назвали бы его прожектеромъ. Но мы видѣли, что эта самая страсть произвела множество полезныхъ, истинно благодѣтельныхъ дѣлъ, и потому не только была въ немъ извинительна, — она заслужила даже благодарность согражданъ и память потомства. Не средства, а цѣль достойна строгой повѣрки. И потому

охотно отпускаемъ ему на судѣ нашемъ эту слабость. Но что было въ немъ истиннымъ порокомъ, такъ это своенравіе. Когда онъ садился на конька своего, неугомоннаго, заносчиваго, то никто не состояніи былъ его удержать, хотя бы онъ скакалъ черезъ рвы и плетни. Получивъ ли отъ природы направленіе къ этому пороку, утвержденный ли въ немъ чувствомъ собственныхъ достоинствъ, дававшихъ ему первенство въ семействѣ, въ училище и въ обществѣ, избалованный ли всегдашнимъ, безусловнымъ согласіемъ невѣждъ и ученыхъ, онъ забывалъ иногда смиреніе евангельское, непримѣтно поклоняясь своему кумиру. Если онъ что-либо задумалъ, расположилъ и утвердилъ въ головѣ своей, то начертанія свои почиталъ лучшими, какія только можно составить, по нимъ дѣйствовалъ и заставлялъ дѣйствовать людей съ нимъ тѣсно связанныхъ и отъ него зависѣвшихъ. Ничто не могло заставить его перемѣнить свое намѣреніе, даже и тогда, когда обстоятельства заранѣе открывали ему заблужденія и ошибки его. «Конецъ вѣнчаетъ дѣло» говаривалъ онъ иногда, желая оправдать неуспѣхи своихъ предположеній и разсчетовъ и, приближаясь къ цѣли, нерѣдко узнавалъ прискорбнымъ опытомъ, что основаніе ихъ было непрочно и ложно. Къ счастью имѣвшихъ съ нимъ дѣло и не слѣпо выполнявшихъ его начертанія, мщеніе никогда не входило въ сердце его. «Близорукіе! ослѣпленные! невѣжды!» говаривалъ онъ объ нихъ въ пылу гнѣва, «умываю себѣ руки въ несчастіяхъ, которыя могутъ съ ними случиться». Если же противились ярму его своенравія люди сильные, къ видамъ которыхъ привилъ онъ свои услуги, то соглашался скорѣе потерять свою пользу и разрушить давнишія связи, чѣмъ растаться съ начертаніями своими.

Гликъ давно лишился жены и дѣтей. Взамѣнъ ихъ Провидѣніе послало ему такое существо, которое, по-

полнивъ всѣ его утраты, подарило его лучшими утѣшеніями въ жизни. Это была воспитанница его, Катерина Рабе. Отецъ ея, служившій квартирмейстеромъ въ шведскомъ эльфсбургскомъ полку, умеръ вскорѣ послѣ ея рожденія (въ 1684 году). Мать ея была благородная лифляндка, по имени перваго мужа, секретаря какого-то лифляндскаго суда, Морицъ. Лишившись второго мужа, она изъ Гермунареда, что въ Вестготландіи, пріѣхала по дѣламъ своимъ на родину съ малолѣтнею дочерью своею (нашей героинею) въ Рингенское помѣстье господъ Розенъ, гдѣ и скончалась въ непродолжительномъ времени. Малютка осталась послѣ нея круглою сиротой, не только безъ покровительства, но и безъ всякаго призрѣнія. Роопскому пастору Дауту случилось быть въ Рингенѣ: онъ взялъ ее къ себѣ и далъ ей убѣжище и содержаніе. Въ Роопѣ жила она нѣсколько лѣтъ въ униженіи, подъ тягостнымъ господствомъ пасторши, женщины злой и властолюбивой. Надобно было, чтобы судьба привела нашего добраго Глика въ Роопъ, чтобы онъ увидѣлъ худое обращеніе этой мегеры съ бѣднымъ пріемышемъ, въ которомъ замѣтилъ необыкновенную кротость и умъ. Онъ легко выпросилъ ее у госпожи Даутъ, бывшей полною властелиншей въ домѣ. Съ десяти лѣтъ, Катерина Рабе жила у маріенбурскаго патріарха. Съ того времени расцвѣталъ этотъ прелестный цвѣтъ подъ нѣжными попеченіями второго отца ея.

Дѣвицѣ Рабе минуло восемьнадцать лѣтъ. Черные глаза, въ которыхъ искрились проницательность ума, живость и доброта души, черты лица, вообще привлекательныя, уста, нѣгою образованныя (нижняя губа немного выпуклая въ срединѣ), волосы черные, какъ смоль, которыхъ достаточно было, чтобы спрятать въ нихъ Душенькина любимца, величественный ростъ, гибкій станъ, свѣжесть и ослѣпительная бѣлизна тѣла,—

все въ ней было обворожительно, все было въ ней роскошью природы. Душа ея была вылита по формѣ ея прекрасной наружности. Лишить себя пріятной вещи, чтобы отдать ее бѣдному; помнить добро, ей сдѣланное кѣмъ бы то ни было; пожертвовать своимъ спокойствіемъ для угожденія другимъ; терпѣливо сносить слабости тѣхъ, съ которыми она жила; быть вѣрною дружбѣ, несмотря на перемѣну обстоятельствъ и особенно преданною своему благодѣтелю, — таковы были качества дѣвицы Рабе. Но достоинства души, рѣдко достающіяся въ удѣлъ ея полу и которыми Провидѣніе щедро наградило ее, были необыкновенная твердость и сила характера. Еще въ дѣтствѣ, слушая ужасныя сказки, она смѣялась, когда подруги ея отъ страха едва смѣли дышать. Проходя въ сумракѣ вечера черезъ кладбище, дѣти одного съ нею возраста прижимались къ старшимъ провожатымъ своимъ, шибко стучало сердце ихъ; ея же было такъ покойно, какъ обыкновенно; она еще старалась отстать отъ другихъ, спѣшила полюбоваться памятникомъ, остановившимъ ея вниманіе, и тихими уже шагами ихъ догоняла. Ей не было десяти лѣтъ, когда у сосѣда случился пожаръ: всѣ въ домъ бѣгали и суетились; она взяла кувшинчикъ съ водою, и когда спросили ее: куда идешь, отвѣчала спокойно: *заливать огонь*. Твердость души дѣвицы Рабе, столь рано умѣвшей пренебрегать опасностями, возмужавъ съ лѣтами, сдѣлала ее способною къ необыкновеннымъ побѣдамъ надъ собою и трудными обстоятельствами въ рѣшительныя минуты ея жизни.

Нѣкоторые изъ гражданъ маріенбургскихъ, думая, что для бѣдной, незначительной дѣвушки они слишкомъ завидные искатели, заочно собирались просить руки ея; но при свиданіи съ нею, по какому-то невыгодному для себя сравненію, рѣшительно перемѣняли

намѣреніе свое. Дѣвица Рабе одна не знала могущества своихъ прелестей: жива, простодушна, какъ дитя, ко всѣмъ одинаково привѣтлива, она не понимала другой любви, кромѣ любви ко второму отцу своему, другой привязанности, кромѣ дружбы къ Луизѣ Зегевольдъ (съ которою мы впослѣдствіи познакомимъ нашего читателя).

Только одинъ избранникъ осмѣлился простирать на нее свои виды: именно это былъ цейгмейстеръ Вульфъ, дальній ей родственникъ, служившій нѣкогда съ отцомъ ея въ одномъ корпусѣ и дѣлившій съ нимъ послѣдній сухарь солдатскій, вѣрный его товарищъ, водившій его къ брачному алтарю и опустившій его въ могилу, любимый пасторомъ Гликомъ за благородство и твердость его характера, хотя онъ безпрестанно сталкивался съ нимъ въ разсужденіяхъ о твердости характера лифляндцевъ, о намѣреніи посвятить Петру I переводы *Квинта Курція* и *Науки Мореходства*, и о скоромъ просвѣщеніи Россіи; храбрый, отважный воинъ, всегда готовый умереть за короля своего и отечество; офицеръ у котораго честь была не на концѣ языка, а въ сердцѣ и на концѣ шпаги. На него, какъ на отличнаго артиллериста, вмѣстѣ съ старымъ комендантомъ, подполковникомъ Брандтомъ, возложена была Карломъ XII защита маріенбургской крѣпости. Много правъ имѣлъ онъ на уваженіе дѣвицы Рабе: она и уважала его, любила, какъ друга отца ея, какъ брата, не болѣе. Впрочемъ, онъ не былъ созданъ для того, чтобы возбудить въ комъ-либо нѣжную, истинную страсть, придающую часто любимому человѣку достоинства, которыхъ онъ не имѣетъ, между тѣмъ какъ равнодушіе къ другому отнимаетъ у него и тѣ прекрасныя качества, которыми природа его надѣлила. Старѣе ея двадцатью годами, съ чертами лица, выражающими благородство, но грубыми, пропитанный суровою

жизнью лагерей и войны, и потому въ обращеніи даже съ женщинами не оставлявшій солдатскихъ привычекъ и выраженій, властолюбивый, вспыльчивый даже до безразсудства, — таковъ былъ искатель руки нашей героини, любившій ее истинно, но сердцемъ ея не избранный.

Пасторъ, съ своей стороны, имѣлъ также виды на цейгмейстера: здѣсь предоставлялся ему важнѣйшій случай поработать головой и сердцемъ, выказать свои глубокія соображенія, тонкое знаніе людей. Онъ видѣлъ, онъ уже осязалъ воображеніемъ знаменитое дерево, долженствующее изумить потомство плодами необыкновенными, — дерево, сѣмя котораго таилось въ его разсадкѣ. Великія послѣдствія должны были произойти отъ предполагаемаго союза бѣдной воспитанницы его съ незначущимъ артиллерійскимъ офицеромъ! Можно-ли было упустить такой случай? Правда, къ страсти его все устраивать примѣшивалось тогда и доброе намѣреніе. «Кто искреннѣе меня желаетъ счастья моей Кете?»—разсуждалъ самъ съ собою Гликъ,— «что я обдумалъ для нея, то должно служить къ ея благополучію... Послѣ смерти моей она останется въ пустынѣ, гдѣ ни одинъ голосъ друга не отзовется на голосъ ея, точно также, какъ было это послѣ смерти ея матери. Неопытность ея опутаютъ сѣтями. Она узнаетъ нужду, горести. Ей необходимъ именно такой товарищъ въ жизни, каковъ цейгмейстеръ, мой пріятель. Благородныя и твердыя правила мнѣ извѣстны; онъ имѣетъ состояніе, которое обезпечитъ его навсегда отъ бѣдности. Умретъ — и вдова храбраго шведскаго офицера не будетъ забыта признательнымъ королемъ. Наружность его не совсѣмъ привлекательна, согласиться надобно, но этотъ недостатокъ можетъ пугать только вѣтренную дѣвчонку, а не мою Кете. Луиза Зегевольдъ не помнитъ лица жениха своего; однакожъ благоразум-

ная мать, съ помощью же *нашею*, умѣла заставить ее и заочно полюбить его, и все такъ устроила, слѣдуя *нашимъ* совѣтамъ, что будущій союзъ ихъ долженъ быть пресчастливѣйшій. Жениха же моей Кете я знаю, какъ самого себя; она видитъ его каждый день и должна быть къ нему неравнодушной. Съ нимъ она ласковѣе, нежели съ другими мужчинами. Еще на дняхъ подслушалъ я, какъ они толковали о разныхъ чувствахъ, между прочимъ дѣлали опредѣленіе любви... О! эти вѣрные признаки не укроются отъ зоркой опытности старика. Нѣтъ, нѣтъ, лучшаго мужа не имѣть ей; лучшаго супружества, какое имъ готовлю, существовать не можетъ». Такъ обдумывалъ, разсчитывалъ и, наконецъ, скрѣпилъ пасторъ словами: *быть такъ*, сидя на конькѣ своемъ, съ котораго уже не было возможности его ссадить. Цейгмейстеръ немного думалъ и разсчитывалъ и, какъ отважный воинъ, рѣшительно аттаковалъ Глика съ предложеніемъ. Маленькая сухая рука пастора ударила въ широкую ладонь его, и вскорѣ, какъ водится, сначала околичностями, потомъ открыто объявлены воспитанницѣ виды лучшаго друга перваго и второго отца ея, любимца королевскаго, будущаго коменданта маріенбургскаго, любезнаго, благороднаго, умнаго и прочее, что воспитатель могъ прибрать изъ словаря мнимыхъ и настоящихъ достоинствъ жениха. Между тѣмъ, на случай нечаяннаго отраженія, онъ не замедлилъ присовокупить, что, для ускоренія ея благополучія и его собственнаго спокойствія, согласіе съ его стороны дано, и что она омрачитъ послѣдніе дни его жизни, сведетъ его безвременно въ гробъ, если откажется отъ счастія, которое такъ рѣшительно ее преслѣдовало. Дѣвица Рабе, никогда не помышлявшая о важности такого предложенія, сначала испугалась, потомъ, сама не понимая себя, стала равнодушнѣе слушать повторенные вызовы своего благодѣтеля,

который въ исполненіи плановъ своихъ любилъ въ точности поступать согласно съ текстомъ Священнаго Писанія: *толцыте и отверзется*. Наконецъ, твердая душа ея взяла верхъ надъ боязнію непріятнаго союза, ей такъ настоятельно предлагаемаго. Она повиновалась. Сказавъ рѣшительное: *иду!* она не чувствовала въ себѣ ни сильнаго трепета сердечнаго, ни страха будущаго, ни сожалѣнія о прошедшемъ, и сама удивлялась своему спокойствію; только просила, побуждаемая внутреннимъ совѣтникомъ, отложить союзъ этотъ на два мѣсяца. Роковой срокъ долженъ былъ кончиться въ послѣднихъ числахъ августа. Въ продолженіе этого времени, Вульфъ, женихъ ея, остался для нея тѣмъ же цейгмейстеромъ Вульфомъ, ею уважаемымъ, въ качествѣ друга ея отца и благодѣтеля, любимымъ, какъ братъ, не болѣе. По прежнему пасторъ безпрестанно съ нимъ ссорился и безпрестанно мирился; по прежнему объ оселокъ его раздражительнаго характера любилъ Гликъ точить свои мнѣнія.

Мы видѣли воспитателя, воспитанницу и жениха ея въ дорогѣ. Куда-жъ они ѣдутъ?—Въ Гельметъ, къ баронессѣ Зегевольдъ, ко дню рожденія ея дочери Луизы, съ которою пасторъ познакомилъ свою Кете *ради* милостиваго покровительства сиротѣ на будущія времена и съ которою, между тѣмъ, вопреки неравенства состояній ихъ, соединили ее узами дружбы нѣжныя, благородныя чувства и особенное другъ къ другу влеченіе, разумомъ неопредѣляемое и часто непостигаемое. Пять лѣтъ уже, какъ Рабе въ одно и то же время посѣщала Гельметъ или съ пасторомъ, или, въ случаѣ важныхъ занятій, не позволявшихъ ему отлучиться, одна, сопровождаемая довѣреннымъ служителемъ баронессы, а иногда женою гельметскаго амтмана Шнурбауха, которую нарочно за нею присылали. Безъ милой Кете для Луизы день ея рожденія

не былъ праздникомъ; не видать Луизы въ этотъ день было для вѣрной подруги ея то же, что потерять цѣлый годъ, потому что надобно было провесть его въ скукѣ до новой радостной встрѣчи. Сколько готовилось памятью сердца къ этому дню таинственныхъ узелковъ, развязываемыхъ только въ сладкіе часы довѣренности съ единственнымъ другомъ! Сколько нечаянностей, увеселеній, игръ изобрѣтала къ принятію своей безцѣнной гостьи молодая хозяйка, ломавшая голову для нихъ не менѣе пастора Глика, когда онъ думалъ о способахъ просвѣтить сосѣдственный народъ. И всѣ эти великія думы, всѣ планы исчезали, какъ облако отъ дуновенія вѣтра, въ чувствѣ удовольствіи при первомъ взглядѣ другъ на друга. Нерѣдко маріенбургская жительница оставалась гостить по нѣскольку мѣсяцевъ въ Гельметѣ. И какъ скоро проходили эти мѣсяцы. Пріѣздъ и отъѣздъ сливались въ одну минуту: въ первый забыта была вся несносность разлуки, при второмъ—радости свиданія будто не существовали; слово: *прости!* ихъ всѣ поглощало. Можно судить, съ какимъ нетерпѣніемъ ѣхала дѣвица Рабе въ Гельметъ нынѣ, когда ей было столько новаго разсказать и выслушать: языкъ ихъ былъ только для нихъ понятенъ, ибо это былъ языкъ сердца. Ключа къ нему не могло найти холодное властолюбіе, располагавшее ими, не спросясь голоса природы.

Цейгмейстеру сдѣлано было маріенбургскимъ комендантомъ Брандтомъ важное порученіе, которое онъ долженъ былъ лично передать генералъ-вахтмейстеру Шлиппенбаху въ Гуммельсгофѣ, главной его квартирѣ; а какъ мыза эта была по дорогѣ въ Гельметъ, то онъ воспользовался случаемъ, чтобы сопутствовать пріятелю своему и невѣстѣ, пока возможно было.

Фрицъ, наемный кучеръ баронессы, находившійся у нея въ услуженіи болѣе двухъ лѣтъ, изъ особеннаго

уваженія къ пастору всегда вызывался ѣхать за нимъ или его воспитанницею. Онъ везъ ихъ и нынѣшній разъ съ тою же готовностью быть имъ угоднымъ. Чтобы хотя нѣсколько удовлетворительно отвѣчать на вопросъ, сдѣланный намъ въ началѣ главы, скажемъ объ Фрицѣ, что, несмотря, на простоту его наружности и жеманство его движеній, онъ былъ лукавъ, какъ духъ, прельстившій нашу прабабушку въ раю. Эту старую крысу трудно было обмануть; и кто бы это сдѣлалъ, не долго бы прожилъ, какъ говоритъ пословица. Если нужно ему было отвесть вниманіе желавшаго проникнуть его тайну, то онъ искуснымъ оборотомъ рѣчи удалялся отъ предмета, который желалъ скрыть, останавливался и вертѣлся надъ другимъ предметомъ, по виду для него чрезвычайно занимательнымъ, глупѣлъ и путался въ рѣчахъ до того, что уже нельзя было добиться отъ него толку. Въ такихъ случаяхъ онъ поступалъ, какъ пиголица, которая, желая отвлечь охотника отъ гнѣзда, гдѣ скрываются птенцы ея, кружится съ жалобнымъ крикомъ надъ другимъ мѣстомъ, какъ будто даетъ знать, что здѣсь таятся предметы, ей драгоцѣнные. Гдѣ нужно было Фрицу самому вывѣдать или получить что-либо для него занимательное, онъ также начиналъ издалека и скрытыми, извилистыми путями вкрадывался въ душу, такъ что кругомъ ее обшаривалъ. Обыкновенно казался онъ простымъ болтуномъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРИГОТОВЛЕНІЯ

А то, какъ молоткомъ ударить вдругъ съ размаха.
Такъ, Боже сохрани! они умрутъ со страха.
Когда же это все улажу безъ труда,
Терпенью пріучать примуся ихъ тогда.

Хмельницкій.

Съ версту впередъ отъ долины мертвецовъ, въ виду менценской дороги, на холмистомъ мыску, обведенномъ рѣчкою Вайдау, стоялъ красивый господскій домикъ съ такими же красивыми службами и скотнымъ дворомъ. Мыза эта защищалась отъ полуденнаго солнца березовою рощей, примыкавшею къ сосновому лѣсу, наполненному столькими ужасами, о которыхъ поразсказалъ Фрицъ, а отъ сѣверныхъ аквилоновъ—высокимъ берегомъ рѣчки. Цвѣтники, со вкусомъ расположенные и хорошо содержанные; небольшой, плодовитый садъ, въ которомъ каждое дерево росло бодро и сильно; будто въ соревнованіи одно передъ другимъ, какъ члены новаго, мужающаго народа; зеленыя пажити, на которыхъ ходили тучныя коровы; стоки, проведенные съ высотъ; исправныя водохранилища; поля, обѣщающія богатую жатву; работники, непраздные, чисто одѣтые и надѣленные дарами здо-

ровья, трудолюбія и свободы, — все показывало, что обладатель этого помѣстья любилъ жить порядочно и пріятно. Казалось, что сюда перенесенъ былъ одинъ изъ цвѣтущихъ уголковъ Англіи. Мыза эта принадлежала господину Блументросту, извѣстному въ Лифляндіи медику. Въ него вѣровали, какъ въ оракула; практика соотвѣтствовала его славѣ, деньги сыпались къ нему въ карманъ сами; между тѣмъ онъ не былъ корыстолюбивъ: къ бѣдному и богатому спѣшилъ онъ на помощь съ одинаковымъ усердіемъ. Блументростъ много путешествовалъ, зналъ хорошо свѣтъ и людей, дорожилъ ученою славой и старался не только питать ее искусствомъ своимъ, но и сдѣлать ее извѣстною въ ученомъ мірѣ разными важными по его части сочиненіями и перепискою съ университетами, считавшимися въ тогдашнее время средоточіями наукъ. Въ Швейцаріи познакомился онъ съ Паткулемъ. Паткуль былъ несчастливъ, угнетенъ, не имѣлъ отечества: добрый Блументростъ полюбилъ его, помогалъ ему совѣтами, утѣшеніями и деньгами, не оскорбляя его бѣдности и несчастія. Съ того времени связи ихъ укрѣплялись болѣе и болѣе; благопріятная перемѣна судьбы изгнаника, потомъ любимца Петрова, не перемѣнила ничего въ ихъ дружбѣ.

Мыза Блументроста была подъ особеннымъ покровительствомъ генерала-вахтмейстера Шлиппенбаха, которому онъ успѣлъ искусствомъ своимъ оказать важныя услуги; и потому къ воротамъ, ведущимъ въ нее, прибитъ былъ въ рамѣ, опутанной рѣшеткою, охранный листъ, за подписью и печатью генерала, запрещавшаго подъ строжайшею отвѣтственностію, шведскимъ войскамъ малѣйшее оскорбленіе жителей мызы и самовольное отъ нихъ требованіе чего-либо. Жители ея, кромѣ хозяина.... узнаемъ ихъ сейчасъ, взойдя во внутренность красиваго домика.

На балконѣ его, съ котораго видна была вкось высота съ крестомъ, сидѣла въ то время, какъ наши путешественники подъѣзжали къ долинѣ мертвецовъ, прехорошенькая дѣвушка лѣтъ шестнадцати. Томные глазки ея щурились, чтобы лучше видѣть вдали. Казалось, она что-то подстерегала. Одежда на ней была, какой не носятъ лифляндскія женщины. Голову ея дважды обвила русая коса. Вмѣсто ожерелья, на черной лентѣ, перевязанной около шеи, висѣлъ золотой крестъ, падавшій на грудь, которую открывала нѣсколько, въ видѣ сердца, бѣлая косынка. Станъ ея пріятно обозначалъ корсетъ изъ шерстяной матеріи каштановаго цвѣта, съ узенькими оплечьями, стягивавшійся голубою лентою, переплетенною съ одной стороны на другую на подобіе угловъ. Весь корсетъ былъ также обложенъ голубою лентой; такого же цвѣта два банта висѣли у конца его, въ серединѣ самой таліи. Широкіе, тонкаго полотна, рукава доходили немного ниже локтя, гдѣ они собирались въ густыя манжеты. Короткая юбочка синяго цвѣта съ пунцовыми полосами, поверхъ ея бѣлый передникъ, выходившій изъ-подъ корсета, голубые чулки, башмаки съ стальными пряжками, блиставшими отъ солнца, въ рукахъ ея соломенная шляпка съ разноцвѣтными лентами и букетомъ цвѣтовъ, — все обличало въ ней жительницу южнаго края Европы. Долго смотрѣла она въ ту сторону, гдѣ крестъ одиноко возвышался надъ долиной, наконецъ, задумалась и склонила голову на грудь. Въ такомъ состоянія оставалась она нѣсколько минутъ. Неподолеку отъ балкона, подъ навѣсомъ цвѣтущихъ липъ и рябины, сидѣли на длинной скамейкѣ трое мужчинъ; всѣ они были разныхъ лѣтъ, въ различныхъ одеждахъ и казались—хотя они изъяснялись по-нѣмецки — не одного отечества дѣти. Въ срединѣ сидѣвшій былъ старецъ. На открытой головѣ

его небольшой рядъ серебряныхъ волосъ, отъ времени сбереженныхъ, образовалъ вѣнокъ; бѣлая, какъ лебяжій пухъ, борода падала на грудь. Лицо его дышало благочестіемъ. Повидимому, онъ былъ слѣпъ. Широкая пепельнаго цвѣта одежда его, похожая на епанчу, съ длиннымъ, перекинутымъ назадъ капюшономъ, была опоясана ремнемъ. На груди онъ имѣлъ маленькое хрустальное распятіе, въ которомъ солнышко, прокрадываясь сквозь листья деревьевъ, по временамъ играло. Обувь его походила на сандаліи. Двумя изсохшими руками держался онъ за ручку ветхой скрипки, приклоня голову на край ея, а другой конецъ ея опирая на колѣна. По правую сторону сидѣлъ крестьянинъ, похожій на нѣмецкаго мызника, лѣтъ пятидесяти или безъ малаго; онъ былъ безъ верхняго платья, въ длинномъ камзолѣ изъ тонкаго краснаго сукна, съ рядомъ блестящихъ пуговицъ, въ синихъ, короткихъ исподнихъ платьяхъ, пестрыхъ чулкахъ и башмакахъ со стальными пряжками. Русые съ просѣдью волосы его подбирались со лба назадъ и сдерживались роговымъ гребнемъ. Лицо его было полно и румяно, какъ осень, движенія и разговоръ его—свободны. Онъ былъ скученъ. Лѣвую сторону скамейки занималъ высокаго роста мужчина, крѣпко и стройно сложенный. Еслибъ надобно было отгадать его лѣта, то по пріятнымъ, тонкимъ чертамъ его смуглаго лица, по огню его карихъ глазъ, нельзя было бъ ему дать болѣе тридцати лѣтъ; но проведенные по возвышенному челу его глубокіе слѣды размышленія, работы сильныхъ страстей или угнетенія гнѣвной судьбы, предупредивши время, накидывали ему еще нѣсколько лѣтъ. Съ открытой головы его бѣжали обильно на плечи кудри, черныя, какъ вороново крыло. Борода у него была обрита. Верхняя одежда его, изъ грубаго синяго сукна, походила на венгерскую куртку; камзолъ и исподнее платье,

такого же цвѣта, были нѣмецкаго покроя; гибкій станъ опоясывался чернымъ кожанымъ ремнемъ съ мѣдною пряжкою; ноги до самыхъ башмаковъ обрисовывались узкими шведскими штиблетами. Онъ былъ весь тревога: то погружался въ глубокую задумчивость, то, вдругъ встрепенувшись, какъ будто пораженъ былъ ожидаемымъ вѣстовымъ звукомъ, прислушивался съ жаднымъ вниманіемъ: то вставалъ, прохаживался по цвѣтнику быстрыми шагами, посматривалъ на дѣвушку, сидѣвшую на балконѣ, и опять садился. Казалось, отъ нея онъ долженъ былъ услышать роковое для него слово; однакожъ, навѣрно можно было догадаться, что это не было слово любви. Въ глазахъ его выливалось нетерпѣніе души безпокойной, грустной, которой предметъ былъ далекъ, а не изъясненія нѣжнаго чувства предмету видимому. Съ лѣвой стороны скамейки приставлены были къ ней складной стулъ и какой-то продолговатый, неглубокій ящикъ, съ придѣланными къ нему ремнями, вѣроятно служившими для поднятія и носки его. Напротивъ лавки лежалъ, развалившись на травѣ, огромный дѣтина, вершковъ шестнадцати вышины, плечистый, сутуловатый. Это была олицетворенная доброта. Русые волосы его, небрежно распущенные по плечамъ, сѣрый кафтанъ изъ *ватмана* [1]), хотя и тоньше обыкновеннаго, башмаки безъ подошвъ изъ желтой кожи, стянутые, а не сшитые, обличали въ немъ природнаго лифляндскаго домочадца или человѣка, его представлявшаго. Онъ ничего не говорилъ, но объяснялся движеніями рукъ, такъ хорошо, что его всякій могъ понимать.

— Что съ тобою сдѣлалось, Баптистъ? — сказалъ слѣпецъ, обращаясь къ сидѣвшему по правой рукѣ его.

---

[1]) Грубое латышскаго издѣлья сукно.

— А что такое?—отвѣчалъ сухо вопрошаемый.

— Какъ что? Ты нынче не разговорчивъ, какъ духъ долины или нашъ нѣмой.

— Эхъ, Конрадъ! Ты не вѣдаешь моего горя: цѣлые пять круговъ сыру не удались, хоть брось ихъ, а все по милости моей Розки. Съ нѣкотораго времени, Богу извѣстно, что съ нею дѣлается: за что ни примется, валится все изъ рукъ! А кажется, ты знаешь, швейцарцы не любятъ хвастаться; мать ея считалась во всемъ округѣ Лозанскомъ первой молочницей; да и въ дѣвочкѣ виденъ былъ прокъ. Нынѣ же говоришь ей—не слышитъ; толкуешь, не понимаетъ; сама говоритъ, пугается. Бывало, рѣзвится и прыгаетъ, какъ вольная козочка нашихъ горъ; теперь же когда одна, задумается, какъ пасторъ надъ сочиненіемъ проповѣди.

— Не больна-ли она чѣмъ? Чадолюбивая природа открыла мнѣ нѣкоторыя таинства свои на пользу моихъ ближнихъ, и я постарался бы исцѣлить ее.

— О! кабы такъ, не помѣшкавъ приступилъ бы я къ тебѣ съ просьбою помочь моему дѣтищу, которое послѣ смерти матери своей и въ разлукѣ съ родиной, замѣнило мнѣ ихъ обѣихъ. Я знаю, какъ ты способенъ на эти дѣла. Давно-ли ты избавилъ меня отъ смерти? Порѣзавъ себѣ косою ногу, я обливался кровью; самъ господинъ Блументростъ не могъ остановить ее; тебя подвели ко мнѣ, ты обмокнулъ безыменный палецъ правой руки въ кровь мою, текущую ручьемъ, написалъ ею на лбу моемъ какія-то слова....

— *Совершившася.*

— И кровь остановилась. Помню, какъ добрый господинъ всплеснулъ руками, ахалъ, пожималъ плечами, обнималъ тебя и обѣщалъ тебѣ груды золота за открытіе твоей тайны.

— Я не согласился тогда; но скоро, скоро придетъ время сдать ее и многія другія нашему общему

благодѣтелю. Не хочу, чтобы онѣ умерли со мною. Да, мы говорили о бѣдной Розѣ! Спрашивалъ-ли ты ее хорошенько, что у нея болитъ? Не тоскуетъ-ли она по родинѣ?

— Спрашивалъ, и только слышалъ: «такъ, батюшка! ничего-съ, батюшка! нѣтъ-съ, батюшка!»

— Странно. (Тутъ слѣпецъ вздохнулъ глубоко).

— Вотъ мы ее поставили караульщицею на балконѣ, а она, когда-бъ ты видѣлъ, сидитъ, повѣся голову на грудь, какъ убитая птичка. Ну, право, я распрощаюсь скоро съ добрымъ господиномъ Блументростомъ, возьму котомку на плечи и утащу Розку въ свою Вельтлинскую долину, въ Божію землю, гдѣ нѣтъ ни войны, ни печали, ни угнетенія; можетъ быть, она разцвѣтетъ опять на свободныхъ горахъ ея, подъ солнцемъ полудня!

Слѣпецъ еще вздохнулъ и примолвилъ, настроивая свою скрипку:—сдѣлаемъ послѣдній опытъ!—Наладивъ строй бѣднаго инструмента своего, онъ заигралъ швейцарскую пѣсню: Rance de vache. Первые звуки ея заставили Баптиста затрепетать; онъ вскочилъ со скамейки, потомъ зарыдалъ и, наконецъ, не въ силахъ будучи выдержать тоски, стѣснявшей его грудь, вырвалъ скрипку изъ рукъ слѣпого музыканта. Роза, казалось не слыхала пѣсни родины.

— Что Роза?—спросилъ слѣпецъ.

— Роза? — вскричалъ, всхлипывая, швейцарецъ, смотря на нее,—она... не дочь моя!

Нѣмой утиралъ себѣ глаза рукавомъ. Онъ плакалъ оттого, что другіе плакали. Слѣпецъ ничего не говорилъ, поникнувъ грустно головой. Въ это время младшій товарищъ, сидѣвшій прежде съ ними на одной скамейкѣ и теперь прохаживавшійся по цвѣтнику, взглянулъ на балконъ, и, увидя, что Роза, вмѣсто того, чтобы исполнять должность караульщицы, си-

дѣла въ горестной задумчивости, изъ которой не могли, какъ онъ слышалъ, исторгнуть ее родные звуки, подошелъ къ балкону и произнесъ потихоньку одно слово: *Фишерлингъ*, такъ чтобы оно только до нея дошло. Дѣвушка отъ этого магическаго слова встрепенулась, осмотрѣлась вокругъ себя, покраснѣла, увидѣвъ подъ балкономъ свидѣтеля ея душевной слабости; взглянула на *возвышеніе креста*, съ испугомъ закричала: «*Знамя*!» и бросилась бѣжать во внутренность дома. Явившись въ цвѣтникѣ, она остановилась передъ собесѣдниками, какъ преступница. Отецъ сурово посмотрѣлъ на нее; убійственный взоръ его говорилъ: *ты не швейцарка!* Видно было, что Роза собиралась плакать, но черноволосый мужчина быстро и крѣпко схватилъ ее за руку и увлекъ за собою. У тына, въ сторонѣ рощи, была калитка. Могучею рукою распахнулъ онъ калитку и, втолкнувъ въ нее дѣвушку, сказалъ ей: «Узнай все вѣрнѣе и скорѣй! Если ты ужь этого хорошенько ни выполнишь, что скажетъ, что подумаетъ о тебѣ господинъ *Фишерлингъ?*» Глаза его въ это время блистали, какъ огонь зарницы въ удушливой атмосферѣ; слова его казались бѣдной Розѣ громомъ, ужаснымъ, хотя еще издали гремящимъ. Исполненіе ихъ было для нея смертнымъ ударомъ. Она скрылась и черноволосый сталъ на стражѣ, какъ изваянный геній, прикованный къ гробницѣ.

Пока все это происходило на мызѣ господина Блументроста, Фрицъ, сообразно мѣстоположенію, стратегически расположилъ свои дѣйствія. Надобно сказать прежде объясненія ихъ, что мѣсто, гдѣ расположилось наше странствующее общество, было довольно далеко отъ края рощи, примыкавшей съ одной стороны къ ущелью привидѣнія и простиравшейся назадъ на неопредѣленное разстояніе, ибо чѣмъ далѣе взоръ углуб-

лялся, тѣмъ болѣе учащали для него преграду деревья и сѣти ихъ зелени. Мимо лагеря нашихъ путешественниковъ проходила сквозь рощу тропа мало пробитая, которая вела, повидимому, изъ Адзеля и спускалась съ холма на маріенбургскую дорогу. Мы видѣли, что карета стала въ долинѣ тамъ, гдѣ рѣчка и подножіе холма сходились угломъ. Лошадей привязалъ кучеръ къ деревьямъ, въ недальнемъ разстояніи, и задалъ имъ овса, которымъ запасся на дорогу; потомъ перескочилъ по камнямъ черезъ рѣчку, пробрался сквозь рощу, въ которой, сказали мы, терялась по косогору дорога въ Менценъ, проползъ по обнаженной высотѣ за крестомъ, и у мрачной ограды сосноваго лѣса, къ сторонѣ Маріенбурга, вскарабкавшись на дерево, котораго вершина, была обожжена молніею, привязалъ къ нему красный лоскутъ, непримѣтный съ холма, гдѣ были наши путешественники, но видный вкось на мызѣ. Волнующееся знамя было оставлено въ этомъ положеніи на нѣсколько минутъ. Снявъ его, Фрицъ опустился проворно на землю, пробрался тѣмъ же путемъ назадъ, подошелъ къ лошади нашего цейгмейстера, разстегнулъ небольшой чемоданъ, висѣвшій у сѣдла, пошарилъ вездѣ и вынулъ кувертъ. Онъ былъ запечатанъ, но сургучъ печати такъ былъ худъ, что удобно ломался. Не думая много, кучеръ изломалъ печать, положилъ крошки сургуча въ камзолъ, застегнулъ по прежнему чемоданъ и, держа крѣпко въ рукахъ сокровище свое, нырнулъ въ страшное ущелье. Здѣсь, слѣдя глазами извѣстныя ему примѣты, онъ проползъ ужомъ сквозь кусты, перескочилъ черезъ пни, какъ лань, и, задыхаясь, очутился, наконецъ, у огромнаго, бурею разорваннаго дерева, далеко уронившаго косматый верхъ свой отъ дупловатаго корня Тамъ, гдѣ треснуло оно, выставились два острые клыка, повыше коихъ свѣтились два отверстія, на

подобіе глазъ. Кругомъ возвышались столѣтніе вязы, дружно размахнувъ на жилистыхъ вѣтвяхъ своихъ широкотѣнные щиты; они заслоняли отъ этого мѣста солнечный свѣтъ. Настоящее царство мрака и ужаса! Между деревьями и дупломъ кое-гдѣ торчали—памятники великаго земнаго переворота—огромные, красноватые, будто кровью обрызганные камни, до половины вросшіе въ мохъ и представлявшіе разные уродливые образы. Ни одна пташка не смѣла здѣсь показаться, не только оживить эту пустыню своими пѣснями. Только изрѣдка шелестъ листьевъ, тревожимыхъ вѣтромъ, и пресмыкающихся животныхъ, казался шепотомъ злодѣйскаго заговора; лишь по временамъ шуркалъ перелетъ филина, и крикъ его или скрипъ сухихъ деревъ, какъ стоны умирающаго подъ ножомъ разбойника, жалобно раздавались. Окрестные жители разглашали объ этомъ мѣстѣ много дивныхъ ужасовъ, которыхъ и сотую долю не разсказалъ Фрицъ нашимъ путешественникамъ.

Онъ осторожно постучался палочкой въ дупло разъ, потомъ два, наконецъ три раза. *И!*—произнесъ изъ дупла тонкій голосокъ.—*Ли!*—отвѣчалъ конюхъ.—*Я!*—продолжалъ прежній голосокъ.—*Муромецъ!*—сказалъ отрывисто второй. Вслѣдъ за этимъ словомъ выскочила изъ дупла швейцарка. Глаза ея блистали въ сумракѣ, какъ ночью два свѣтляка на распускающейся розѣ. — «Порядочно я васъ дожидалась, господинъ Трейманъ!»—сказала дѣвушка испорченнымъ нѣмецкимъ языкомъ.—«Не могу же я бѣгать, какъ ты, швейцарская козочка! Мнѣ ужь подъ шестьдесятъ, Розхенъ! Да скажи мнѣ, здѣсь-ли нашъ молодой старшина?»—«Вы говорите о господинѣ *Фишерлингѣ*?» — отвѣчала она, смутившись, и лицо ея вспыхнуло, потомъ, оправившись немного, она продолжала: «Онъ былъ вчера здѣсь... ждалъ васъ съ нетерпѣніемъ и уѣхалъ вчера-же.

Мнѣ некогда съ вами распѣвать. Угрюмый шведъ приказалъ узнать о новостяхъ; кажется, онъ готовъ былъ перешвырнуть меня къ вамъ, какъ мячикъ; а теперь того и гляди, что прибьетъ меня, если я не скоро явлюсь къ его милости».—«Передай ему эти бумаги и скажи, чтобъ онъ списалъ ихъ поскорѣе, прислалъ съ тобою же не медля и пришелъ съ товарищемъ на Адзельскую тропу; мимоходомъ шепни ему-жъ, что звѣзда вечерняя—невѣста, дорожный столбъ—женихъ; пускай дѣлаютъ они изъ этого, что хотятъ! Отца попроси, чтобъ онъ сталъ шагахъ въ пятидесяти отсюда съ заряженнымъ ружьемъ. Не забыть бы мнѣ чего... Да, да, приведи съ собою *Нѣмого*. Теперь все».

Дѣвушка ничего не отвѣчала, кивнула ему дружески и юркнула въ густоту лѣса. Фрицъ дожидался ее не безъ сердечнаго волненія, и между тѣмъ говорилъ самъ съ собою такимъ образомъ: «Ну, если вздумается проклятому пушкарю сойти въ долину къ одру своему и осмотрѣть чемоданъ? Пропалъ я тогда! Вульфъ прихлопнетъ меня на мѣстѣ, какъ комара, и не дастъ разу пискнуть. По крайней мѣрѣ, въ послѣдній разъ дохну, служа моему господину, какъ приказывалъ мнѣ ему служить умирающій отецъ его. Не своему брату, знатному дворянину, поручалъ онъ сына на смертномъ одрѣ своемъ; нѣтъ, онъ поручилъ его слугѣ, дядькѣ, зная, что никто болѣе меня любить его не можетъ, что десять ножей противъ сердца этого служителя не вынудятъ у него измѣны». Фрицъ казался тронутымъ; глаза его были мокры. «Не кстати разнѣжился ты, старикъ!» примолвилъ онъ, утирая глаза рукавомъ; «кремень долженъ высѣкать огонь, а не воду. Господинъ мой трудится для блага своей родины, я для него — Богъ намъ помощникъ! Ахъ кабы Творецъ милосердый выбросилъ изъ сердца его одно злое сѣмя.... Пускай проказничаетъ онъ со шведами,

какъ хочетъ; здѣсь доброе намѣреніе устроить судьбу его братьевъ, лифляндцевъ, какъ онъ говоритъ; вѣрю ему, и готовъ съ удовольствіемъ положить за него жизнь свою въ этихъ проказахъ. Но... въ дѣлахъ любовныхъ, боюсь сердца его, мягкаго какъ воскъ, и также, какъ онъ, измѣнчиваго; боюсь, чтобы онъ не скушалъ бѣдной овечки. Что будетъ со мною?»...

Съ этими словами Фрица одолѣла грусть; но вскорѣ, принявъ бодрый видъ, онъ положилъ крестообразно руки на повалившееся дерево, припалъ ухомъ ко пню и обратился весь въ слухъ и вниманіе. Минутъ черезъ пятнадцать вынурнула опять изъ дупла пригоженькая посланница. Щеки ея горѣли, грудь сильно волновалась; стоя возлѣ нея, можно было считать біенье ея сердца. За нею съ трудомъ выползъ *Нѣмой*; пыхтя, какъ мѣхъ, онъ обнялъ дружески Фрица и погрозился пальцемъ на Розу. — «Какъ устало милое дитя!»—сказалъ конюхъ, поведя одною рукою по лбу швейцарки, а другою принимая отъ нея кувертъ.— «Скоро-ли я пришла?»—спросила она.—«Ты не шла, а вѣрно летѣла, какъ птичка. Что шведъ?»—«Писалъ, чертилъ что-то съ вашихъ бумагъ и потащилъ товарища, куда вы назначили. Бѣдный! онъ старинушку понесетъ, какъ пастухъ хворую овечку, а то, куда слѣпому? И зрячему за нимъ не поспѣть!»—«Гдѣ твой отецъ?»—«Стоитъ на караулѣ». — «О! да я его вижу сквозь сучья; онъ киваетъ мнѣ головой, добрый старикъ! Здорово, здорово!... Ступай же къ нему, Розхенъ, и скажи, чтобъ онъ, какъ скоро увидитъ красный значокъ Нѣмого на *высотѣ креста*, тотчасъ выстрѣлилъ изъ ружья по воздуху и немедленно воротился домой. Прощай, милое дитя! Богъ и ангелы Его съ тобою: да избавятъ они тебя отъ злого искушенія!... Но ты поблѣднѣла, Роза? Не дурно-ли тебѣ отъ бѣганья и жару?» — «Ничего, такъ, ничего.. пройдетъ!»—

сказала она, щипля рукою передникъ свой. Фрицъ глубоко вздохнулъ и примолвилъ, качая головою: «Хорошо-бъ, если прошло! Прощай!» Онъ поцѣловалъ дѣвушку въ лобъ, махнулъ рукою дюжему латышу и исчезъ съ нимъ въ чащѣ лѣса. По примѣтамъ, которыя Нѣмой зналъ еще лучше Фрица, потому что ни разу не останавливался, служа уже ему вожатымъ, они пришли къ лошадямъ. Здѣсь конюхъ поднялъ глаза къ небу, чтобы поблагодарить его за что-то, разстегнулъ вьюкъ, положилъ кувертъ съ крошками разсыпавшейся печати на прежнее мѣсто и, опять застегнувъ вьюкъ, перевернулъ его вмѣстѣ съ сѣдломъ на бокъ лошади; потомъ вынулъ изъ чушки пистолетъ, разрядилъ его бывшимъ у него инструментомъ, положилъ его по прежнему, высѣкъ огонь изъ огнива, которое имѣлъ съ собою, прожогъ и разодралъ низъ чушки. Все это было дѣломъ минутъ пяти, не болѣе. Лошади были напоены; изъ нихъ Вульфова вручена нѣмому съ особенными, строжайшими наставленіями. Смѣтливый нѣмой кивалъ только и, вдругъ принявъ важный видъ, черкнулъ себѣ пальцемъ по шеѣ, какъ будто желая дать знать, что онъ отвѣчаетъ за исполненіе головою. По расположеніи, такимъ образомъ, плана, давно придуманнаго, конюхъ спѣшилъ отнести дорожные припасы къ путешественникамъ нашимъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОВѢСТЬ СЛѢПЦА

Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно!
Дмитріевъ.

Солнце едва сдвинулось съ полуденной точки, палящій зной, ослабѣвая непримѣтно, былъ еще нестерпимъ. Наметъ, подъ которымъ отдыхалъ пасторъ, не раскрывался. Дѣвица Рабе разсказывала Вульфу, какимъ образомъ, послѣ двадцатилѣтнихъ странствій и бѣдъ, наградилась вѣрная и нелицемѣрная любовь *Свѣтлѣйшей Аргениды*, и вдругъ остановившись, начала прислушиваться.

— Что вы, сестрица?—спросилъ цейгмейстеръ.

— Голоса человѣческіе!—отвѣчала она,—съ Адзельской стороны.

— Милости просимъ; оттуда некому быть, кромѣ пріятелей. Впрочемъ, я ничего не слышу. Не обманулъ-ли васъ вѣтерокъ? Правда, теперь и до моего уха что-то коснулось.

Въ самомъ дѣлѣ, сначала невнятно долеталъ до слуха смѣшанный говоръ, какъ ропотъ вѣтерка въ листахъ, потомъ сталъ постепенно яснѣе и громче и,

наконецъ, показались по тропѣ изъ Адзеля два человѣка, медленно по ней шедшіе.

Наружность ихъ возбудила вниманіе дѣвицы Рабе. Это были слѣпой и черноволосый. Послѣдній держалъ въ правой рукѣ круглую шляпу, между тѣмъ какъ другая рука служила спутнику вожатаемъ и опорой. Онъ съ видимымъ терпѣніемъ укорачивалъ шаги свои, соразмѣряя ихъ съ ходомъ старца. Ящикъ и складной стулъ были прикрѣплены на спинѣ его широкими ремнями, которые крестомъ перехватывали грудь и застегивались напереди двумя мѣдными пряжками Сверху стула висѣла еще небольшая котомка. Поравнявшись съ дѣвицею Рабе и Вульфомъ, онъ привѣтливо имъ поклонился. Воспитанница пастора просила жениха своего пригласить странниковъ закусить съ ними, чтобы не упустить случая, какъ она говорила, сдѣлать удовольствіе ея воспитателю. Вмѣсто отвѣта, цейгмейстеръ спѣшилъ перехватить путникамъ дорогу.

— Добрые люди!—произнесъ онъ, обратившись къ нимъ,—вамъ жарко теперь идти. Не хотите-ли отдохнуть съ нами и раздѣлить нашу походную трапезу?

— Благодарю васъ, господинъ офицеръ, за себя и моего товарища! — отвѣчалъ младшій путникъ — Мы поднялись недавно и хотѣли только пробраться черезъ рощу, чтобы на концѣ ея присѣсть. Съ удовольствіемъ принимаемъ радушное предложеніе ваше и прекрасной госпожи, которой, какъ я замѣтилъ, вы посланникъ Товарищъ!—продолжалъ онъ съ нѣжною заботливостью, обратившись къ слѣпцу,—мы пойдемъ теперь безъ дороги; берегись оступиться.

Слѣпецъ, крѣпко прижавшись къ рукѣ своего проводника, побрелъ еще медленнѣе. Нетерпѣливая дѣвушка спѣшила къ нимъ на встрѣчу, подхватила старика за руку съ другой стороны и провела его къ мѣсту своего отдыха, приговаривая между тѣмъ: —

Сюда, сюда, дѣдушка, на эти подушки; тебѣ здѣсь будетъ покойнѣе.

— Голосъ.... точно знакомый! — сказалъ встревоженный слѣпецъ, прислушиваясь къ рѣчамъ дѣвицы Рабе, какъ будто стараясь припомнить, гдѣ онъ его слышалъ. — Голосъ ангела! куда бы не пошелъ я за нимъ? Сяду и буду дѣлать, что тебѣ угодно. Господь да пошлетъ тебѣ свое благословеніе и да возвеличитъ родъ твой, какъ возвеличилъ родъ Сары и Ревекки!

Товарищъ его осторожно снялъ ношу свою, приставилъ ее къ дереву, молча поклонился еще разъ Вульфу и невѣстѣ его. Все общество расположилось, по удобству или по вкусу, кто на подушкахъ изъ кареты, кто на муравѣ. Слѣпецъ, сидя на двухъ подушкахъ, возвышался надъ всѣми цѣлою головою: старость предсѣдала въ совѣтѣ красоты и мужества.

— Откуда вы, добрые люди?—спросила Рабе.

— Мы не знаемъ, откуда и куда идемъ,—отвѣчалъ слѣпецъ, — а придемъ, куда всѣмъ, царю и селянину, бѣдному и богатому, назначена общая гостиница.

— Мы, просто, странники, — подхватилъ черноволосый, — идемъ изъ Адзеля въ Менценъ, оттуда проберемся, куда глаза взглянутъ и сердце позоветъ.

— Чѣмъ-же вы живете? — спросила опять дѣвица Рабе.

— Искусствомъ нашимъ, — отвѣчалъ черноволосый,—я играю на гусляхъ, товарищъ мой—на скрипкѣ и поетъ.

— Попавъ на эту бѣдную землю, — продолжалъ слѣпецъ, — всѣ мы живемъ для того, чтобы дожить; но выполнить этого не можемъ, не нося тяготы одинъ другого. Онъ помогаетъ слѣпцу ходить; мы другъ друга утѣшаемъ бесѣдою и дружбой; оба, по возможности нашей, доставляемъ другимъ удовольствіе, и за

это награждены. Такова въ мірѣ въ разныхъ видахъ круговая порука.

— О, да ты и мудрецъ, какъ я вижу!—возразилъ цейгмейстеръ.

— Много чести, господинъ! Бродя по бѣлому свѣту, видѣвъ много людей, изучая природу, можно кое-чему научиться. Впрочемъ, въ великой книгѣ Того, Кто единъ премудръ, мы читаемъ еще по указкѣ.

— Ваша родина?—спросила дѣвушка.

— Обоимъ намъ родина Швеція, — отвѣчалъ слѣпецъ.

Капитанъ пожалъ руку старика такъ, что онъ поморщился, и воскликнулъ: — Камрады - соотечественники! не одного-ли поля ягоды?

— Я изъ Торнео, а товарищъ мой изъ Выборга.

— Мое же гнѣздо судьба свила почти на перепутьѣ этихъ мѣстъ, именно въ Абовѣ. Я центръ, какъ вы видите, а вы, фланги мои, отнынѣ должны поступать ко мнѣ въ команду, и потому...

— Прошу заранѣе уволить насъ отъ этой чести Одинъ, дряхлый, будетъ отставать, другой, можетъ быть, погорячится и уйдетъ впередъ, и ваша линія разстроится.

— Доннерветтеръ! Онъ разсуждаетъ, какъ старый капитанъ. Ваше имя и прозваніе?

— Мы люди простые, и потому насъ просто зовутъ: меня Конрадомъ изъ Торнео, его—Вольдемаромъ изъ Выборга. Думаю, что этими именами потребуютъ насъ въ день послѣдняго суда; развѣ тамъ прибавятъ къ нимъ, по дѣламъ нашимъ, новыя прозванія.

— Не въ лѣсу же выросли вы, какъ дождевики? Вѣрно были у васъ отецъ и мать? Кто твои, молодецъ?

— Я родителей моихъ не зналъ, — отвѣчалъ Вольдемаръ. — Впрочемъ, повѣсть сиротства, бѣдности и нуждъ не можетъ быть занимательна ни для воина,

который все это почитаетъ вздоромъ, ни для прекрасной госпожи, начинающей только жить.

— Но ты много странствовалъ, много видѣлъ? — продолжалъ вопрошать цейгмейстеръ такимъ тономъ, какимъ членъ комиссіи военнаго суда отбираетъ по пунктамъ отзывы отъ своего подсудимаго.

— Я и теперь подъ чужимъ небомъ; видѣлъ людей, которые вездѣ одинаковы, — возразилъ младшій музыкантъ, неплодовитый на отвѣты и замѣтно несклонный къ откровенности. Голосъ его въ этомъ возраженіи отзывался какою-то раздражительностью характера, несогласною съ наружностью смиреннаго странника.

— Отвѣтъ коротокъ и убѣдителенъ, какъ прикладъ часового, поставленнаго у поста, куда одни избранные, съ паролемъ, имѣютъ право входить. Дозволь, по крайней мѣрѣ, спросить тебя, камрадъ: давно-ли ты оставилъ Швецію?

— Лѣтъ... если не ошибаюсь... десятокъ.

— Столько, сколько греки осаждали Трою! Вѣроятно, сильное время, походы, удары непріятельскіе, стерли съ орудія шведскаго надпись, гдѣ оно вылито, и прочее, и прочее. Я разумѣю, что время, странствіе, несчастія твои, Вольдемаръ, могли истребить отечество изъ памяти и сердца. Ты молчишь? — Да, отечество.

До сихъ поръ Вольдемаръ сидѣлъ нѣсколько согнувшись, опустивъ голову на грудь; пасмурное лицо его выражало глубокую задумчивость, изъ которой выводилъ его только сильный голосъ вопрошателя, способный, кажется, разбудить и мертвыхъ отъ сна; иногда улыбка бродила по блѣднымъ устамъ его, однакожъ, видно было, что приличіе выдавливало ее на нихъ безъ согласія сердечнаго или лукавство приправляло ее насмѣшкою своей. При повторенномъ

словѣ: *отечество*, вся сила души его вылилася наружу, какъ будто въ этомъ роковомъ словѣ заключалась единственная власть, могущая приводить ее въ движеніе. Онъ затрепеталъ; глаза его засверкали, какъ молнія на мрачномъ небѣ; лицо его, доселѣ помертвѣвшее, оживилось пробѣжавшимъ по немъ румянцемъ; его станъ распрямился; изгладились слѣды бѣдствій съ лица его и замѣнились печатью возвышенныхъ чувствъ. — Отечество?... Помню-ли я его? Люблю-ль его?... — произнесъ странникъ и несмотря, что голосъ его дрожалъ, онъ казался грознымъ вызовомъ тому, кто осмѣлился бы оскорбить его сомнѣніемъ въ любви къ родинѣ. Но вдругъ, будто испугавшись, что высказалъ слишкомъ много, онъ погрузился опять въ то мрачное состояніе, изъ котораго магическое слово вывело его.

— Труба военная не краснорѣчивѣе твоего голоса протрубила бы аттаку передъ рядами непріятельскими! — воскликнулъ цейгмейстеръ и потрепалъ дружески Вольдемара по плечу — Этому коню не нужно давать шпоръ: видно, какой онъ породы. Ни слово болѣе!—Я тебя понимаю. Но добрыхъ сыновъ отечества, кромѣ любви къ нему, должно воспламенять другое, столь же святое чувство: любовь и преданность къ государю. Правда, ты оставилъ благословенное сѣверное царство, когда молодой государь твой не вступалъ еще на престолъ, и ты, вѣроятно, въ странствіяхъ своихъ не успѣлъ узнать и полюбить его.

— Это правда! Меня... не было тогда въ... Швеціи,—отвѣчалъ младшій странникъ, нѣсколько смутившись и потупивъ глаза, которыми боялся, можетъ быть, встрѣтиться со взорами его собесѣдниковъ, чтобы они не прочли въ нихъ исповѣди его помышленій. Потомъ, оправившись нѣсколько, онъ продолжалъ довольно твердо: —Люблю государя своего, какъ могу. Чего хотѣть возвышеннаго и постояннаго отъ стран-

ника? Впрочемъ, вы не исповѣдникъ, я передъ вами не кающійся грѣшникъ и не обязанъ давать вамъ отчета въ дѣлахъ своихъ, еще менѣе въ своихъ чувствахъ. Придетъ, можетъ быть, время, вы узнаете меня короче.

— Я не имѣю права аттаковать пріятельскую фортецію, гдѣ заперлась твоя тайна! — съ усмѣшкою произнесъ Вульфъ, и началъ ломать голову насчетъ таинственнаго странника.

— Всякій человѣкъ есть загадка, — возразилъ слѣпецъ. — Добрая госпожа! мнѣ послышалось, вы о чемъ-то спрашивали меня. Мы, люди старые, тугоньки на ухо.

— Нѣтъ, дѣдушка,—отвѣчала Катерина Рабе, бывшая доселѣ внимательною слушательницей разговора, которымъ женихъ ея завладѣлъ, и теперь обрадованная, что ей давали случай быть участницей въ бесѣдѣ. — Я не спрашивала, но хотѣла-бы спросить: правда-ли, что на родинѣ твоей среди лѣта солнце не садится, а среди зимы не бываетъ дня?

— Правда! Тамъ горнило Божіихъ чудесъ. Край этотъ очень, очень далеко отсюда.

— Какъ же ты, слѣпой, сюда зашелъ?

— Перстъ Провидѣнія указалъ мнѣ друга, и онъ довелъ меня сюда. Юность любопытна; вижу, отъ нея не скоро отдѣлаешься простыми отвѣтами.

— Да, не скоро, дѣдушка! — промолвила собесѣдница съ лукавою откровенностью.

— Вамъ хочется, добрая госпожа, узнать повѣсть моей жизни. Не всякому ее разсказываю; но—не знаю, почему я полюбилъ васъ такъ скоро — отъ васъ не утаю ее.

— Разскажи, пожалуйста, разскажи, мой хорошій, мой добренькій старинушка!

— Слушайте жъ. Я родился тамъ, какъ вы ска-

зали, гдѣ среди лѣта солнце, не отдыхая, совершаетъ путь свой, гдѣ нѣсколько зимнихъ дней—круглая ночь, какъ для слѣпца всѣ дни жизни его. Отецъ мой, бѣдный ремесленникъ, жилъ въ деревушкѣ близъ Торнео: онъ выдѣлывалъ кожи дикихъ звѣрей; матери я никогда не видалъ. Я былъ у него одинъ, какъ перстъ. Природа странно создала меня: въ тѣ лѣта, когда другіе рвутъ играючи цвѣты на лугу жизни, я бѣгалъ дѣтскихъ игръ, я ужъ задумывался и, тревожимый непонятнымъ чувствомъ, искалъ чего-то, самъ не зная чего. Отроку, дома мнѣ было тѣсно, мнѣ было душно. Въ прогулкамъ своихъ я не любилъ ходить по спокойнымъ, пробитымъ дорогамъ; нѣтъ, я старался быть тамъ, гдѣ слѣда человѣческаго не видано, кромѣ моего, куда можно было пройти съ опасеніемъ упасть и погибнуть или съ радостною надеждой быть тамъ первымъ. Какъ векша, вскарабкивался я нерѣдко на одинъ любимый утесъ мой, выдавшійся въ море. По цѣлымъ часамъ сиживалъ я на скалѣ. Съ нея взорами скользилъ я по необозримой равнинѣ водъ, спокойныхъ и гладкихъ, словно стекло, то любовался какъ волны, сначала едва примѣтныя, рябѣли, вздымались чешуей или перекатывались, подобно нити жемчужнаго ожерелья; какъ онѣ, встревоженныя, кипѣли отъ ярости, потомъ, въ видѣ стаи морскихъ чудовищъ, гнались другъ за другомъ, отрясая бѣлыя космы свои и, наконецъ, расли выше и выше, на подобіе великановъ, стремились ко мнѣ со стономъ и ревомъ, красовались въ блестящихъ ризахъ своихъ. Казалось, хотѣли онѣ обхватить меня своими объятіями, которыхъ холодъ я уже ощущалъ, и ударяясь объ утесъ, съ ропотомъ исчезали. Отъ домашней трапезы убѣгалъ я смотрѣть на радужную игру сѣвернаго сіянія. Когда другіе спали крѣпкимъ сномъ, въ полуночные часы спѣшилъ я украдкой, съ трепетомъ сердечнымъ, какъ на усло-

вленное свиданіе любви, проводить утомленное солнце въ раковинный дворецъ его на дно моря и опять въ то-жъ мгновеніе встрѣтить его, освѣженное волнами, въ новой красотѣ, начинающее путь свой среди розовыхъ облаковъ утра. Сколько разъ въ тиши осенняго вечера, одинъ подъ открытымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздными очами, освѣщеннымъ великолѣпнымъ ночникомъ міра, терялся я умомъ и сердцемъ въ безпредѣльности этой пустыни, исполненной величія и благости Творца! Въ эти дивныя, таинственныя мгновенія никто не мѣшалъ мнѣ бесѣдовать съ моимъ Богомъ. Я забывалъ тогда домъ, деревню, отца, все, что только знавалъ отъ рожденія; мнѣ казалось, я былъ одинъ въ свѣтѣ и сбросилъ съ себя въ прахъ земную оболочку: мнѣ было такъ легко, такъ сладостно!.. Изъяснить это никто не можетъ; чувствовать же можно только во дни отрочества, когда демонъ страстей не разочаровалъ еще нашей жизни. Со слезами на глазахъ засыпалъ я тамъ, гдѣ заставали меня эти часы блаженства неземного. На другой день встревоженный отецъ, слѣдя полуночника по мхамъ и кустарникамъ, находилъ меня спящимъ подъ открытымъ небомъ. Хищные звѣри могли бы съѣсть меня! За мои побѣги я былъ строго наказываемъ.

— И по-дѣломъ! — промолвилъ Вульфъ. — Лучше было помогать отцу работой и молиться дома, чѣмъ шататься, какъ сумасбродный, куда глаза глядятъ, безъ цѣли и пользы. Ты, вѣрно, скоро исправился?

— Вы не отгадали, господинъ, я никогда не исправлялся, какъ лоза тростниковая, которую можно гнуть, втоптать въ землю, исторгнуть съ корнемъ, а не переломить. Отецъ мой думалъ по вашему; также разсуждали сосѣди наши, говоря: прежде, нежели на этомъ маломъ пуковъ десять розогъ не переломаешь, изъ него ничего добраго не выйдетъ. Они не знали, и вы,

господинъ, не знаете, какъ трудно побѣждать сильныя врожденныя склонности; вамъ неизвѣстна эта жажда удовлетворять имъ, эта грусть, рождающаяся отъ препятствій. Запрещаемое сдѣлалось для меня еще привлекательнѣе: такъ бываетъ обыкновенно.

Черезъ нѣсколько времени, все, что я видѣлъ великаго, ужаснаго, прекраснаго въ этомъ мірѣ, я хотѣлъ высказать, но высказать не простымъ разговорнымъ языкомъ; нѣтъ, по своенравному, странному характеру своему, я хотѣлъ это выполнить какимъ-то особеннымъ, размѣреннымъ языкомъ, о которомъ далъ мнѣ понятіе одинъ англійскій купецъ, пріѣзжавшій каждое лѣто въ Торнео и оттуда заходившій всегда въ нашу деревушку для покупки кожъ. Онъ полюбилъ меня, узнавъ мою склонность къ поэзіи, какъ онъ говорилъ; давалъ отцу моему хорошіе барыши, чтобы онъ не наказывалъ меня за своевольство; нерѣдко, въ прогулкахъ своихъ, онъ бралъ меня съ собою и читалъ мнѣ что-то изъ книги. Онъ называлъ ее: *Потерянный рай.* Я ничего не понималъ, но мнѣ было пріятно, очень пріятно его слушать; не зная языка, я могъ, однакожъ, съ помощью слуха сказать ему, что онъ читалъ: пѣсни ли ангеловъ, у престола Всевышняго поющихъ ему хвалу чистаго сердца, или безумный ропотъ бѣснующихся на Творца своего, бунтующій адъ, или красные, райскіе дни. Я могъ, согласно пониженію или возвышенію голоса, раздѣлять ударами руки моей какую-то правильную мѣру. Часто говорилъ я самъ съ собою, читалъ вслухъ восторженныя созданія, повторялъ ихъ и выучивалъ на память. Наконецъ, для меня не довольно было, что картины, мною изображаемыя, казались мнѣ живыми сколками съ природы; не довольно было, что я самъ наслаждался ими,—я желалъ, чтобы и другіе чувствовали всѣ красоты ихъ, чтобы они ихъ хвалили. Когда я прочелъ

на память одно изъ своихъ произведеній отцу моему, онъ назвалъ меня сумасшедшимъ и съ угрозами посадилъ за работу; когда я прочелъ его одноземцамъ своимъ, они покачали головою и молча со страхомъ отошли отъ меня, какъ отъ чумного. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я лѣта. Оно пришло, и съ нимъ явился англичанинъ, который одинъ понималъ меня. Услышавъ мои поэтическія видѣнія, какъ онъ называлъ ихъ, онъ обнялъ меня крѣпко и, поцѣловавъ въ голову, сказалъ: «Ты поэтъ! Въ Лондонѣ, въ Стокгольмѣ поняли бы тебя». Онъ присовокупилъ, что тамъ выучился бы я писать и передавать бумагѣ творенія свои такъ, чтобы они не умирали. Многое, очень многое говорилъ онъ мнѣ тогда, чего теперь не припомню. Съ того времени слова его безпрестанно отзывались въ моемъ сердцѣ; они не давали мнѣ покоя и во снѣ. «Ты поэтъ!» твердилъ мнѣ безпрестанно какой-то демонъ. Я не выдержалъ, я бѣжалъ изъ дому родительскаго и направилъ путь мой въ Стокгольмъ. Мнѣ было двадцать лѣтъ. Много странствовалъ я, много терпѣлъ нужды, и за чѣмъ пошелъ, того не нашелъ. Какъ бродягу, въ Рангедалѣ остановили меня и записали въ солдаты.

— Порядочная холодильня для стихотворнаго жара! — прервалъ рѣчь его цейгмейстеръ. — За то съ этого времени повѣсть твоя начнетъ разогрѣваться воспоминаніемъ солдатской жизни. Признаюсь, старикъ, люблю слушать разсказы изувѣченнаго солдата о трудныхъ походахъ, любимыхъ полководцахъ, жаркихъ сраженіяхъ. Полки движутся, дѣлятся, строятся; стрѣлки впередъ—какъ бѣсенята, перекидываются мячиками; дуру-бабушку съ костылей долой: мигнулъ ей глазомъ—пафъ! и заколыхалась колонна непріятельская. Весело сердцу артиллерійскому! Летучіе смѣтили проказы старушки и понеслись докончить палашомъ, что начала пушка: поле, какъ мостъ понтонный, стонетъ и,

кажется, зыблется отъ топота конницы: врѣзались, смяли, сокрушили, и—наша взяла! Виватъ! Здѣсь все—жизнь, все—движеніе! Вотъ что я люблю послушать, доннерветтеръ! Вотъ тогда-то я ушами вижу, сердцемъ слышу! А что мнѣ до мяуканья, съ кашлемъ пополамъ, вашихъ стихотворовъ на козьихъ ножкахъ:

Фіалочка прелестная!
Почто въ лѣсу цвѣтешь?

или:

Она сидитъ, она глядитъ...

и съ мѣста ни шагу!

— Иному талантъ, иному другой,—возразилъ слѣпецъ съ нѣкоторой досадой. — Привычка вторая природа. Сколько ни стучи по натянутому на барабанѣ пузырю, онъ ничего не издаетъ, кромѣ однообразныхъ звуковъ: прошу не прогнѣваться.

— Старикъ!.. — вскричалъ Вульфъ, какъ порохъ вспыхнувшій отъ гнѣва. Онъ хотѣлъ что-то присовокупить, но дѣвица Рабе убѣдительно посмотрѣла на него, и слова замерли на его устахъ.

— Оставьте меня слушать занимательную повѣсть старика,—сказала она, кивая цейгмейстеру, — онъ для меня ее разсказываетъ.

— Ужъ конечно не для солдата!—примолвилъ слѣпецъ съ сердцемъ.—На чемъ-бишь мы остановились?. . Да, помню, помню! Волей или неволей далъ я присягу шведскому королю служить ему. Казармы, стукъ ружей, приказы грознаго капрала, военныя эволюціи, а иногда и экзекуціи, пробудили меня отъ сладкаго сновидѣнія. Воображеніе мое угасло, сердце одеревенѣло Земля представилась мнѣ смрадною глыбой; страсти, подобно гадамъ, выползали изъ норъ своихъ и окружали меня; кандалы моего существованія влачились по пятамъ моимъ. Слишкомъ восемь лѣтъ былъ я подъ

ружьемъ. Начальники называли меня безтолковымъ солдатомъ, товарищи—тюленемъ. Я искалъ утѣшеній. Въ часы досуга я выучился играть на скрипкѣ у органиста одной изъ церквей упсальскихъ, гдѣ полкъ нашъ стоялъ гарнизономъ. Онъ же былъ моимъ учителемъ чтенія. Первая книга, которую я уразумѣлъ, была «Псалтырь». Горячія слезы, капавшія на эту книгу, наполняли душу мою высшимъ наслажденіемъ; съ ними я обрѣлъ опять моего Бога. — Время искуса прошло, и я, за слабостію зрѣнія, получилъ отставку. Стряхнувъ у городского порога всю нечистоту неволи, я полетѣлъ на родину. Но какъ тамъ все перемѣнилось! Вмѣсто дома отца, я нашелъ его могилу. Можете судить, что я, неблагодарный, безразсудный сынъ, чувствовалъ, припавъ на нее! Виновникъ смерти отца,—думалъ я,—куда мнѣ было обратиться? Я хотѣлъ видѣть предметы, нѣкогда мнѣ любезные, и чтожъ? море показалось мнѣ обширнымъ гробомъ; надъ любимымъ моимъ утесомъ вились вѣщіе враны, въ ожиданіи, что привѣтливая волна подаритъ имъ для снѣди остатки того, кто былъ человѣкомъ; черныя, угрюмыя тучи застилали отъ меня звѣздное небо; стонъ вѣтра нашептывалъ мнѣ проклятія отца. Я спѣшилъ удалиться отъ этихъ ужасныхъ мѣстъ. Долго скитался я по селамъ; товарищъ, столько же вѣрный, какъ и горе—скрипка—доставляла мнѣ пропитаніе, пѣсни божественныя—утѣшеніе. Томимый жаждою познаній, я возвратился, свободный, туда, гдѣ жилъ поневолѣ. Сначала опредѣленъ я при упсальскомъ университетѣ привратникомъ, потомъ, долго ли, скоро ли, сдѣлался въ немъ студентомъ. Смѣйтесь, господинъ офицеръ! вы видите передъ собою упсальскаго студента богословія и поэзіи!... Мнѣ-ль оскорбляться вашимъ смѣхомъ? И объ Немъ, чудясь, спрашивали: откуда Ему сіе?... Неужели вы никогда не читали въ Писаніи: ка-

мень, который отвергли зиждущіе, тотъ самый сдѣлался главою угла. Отъ Господа сіе содѣлалось, и есть дивно въ очахъ вашихъ!... Въ университетѣ любилъ меня особенно одинъ профессоръ, Томасъ Биръ...

— Извините меня, господинъ цейгмейстеръ, и вы, фрейлинъ!—сказалъ Фрицъ, подкравшійся къ собесѣдникамъ и начавшій раскладывать разныя блюда съ закускою, запасенною на дорогу.

— Ты насъ испугалъ, Фрицъ! — прервала его дѣвица Рабе.

— Виноватъ!—продолжалъ кучеръ съ лицомъ свѣтлымъ, какъ полный мѣсяцъ въ морозную ночь, потирая себѣ ладонями грудь, будто у него что-нибудь тяжелое отходило отъ сердца. — Я обрадовался, что вижу живыхъ людей въ этой долинѣ; между тѣмъ услышалъ о Бирѣ и хотѣлъ спросить, не сынъ ли его нашъ Адамъ?

— Сумасшедшій, какъ отецъ его!—возразилъ цейгмейстеръ, — тотъ смотрѣлъ все на небо, предвѣщалъ конецъ міра, и едва ли не уморилъ себя и свое семейство въ богадѣльнѣ; этотъ все смотритъ подъ ногами и болтаетъ безпрестанно объ усовершенствованіи рода человѣческаго!

— Пускай это говорятъ тѣ, которые сами не видятъ далѣе ядра, пущеннаго наторѣлымъ бомбардиромъ!—воскликнулъ слѣпецъ съ негодованіемъ. — Да, я знаю Адама; онъ любилъ меня, какъ родного, когда я былъ еще привратникомъ. Отецъ его прикрылъ наготу моего ума и души крыломъ серафима. Божій человѣкъ! Онъ былъ добръ, яко голубь, и мудръ, яко змій. Ему дано было свыше уразумѣть таинства природы, слагать слова изъ великихъ буквъ ея, начертанныхъ перстомъ Всемогущаго въ небесахъ, на каждой былинкѣ и камнѣ, во взорахъ, на челѣ и рукахъ

смертнаго. И это называете безуміемъ вы, слѣпотствующіе очами душевными, вы, которые боитесь оторвать отъ праха звено, приковывающее къ нему духъ вашъ? Персть и въ персти погрязли! Злыхъ злѣ погубитъ ихъ и виноградъ предаетъ инымъ дѣлателямъ, иже воздадятъ ему плоды во времена своя.

Грудь слѣпца сильно волновалась; негодованіе перехватывало слова его; также и Вульфъ едва удерживалъ свою досаду. Вольдемаръ, положивъ руку на колѣно старика, ласково прервалъ его рѣчь:—Другъ! ты забылъ о своей повѣсти.

— Скоро конецъ ея! я это знаю... Да... помню, помню... я сдѣлался боленъ. Неизвѣстно мнѣ, долго ли страдалъ я, чѣмъ, куда дѣвался мой благодѣтель, сынъ его, что со мною было; извѣстно мнѣ только, что послѣ моей болѣзни я ослѣпъ. Повѣрите ли, добрая госпожа? съ того времени я весь обновился: казалось, спало съ меня проклятіе отца и съ нимъ бремя жизни; возвратились ко мнѣ первые дни моей юности и съ ними все, что меня обворожало. Слѣпой, я прозрѣлъ. Не однѣ картины прежде знакомаго мнѣ моря, любимаго утеса, сѣвернаго сіянія и неба, прекраснаго ночного неба во всемъ его великолѣпіи, со всею Божьею благодатью, обступаютъ меня: часто представляются мнѣ такія дивныя видѣнія, за которыя цари заплатили бы грудами золота. Вскорѣ Провидѣніе даровало мнѣ новое благо. Вольдемаръ нашелъ меня, гдѣ—ее знаю; онъ такъ же, какъ и чудныя видѣнія мои, не покидаетъ слѣпца. Я свободенъ, счастливъ. Чего мнѣ желать болѣе? Когда же Вѣчный воззоветъ меня къ Себѣ, послѣдняя молитва моя, — чтобы въ минуты смерти просіяло надо мною прежнее, знакомое небо моей юности, и рука единственнаго земного друга захватила на сердцѣ послѣднюю искру жизни, этотъ послѣдній

завѣтъ ему любви моей. Товарищъ, гдѣ ты? дай мнѣ руку свою.

Такъ кончилъ слѣпецъ повѣствованіе свое, и высохшая рука его крѣпко сжала руку вождя и друга.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВИДѢНІЕ

Что прежде сбылося, что будетъ впереди.
О чемъ ты замыслилъ и что тебя ждетъ—
Все знаю!...

Подолинскій.

Дѣвица Рабе слушала Конрада изъ Торнео съ видимымъ участіемъ; неоднократно, въ продолженіе разсказа, слезы навертывались на глазахъ ея. Она выразила свою благодарность съ такимъ добросердечіемъ, къ тому-жъ въ звукахъ ея голоса было для слѣпца столько могущественнаго, что онъ не раскаивался въ откровенности своей. Цейгмейстеръ думалъ: «не даромъ этого чудака на родинѣ его называли безумнымъ: въ жизни его не вижу ничего разсудительнаго, основательнаго».

Прекрасная спутница изъявила желаніе посмотрѣть на гусли, никогда ею невиданныя, и Вольдемаръ спѣшилъ удовлетворить любопытство ея, не только раскрывъ ихъ, но и объяснивъ ихъ устройство. Вниманіе разсматривавшихъ этотъ инструментъ привлекла также раскрашенная картинка, приклеенная ко внутренней сторонѣ крышки. На ней грубо изображены были нѣсколько густыхъ деревъ, посреди которыхъ сидѣлъ въ

гнѣздѣ уродъ необыкновенной величины: онъ надувался и выпускалъ изъ огромнаго рта воздухъ наподобіе снопа лучей. Противъ него гордо выѣзжалъ на борзомъ конѣ рыцарь, устремивъ на противника стрѣлу по натянутому луку. Подъ картинкою начертано было строкъ до двадцати на неизвѣстномъ для нашихъ наблюдателей языкѣ.

— Ба, ба, ба!—вскричалъ Вульфъ.—Еслибъ не борода, я принялъ бы молодца на деревѣ за маіора трабантскаго его королевскаго величества полка, Фейергрока, когда онъ изъ-за батареи стакановъ и бутылокъ пускаетъ въ подступающихъ къ нему фузеи табачнаго дыма. Смерть на пуховикѣ, если я лгу! Разскажи-ка, любезный, что изображается на этой картинкѣ и что за тарабарщина написана подъ нею?

— Картина взята изъ русской сказки: *Илья Муромецъ*,—отвѣчалъ Вольдемаръ.—Храбрый великодушный рыцарь, защитникъ родной земли, стариковъ, дѣтей, женщинъ, всего, что имѣетъ нужду въ опорѣ храбраго, ѣдетъ сразиться съ разбойникомъ, котораго называютъ *соловьемъ;* этотъ соловей, сидя въ дремучемъ лѣсу на девяти дубахъ, однимъ посвистомъ убиваетъ всякаго, на кого только устремляетъ свое потѣшное орудіе. Подъ картинкою русскіе стихи.

— Откуда-жъ шведу могло достаться это малеванье?—спросилъ цейгмейстеръ.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я самъ былъ въ Россіи.

— Въ Московіи, хочешь ты сказать? — Ахъ, это очень любопытно,—подхватила съ живостью собесѣдница.

— Я пошатался и по Россіи — чего не дѣлаетъ нужда!—прожилъ нѣсколько лѣтъ въ резиденціи Царя, въ Москвѣ, научился тамъ играть на гусляхъ и языку русскому у одного школьника изъ духовнаго званія, по

нашему студента теологіи, который любилъ меня, какъ брата, и, когда я собрался въ Швецію, подарилъ мнѣ на память этотъ ящикъ вмѣстѣ съ картиною, какъ теперь видите. Съ того времени я берегу драгоцѣнный даръ московскаго пріятеля. О! чего не напоминаетъ онъ мнѣ!

— Поэтому Московія не совсѣмъ варварская страна, какъ ее описываютъ, вѣроятно, непріятели ея?—спросила дѣвица Рабе.—Поэтому и тамъ любятъ искусства?

— Начинаютъ любить,—отвѣчалъ гусляръ.—Царь Алексѣй Михайловичъ и его сынъ Ѳеодоръ ужь много сдѣлали для просвѣщенія Россіи. Другой сынъ его.... но онъ врагъ Швеціи: я не смѣю говорить объ немъ.

— Почему-жъ, мнѣ кажется, не хвалить хорошаго и въ непріятелѣ? Батюшка разсказывалъ мнѣ, что Петръ — великій государь, достойный поровняться съ нашимъ Карломъ. Имѣлъ ли ты когда-нибудь счастіе, добрый странникъ, видѣть его?

При этомъ вопросѣ Вульфъ насупилъ густыя брови. Вольдемаръ, примѣтно смутившись, отвѣчалъ:—Да.... я его видалъ. Наружность героя и царя въ полномъ смыслѣ! Взглядъ его.... ахъ, этого взгляда никогда не забуду!

— Странникъ,—возразилъ цейгмейстеръ съ обыкновеннымъ жаромъ и необыкновеннымъ краснорѣчіемъ,— ты говоришь о геройствѣ и величіи царей по чувству страха къ нимъ, а не благороднаго удивленія. Всякій говорилъ бы такъ на твоемъ мѣстѣ, встрѣтивъ въ первый разъ грознаго владыку народа. Простительно тебѣ такъ судить въ твоему быту. (Вольдемаръ съ усмѣшкой негодованія взглянулъ на оратора, какъ бы хотѣлъ сказать: «не уступлю тебѣ въ высокости чувствъ и сужденій!» и молчалъ). — Вульфъ продолжалъ свою рѣчь: «Ты не смотрѣлъ въ очи сѣверному льву; ты не видѣлъ Карла въ ту минуту, когда онъ, по колѣна

въ водѣ, вступалъ на берега Даніи, встрѣченный тучею пуль непріятельскихъ и съ жадностью прислушиваясь къ свисту ихъ». «Отнынѣ шумъ этотъ будетъ моею любимою музыкой!»—сказалъ двадцатилѣтній герой — и голубые глаза его воспламенились въ первый разъ огнемъ мужества, которое съ того времени не потухало; лицо его вспыхнуло первымъ желаніемъ побѣды и осѣнилось первою думою о способахъ побѣждать. Я слышалъ эти слова, я видѣлъ этотъ взглядъ, поймалъ на лицѣ его выраженіе души великой и, признаюсь, доннерветтеръ! за эти минуты готовъ бы цѣлую жизнь мою держать стремя у Карла. Съ воспоминаніемъ о нихъ умру сладко. Да! пока мысль можетъ ловить эти минуты, русскій не возьметъ ни одной батареи, на которой я буду! Клянусь въ томъ концемъ шпаги Карла XII! Вульфъ не отдастся живымъ въ плѣнъ, и остатковъ мертвеца съ этимъ именемъ не соберутъ на поруганіе его»!

Всѣ слушали цейгмейстера съ особеннымъ вниманіемъ. За рѣчью его послѣдовала минута молчанія, какъ послѣ жаркой перестрѣлки настаетъ въ утомленныхъ рядахъ мгновенная тишина. Каждый изъ собесѣдниковъ имѣлъ особенную причину молчать или потому, что краснорѣчіе высокихъ чувствъ, какого бы роду ни были они, налагаетъ дань и на самую непріязнь, или потому, что никто изъ противниковъ военнаго оратора не могъ откровенно изъяснить свои чувства. Вульфу, послѣ краткаго отдыха, предоставлена была честь перваго выстрѣла.

— Виватъ!—воскликнулъ онъ торжественнымъ голосомъ,—моя канонада оглушила васъ до того, что вы стали втупикъ и забыли спросить, о чемъ проповѣдуетъ мой Фейергрокъ съ высоты своей лиственной каѳедры Прочитай-ка намъ, любезный камрадъ, русскіе стихи, написанные подъ картиною!

— Съ удовольствіемъ, храбрый и любезный капитанъ!—отвѣчалъ Вольдемаръ и началъ читать стихи:

Наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ
И наѣхалъ онъ соловья того,
И заслышалъ тутъ разбойникъ сей
Того ли топу конинова,
И тоя ли поѣздки богатырскія:
Засвисталъ онъ по-соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ по-змѣиному,
А въ третій зрявкалъ по-звѣриному —
Подъ Ильею конь окорачился...
Вынимаетъ онъ калену стрѣлу
И стрѣляетъ соловья-разбойника...

— Какъ мнѣ нравится этотъ языкъ! — сказала дѣвица Рабе, попрошу господина пастора, чтобы онъ выучилъ меня ему.

— Можетъ быть, придетъ время, что вы станете учиться русскому языку; можетъ быть, лифляндцы....

— Лифляндцы? никогда! — прервалъ съ досадою Вульфъ.

— Ты забылъ, шведъ, что страна здѣшняя находится подъ владычествомъ непобѣдимаго Карла. Скорѣй повѣситъ онъ свои шпоры къ большому колоколу московскому и заставитъ его говорить на своемъ языкѣ, чѣмъ лифляндцы будутъ вынуждены когда-либо знать по-русски. Предоставимъ одной сестрицѣ моей Рабе учиться варварскому нарѣчію у всезнающаго нашего Глика, именно для того, что я не люблю русскихъ дикарей, или потому, что она съ нѣкотораго времени имѣетъ особенное пристрастіе къ Алексѣевичу.

— Шутите, сколько угодно, братецъ Вульфъ, а я въ своемъ пристрастіи тверда, — возразила Катерина Рабе.—Уважаю, боюсь даже Карла, героя, побѣдителя, съ его голубыми глазами, блистающими умомъ военнымъ, котораго у него никто не отнимаетъ; но люблю

Алексѣевича, зардамскаго плотника, солдата въ своей потѣшной ротѣ, путешественника, собирающаго отвсюду познанія, чтобы обогатить ими свое государство; люблю его, несмотря, что онъ непріятель моего короля.... Можетъ быть, я это говорю потому, что мнѣ это натвердилъ и крѣпко внушилъ мой благодѣтель Впрочемъ, что можетъ сужденіе бѣдной, неизвѣстной сироты на вѣсахъ, гдѣ лежатъ окровавленныя шпаги?

Дѣвица Рабе произнесла эти слова съ особеннымъ сердечнымъ волненіемъ: взоры ея блистали необыкновеннымъ огнемъ, щеки ея горѣли.

— Вотъ какими бреднями опуталъ голову моей сестрицы велемудрый господинъ пасторъ!—воскликнулъ цейгмейстеръ, пожимая плечами.—Безмолствую передъ ней... но ты, шведъ?—продолжалъ онъ, обратившись къ младшему страннику съ видомъ упрека.

— Не принимайте словъ моихъ въ худомъ смыслѣ, господинъ офицеръ. Вѣрьте, что никто болѣе меня не желаетъ долгоденственной славы моему отечеству. Я хотѣлъ сказать, что два великіе народа...

— Два великіе народа? Хмъ! Видно, свои и чужіе согласились бѣсить меня...—возразилъ цейгмейстеръ,—однакожъ, продолжай, продолжай. Хочу выпить горькую чашу до дна.

— Шведы съ русскими могутъ помириться; тогда произойдутъ большія перемѣны въ здѣшнемъ краю: торговыя, дружескія сношенія скрѣпятъ союзъ лифляндцевъ съ сосѣдями ихъ; тогда, можетъ быть, эта прекрасная госпожа захочетъ съѣздить во Псковъ, въ Москву.

— Что ей тамъ? чего ей смотрѣть: не Соловья-ль разбойника?... Скорѣе она поѣдетъ въ Стокгольмъ.

— Неисповѣдимы пути Господни!—произнесъ слѣпецъ.—Кто знаетъ, какой путь написанъ ей въ книгѣ Судебъ!

— Ей, Катринѣ Рабе, написано быть за шведскимъ офицеромъ. Катринѣ Рабе, пріемышу пастора Глика, кажется, не безчестно идти за королевско-шведскаго цейгмейстера! Понимаете ли вы, странники? — вскричалъ Вульфъ раздраженнымъ голосомъ, который испугалъ даже невѣсту его.

Слѣпецъ, казалось, не слыхалъ этихъ восклицаній. Схвативъ дрожащую руку дѣвушки, онъ забылся въ какомъ-то внутреннемъ созерцаніи; незрящія очи его горѣли; наконецъ, возвысивъ вдохновенный голосъ, какъ бы прозирая въ небѣ:—Вижу,—сказалъ онъ, — вижу, изъ сумрака выступаетъ дѣва, любимица небесъ; голова ея поникнута, взоры опущены долу, волосы падаютъ небрежно по открытымъ плечамъ; румянецъ стыдливости, играя по щекамъ ея, споритъ съ румянцемъ зари утренней, засвѣтившей востокъ. Встаетъ алмазная гора, дивною рукою изсѣченная. Оступилась дѣва на первой ступени, еще ночною тѣнью одѣтой; смиренно преклоняетъ колѣно, — и вздохъ, тяжелый вздохъ вылетаетъ изъ груди ея! Вскорѣ, обновленная жизнью неземной, встаетъ и шествуетъ далѣе, не поднимая очей своихъ. Еще четыре ступени, и готовъ алтарь... и розовый вѣнецъ обвиваетъ ея прекрасное чело. Старецъ совершаетъ надъ нею дивное таинство. Взоры ея уже не опущены долу, волосы искусно подобраны назадъ. Изумленная, она озирается кругомъ, она не вѣритъ своему счастію, но уже его ощущаетъ. Еще четыре ступени, и розовый вѣнецъ смѣненъ алмазною короною..

— Сумасшедшій! Ха, ха, ха!

— Смѣйся!... я тебѣ говорю: *на дѣвѣ*, которую я видѣлъ, *лежитъ корона!* Эта рука мнѣ знакомая. Я смотрѣлъ на нее нѣкогда у десятилѣтней дѣвочки въ Роопѣ, въ пятый день апрѣля.

— Въ Роопѣ?.. Я тамъ живала... — сказала испу-

ганная и вмѣстѣ изумленная дѣвица Рабе, потирая себѣ пальцами по лбу, какъ бы развивая въ памяти прошедшее.—Пятое апрѣля день моего рожденія...

Между тѣмъ и Вольдемаръ обратилъ на нее свои проницательные взоры; онъ, оказалось, узнавалъ въ ней давнишнюю знакомую.—Не припомните ли,—спросилъ онъ ее,—двухъ странниковъ, похожихъ на насъ? Одинъ былъ помоложе меня, другой такой же слѣпецъ, какъ и товарищъ мой. Можетъ статься, что вы ихъ видѣли лѣтъ восемь назадъ?

— Да, точно припоминаю какъ будто сквозь туманъ,—отвѣчала дѣвушка, немного ободрясь,—странники были похожи на васъ; они тогда зашли на дворъ къ господину пастору Дауту, у котораго я жила въ услуженіи.

— Смиряяй себя вознесется!—воскликнулъ слѣпецъ.

— Подлѣ меня стояла большая датская собака, которая напугала прохожихъ.

— Я вздрогнулъ отъ ужаснаго лая собаки; такого я еще никогда не слыхивалъ: мнѣ показалась, что буря заревѣла, сорвавшись съ цѣпи своей. Невольно прижался я къ рукѣ своего молодого товарища.

— Тогда,—промолвилъ Вольдемаръ, — прекрасная малютка,—какъ теперь вижу — принявъ гнѣвный видъ и грозя пальчиками своими, повелительнымъ голосомъ закричала на собаку: «Смотри, Плутонъ, берегись, Плутонъ!»

— Точно! у насъ была собака этого имени, — сказала дѣвица Рабе, покраснѣвъ.

— И лай собаки затихъ, какъ замираетъ буря на голосъ повелителя стихій!

— Грозное животное,—прибавилъ путникъ,—легло съ покорностью у ногъ своей маленькой госпожи, махая униженно хвостомъ. Тогда-то слѣпой другъ мой захотѣлъ увидѣть поближе дитя; онъ взялъ ее за руку

и осязалъ долго эту руку. Тутъ закричала на нее хозяйка дома, грозясь... даже побить ее за то, что впустила бродягъ. Товарищъ мой, самъ прикрикнувъ на пасторшу, сказалъ то же, что онъ теперь говорилъ вамъ, держа вашу руку.

— Бѣдные, васъ тогда выгнали за меня со двора и не дали вамъ даже напиться.

Вульфъ, молча, съ коварною усмѣшкой слушалъ этотъ разговоръ обоихъ странниковъ съ дѣвицею Рабе и вдругъ разразился какимъ-то дикимъ, принужденнымъ смѣхомъ; но вскорѣ, одумавшись, просилъ у ней прощенія, просилъ даже прощенія у Конрада изъ Торнео. «Въ самомъ дѣлѣ, надъ кѣмъ смѣяться мнѣ? на кого мнѣ сердиться?» — говорилъ онъ про себя, — «одна — женщина, другой—убогій, сумасшедшій старикъ»! Катерина замѣтила ему только, что громкимъ смѣхомъ своимъ онъ могъ разбудить пастора. Въ самомъ дѣлѣ, замѣтно было по движенію колебавшагося зеленаго намета, что Гликъ просыпался. Гусляръ, предупрежденный догадливою собесѣдницей о сосѣдствѣ его, посмотрѣвъ сначала на Фрица, тихо условился о чемъ-то съ товарищемъ, подалъ слѣпцу скрипицу, поставилъ свой музыкальный ящикъ на складной стулъ, и пальцы его запрыгали по струнамъ. Звуки, возвышенные, трогательные звуки раздались по рощѣ! Слѣпецъ, вторя ему на скрипкѣ дрожащимъ теноромъ, съ особеннымъ чувствомъ запѣлъ подъ музыку своего товарища псаломъ: *Господь пастырь мой, я не буду въ скудости.* Невольно присоединила къ нимъ голосъ свой дѣвица Рабе, сначала изумленная и обрадованная нечаяннымъ подаркомъ музыкантовъ. (Надобно замѣтить, что въ Маріенбургской киркѣ пріятный и возвышенный голосъ ея господствовалъ надъ многочисленнымъ хоромъ прихожанъ). Вульфъ поникнулъ головой; самъ Фрицъ забылся на время и, казалось, молился. Пасторъ, какъ

бы обвороженный, остался неподвиженъ въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ засталъ его первый стихъ божественнаго пѣснопѣнія. Нѣсколько мгновеній послѣ того, какъ звуки умолкли, онъ началъ протирать себѣ глаза и не зналъ, вѣрить ли ушамъ своимъ: ему казалось, что все это слышалъ онъ во снѣ

— Папахенъ! тебѣ нездорово такъ долго спать, — сказалъ ему знакомый голосъ и вывелъ его изъ этого обвороженія. Воспитанница объяснила ему всю тайну концерта, составленнаго такъ неожиданно; разсказала ему о старинномъ знакомствѣ своемъ, нынѣ подновленномъ, о занимательной повѣсти слѣпца, объ участіи, которое оба странника такъ сильно возбуждали къ себѣ, хотя одинъ изъ нихъ казался нѣсколько помѣшаннымъ въ умѣ; и, предупредивъ такимъ образомъ своего воспитателя въ ихъ пользу, она спѣшила свести ихъ вмѣстѣ.

Пасторъ полюбилъ поэтическаго старца и таинственнаго его спутника. Онъ терялся въ различныхъ догадкахъ насчетъ послѣдняго, тѣмъ болѣе, что странническому состоянію его измѣняла благородная наружность вмѣстѣ съ возвышенностію мыслей и чувствъ, повременамъ блиставшихъ въ краткихъ отвѣтахъ его, какъ золотая монета въ сумѣ нищаго. Вольдемаръ былъ неразговорчивъ, и, когда примѣчалъ, что съ нимъ хотятъ сблизиться откровенностью и ласками, то любопытство искало слабой стороны, куда могло-бы проникнуть до тайны его жизни, онъ облекалъ себя двойною броней угрюмости и лаконизма. Догадливый товарищъ его, въ затруднительныхъ случаяхъ, приходилъ къ нему на помощь реченіями изъ св. Писанія и поэтическими видѣніями.

Гусли были снова открыты и разсмотрѣны. Картина возбудила въ пасторѣ смѣхъ; однакожъ, онъ находилъ въ ней нравственный смыслъ, добирался до

источниковъ ея въ сѣверномъ миѳѣ и доказывалъ, что Московія имѣла свой вѣкъ рыцарства; но чего онъ не открылъ, такъ это внутреннее убѣжденіе, что странное изображеніе Ильи Муромца и Соловья-разбойника имѣло отношеніе къ единоборству двухъ современныхъ высшихъ особъ. Музыкальный инструментъ сравнивалъ онъ съ арфой или съ *коклей* [1]), положенной въ ящикъ; полагалъ, что можно бы употребить его въ церквахъ вмѣсто органовъ, и что играющій на одномъ изъ этихъ инструментовъ можетъ скоро выучиться и на другомъ. Тотчасъ блеснула въ сердцѣ его счастливая мысль: «Органистъ маріенбургскій старъ и давно просится на покой — вотъ удобный случай замѣстить его молодымъ музыкантомъ! Сверхъ того, Вольдемаръ будетъ ему хорошимъ помощникомъ для усовершенствованія его въ русскомъ языкѣ. Слѣпца можно пристроить въ богадѣльню». Все это было скоро придумано, и предложеніе сдѣлано. Конрадъ ничего не отвѣчалъ, онъ предоставлялъ товарищу говорить за себя и за него самого. Вольдемаръ и не ожидалъ его отвѣта: отъ имени обоихъ благодарилъ онъ пастора, обѣщалъ воспользоваться великодушными его предложеніями только для того, чтобы посѣтить его и побывать въ Маріенбургѣ на короткій срокъ; присовокупилъ, что странническая жизнь, можетъ быть, унизительная въ глазахъ свѣта, не менѣе того сдѣлалась ихъ потребностью, что осѣдлость, вѣроятно, покажется имъ ограниченіемъ ихъ свободы, всегда для человѣка тягостнымъ, и что поэтическій, причудливый характеръ друга его, которому было тѣсно и душно въ домѣ родительскомъ, не потерпитъ на себѣ и легкихъ цѣпей однообразной жизни богадѣльни. Эти причины, и осо-

---

[1]) *Коклея* — музыкальный инструментъ, бывшій въ употребленіи у лифляндцевъ въ древнія времена.

бенно привязанность его къ старцу, не позволяютъ ему ни за какія блага разстаться съ нимъ и оставить его снова одного въ пустынѣ міра. Вольдемаръ повторилъ еще, что непремѣнно скоро постараются они быть въ Маріенбургѣ и посѣтить домъ благословенія Божія (такъ называлъ онъ жилище Глика). Молчалъ слѣпецъ, но примѣтно было, что улыбка душевнаго удовольствія перебѣгала по устамъ его. Онъ другого отвѣта и не ожидалъ отъ своего товарища. Глику никогда не нравилась странническая жизнь, подъ какимъ-бы видомъ она ни была; несмотря на это и на отказъ новыхъ знакомцевъ, не охладѣла въ немъ надежда пристроить ихъ современемъ около себя, продливъ ихъ пребываніе въ Маріенбургѣ всѣмъ, что могло принести имъ утѣшеніе и спокойствіе, заставить ихъ полюбить семейную жизнь и такимъ образомъ сдѣлать ручными этихъ гордыхъ звѣрей сѣверныхъ лѣсовъ.

Полдникъ давно ожидалъ путешественниковъ; онъ состоялъ изъ домашняго сыра, лоснящейся отъ копоти рыбы и пирога съ курицею и яйцами, румянаго, хорошо начиненнаго. Пасторъ прочиталъ вслухъ приличную случаю молитву, каждый про себя повторилъ ее въ глубокомъ благоговѣніи. Послѣ того расположились всѣ въ кружокъ около походной трапезы. Дѣвица Рабе сѣла возлѣ слѣпца, которому взялась сама прислуживать. Отвѣдавши блѣднаго сыра, принялись за пирогъ, болѣе приманчивый; сдѣлать въ немъ брешь предоставлено было артиллеристу, вооруженному столь же храбрымъ аппетитомъ, какъ и духомъ; другіе, уже по слѣдамъ его, побрели смѣлѣе въ проломъ и докончили разрушеніе пирога. Такъ въ маломъ и большомъ все ведется на свѣтѣ!

Когда дѣло дошло до копченыхъ язей, пасторъ принялся разсказывать, что рыба эта ловится только въ Эмбахѣ, близъ Дерпта. «Нѣкогда,—сказалъ онъ,—

смиренные братья аббатства Фалкенаускаго, основаннаго близъ береговъ Эмбаха первымъ епископомъ дерптскимъ, Германомъ, накормили язями итальянскаго прелата, присланнаго отъ папы для изслѣдованія нуждъ монастырскихъ, напоили monsignore пивомъ въ которомъ вмѣсто хмѣля былъ положенъ *багульникъ* [1]). Вдобавокъ они свели его въ жарко натопленную комнату, въ которой—о ужасъ!—поддавали безпрестанно водою на горячіе камни, сѣкли себя немилосердно пуками лозъ и, наконецъ, окачивались холодною, изъ прорубей, водою. Вслѣдствіе несваренія желудка своего отъ язей и пива съ багульникомъ, прелатъ заключилъ, что монастырь крайне бѣденъ, а вслѣдствіе банныхъ эволюцій, напугавшихъ его, приписалъ въ донесеніи своемъ святѣйшему отцу слѣдующее восклицаніе: «Великій Боже! ужь сіе-то монастырское правило слишкомъ жестоко и неслыханно между людьми!» Изъ этой исторической драгоцѣнности нашъ пасторъ выводилъ свое заключеніе, что лифляндскіе природные жители переняли обыкновеніе париться въ баняхъ отъ русскихъ, во времена владычества великихъ князей надъ Ливоніею. Отъ слова *владычество* быть бы опять раздору между археологомъ и Вульфомъ, когда-бъ на этотъ разъ не случилось необыкновеннаго происшествія, опрокинувшаго все вверхъ дномъ въ умѣ нашихъ путешественниковъ.

Не въ дальнемъ отъ нихъ разстояніи, въ сторонѣ, гдѣ стояли карета и лошади, послышался выстрѣлъ. «Чтобы это значило?» говорили, смотря другъ на другъ, встревоженные собесѣдники, кромѣ Вульфа, котораго первое дѣло было взяться за карабинъ, а второе — бѣжать въ ту сторону, откуда раздался вы-

---

[1]) Очень горькое и вредное растеніе: ludum palustre. См. Etat de la Livonie, par le C. de Bray.

стрѣлъ. За нимъ послѣдовалъ Вольдемаръ, также осмѣлился вздуть полегоньку свои паруса Фрицъ, доселѣ внимательный слушатель всего, что говорено было, и усерднѣйшій прислужникъ хозяевамъ и гостямъ. Пасторъ съ своей воспитанницей остался на твердой землѣ. Ему вспало на умъ, что небольшой отрядъ русскихъ фуражировъ перебрался въ долину мертвецовъ и напалъ на лошадей баронессы. Онъ спѣшилъ самъ вторгнуться въ арсеналъ своей памяти и началъ опрометью рыться въ немъ, чтобы найти приличное оружіе, если не для отраженія непріятеля, то, по крайней мѣрѣ, для убѣжденія и смягченія его сердца, то есть онъ собиралъ разбросанныя въ памяти своей русскія сильнѣйшія выраженія, какія только зналъ. Изъ нихъ составилъ бы онъ рѣчь ex abrupto, которая могла-бы въ несчастномъ случаѣ такъ сильно подѣйствовать на ожесточенныхъ непріятелей, что они должны бы признать себя побѣжденными и преклонить грозныя оружія къ ногамъ оратора, какъ трофеи его краснорѣчія.

Выстрѣлы не повторялись: все было тихо. Конечно, Марсъ не вынималъ еще грознаго меча изъ ноженъ. Не скрылся ли онъ въ засадѣ, чтобы лучше напасть на важную добычу свою? Не хочетъ ли, вмѣсто желѣза или огня, употребить силки татарскіе? Впрочемъ, пора бы ужь чему нибудь оказаться! — и оказалось. Послышались голоса; но это были голоса пріятельскіе, именно цейгмейстера и Фрица. Первый сердился, кричалъ и даже грозился выколотить душу изъ тѣла бѣднаго возничаго: второй оправдывался, просилъ помилованія и звалъ на помощь.—«Несчастный погибаетъ! Чего добраго ожидать отъ этого бѣшенаго пушкаря?»— сказалъ Гликъ. Для вѣрнѣйшей диверсіи, позвавъ свою воспитанницу съ собою и оставивъ слѣпца одного на мѣстѣ отдыха, поспѣшилъ онъ съ нею въ долину,

чтобы въ случаѣ нужды не допустить завязавшагося, повидимому, дѣла до настоящаго побоища. Спустившись съ холма, увидѣли они слѣдующее.

Цейгмейстеръ, съ глазами, налитыми кровью, съ посинѣлыми губами, кипя гнѣвомъ, вцѣпился въ камзолъ кучера, который, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, трясся какъ въ лихорадкѣ. Между тѣмъ, Арлекинъ и Зефирка, вытянувшись, мчались по лугу изъ стороны въ другую: уши ихъ прилегли назадъ, грива ихъ поднялась, какъ взмахнутое крыло. Тощаго Вульфова коня не было видно.—«Куда дѣвалась моя лошадь?»—вопилъ въ бѣшенствѣ цейгмейстеръ, немилосердно тормоша своего плѣнника, — почему не смотрѣлъ ты за нею? Говори, или ты отжилъ свой вѣкъ: ложись живой въ землю». — По. .пому...лосердуйте, господинъ баронъ фонъ... господинъ полковникъ... господинъ цейгмейстеръ! — произносилъ жалобно Фрицъ. — Уфъ! я задыхаюсь... отнимите немного вашу ручку... я ничѣмъ не виноватъ: вы видѣли сами, я прислуживалъ вамъ же. Отпустите душу на покаяніе! — «Стыдно, Вульфъ! гдѣ у васъ Минерва?» — сказалъ пасторъ съ неудовольствіемъ, качая головою.—«Чѣмъ терзать бѣднаго служителя баронессы Зегевольдъ, который не обязанъ сторожить вашего буцефала, не лучше-ли поискать его? Пожалуй, вы и меня возьмете скоро въ свою команду и заставите караулить цѣлую шведскую кавалерію? Я требую, чтобы вы сію минуту отпустили Фрица, или мы на вѣки разстаемся!»—Сюда, сюда!—закричалъ Вольдемаръ, стоя на *высотѣ креста* и махая рукой, которою вмѣстѣ указывалъ, чтобы перебрались черезъ рѣчку и подошли къ боку горы, какъ будто обрѣзанной заступомъ. Этотъ зовъ остановилъ роковое слово, которое готово было вылетѣть изъ устъ взбѣшеннаго цейгмейстера и, можетъ быть, навсегда бы разрушило дружескія связи его съ пасторомъ и его

воспитанницей. Шведскій медвѣдь выпустилъ изъ лапъ бѣдную жертву свою и гиганскими стопами поспѣшилъ туда, куда указывалъ музыкантъ. Здѣсь увидѣлъ онъ свою лошадь, но въ какомъ жалкомъ положеніи! Едва поддерживали ее на краю утеса нѣсколько кустовъ различныхъ деревьевъ, въ которыхъ она запуталась, и при малѣйшемъ движеніи своемъ качалась на воздухѣ, какъ въ люлькѣ; подъ нею, на площадкѣ, оставшейся между рѣчкою и утесомъ, лежало нѣсколько отломковъ глинистой земли, упавшихъ съ высоты, съ которой, повидимому, и бѣдное животное катилось, столкнутое какою-нибудь нечистою силой. Конь дрожалъ и повременамъ взвизгивалъ. Пробравшись къ нему, съ опасностью упасть самому, Вульфъ, при ловкой и безстрашной помощи сошедшаго къ нему Вольдемара, выпуталъ лошадь изъ когтей сатанинскихъ. «Одинъ лукавый могъ ее такъ угораздить», говорилъ послѣдній. Когда сѣдло съ приборомъ и вьюкомъ, перевернутые и спутанные на ней, были сняты, увидѣли они, что чушка была прожжена и курокъ у одного пистолета спущенъ: — свидѣтельство, что слышанный выстрѣлъ произошелъ изъ этого оружія, вѣроятно, разряженнаго сильнымъ треніемъ лошади о что-нибудь твердое, и былъ причиною испуга ея, занесшаго ее такъ далеко и въ такія сѣти. Первымъ дѣломъ цейгмейстера было разстегнуть вьюкъ и осмотрѣть кувертъ: печать была сломлена, но самый кувертъ былъ невредимъ — и послѣднее успокоило его. Пакетъ былъ уже положенъ въ камзолъ съ величайшею осмотрительностью. На лошади слѣдами этого происшествія остались только небольшія царапины, а въ ней самой страхъ къ *высотѣ креста*, ибо не было возможности заставить ее пройти въ долину этимъ путемъ; и потому принуждены были провести ее сосновымъ лѣсомъ, по отлогости горы. Дорогой Вульфъ

и музыкантъ сдѣлались откровеннѣе другъ къ другу до того, что послѣдній, объяснивъ ему причины его суроваго молчанія при людяхъ постороннихъ и, можетъ быть, ненадежныхъ, показалъ ему какую-то бумагу за подписаніемъ генерала Шлиппенбаха. Въ ней между прочимъ, заключалась важная тайна, касающаяся до лица самого Вольдемара. Вульфъ былъ въ восторгѣ, обнималъ шведа, честью своею клялся хранить эту тайну на днѣ сердечнаго колодезя и дѣйствовать съ нимъ единодушно. Возвратясь въ долину, новые пріятели остались въ прежнемъ холодномъ отношеніи другъ къ другу.

— Бѣда еще не велика!—сказалъ Вульфъ, подавая руку пастору въ знакъ примиренія.—Но вашъ гнѣвъ почитаю истиннымъ для себя несчастіемъ, тѣмъ большимъ, что я его заслуживаю. Мнѣ представилась только важность бумаги, положенной мною во вьюкъ,—примолвилъ онъ вполголоса, отведя Глика въ сторону.—Еслибъ вы знали, какія послѣдствія можетъ повлечь за собою открытіе тайны, въ ней похороненной! Честь моя, обезпеченіе Маріенбурга, слава шведскаго имени, заключаются въ ней. Послѣ этого судите, мой добрый господинъ пасторъ...

— То-то и есть, Вульфъ,—отвѣчалъ пасторъ, склонившись уже на миръ, предлагаемый ему съ такою честью для него.—Почему еще въ Маріенбургѣ не положить пакета въ боковой карманъ вашего мундира? Своя голова болитъ, чужую не лѣчатъ. Признайтесь, что вы нынѣшній день поклялись вести войну съ Минервой.

— Не упрекайте меня такъ много. Я вамъ скажу причину,—шепнулъ ему на ухо цегмейстеръ, нѣсколько покраснѣвъ.—Вотъ видите... худо быть безъ хозяйки!.. Въ боковомъ карманѣ затаились, вѣроятно, какія-нибудь крошки... давнишнихъ солдатскихъ сухарей, и

проклятыя мыши прогрызли его... Я хватился нынѣ, хотѣлъ зашить хоть самъ, но стыдился Фрица, который, какъ вы знаете, ночевалъ у меня по тѣснотѣ вашего дома, и который, на бѣду, безпрестанно около меня вертѣлся съ своими услугами. Вы спѣшили, и потому, не ожидая такихъ послѣдствій, вынужденъ я былъ положить кувертъ во вьюкъ. Впрочемъ, скажу опять, бѣда не велика! Бумага писана моей рукой и только подписана комендантомъ; генералъ меня хорошо знаетъ, и подозрѣній никакихъ быть не можетъ.

— Все хорошо; да посовѣтоваться съ Минервой не худо! Вотъ я, напримѣръ, на такія дѣла крайне остороженъ. Со мною теперь тетрадка... О, она стоитъ вашего куверта: въ ней заключается благо цѣлой Лифляндіи, именно это адресъ королю. Берегу его, какъ зеницу ока. Вы не можете повѣрить, сколько я долженъ былъ рыться въ старыхъ фоліантахъ, сколько законовъ вызвалъ я изъ мрака древности и заставилъ пройти мимо себя одинъ за однимъ, какъ вы солдатъ своихъ на спеціальномъ смотру! Здѣсь ничего не пропущено; каждая петелька и крючечекъ на своемъ мѣстѣ. Здѣсь изложены привиллегіи архіепископа Ѳомы, короля Сигизмунда-Августа, Радзивила, резолюція, королевы Христины и прочія постановленія объ утвержденіи правъ лифляндскаго рыцарства и земства; все такъ выведено, сведено и прилажено, что если его величество, король шведскій и *иныхъ*, Карлъ XII, прочитавъ этотъ адресъ, не соблаговолитъ снизойти на усерднѣйшія моленія вѣрноподданныхъ своихъ и *сего* адреса, то...

Произнеся слово *сего*, пасторъ засунулъ правую руку въ лѣвый боковой карманъ своего кафтана и, не найдя въ немъ бумаги, которую туда положилъ, вдругъ остановился среди своей рѣчи и среди дороги, какъ будто языкъ его прильнулъ къ нёбу, а ноги приросли къ землѣ.

— Что съ вами сдѣлалось, господинъ пасторъ? Вы поблѣднѣли? Вамъ дурно?

— Такъ, ничего, совершенно ничего!... Маленькій ударъ въ голову!... Вотъ уже и прошелъ.

Гликъ, въ самомъ дѣлѣ, старался придти въ себя и, боясь быть пристыженнымъ цейгмейстеромъ въ томъ самомъ проступкѣ, въ которомъ его жь самъ обвинялъ, скрылъ причину своего замѣшательства.

«Вѣроятно,—думалъ онъ,—когда я дремалъ дорогой, адресъ выпалъ изъ бокового кармана. Тотъ, кто его найдетъ, ничего не сдѣлаетъ безъ согласія лифляндскаго дворянства. Тетрадь вложена исправно въ пакетъ, на которомъ ясно означено, кто поссесоръ этой бумаги. Но если нашедшій воспользуется моими трудами, сыщетъ случай?... Я его предупрежу непремѣнно, во что бы то ни стало! Къ счастью, у меня остался другой экземпляръ».

Этотъ разговоръ былъ прерванъ докладомъ кучера, что все готово къ отъѣзду съ проклятаго перепутья.

— Правда, Фрицъ, несчастнаго перепутья! – отвѣчалъ со вздохомъ пасторъ, увидѣвъ, что цейгмейстеръ отъ него ускользнулъ.

— Развѣ и съ вами что-нибудь случилось, какъ съ моимъ крестнымъ отцомъ?—сказалъ Фрицъ съ видомъ изумленія.

— Нѣтъ, Фрицъ, ничего; такъ, совершенно ничего! Не поднималъ-ли ты, однакожъ, бумаги, такъ, пустячной ничего не стоющей бумаженки?

— Не подымалъ и не видалъ, господинъ пасторъ! Вы знаете, я читать не умѣю.

— Ни слова никому объ этомъ, Фрицъ! Бросимъ въ сторону этотъ вздоръ, и съ Богомъ въ путь! Аминь!

— Знаешь ли, папахенъ?—прервала его заботливую рѣчь дѣвица Рабе, потихоньку подступивъ къ нему.— Я хочу пригласить музыкантовъ ко дню рожденія моей

доброй Луизы и обрадовать ее нечаяннымъ концертомъ. Лучшимъ подарить мнѣ ее нечѣмъ. О! какъ изумитъ ее моя музыка! Ты увидишь, какъ я все устрою.

Гликъ легко согласился сдѣлать удовольствіе своей воспитанницѣ, предоставивъ ей самой трудъ уговорить музыкантовъ къ путешествію въ Гельметъ. Легко склонились слѣпецъ и молодой товарищъ его на просьбу доброй дѣвушки, тѣмъ скорѣе, что они давно желали, какъ говорили они, побывать въ помѣстьѣ баронессы Зегевольдъ, и что имъ пріятно будетъ показать свое искусство на большомъ пиру разыграніемъ какой-нибудь важной штуки.

Солнце удалялось къ западу; лучи его уже косвеннѣе падали на землю; тѣнь деревъ расла примѣтно и жаръ ослабѣвалъ. Всѣ разстались друзьями. Карета, запряженная рыжими лошадками, тронулась, и опять, по правую сторону ея, на высокомъ, тощемъ конѣ, медленно двигался высокій офицеръ, будто вылитый вмѣстѣ съ нимъ

— Добрая, прекрасная дѣвица!—сказалъ Вольдемаръ, проводивъ глазами экипажъ и коннаго спутника. —Не знаю, съ кѣмъ ее сравнить! Софія, правда, была нѣкогда прекраснѣе ее.

— Неужели Софія была такъ хороша, какъ ты объ ней разсказываешь?— спросилъ слѣпецъ. — Съ этими словами музыканты поплелись по тропѣ, извивающейся въ рощѣ, изъ которой они пришли.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗАМОКЪ ГЕЛЬМЕТЪ

Чванкина.
Такъ знаютъ во дворцѣ объ насъ?

Полистъ.
Не только знаютъ,
Но и по комнатѣ о васъ лишь разсуждаютъ.
Ком. „Хваступъ". — *Княжнинъ.*

На замки Лифляндіи смотришь еще, какъ на представителей феодальнаго ея быта, дикаго и романическаго. Это ветераны нѣкогда знаменитаго и болѣе несуществующаго войска, ветераны, изувѣченные, отдающіе уже дань времени и засыпающіе сномъ вѣчнымъ на изломанныхъ трофеяхъ своихъ. Они имѣли также *свое* великое время. Разбудите ихъ, вопросите съ терпѣніемъ и уваженіемъ, должнымъ имъ сѣдинамъ и заслугамъ,—и они, въ краснорѣчивомъ лепетѣ младенческой старости разскажутъ вамъ чудеса о давно *быломъ;* и гигантскія тѣни ихъ полководцевъ, прислушившись изъ праха къ словамъ *чести* и *красоты*, встанутъ передъ вами, грозные, залитые съ ногъ до головы желѣзомъ, готовые, при малѣйшемъ сомнѣніи о величіи ихъ, бросить вамъ гремящую перчатку, на коей видны еще брызги запекшейся крови ихъ враговъ.

Чего не разскажетъ одинъ замокъ Гельметъ? Видны только развалины, но какъ онѣ доселѣ краснорѣчивы!

Забываешь даже, что небо служитъ имъ крышею, а украшеніями—растущія по нимъ пихта, рябина и береза. Кажется, и нынѣ раздаются по заламъ тяжелыя стопы грознаго основателя его, Юргена фонъ Айхштедта [1]); сквозь желѣзную рѣшетку косащатаго окна мелькаетъ бѣлоатласная ручка и передаетъ девизъ побѣды или смерти молодому рыцарю, стоящему въ оврагѣ подъ смиренною одеждой пилигрима. Кажется, слышишь изъ отверстія подземной тюрьмы вздохъ орденмейстера Іоганна фонъ-Ферзена, засаженнаго въ ней по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ русскими [2]); видишь подъ стѣнами замка храбраго воеводу, князя Александра Оболенскаго, рѣшающагося лучше умереть, чѣмъ отступить отъ нихъ [3]), и въ окружныхъ холмахъ доискиваешься его праха; видишь, какъ герцогъ Іоганнъ Финляндскій, среди многочисленныхъ своихъ вассаловъ, отсчитавъ полякамъ лежащіе на столѣ 125,000 талеровъ, запираетъ въ серебряномъ бокалѣ пріобрѣтеніе Гельмета и другихъ окружныхъ помѣстій [4]). Передо мною проходятъ, какъ фантасмагорическія явленія, рыцари, епископы, русскіе, поляки, шведы, то осаждающіе замокъ, то обладатели его, то геройскіе мученики своихъ побѣдителей. Сколько приключеній ужасныхъ, чудныхъ, романическихъ, разбросано на обломкахъ Гельмета, на этихъ лоскутахъ давно прерванной лѣтописи!

Мѣстоположеніе Гельмета [5]) одно изъ пріятнѣйшихъ въ Лифляндіи: имъ одушевлялись кисть, рѣзецъ,

---

[1]) Въ 1265 году.
[2]) Въ 1472 году.
[3]) Въ 1502 году.
[4]) Въ 1562 году.
[5]) Гельметъ находится отъ Дерпта къ юго-западу, въ 65-ти верстахъ; поворотъ на него—съ Рижской дороги отъ Рингена, или проѣхавъ отъ станціи Куйкацъ нѣсколько верстъ вправо. Послѣдняя

перо и лира: сотни путешественниковъ, оставивъ на песчаниковыхъ (de grès) сводахъ его гротовъ имена свои, хотѣли высказать, что *и они были въ Аркадіи*. Дѣйствительно, бывшая обладательница Гельмета, г-жа Герсдорфъ, умѣвшая, со вкусомъ и любовью къ изящному, сочетать искусство и природу сдѣлала его маленькимъ эдемомъ. Нынѣ это помѣстье на *арендѣ:* довольно этого слова, чтобы выразить его невыгодное во всемъ измѣненіе. Несмотря на то, и нынѣ любуешься по нѣскольку разъ красотами этихъ мѣстъ; прощаясь съ ними, хочется еще разъ на нихъ взглянуть.

Не ищите здѣсь обширныхъ видовъ, на которыхъ бы отдыхали взоры и сердце: прекрасное все здѣсь вмѣстѣ; кажется, изъ-за Гельмета вся страна кругомъ обижена природою. Развѣ иногда мелькомъ, сквозь уголокъ, сбереженный догадливымъ искусствомъ, представляется вамъ возвышенная даль. Лучшій видъ, безъ сомнѣнія, отъ господскаго дома, съ краю оврага изрытаго кругомъ замка. Живописныя развалины послѣдняго стоятъ на бугристомъ, высокомъ холмѣ. Правая сторона замка болѣе другихъ уцѣлѣла: длинную стѣну, неровно зазубренную временемъ, поддерживаютъ двѣ четвероугольныя башни, еще бодро выступающія впередъ на грудистыхъ насыпяхъ. Остатокъ свода отъ одной изъ этихъ башенъ, такъ сказать, на волоскѣ держится. Съ другой стороны, время было наиболѣе неумолимо, какъ бы нарочно для того, чтобы поразнообразить красоты развалинъ; здѣсь вездѣ слѣды, оставленные борьбой времени съ дѣломъ рукъ человѣческихъ. Въ одномъ мѣстѣ лежитъ обломокъ, будто брошенный на бѣгу огромный щитъ; въ другомъ—воз-

---

дорога тѣмъ пріятнѣе, что на перепутьѣ находится Пекгофъ, гдѣ, среди мрачнаго лѣса, сооруженъ великолѣпный памятникъ фельдмаршалу Барклаю-де-Толли.

вышается неровною пирамидой; далѣе цѣлая стѣна, понемногу клонясь, оперлась на другую, болѣе твердую, какъ дряхлѣющая старость облокачивается на родственнаго мужа; кой-гдѣ обломокъ, упавъ съ высоты, покатился по холму, и вдругъ, отряхнувшись, твердо выпрямился въ серединѣ его и утвердился на мѣстѣ. Кругомъ оврага разбросаны холмы, выступаютъ мысы и расходятся въ разныхъ направленіяхъ хребты небольшихъ горъ. Влѣво, на двухъ холмахъ, на которыхъ зелень такъ ровна, какъ будто они обляты ею, стоятъ въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи красивыя березовыя рощицы, образующія между собою раму для одного изъ прелестнѣйшихъ видовъ. На площади обширнаго поля представляются деревенька, развалины старой гельметской кирки; немного вправо— новая кирка, и въ небольшомъ отдаленіи—дикіе и неровные берега рѣки, съ могилами русскихъ, павшихъ въ войну за обладаніе Лифляндіей. Ближе, рѣчка эта разлилась озеромъ, потомъ, сдержанная скатертью фелинской дороги и плотиною, суживается въ ручей, пробирается подъ мостикомъ, падаетъ, съ безпрерывнымъ ропотомъ на свою неволю, будто изъ урны, серебряною струей, разсыпается о камни, наконецъ, заигравъ на свободѣ, въ извилинахъ теряется между дикими кустарниками и спѣшитъ соединиться въ саду съ ручьемъ Тарвастомъ. Вправо, между холмами, видъ болѣе стѣсненъ и болѣе протянутъ; разнотѣнныя возвышенія одно за другимъ полосятся, будто неровныя бразды вспаханной нивы. Обойдите развалины замка: какія очаровательныя мѣста и виды представятся вамъ! Съ восточной стороны взгляните съ высоты внизъ, и передъ вами—глубокій, мрачный оврагъ, заросшій деревьями, которыя, будучи лишены солнечнаго свѣта, растутъ почти безъ листьевъ. Тутъ же поднимите взоры ваши, и васъ привѣтствуютъ изъ-за десятковъ

верстъ сизыя горы Оденпе. Обойдите садъ, и на каждомъ шагу готовъ прелестный ландшафтъ, достойный кисти Клода-Лорреня, и убѣжище, въ которомъ Руссо захотѣлъ бы жить и умереть. Пригорки, холмы, долины, открытыя или затаенныя подъ сѣнью рощъ; ручей Тарвастъ то сердито прорывается пѣнистыми нитями между огромными камнями, то падаетъ стекловиднымъ потокомъ, то скачетъ съ шумомъ по мелкимъ камешкамъ. Мостики образованы изъ повалившихся черезъ ручей деревьевъ или накинуты искусствомъ. Цвѣтники, разбросанныя купы деревъ, гроты, утесы, подземный ходъ; за садомъ озеро съ прекраснымъ островкомъ и приманчивою для дикихъ птицъ осокою, заставляющею даже ихъ забывать, что ихъ обманываетъ искусство; мельница съ своимъ шумнымъ водопадомъ; поля, испещренныя рощицами, жнивами и деревеньками,—все это, повторяю, дѣлаетъ изъ Гельмета настоящій рай земной.

Господскій домъ стоялъ въ началѣ XVIII столѣтія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ нынѣ, именно противъ развалинъ замка, раздѣленный съ ними обширнымъ дворомъ и обращенный главнымъ фасомъ въ поле, и вообще построенъ былъ безъ всякаго уваженія къ архитектурѣ, по вѣчно однообразному плану нѣмецкихъ сельскихъ и городскихъ домовъ. Перемѣна, которую въ немъ сдѣлали успѣхи зодчества въ Лифляндіи или своенравіе его обладателей, только та, что готическія окошки превращены въ обыкновенныя четвероугольныя, и богатая терраса—въ лѣстницу. Должны мы также присовокупить, что тамъ, гдѣ стоитъ нынѣ на феллинской дорогѣ простой мостикъ, былъ подъемный.

Въ то время, когда происходитъ дѣйствіе нашего романа, замокъ Гельметъ (такъ будемъ называть вообще мызу и помѣстье подъ этимъ именемъ) *принадлежалъ* баронессѣ Амаліи Зегевольдъ по правамъ *аллодіаль-*

нымъ [1]), утвержденнымъ редукціонною комиссіей съ грѣхомъ пополамъ, въ уваженіе къ ея родственнымъ связямъ съ предсѣдателемъ комиссіи, деспотическимъ графомъ Гастферомъ.

Баронесса Зегевольдъ — отъ колыбели ненаглядное дитя фортуны—была избалована слѣпою любовью отца и матери. Единственная наслѣдница богатаго имѣнія, котораго, по смерти ихъ, сдѣлалась и полною обладательницей на двадцатомъ году веселой прогулки по пути жизни, она испытала во все продолженіе ея только одно горе, не несчастіе—потерю мужа кроткаго, терпѣливаго, смотрѣвшаго въ глаза своей повелительницѣ и любившаге ее, какъ идолопоклонникъ любитъ свой кумиръ. Въ баронессѣ, всегда окруженной роемъ постороннихъ и домашнихъ почитателей ея ума, красоты и богатства, преобладали въ высшей степени самолюбіе, тщеславіе и любовь къ господству. Въ душѣ ея засѣли эти страсти, такъ что все, имѣвшее честь принадлежать ей и находиться въ зависимомъ къ ней отношеніи, кряхтѣло подъ бременемъ ихъ. Въ цвѣтѣ ея молодости ей неизвѣстно было, что такое любовь. Если послѣдняя находила иногда путь къ ея сердцу, то это было подъ личиною лести; узнавъ обманъ, Амалія такъ сердито выпроваживала отъ себя Амура, что онъ въ другой разъ не смѣлъ къ ней показаться. Теперь же, когда ей стукнуло за сорокъ лѣтъ, его самого обольщеніями нельзя было приманить къ ея ногамъ. Властолюбіе сдѣлалось единственною потребностью ея души. Но дѣйствовать волею своею на тѣсный кругъ семейства, приближенныхъ и крестьянъ своихъ казалось ей недостаточно, дышать въ воздухѣ этой ограниченной сферы было для нея тяжело. Ей мнилось, что она имѣетъ столько глубокомыслія и

---

[1]) Родопаслѣдственнымъ.

проницательности, столько знанія людей и обстоятельствъ, такое сильное вліяніе на соотечественниковъ, что можетъ управлять ходомъ политическихъ дѣлъ Лифляндіи.—«Кто не умѣетъ поставить себя выше своего званія и состоянія, тотъ недостоинъ пользоваться ни тѣмъ, ни другимъ»,—повторяла она за королевою Христиной, которую во многомъ взяла себѣ въ образецъ, какъ увидимъ послѣ. Слѣдуя этому правилу, она рѣшилась показать чудесное явленіе, именно женщину-дипломатку, и занять, во что бы то ни стало, порядочную страницу въ исторіи XVIII столѣтія. Хитрому Паткулю взялась она противопоставить себя, перехитрить его, и какъ онъ дѣйствовалъ въ пользу Россіи, также дѣйствовать для блага Швеціи. Съ этого времени домъ баронессы сдѣлался очагомъ политическихъ мнѣній Лифляндіи и телеграфомъ всѣхъ новостей, имѣвшихъ вліяніе на страну.

Добровольно возложивъ на себя обязанности дипломата, Амалія Зегевольдъ старалась привесть въ движеніе всѣ тонкости, съ этимъ званіемъ сопряженныя. Не только въ отечествѣ своемъ имѣла она лазутчиковъ, но хвалилась, что имѣетъ ихъ даже при дворахъ Августа и Петра. Были люди, которые вѣрили ей на слово, что въ перепискѣ ея съ г-жею Монсъ, соотечественницею ея и временною любимицей Петра I, заключались извѣстія обо всѣхъ движеніяхъ русской политики. Между тѣмъ, знавшіе хорошо русскаго государя, знали также вѣрно, что хотя онъ всякой прекрасной женщинѣ старался быть пріятнымъ, но еще ни одна изъ нихъ не могла прибрать ключа къ его кабинету. Не совсѣмъ довѣряли также, чтобы тайная корреспонденція баронессы съ графиней Кенигсмаркъ, извѣстной своею красотой и властью надъ королемъ польскимъ Августомъ, могла быть полезною для Лифляндіи Кажется, всѣ эти члены женскаго

кабинета платили другъ другу фальшивою монетою. Но одна изъ надежнѣйшихъ и сильнѣйшихъ пружинъ, которыя баронесса заставляла играть для достиженія своей цѣли, были раскольники, убѣжавшіе изъ Россіи будто бы отъ гоненій правительства и нашедшіе себѣ новое отечество около Чудскаго озера, большею частію на земляхъ фамиліи Зегевольдъ или по сосѣдству съ нею во владѣніи ея близкихъ знакомыхъ. Она обратила виды свои на Андрея Денисова, одного изъ коварнѣйшихъ людей того времени въ Россіи, главу и учителя поморскихъ раскольниковъ. Въ Лифляндіи находился ересіархъ этотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ. Пришедши изъ Выгорѣцкаго *скита* [1]) для соглашенія споровъ, возникшихъ въ разныхъ зарубежныхъ *согласіяхъ* [2]), и для обращенія на путь истинный *суетныхъ* [3]) или отпавшихъ членовъ своихъ, онъ умѣлъ вызвать господствующія въ баронессѣ страсти и, несмотря на различіе вѣры и народности, заключить съ нею противъ русскаго государя оборонительный и наступательный союзъ. Вѣсти, получаемыя отъ Андрея Денисова о внутреннихъ дѣлахъ Россіи и даже тамошняго двора, могли быть вѣрны, во-первыхъ потому, что хитрые миссіонеры-старообрядцы, шатаясь безпрестанно изъ края въ край, изъ одного скита въ другой, не упускали на мѣстахъ развѣдывать обо всемъ, что имъ нужно было знать, и во-вторыхъ потому, что ересіархъ ихъ, давно извѣстный честолюбивой царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, велъ съ нею тайную переписку [4]). Переводчикомъ въ чудныхъ сношеніяхъ Денисова съ лиф-

---

[1]) Монастырь старообрядческій.

[2]) Общества раскольничьи.

[3]) Неисполняющіе въ точности правилъ старовѣрческихъ.

[4]) Смотри *Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ,* изданное протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ, 1799 г., стр. 115.

ляндской баронессой служилъ *жидовинъ*, находившійся въ числѣ его учениковъ. По тщеславію *патріотки*, (такъ прозвали ее наконецъ), можно судить, сколько она старалась различными услугами поддержать эту связь.

Дружескія ея сношенія съ генералъ-вахтмейстеромъ Шлиппенбахомъ, основанныя на разныхъ пожертвованіяхъ въ пользу шведскаго войска, были также скрѣплены политикой. Въ минуту сердечнаго изліянія (надобно знать, что и дипломаты проговариваются) открылъ и онъ баронессѣ, что имѣетъ въ Лифляндіи повѣреннаго умнаго, тонкаго, всезнающаго, который, подъ видомъ доброжелательства Паткулю, ведетъ съ нимъ переписку, даетъ ему ложныя извѣстія о состояніи шведскаго войска и между тѣмъ увѣдомляетъ своего настоящаго довѣрителя о дѣйствіяхъ русскихъ. «Вотъ какъ — прибавлялъ Шлиппенбахъ — проводимъ мы хитреца, играющаго роль министра россійскаго! Прихлопнемъ, ужь прихлопнемъ мы его въ ловушку!» Довѣренную свою особу называлъ генералъ-вахтмейстеръ шведомъ, знающимъ совершенно языки: природный (само собой разумѣется), нѣмецкій, латышскій и русскій. Шведъ былъ всячески укрытъ отъ поисковъ баронессы, которая могла бы имъ овладѣть въ свою пользу. Она успѣла, однакожъ, вывѣдать, что этотъ таинственный человѣкъ былъ музыкантъ, играющій на какомъ-то русскомъ инструментѣ, и странствуетъ съ слѣпцомъ. Намъ легко узнать въ этихъ лицахъ Вольдемара изъ Выборга и Конрада изъ Торнео. Такимъ образомъ разставлялись сѣти русской политикѣ. Бѣдная Россія!

Какая была награда женщинѣ-дипломату за всѣ труды и пожертвованія ея? — Слава въ будущемъ, страничка въ исторіи, а покуда благодарность министра Карла XII. Пиперъ очищалъ увѣдомленія ея въ

горнилѣ опытности и благоразумія и умѣлъ извлекать граны чистаго золота изъ пудовъ нечистой примѣси. Не менѣе того оставался онъ признателенъ богатой и знатной лифляндкѣ, жертвующей своимъ достояніемъ и трудами пользѣ Швеціи и направлявшей умы своихъ соотечественниковъ къ преданности шведскому престолу. Съ этой стороны подвиги *патріотки* не были тщетными, и потому люди, судящіе по наружности, почитали ее довольно сильною у двора шведскаго,— двора несуществующаго, безъ политики или, лучше сказать, находившагося тамъ, гдѣ раскидывалась ставка Карла XII, и дѣйствовавшаго по направленію его шпаги. Вѣроятно, и самъ король не имѣлъ понятія о баронессѣ Зегевольдъ, ибо онъ никогда ни объ одной женщинѣ не хотѣлъ слышать.

Любопытство, праздность, лукавство, желаніе сдѣлать угодное баронессѣ, искательство, связи дружбы и родства собирали въ Гельметъ многочисленное, иногда блестящее общество, которое она почитала за дворъ свой. Къ удовольствію посѣтителей, несмотря на различіе партій, она принимала всѣхъ съ равнымъ гостепріимствомъ, хотя съ нѣкоторымъ условленнымъ этикетомъ, и допускала въ свой кругъ свободу мнѣній, лишь бы эта свобода не посягала на тщеславныя, личныя права самой владѣтельницы замка. Особенно старалась она завлечь въ Гельметъ путешественниковъ, художниковъ, ученыхъ, чтобы уронить въ сердца ихъ сѣмена благорасположенія къ себѣ и выманить отъ нихъ занимательныя новости о тѣхъ странахъ, которыя они проѣзжали. Нерѣдко выслушивала она терпѣливо изъ устъ ихъ нѣкоторыя горькія истины на счетъ неблагоразумія, съ какимъ продолжалась настоящая война, и заносчивости молодого вѣнценоснаго побѣдителя,—слушала, и продолжала дѣлать свое.

Мы сказали, что она во многихъ взяла себѣ въ

образецъ Христину. Въ самомъ дѣлѣ, многіе характеристическіе пріемы королевы шведской перешли въ наслѣдство къ баронессѣ. И та и другая не любили женскаго общества; обѣ занимались литературою, покровительствовали ученымъ, ласкали предпочтительно иностранцевъ, были щедры безъ разсудительности и, между нами сказать, не думали о благѣ своихъ подданныхъ; обѣ не только въ своихъ поступкахъ, но и въ одеждѣ выказывали странности характера своего и, на зло природѣ, старались показывать себя болѣе мужчинами, нежели женщинами. «Какъ пристали къ баронессѣ темный галстучекъ, амазонское платье à la reine de Suède, отважная верховая ѣзда по слѣдамъ гончихъ, ученыя словопренія съ профессорами и даже чернильныя пятна на пальчикахъ ея и манжетахъ! Настоящая Христина!» Такъ говорили поклонники баронессы; а послѣднихъ было у ней довольно, потому что желаніе владычествовать и *обязывать* заставляли ее быть великодушною, очень часто къ собственному вреду. Просьба ученаго, особенно иностранца, намеки знатнаго родственника, человѣка значительнаго, о нуждахъ своихъ, искушеніе казаться тѣмъ, чѣмъ она въ самомъ дѣлѣ не была, прославиться высокими свойствами души, которыхъ она не имѣла, — развязывали ея кошелекъ, закрывая ей глаза на счетъ домашнихъ обстоятельствъ. У себя, съ своими, она была деспотъ настоящій; *я* покрывало и собственныя ея пользы и благо ввѣренныхъ ей Провидѣніемъ крестьянъ. О состояніи послѣднихъ *патріотка* не хотѣла знать. «Они должны въ точности выполнять возложенное на нихъ,— говорила властолюбивая помѣщица, — я даю имъ раза два, три въ годъ праздники, шью невѣстамъ нарядныя платья, женихамъ — цвѣтные кафтаны; страхъ какъ бы хотѣла преобразить моихъ латышей и чухонъ въ швейцарцевъ, но упрямцы останутся вѣчно латышами

и чухонцами. Не мнѣ чета, Стефанъ Баторій хотѣлъ улучшить ихъ состояніе, но принужденъ же былъ согласиться оставить ихъ, какъ они есть, чтобъ не было имъ хуже!.. Чтожъ болѣе и мнѣ для нихъ дѣлать? Все прочее поручаю моимъ управителямъ, которымъ плачу хорошія деньги, именно за то, чтобы они избавляли меня отъ скучныхъ обязанностей экономки и сношеній съ этимъ необразованнымъ, грубымъ народомъ». Взвѣсивъ эти разсужденія, можно судить, каково было состояніе ея крестьянъ. Доходы не умножались, хозяйство не спорилось; и хотя амтманъ Шнурбаухъ увѣрялъ, что финансы ея приходятъ день ото дня въ лучшее состояніе, что все подвластное ей благословляетъ ее; но худо покрытыя избы, хлѣбъ пополамъ съ мякиною и бѣдная, нечистая одежда поселянъ ея вѣрнѣе сказывали истину. Надо замѣтить, что лифляндскіе помѣщики тогдашняго времени не одушевлялись еще тѣмъ благороднымъ, высокимъ ко благу человѣчества стремленіемъ, какое видимъ мы, къ чести ихъ, въ современную намъ эпоху.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ДОМОЧАДЦЫ

Всѣхъ, всѣхъ давайте намъ на сцену!
Анонимъ.

Баронесса имѣла единственную дочь. Луиза душевными качествами нимало не походила на свою мать. Казалось, природа хотѣла недостатки первой вознаградить достоинствами другой. Несмотря на странности даннаго Луизѣ воспитанія, которымъ желали удивить современниковъ (въ нашъ вѣкъ нѣтъ уже ничего удивительнаго), ибо съ преподаваніемъ языковъ шведскаго, французскаго и даже латинскаго, учили ее не только стряпать, но и жать рожь; несмотря на то, что съ малолѣтства заставляли ее твердить роль богатой наслѣдницы, она оттолкнула отъ себя всѣ обольщенія самолюбія. Кротостью и ангельскимъ смиреніемъ, всегдашнею готовностью помогать несчастнымъ, привѣтливымъ обхожденіемъ съ нисшими, она часто заставляла подвластныхъ баронессѣ забывать всю тяжесть ея господства. Какъ гостепріимная пальма въ степи, она заслоняла собою жгучіе лучи гордаго свѣтила. Любовью ко всему доброму и высокому напитана была душа ея. Характеръ ея былъ созданъ, чтобы составлять счастіе

другихъ; но въ немъ же замѣтна была степень чувствительности, опасная для нея самой. Доселѣ трогали ее одни бѣдствія ближнихъ, которымъ она поспѣшала на помощь безъ всякихъ вычисленій ума. Надо было ожидать, что Луиза съ сердцемъ, приготовленнымъ для нѣжныхъ впечатлѣній, узнавъ другую любовь, кромѣ состраданія къ ближнимъ, предастся этому чувству, какъ простодушное дитя, и увлечется имъ съ тѣмъ постоянствомъ и силою страсти, которыя отличаютъ ея полъ и выбираютъ изъ него своихъ несчастныхъ жертвъ чаще, нежели изъ другой половины рода человѣческаго.

Мать Луизы, бывъ счастлива супружествомъ, по разсчету своихъ родителей, одолженная также спокойствіемъ и удовольствіями жизни богатому состоянію, хотѣла доставить и дочери тѣ же блага. По одинаковому-жъ разсчету, Луизѣ, съ девятилѣтняго возраста, назначенъ въ супруги баронъ Адольфъ фонъ Траутфеттеръ, мальчикъ, старѣе ея тремя годами. Дядя по матери его, баронъ Балдуинъ Фюренгофъ, одинъ изъ богатѣйшихъ лифляндскихъ помѣщиковъ, былъ человѣкъ удивительный: онъ умѣлъ выбивать изъ копѣйки рубль комическою скупостью, необыкновенными ростовыми оборотами и вѣчными процессами, и успѣлъ еще, при владѣніи небольшимъ имѣньемъ, доставшимся ему отъ матери, составить себѣ значительный капиталъ. Сверхъ того, чтобы переполнить его казнохранилище, случилось, къ изумленію всей Лифляндіи, что отецъ, отрѣшившій было его отъ наслѣдства за безпутство и жадность къ деньгамъ, вдругъ неожиданно передъ смертію уничтожилъ свое прежнее завѣщаніе, сдѣланное въ пользу двухъ дочерей, и оставилъ Балдуину, по новому уже завѣщанію, родовое и благопріобрѣтенное имѣніе, за нѣкоторымъ малымъ исключеніемъ въ пользу сестеръ его. Балдуинъ Фюренгофъ обязанъ былъ баронессѣ

утвержденіемъ за нимъ редукціонною комиссіей имѣнія. Съ нимъ-то тщеславная дипломатка и пасторъ Гликъ, всегда подававшій свой голосъ тамъ, гдѣ шло дѣло объ устроеніи чьей-либо будущности, составили нѣкогда совѣтъ. Въ немъ положили, для общаго благосостоянія, соединить законными узами Луизу и Адольфа, какъ скоро первой наступитъ семнадцать лѣтъ, а второму—двадцать. Чтобы ни одна сторона не могла нарушить это положеніе, оно утверждено было законнымъ актомъ; только смерть невѣсты или жениха освобождала ту или другую сторону отъ обязательства. Съ выполненіемъ его Адольфъ долженъ былъ вступить во владѣніе половиной дядина имѣнія, а по смерти Фюренгофа пользоваться всѣмъ, чѣмъ этотъ владѣлъ правдой и неправдой. Надо объяснить, что изъ фамиліи Траутфеттеровъ оставались въ Лифляндіи только Адольфъ и двоюродный братъ его, Густавъ, двумя годами его старшій. Матери ихъ были родныя сестры, и какъ онѣ, такъ и отцы ихъ, умерли еще до 1690 г. Ближайшими родственниками ихъ оставались Фюренгофъ и Рейнгольдъ Паткуль. Послѣдній, до приговора его къ казни, имѣлъ объ оставшихся сиротахъ истинно отеческое попеченіе. Бѣжавъ изъ Швеціи и лишившись всего имѣнія, взятаго въ казну, онъ поручилъ ихъ покровительству Фюренгофа, бывшаго вмѣстѣ съ нимъ и опекуномъ того незначительнаго участка, который достался сиротамъ послѣ смерти ихъ родителей. Доходами съ этого участка, ощипаннаго усердіемъ скупого дяди, Адольфъ и Густавъ начали пользоваться, какъ скоро приняты были въ военную службу.

Адольфъ, до вступленія своего въ университетъ, нерѣдко гостилъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ замкѣ баронессы Зегевольдъ, желавшей укрѣпить привычкою будущій союзъ его съ Луизой. Дѣти любили другъ друга, какъ дѣти, долго жившія подъ одной кровлей

и сближенныя привлекательною наружностью, играми, извѣстностью ихъ будущности, для нихъ непонятной, но представляемой имъ въ пріятномъ видѣ родства. «Милая Луиза!» «Милый Адольфъ!» были имена, которыя они давали другъ другу и вырѣзали ихъ даже въ одномъ изъ гельметскихъ гротовъ. Не зная, что такое любовь, они уже ощущали ее въ какомъ-то удовольствіи быть чаще вмѣстѣ. Случалось даже, что маленькій женихъ ревновалъ къ двоюродному брату Густаву, пріѣзжавшему иногда, хотя гораздо рѣже его, гостить въ Гельметъ. Адольфъ и Луиза были вездѣ вмѣстѣ: въ танцахъ, въ играхъ, въ прогулкахъ, трудно было разлучить эту пару голубковъ. Была ли больна одна, нездоровилось другому; видя одного грустнымъ, можно было догадаться, что и другой въ такомъ же состояніи. Маменька не могла налюбоваться на эту маленькую чету. Баронессѣ особенно нравилось, что будущій мужъ былъ уступчивъ и покоренъ волѣ будущей супруги. Нѣкоторые сосѣди, неослѣпленные пристрастіемъ, потихоньку осуждали это слишкомъ раннее въ лѣтахъ развитіе чувства, которое никогда не поздно узнать. Но баронесса, обольщенная мыслью, что дочка будетъ обладательницей огромнаго имѣнія, предвидѣла одно ея величіе и благополучіе. Фюренгофъ, который душевно желалъ бы зарыть свои сокровища въ землю, чтобы они никому не доставались, объявлялъ между тѣмъ, что онъ утѣшается мыслью передать свое имѣніе, нажитое многолѣтними трудами, сыну сестры, которую онъ особенно любилъ, и молодому человѣку съ хорошими надеждами. Дѣйствительно извѣстно было, что онъ терпѣть не могъ мать Густава за горькія истины, нѣкогда ею высказанныя, и процессъ, затѣянный ею по случаю оспариванія послѣдняго отцовскаго завѣщанія.

Когда Адольфъ принужденъ былъ отправиться въ упсальскій университетъ доканчивать ученіе и начинать

новую жизнь: убивать первыя, чистыя впечатлѣнія природы и знакомиться съ тяжелыми опытами; когда нашимъ друзьямъ надо было разстаться, — одиннадцатилѣтняя невѣста и четырнадцатилѣтній женихъ обливались горькими слезами, какъ настоящіе влюбленные. Долго не могла она забыть своего дорогого Адольфа; долго не могли истребиться изъ памяти и сердца студента глазки Луизы, томные, черненькіе, какъ жучки; каштановые, шелковые локоны, которыми онъ такъ часто игралъ пальцами своими; бѣлыя ручки ея, обвивавшія такъ крѣпко его шею при тяжкомъ разставаніи, и слезы, горячія слезы его, лившіяся въ то время по его щекамъ. Иногда профессоръ исторіи, среди краснорѣчиваго повѣствованія о побѣдахъ Александра Великаго, отъ которыхъ передвигался съ мѣста на мѣсто парикъ ученаго, густыя брови его колебались, подобно юпитеровымъ бровямъ въ страхъ земнороднымъ, и каѳедра трещала подъ молотомъ его могучей длани, — иногда, говорю я, великій педагогъ умильно обращался къ Адольфу съ слѣдующимъ возгласомъ:

— Вижу, вижу по блестящимъ глазамъ господина Траутфеттера, что онъ далеко пойдетъ за великимъ полководцемъ.

Адольфъ краснѣлъ отъ этой похвалы, потому что огонь, горѣвшій тогда въ его глазахъ, зажигали не побѣды Александра, но воспоминаніе о прогулкахъ по гельметскому саду. Онъ встрѣчалъ ее въ путешествіяхъ по всѣмъ странамъ свѣта, проходимымъ съ учителемъ географіи: свѣтъ его былъ тамъ, гдѣ была милая Луиза. Она преслѣдовала его и на бастіонахъ, планы которыхъ чертилъ Адольфъ для математическаго класса. Съ студенческой скамьи перевели его въ трабантскій полкъ и отправили прямо въ побѣдоносную королевскую армію, не давъ ему повидаться съ предметомъ его нѣжныхъ воспоминаній. На первыхъ квартирахъ и даже въ первыхъ

лагеряхъ разбиралъ онъ еще *залоги дружбы*, цѣловалъ съ жаромъ ленточку, которою нѣкогда *милая* подпоясывалась, клочекъ бумажки съ магическимъ именемъ: *Луиза*, засохнувшій цвѣтокъ, ею подаренный. Но чего не дѣлаетъ всемогущее время и не въ такія лѣта? Прошло два, три года, и Адольфъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ шведской арміи, молодой любимецъ молодого короля и героя, причисленный къ свитѣ его, кипящій отвагою и преданностью къ нему,—Адольфъ хотя любилъ изрѣдка припоминать себѣ милыя черты невѣсты, какъ бы видѣнныя во снѣ, но ревнивая слава уже сдѣлалась полною хозяйкой въ его сердцѣ, оставивши въ немъ маленькій уголокъ для другихъ чувствъ. Вѣтренникъ растерялъ даже залоги дружбы, для него прежде безцѣнные. Къ тому жъ онъ зналъ Луизу, какъ дитя, а образъ дѣтскій не сильный проводникъ къ сердцу 20-ти-лѣтняго пригожаго воина, которому каждый побѣжденный городокъ даритъ вмѣстѣ съ лаврами и свѣжія мирты. Съ другой стороны, Луиза, вспоминая свое прежнее обращеніе съ женихомъ, начинала стыдиться дѣтскихъ своихъ нѣжностей. При имени Траутфеттера она краснѣла и показывала неудовольствіе, если уже слишкомъ краснорѣчиво описывали ея бывшую къ нему привязанность. Впрочемъ, они изрѣдка вели другъ съ другомъ переписку, которую диктовала невѣстѣ мать, а жениху обязанность. Слова: *милый Адольфъ*, *милая Луиза*, замѣнились въ письмахъ болѣе холодными именами: *любезный*, *любезная*. Наконецъ, они стали помнить только *обязательство*, которое, можетъ быть, потому не забывали, что баронесса напоминала о долгѣ каждому изъ нихъ, подъ разными видами. Немудрено, что мигъ свиданія могъ расшевелить огонь, тлѣющій подъ пепломъ времени, и произвесть пожаръ, который трудно было бы затушить.

Срокъ, положенный для брака по разсчету, наступ-

пилъ; но война свирѣпствовала во всей ея силѣ, и Адольфъ, страстно приверженный къ особѣ и славѣ короля, почиталъ неблагодарностью, преступленьемъ, безчестіемъ удалиться отъ милостиваго лица своего монарха и побѣдоносныхъ его знаменъ. Онъ могъ получить дозволеніе служить въ лифляндскомъ корпусѣ, но даже и этотъ предлогъ отбыть изъ главной шведской арміи представлялся ему какимъ-то постыднымъ бѣгствомъ. Вслѣдствіе сего, онъ писалъ рѣшительно къ дядѣ, что прежде года не можетъ быть на своей родинѣ. Это извѣщеніе ничего не перемѣнило въ обязательствѣ баронессы Зегевольдъ и Фюренгофа: рѣшились ожидать терпѣливо еще годъ и, если нужно, болѣе. Какъ благоразумные кормчіе, они не теряли между тѣмъ надежды, что попутный вѣтеръ скорѣй вздуетъ паруса управляемаго ими судна и принесетъ его благополучно къ острову Гименея и Плутуса; проще сказать, они ожидали, что благопріятный случай доставитъ Адольфу возможность скорѣе удивить ихъ нечаяннымъ пріѣздомъ.

Снявъ портретъ съ матери и дочери, и описавъ обстоятельства, въ какихъ они находились, обрисуемъ и другихъ членовъ придворнаго гельметскаго штата, играющихъ болѣе или менѣе важную роль въ нашемъ романѣ. Во-первыхъ, выступаетъ передъ нами дѣвица Аделаида фонъ-Горнгаузенъ. Она считала 7-го гермейстера Бургарда своимъ родоначальникомъ и, повидимому, упала очень низко съ этого дерева; ибо отъ всей давнопрошедшей знатности предковъ удержала за собою только имя ихъ и старый пергаментъ, на которомъ ничего разобрать нельзя было, и который, будто-бы, потому-то и доказывалъ высокій родъ ея. Отъ всего же богатства гермейстерскаго достались ей въ удѣлъ нѣсколько гаковъ земли, частію подъ пескомъ, частію подъ болотами, принятыхъ вмѣстѣ съ ея осо-

бою подъ покровительство баронессы. Аделаида считалась demoiselle d'honneur при гельметскомъ дворѣ. Не только зрѣлая, но ужь и увядающая дѣва, она казалась всегда сердитою, потому что нѣкогда, а не теперь, слыла прекрасною, потому что нѣкогда мотыльки обжигали себѣ крылья около ея прелестей, а нынѣ удалялись ихъ, какъ погорѣлой жнивы. Она вела подробно, съ математическою точностію, реэстръ годамъ своихъ подругъ, а о своихъ лѣтахъ умалчивала съ приличною скромностью. Панегирики безбрачной жизни не мѣшали самой ей ожидать себѣ суженаго съ *вѣчною* любовью, котораго ожидала она съ *вѣчной* надеждой. Старое золотое время было всегдашнимъ предметомъ ея разговоровъ. Тутъ являлись кстати и некстати роды знаменитыхъ гермейстеровъ, кровныя связи ея съ магистрами и коадъюторами, высокіе замки, гдѣ каждый баронъ былъ независимый государь, окруженный знатными вассалами, пригожими пажами, волшебниками-карлами, богатырями-оруженосцами и толпою благородной дворни (Hofleute). Тутъ выступали турниры, гдѣ красота играла первенствующую роль, на которыхъ брошенная перчатка любимой женщины возбуждала къ подвигамъ скорѣе, нежели въ началѣ XVIII столѣтія всевозможныя жертвы, неоправленныя въ золото. Она такъ страсно любила рыцарскіе романы, что за чтеніемъ ихъ забывала общество, пищу и сонъ. Воображеніе ея настроено было этимъ чтеніемъ до того, что ей во снѣ и на яву безпрестанно мерещились карлы, волшебники, великаны и разнаго образа привидѣнія. Она была чувствительна, какъ цвѣтокъ *недотрога*; не могла безъ ужаса видѣть паука, кричала, когда птичка вылетѣла изъ клѣтки, плакала отъ малѣйшей непріятности и смѣялась всякой бездѣлицѣ, какъ ребенокъ. Уваженіе связей ея съ родственницею предсѣдателя редукціонной комиссіи и желаніе

протежировать высокую отрасль седьмого лифляндскаго гермейстера, побудили баронессу Зегевольдъ принять ее подъ свое крыло и смотрѣть на ея недостатки снисходительнымъ окомъ. Ее берегли, какъ старый жетонъ, для рѣдкости, а не потому, чтобы онъ имѣлъ цѣнное достоинство.

Второе лицо гельметскаго придворнаго штата былъ библіотекарь, Адамъ Биръ. Отецъ его, Томасъ, математикъ и антикварій, столько же славился ученостью своею, сколько и кабалистикой, разстроившею его разсудокъ до того, что онъ предсказывалъ конецъ міра и держалъ закладъ съ однимъ упсальскимъ аптекаремъ, который не соглашался съ нимъ только въ годѣ и мѣсяцѣ исполненія пророчества. Чудакъ, увѣренный въ своихъ кабалистическихъ выкладкахъ, роздалъ свое имущество бѣднымъ и съ двумя дѣтьми умеръ-бы, конечно, съ голоду, еслибъ его не отыскали благодѣянія королевы Христины. Сынъ его наслѣдовалъ, вмѣстѣ съ ученностью и умомъ отца, нѣкоторыя его странности,—нѣкоторыя, говорю я, потому что, идя по ступенямъ своего вѣка, онъ умѣлъ оставить позади себя всѣ схоластическія бредни и предразсудки, принадлежавшіе XVII столѣтію. Любя науки и природу, какъ страстный юноша, съ чувствами свѣжими, какъ жизнь, развернувшаяся въ первый день творенія, онъ чуждался большого свѣта, въ которомъ не находилъ наукъ, природы и себя, и потому создалъ для себя свой особенный міръ и окружилъ себя своимъ обществомъ грековъ и римлянъ, которыхъ былъ страстный поклонникъ. Онъ любилъ людей, какъ братьевъ, желалъ служить обществу своими трудами и дарованіями, но общества бѣгалъ, какъ заразы. Воображеніемъ и сердцемъ Адамъ былъ въ такомъ же состояніи, какъ одноименный ему первый человѣкъ, когда не гремѣли еще надъ нимъ слова: «*въ потѣ лица снѣси хлѣбъ твой.*» Онъ не зналъ, что

и насущный хлѣбъ надобно *пріискивать*. Не говоримъ уже о милостяхъ фортуны, которая давнымъ давно спустила повязку съ одного глаза и жалуетъ только усердныхъ своихъ почитателей. Достигнувъ возмужалости, онъ былъ все еще молодъ и неопытенъ сердцемъ, какъ въ лѣта своего младенчества. Характеръ его можно было уподобить горному вѣтру, который спускается иногда въ долину, но въ ней никогда не удерживается. Ничего нельзя было заставить его сдѣлать поневолѣ, все можно — ласкою, словами чести, уваженіемъ законовъ, любви къ ближнему и къ отечеству. Кроткій, услужливый и почтительный, пока требовали отъ него должнаго и не угнетали его, онъ умѣлъ даже сносить нѣкоторыя легкія оскорбленія; но когда чувствовалъ удары, прямо направляемые на доброе его имя, тогда онъ и самъ размахивался и возвращалъ ихъ безъ околичностей, со вторицей. Бѣлое никогда не называлъ онъ чернымъ и черное бѣлымъ, хотя-бы требовали того собственныя его выгоды и угожденія людямъ сильнымъ. Надо-ли было молчать объ угнетеніи — онъ говорилъ вслухъ и именно при тѣхъ, которые на теплыхъ крылышкахъ готовы были перенести его слова, какъ обыкновенно случается, съ прибавками; надо-ли было говорить о громкихъ подвигахъ великихъ злодѣевъ — онъ молчалъ. Къ довершенію его портрета, скажемъ, что онъ, проведя большую часть жизни въ уединеніи, сдѣлался застѣнчивъ, стыдливъ, подобно красной дѣвицѣ, неловокъ, чуждъ утонченныхъ приличій большого свѣта и разсѣянъ до смѣшного.

Этотъ чудакъ воспитывался въ упсальскомъ университетѣ и получилъ въ немъ каѳедру по смерти отца. Но за несоблюденіе будто *формы* по одному дѣлу, а болѣе за то, что онъ, въ избыткѣ откровенности, сказалъ, что университетомъ управляетъ не

ректоръ, а ректорша, его изгнали съ аттестаціей человѣка безпокойнаго и ненадежнаго. Нужды напали на него со всѣхъ сторонъ, люди, не знавшіе его и не принимавшіе никогда на себя труда изслѣдовать его поступки, повторяли за его *доброжелателями*, что онъ человѣкъ негодный. Больно было Адаму терпѣть несправедливыя гоненія; но онъ не преклонилъ головы ни передъ людьми, ни передъ рокомъ своимъ. Онъ терпѣлъ нужды, оскорбленія и вражду съ твердостью, истинно стоическою, находя въ объятіяхъ природы и наукъ вознагражденія и утѣшенія, ни съ чѣмъ несравненныя. Судьбѣ угодно было исторгнуть его изъ бѣднаго его положенія: сестра его, одна изъ ученѣйшихъ женщинъ своего времени, нашла случай помѣстить своего брата въ домъ баронессы Зегевольдъ, въ должность учителя къ ея дочери. Эту священную обязанность исполнилъ онъ наилучшимъ образомъ. Тщеславная обладательница Гельмета, умѣвшая постигнуть его познанія и понять слабости, умѣла и сберечь его. Окончивъ воспитаніе богатой наслѣдницы, Адамъ перешелъ въ должность секретаря при баронессѣ. Но здѣсь онъ не годился. Частныя поѣздки его съ дипломаткой, посѣщенія знатныхъ домовъ, гдѣ онъ часто, отъ застѣнчивости, горѣлъ какъ Монтезума на угольяхъ, обѣды, казавшіеся ему тягостнѣе дежурствъ, иногда несогласія съ баронессой въ мнѣніяхъ по разнымъ предметамъ, произвели въ немъ отвращеніе отъ новой должности. Сама дипломатка искала благовиднаго случая отказать ему отъ нея. Случай этотъ вскорѣ представился. Пріятельница баронессы увѣдомляла ее, какъ водится, съ прискорбіемъ, о кончинѣ 60-лѣтняго мужа своего, бывъ увѣрена, что она, по дружескимъ связямъ съ нею, приметъ участіе въ ея горестной потерѣ. Какъ нарочно, въ то же время сосѣдка Амаліи Зегевольдъ извѣщала ее о смерти щенка знаменитой

породы, котораго она, по просьбѣ ея, достала съ необыкновенными трудами и готовилась отправить къ *патріоткѣ*, для отсылки извѣстному министру шведскому, страстному охотнику до собакъ. Отвѣты, исполненные, почти сходно одинъ съ другимъ, сожалѣнія о смерти рѣдкаго мужа и щенка съ необыкновенными достоинствами, погибнувшими для свѣта, были подписаны баронессой; но Адамъ, въ разсѣянности, улетѣвъ воображеніемъ своимъ за тридевять земель въ тридесятое царство, перемѣшалъ конверты писемъ. Можно вообразить, какую суматоху надѣлали посланія. «Называть щенка моимъ мужемъ!» говорила одна, задыхаясь отъ гнѣва. «Называть щенкомъ моего мужа! Слыхана-ли такая дерзость? Этого безцѣннаго друга, ангела земного!...» говорила другая (хотя она того ангела при жизни терпѣть не могла). Много стоило труда баронессѣ помириться съ пріятельницами своими. Между тѣмъ секретарь уволенъ былъ отъ настоящей должности и опредѣленъ въ библіотекари гельметскаго замка. Здѣсь онъ былъ совершенно въ своей сферѣ: могъ безъ важныхъ послѣдствій ставить фоліанты вверхъ ногами, сближать Эпикура съ Зенономъ, сочетать *Квинта-Курція* съ *амазонками изъ монастыря*, помѣщать *награжденную пробу любви вѣрнаго Белламира* между *проповѣдями*, и такъ далѣе въ забывчивости перемѣщать всю библіотеку, на приведеніе которой въ порядокъ потребовалось бы цѣлое общество библіомановъ. Вмѣстѣ съ новою должностью, Адаму дана полная свобода быть, гдѣ пожелаетъ, и дѣлать, что хочетъ. Съ этой эпохи почиталъ онъ себя счастливѣйшимъ изъ людей.

На мѣсто его поступилъ секретаремъ къ баронессѣ Эліасъ Никласзонъ. Не знали именно, откуда онъ родомъ, хотя выдавалъ онъ себя за нѣмца. Иные почитали его итальянцемъ, другіе увѣряли, что онъ изъ

рода, считающаго своимъ отечествомъ то мѣсто, гдѣ находитъ для себя болѣе денегъ. Въ самомъ дѣлѣ все что особенно свойственно еврею: неутомимое терпѣніе, пронырство, двуличность низость и, наконецъ, сребролюбіе, означались въ Эліасѣ рѣзкими чертами. Когда онъ имѣлъ въ комъ нужду, готовъ былъ въ первый день своего искательства вытерпѣть даже побои. На другой день онъ стоялъ уже на ступени, ближе къ своей цѣли; если здѣсь онъ былъ обруганъ, то молчалъ и кланялся. На третій день онъ являлся въ передней и дежурилъ въ ней, не пивши и не ѣвши съ утренней зари до полуночи, несмотря на оскорбленія слугъ. Можно быть увѣрену, что къ концу недѣли встрѣчался онъ въ кабинетѣ того, въ комъ искалъ милостей, и выходилъ отъ него, получивъ желаемое, съ гордостью набоба. Въ Никласзонѣ было два человѣка: внѣшній и внутренній. Лицо его всегда улыбалось, хотя въ груди его таились адскія страсти; судя по взгляду его сѣро-голубыхъ глазъ, привѣтливому, ласковому, казалось, что онъ воды не замутитъ, между тѣмъ, какъ готовилъ злодѣйскіе замыслы. Черты его лица вообще были правильны, но обезображены шрамомъ на лбу, этимъ неизгладимымъ знакомъ буйной жизни. Говорили, что онъ получилъ нѣкогда почетный рубецъ осколкомъ бутылки, пущенной въ него товарищемъ въ спорѣ за предметъ, ихъ достойный. При людяхъ значительныхъ онъ боялся прикоснуться къ рюмкѣ, не могъ принимать лекарства, въ которомъ было хоть нѣсколько капель вина; за то въ кругу задушевныхъ, ему подобныхъ, онъ исправно осушалъ стаканы. Разговоръ его былъ самый уступчивый и сладкій; казалось, онъ не находилъ словъ для противорѣчія; взамѣнъ этого, краснорѣчіе лести было въ немъ неистощимо. На языкѣ носилъ онъ медъ, а подъ языкомъ ядъ. Въ Гельметскомъ замкѣ онъ умѣлъ угодить всѣмъ, отъ госпожи

до дворовой собаченки; одинъ Адамъ Биръ не терпѣлъ его и не скрывалъ своего отвращенія. Баронесса особенно любила его за точное и усердное исполненіе секретарскихъ обязанностей, за щегольской подчеркъ его письма и сладкій слогъ, угождавшій всѣмъ, кому онъ писалъ, за умѣнье питать ея самолюбіе и особенно за обѣщаніе привесть къ ней плѣнникомъ Паткуля. Безграмотному Шнурбауху составлялъ онъ аптекарскіе счеты, въ которыхъ приходъ съ расходомъ всегда былъ вѣренъ, и такіе исправные, что иголки нельзя было подъ нихъ подпустить; жену амтмана никогда не забывалъ величать госпожею фонъ-Шнурбаухъ, и даже дворецкому пожималъ онъ дружески руку. Но высшія въ немъ достоинства, которыми покрывались всѣ другія и съ которыми можно далеко пойти въ свѣтѣ, были: умѣнье *выдерживать* и *пользоваться*.—Мы должны прибавить, что онъ былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ Фюренгофомъ, и по его ходатайству попалъ въ домъ баронессы.

Остается намъ взглянуть еще на парочку двуногихъ животныхъ, и потомъ запереть свой звѣринецъ. Первый изъ нихъ, амтманъ Шнурбаухъ, потому только не назывался ни возовымъ, ни вьючнымъ, что ходилъ на двухъ ногахъ и имѣлъ образъ человѣческій. Онъ былъ простенекъ; но этотъ умственный недостатокъ вознаграждался въ немъ также двумя высокими качествами: *исполнительностью* и *строгостью*, которыя, въ нѣкоторомъ кругу и особенно у большихъ баръ, выигрываютъ иногда болѣе достоинствъ ума и сердца. Если бы приказали ему дать сто ударовъ, то онъ почелъ бы за преступленіе дать ихъ только девяносто девять. Тотъ, кто платилъ ему деньги, могъ навьючить его всякою нечистотою, неучтиво погонять его и даже заставить караулить мухъ, будучи увѣренъ, что онъ все исполнитъ и снесетъ съ подобострастіемъ, лишь

бы платили ему деньги и приговаривали притомъ частицу *фонъ*. Въ доказательство преданности его особѣ баронессы, она приводила, что онъ два года служилъ при ней изъ одного усердія, безъ всякаго жалованья. Кто, однакожъ, вывѣдалъ его хорошо, зналъ, что для обмана въ свою пользу онъ провелъ бы мудреца. Лишенный одного глаза взрывомъ пороха при учрежденіи фейерверка, Шнурбаухъ видѣлъ остальнымъ, гдѣ было мягко упасть и сладко поѣсть, не хуже зрячаго обоими глазами. Супруга его была столько же толста глупостью, какъ и *корпусомъ*, любила разсказывать о своихъ давно прошедшихъ побѣдахъ надъ военными не ниже оберстъ-вахтмейстера, почитала себя еще въ пышномъ цвѣтѣ лѣтъ, хотя ей было гораздо за сорокъ, умѣла изготавливать годовые припасы, управлять мужемъ, управителемъ нѣсколькихъ сотъ крестьянъ, и падать въ обморокъ, когда онъ не давался ей вцѣпиться хорошенько въ послѣдніе остатки его волосъ.—Таковы были главные домочадцы гельметскаго двора.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОШИБКА

Душа ждала... кого-нибудь,
И дождалась. Открылись очи!
Она сказала: это онъ!

Пушкинъ.

Въ одинъ майскій вечеръ того же года, съ котораго начался нашъ разсказъ, садились въ карету, поданную къ террасѣ гельметскаго господскаго дома, женщина зрѣлыхъ лѣтъ, въ амазонскомъ платьѣ, и за нею мужчина, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ улыбающимся лицомъ, отмѣченнымъ шрамомъ на лбу. Это были баронесса Зегевольдъ и секретарь ея Никласзонъ. Они отправлялись по дипломатическимъ дѣламъ въ Дерптъ, откуда хотѣли возвратиться черезъ двое сутокъ. Баронесса объявила, однакожъ, что если къ этому сроку не явится, такъ это будетъ знакомъ, что она поѣхала въ Перновъ, куда ее давно приглашаетъ университетъ. Бичъ хлопнулъ, карета покатилась съ двора; скоро облако пыли окутало ее вдали, и все въ домѣ оживилось, лица у всѣхъ просвѣтлѣли. Толпа слугъ походила на людей, выпущенныхъ изъ тюрьмы: такую перемѣну сдѣлало въ Гельметѣ отсутствіе властолюбивой его госпожи.

Луиза, проводивъ мать свою, отправилась въ рощицу, на ближайшій къ дому холмъ, мимо котораго

пролегала феллинская дорога. Здѣсь предупредила ее дѣвица Горнгаузенъ. Сентиментальная дѣва дочитывала, для большого *эффекта*, вблизи развалинъ замка, презанимательный рыцарскій романъ, въ которомъ описывались приключенія двухъ любовниковъ, заброшенныхъ—одинъ въ Палестину, другой въ Лапландію и, наконецъ, съ помощью карлы, астролога и волшебницы, соединенныхъ вѣчными узами на островѣ С. Доминго. Глаза Аделанды сверкали огнемъ вдохновенія, щеки ея горѣли; временемъ катились по нимъ слезы, которыя она спѣшила перехватить платкомъ, чтобы скрыть ихъ отъ коварныхъ свидѣтелей. Другая спутница Луизы, домоправительница фонъ-Шнурбаухъ, занявъ одна цѣлую скамейку, посреди жирныхъ мопсовъ, никогда съ нею неразлучныхъ, хотѣла-было расплодиться въ повѣствованіи о какомъ-то драгунскомъ полковникѣ временъ Христины, вышедшемъ за нее на дуэль; но увидѣвъ, что ее не слушаютъ со вниманіемъ, должнымъ предмету, о которомъ говорила, она задремала и захрапѣла вмѣстѣ со своими моськами. Для Луизы эти подруги были совершенно посторонни чувствами и образомъ мыслей. Умѣвшая ее понимать была далеко. Съ особеннымъ удовольствіемъ засмотрѣлась она на прелести вечера, на которыя природа во всю весну не была еще такъ щедра. Разгорѣвшійся ликъ солнца началъ склоняться къ землѣ; около него небо подернулось розовою чешуей, а вдали, по свѣтлоголубому полю, бѣжали въ разныя стороны бѣлоснѣжныя облачка, какъ стадо агнцевъ, разсыпавшихся около своего пастыря. Рдѣлся гребень возвышеній, между тѣмъ какъ тѣнь одѣвала уже скатъ ихъ и разрѣзала озеро пополамъ Фасъ дома былъ облитъ заревомъ небеснаго пожара, стекла въ окнахъ горѣли. Деревья переливались оттѣнками зелени, желтизны и румянца. Соловьи въ разныхъ мѣстахъ сада распѣвали пламенные гимны любви.

Съ кудрей черемухи теплый вѣтерокъ далеко разносилъ благоуханье. Вечерніе мотыльки во множествѣ перепархивали съ мѣста на мѣсто, и рои мошекъ толпились въ умирающихъ лучахъ солнца, спѣша насладиться, можетъ быть, остальными минутами своей дневной жизни. Все въ природѣ, пользуясь послѣдними его благодѣяніями, радовалось и нѣжилось.

Облокотясь на ручку скамейки, Луиза предалась различнымъ мечтаніямъ: то думала о милой Кете, то вспоминала о своемъ дѣтствѣ, вспоминала объ Адольфѣ, можетъ быть упрекала его въ забвеніи, и—таково вліяніе весны! — вздохнула о своемъ одиночествѣ. Въ это время послышался конскій топотъ. Вслѣдъ затѣмъ съ горы, по феллинской дорогѣ, мелькнулъ кавалеристъ. Онъ ближе, можно ужь замѣтить, что это офицеръ гвардейскаго трабантскаго полка, того самого, въ которомъ служитъ Адольфъ.—Кто бы это такой былъ? въ такое время?—Онъ даетъ знакъ сторожу у подъемнаго моста, чтобы его опустили. Цѣпи звучатъ; мостъ опущенъ. Статный вороной конь, испуганный шумнымъ паденіемъ его, храпитъ и встаетъ на дыбы. Луиза боится за незнакомца; но конь, покорный искусному всаднику, быстро переноситъ его черезъ мостъ, гремящій подъ нимъ въ перекатахъ. Офицеръ проѣзжаетъ мимо холма. Проницательные взоры восемнадцатилѣтней дѣвушки могутъ ужь различить, что онъ очень недуренъ собой. Замѣтивъ ее, онъ учтиво ей кланяется, въѣзжаетъ на гору, на господскій дворъ, останавливается у террасы и слѣзаетъ съ лошади. Фрицъ принимаетъ у незнакомца лошадь и, всмотрѣвшись пристально въ его лицо, говоритъ ему: «Добро пожаловать, гость желанный!»—Кто бы это такой былъ?—спрашиваетъ себя Луиза. Сердце ея необыкновенно бьется.—Маменьки нѣтъ дома: какъ принять безъ нея незнакомаго мужчину? — Слуга выходитъ на встрѣчу.

— Дома-ли баронесса?—спрашиваетъ послѣдній.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ слуга, — она уѣхала съ часъ тому назадъ въ Дерптъ.

— Кто-жъ дома?

— Фрейлинъ.

— Доложи ей, что баронъ Траутфеттеръ пріѣхавшій изъ арміи, проситъ позволенія ей представиться.

Слуга, не дѣлая дальнѣйшихъ разспросовъ, опрометью побѣжалъ въ домъ искать кастеляна для доклада, и дорогою, толкая встрѣчныхъ и поперечныхъ, кричалъ какъ сумасшедшій, что женихъ барышнинъ пріѣхалъ. Тотчасъ по всему дому разнеслось одно эхо: «Женихъ, женихъ, барышнихъ пріѣхалъ!» Отъ передней до дѣвичьей повторялись эти слова. Вѣроятно, ихъ слышалъ и гость. Наконецъ, явился передъ молодою госпожей своей старикъ дворецкій и провозгласилъ какъ герольдъ, что баронъ Адольфъ фонъ-Траутфеттеръ пріѣхалъ изъ арміи и желаетъ имѣть честь ей представиться. Луиза въ ужасномъ волненіи. Какъ съ неба упалъ передъ нею тотъ, кто съ малолѣтства назначенъ ей въ супруги, отъ котораго зависѣло счастіе или несчастіе ея будущности, и тогда явился онъ, когда полагали его за тысячу верстъ. Домоправительница, исторгнутая необыкновеннымъ движеніемъ изъ моря покоя, въ которое была погружена, вскочила со стула, за нею бросились моськи съ лаемъ. Первый предметъ, ей представившійся, была Луиза, блѣдная какъ полотно.

— Что сдѣлалось съ вами, фрейлинъ Зегевольдъ, любезная, драгоцѣнная фрейлинъ Зегевольдъ? Воды, муравейнаго спирту!—кричала Шнурбаухъ, переваливая свою дородную фигуру съ мѣста на мѣсто. Но Луиза и безъ посторонней помощи пришла въ себя. Она отвѣчала дворецкому, что проситъ гостя пожаловать.

— Грубый, желѣзный вѣкъ!—произнесла Аделаида Горнгаузенъ съ томнымъ жеманствомъ. — Любовники являются въ собственномъ видѣ, и еще подъ своимъ собственнымъ именемъ! Фи! кастеляны о нихъ докладываютъ! Въ былой золотой вѣкъ рыцарства ужь, конечно, явился бы онъ въ одеждѣ странствующаго монаха и нѣсколько мѣсяцевъ сталъ бы испытывать любовь милой ему особы.—Здѣсь она тяжело вздохнула, хотѣла продолжать и вдругъ остановилась, смутившись приходомъ гостя, награжденнаго отъ природы необыкновенною привлекательною наружностью.

«Боже! какъ *она* прелестна!» подумалъ Траутфеттеръ, встрѣтясь съ глазами Луизы. «Какъ онъ выгодно перемѣнился!» думала, въ свою очередь, молодая хозяйка, у которой кровь отъ сердца быстро поднялась въ щеки при первомъ взглядѣ на нее милаго знакомца-жениха. Гельметскія жительницы говорили про себя: «Хорошенькій мальчикъ сдѣлался пріятнѣйшимъ мужчиною. Въ немъ сейчасъ узнать можно Адольфа, хотя нѣкоторыя черты измѣнились. Удивительно-ли? его не видали семь лѣтъ, съ того времени, какъ онъ уѣхалъ изъ Гельмета четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ» Домоправительница не совсѣмъ, однакожъ, вѣрила глазамъ, чтобы это былъ любимецъ ея Адольфъ. Казалось, у того носъ былъ нѣсколько болѣе вздернутъ, и глаза не такъ черны, хотя также живы и плутоваты, какъ у этого, и волосы у того были посвѣтлѣе! Она хотѣла бы, но стыдится, надѣть очки: ей только подъ-пятьдесятъ, а ее почтутъ старушкою! Но, опять Адольфъ могъ перемѣниться съ того времени, какъ его не видали.

Милый гость говорилъ пріятно и умно, разсказывалъ, что онъ опредѣленъ въ корпусъ Шлиппенбаха; шутя прибавлялъ, что назначенъ съ своимъ эскадрономъ быть защитникомъ гельметскаго замка, и что пер-

вою обязанностью почелъ явиться въ домъ, въ которомъ съ дѣтства былъ обласканъ и провелъ нѣсколько часовъ, пріятнѣйшихъ въ его жизни.

«И я помню эти часы!»—думала съ удовольствіемъ Луиза.

— Вотъ каковы влюбленные трабанты его величества!—говорила Шнурбаухъ, вполголоса и вздыхая дѣвицѣ Горнаузенъ,—мѣсяцы кажутся имъ часами. Ахъ! и я знала нѣкогда времячко, летѣвшее для меня стрѣлою.

— Чего не могу простить этому пригожему офицеру,—произнесла шепотомъ сентиментальная дѣва,—такъ это холодность, съ которою онъ явился къ своей невѣстѣ! Ни колѣнопреклоненій, ни страстныхъ вздоховъ! Отъ него такъ и несетъ его холоднымъ XVIII столѣтіемъ. Предчувствую, что *ихъ* любовь не будетъ *вѣчная*.

Замѣтно было, что Луизѣ не непріятенъ ея женихъ. Привлекательная его наружность, особенно глаза, которые высказывали такъ много и такъ убѣдительно; благородство, умъ, чувство въ каждомъ словѣ, — все было въ его пользу при сравненіи его съ другими мужчинами, которыхъ она знавала. Все, что выходило изъ краснорѣчивыхъ устъ его, падало на сердце Луизы, оплодотворялось и развивалось въ немъ. Первое впечатлѣніе надъ обоими сдѣлано, и невозвратно. То, что она чувствовала къ нему, не считала опаснымъ: сердце ея повиновалось матери, слушалось обязанностей, натверженныхъ ей съ девяти лѣтъ. Любовь манила ее въ храмъ, куда она шла съ душею непорочною. Какъ сладостно предаваться мечтамъ, согласнымъ съ долгомъ и разсудкомъ! Чтожъ чувствовалъ *онъ?*..

Мы должны открыть читателю ошибку Луизы и обитателей замка, встрѣтившихъ гостя. *Онъ* не Адольфъ, а баронъ Густавъ Траутфеттеръ, старшій его двумя годами, но схожій съ нимъ до того, что знавшіе ихъ

некоротко и видавшіе ихъ порознь, принимали одного за другого. Лукавые люди не находили ничего замѣтить противъ этого рѣдкаго сходства, потому что матери ихъ были родныя сестры, также чрезвычайно похожія другъ на дружку. Густавъ пріѣхалъ изъ арміи короля шведскаго въ Лифляндію служить подъ начальствомъ Шлиппенбаха, и получилъ назначеніе командовать эскадрономъ драгунъ, расположеннымъ близъ Гельмета, въ Оверлакѣ. Имѣя съ собою письмо отъ Адольфа къ баронессѣ Амаліи Зегевольдъ и помня, что въ малолѣтствѣ принятъ былъ въ ея домѣ, какъ родной, онъ воспользовался первыми свободными часами, хотя уже и вечерними, чтобы скорѣе выполнить порученіе своего двоюроднаго брата. Надо было, чтобъ судьба, издѣваясь надъ человѣческими разсчетами и планами, слишкомъ рано затѣянными, вызвала баронессу въ тотъ же самый день изъ Гельмета и, какъ нарочно, передъ пріѣздомъ Густава. Неизвѣстно, безъ умысла ли онъ не сказалъ своего имени служителю, встрѣтившему его на террасѣ, или съ умысломъ, по случаю бывшаго у него съ Адольфомъ шуточнаго спора, что невѣста приметъ за жениха посторонняго человѣка, слѣдственно забыла Адольфа и перестала его любить. Густавъ легко замѣтилъ, за кого его принимали и, въ торжествѣ побѣды своей или, вѣрнѣе, по сильному впечатлѣнію, сдѣланному надъ нимъ прелестями Луизы, вмѣсто того чтобы скорѣе обнаружить истину, старался всячески продлить ошибку, для него пріятную и ни для кого не опасную—по крайней мѣрѣ, такъ ему казалось.

Начало смеркаться. Густавъ, упоенный успѣхами первой встрѣчи, хотѣлъ бы продлить долѣе свое пребываніе въ Гельметѣ; надо было, однакожъ, отправляться домой.

— Маменька непремѣнно черезъ два дня будетъ

назадъ, — сказала Луиза, прощаясь съ нимъ, какъ съ давнишнимъ знакомцемъ своего сердца.

— Черезъ два дня, — отвѣчалъ онъ, вздохнувъ,— буду здѣсь непремѣнно.

Возвращаясь въ Оверлакъ, Густавъ сбился съ дороги, о которой распросилъ не хуже колонновожатаго, и проплуталъ до разсвѣта, какъ человѣкъ, одержимый куриною слѣпотой. Также и въ замкѣ было что-то не попрежнему. Домоправительница, смѣтливая въ дѣлахъ сердечныхъ, смекнула, по какой причинѣ Луиза необыкновенно нѣжно поцѣловала ее, отходя въ свою спальню. Въ минуту истинной любви всѣхъ любишь. Даже горничная замѣтила, что барышня до зари не могла заснуть и провозилась въ постели.

На другой день въ замкѣ только и было разговоровъ что о пригожемъ женихѣ; не упустили изъ виду, что онъ и съ низшими былъ привѣтливъ; Фрица особенно ласково благодарилъ за то, что подержалъ его лошадь, а сторожу у моста далъ серебряную монету: знаки добраго, щердаго сердца! Всѣ обитатели замка молили отъ души Бога, чтобъ Онъ даровалъ будущей четѣ долгія лѣта. — Видно, говорили они, за доброе сердце нашей барышни посѣщаетъ ее Господь своими милостями.—Шнурбаухъ не могла наговориться о достоинствахъ мнимаго Адольфа, и признавалась, перебирая трехпоколѣнную роспись своихъ поклонниковъ, что ни одного равнаго ему не находила. Въ этомъ случаѣ Луиза не сердилась на нее. И самъ Биръ изъявилъ свое желаніе видѣть Адольфа, въ дѣтствѣ либившаго натуральную исторію, грековъ и римлянъ, и потому обѣщавшаго много добраго.

Въ назначенный день въ замкѣ ждали съ нетерпѣніемъ не баронессу, а жениха молодой госпожи. Домоправительница особенно желала ему понравиться, чтобы заслужить богатый подарокъ въ день свадьбы,

и потому, распушенная какъ пава въ гродетуровый, радужнаго цвѣта, роброндъ, стянутая, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвушка, едва двигаясь въ обручахъ своихъ фижмъ, она поспѣшила предстать въ этомъ нарядѣ на террасу замка, откуда можно было скорѣе увидѣть прибытіе ожидаемаго гостя. Казалось, что она стряхнула съ себя десятка два лѣтъ; даже рѣшились она, по просьбѣ Луизы, сдѣлать важную жертву и вытерпѣть гнѣвъ баронессы, прогнавъ своихъ мосекъ въ департаментъ супруга и пристроивъ по дальнимъ отдѣленіямъ замка сибирскихъ и ангорскихъ кошекъ, собачекъ постельныхъ и охотничьихъ, курляндскихъ, датскихъ, многихъ различныхъ достоинствъ, породъ и краевъ,—весь этотъ звѣринецъ баронессиныхъ любимцевъ. Луиза, боясь насмѣшекъ домоправительницы, убѣдила ее не поминать даже словечка о дѣтской привязанности ея къ Адольфу и избавить тѣмъ ее отъ необходимости краснѣть.

Мнимый Адольфъ не заставилъ долго ожидать себя. Онъ явился вскорѣ послѣ обѣда. Ему казалось, взглянувъ на Луизу, что въ два дня, которые онъ ее не видалъ, развились въ ней новыя прелести. Глаза ея блистали привѣтнымъ огнемъ, который третьяго дня едва тлѣлся изъ-подъ длинныхъ, черныхъ рѣсницъ; лицо ея, прежде нѣсколько блѣдное, нынѣ оживилось румянцемъ здоровья и удовольствія; уста ея какъ будто улыбались встрѣчѣ счастія и манили насладиться имъ. Она еще любезнѣе, еще довѣрчивѣе въ обращеніи съ своимъ женихомъ; въ простосердечіи невинной любви, она только-что не говорила: «видишь, Адольфъ, несмотря на долгую разлуку, я люблю тебя по прежнему!» Густавъ, безразсудный Густавъ, предавался также болѣе и болѣе обольщеніямъ сердца. Къ несчастію ихъ, баронесса въ этотъ день не пріѣзжала, и въ этотъ день ничто не подало повода къ разочарова-

нію обмана, въ которой введены были всѣ обитатели замка на счетъ мнимаго Адольфа. Самъ Биръ, близорукій и разсѣянный, призналъ его за того неутомимаго мальчика, спутника своего по горамъ и лѣсамъ, который разъ нашелъ ему рѣдкое растеніе изъ рода Selinum, а въ другой разъ безстрашно убилъ палкой змѣю изъ семейства Coluber berus. Густавъ увѣрялъ, что онъ забылъ эти услуги и подвиги; но Адамъ, въ доказательство ихъ, непремѣнно обѣщалъ ему къ завтрашнему дню отыскать растеніе въ травникѣ своемъ и показать въ банкѣ змѣю. Бывшій учитель Луизы очень полюбилъ мнимаго Адольфа, увѣряя, что сердце не обманываетъ его на счетъ нравственныхъ достоинствъ жениха. Казалось, малѣйшая бездѣлица, одно наименованіе кѣмъ-либо Густава Адольфомъ, могло разрушить усилившуюся къ нему любовь Луизы, какъ малѣйшій вѣтерокъ разрушаетъ карточныя палаты. Но судьба сама сторожила очарованье.

Когда Густавъ возвращался домой, совѣсть пробулась было въ его сердцѣ; но онъ старался заглушить ее слѣдующими разсужденіями: «Вѣтренникъ Адольфъ мало думаетъ о своей невѣстѣ. Еще передъ моимъ отъѣздомъ наказывалъ онъ мнѣ помолчать о своихъ проказахъ, и божился, что еслибъ не милліоны дядюшкины и не походъ на слѣдующій день, то онъ навсегда бы простился съ гельметской Луизой, которая одиннадцати лѣтъ была для него мила, какъ амуръ, но которая теперь годится только къ наперстницы какой-то Линхенъ, прелестной въ восемнадцать лѣтъ, какъ мать амуровъ. Вѣтрогонъ! не знаетъ всей цѣны сокровища, его здѣсь ожидающаго; онъ не знаетъ, что для Луизы можно забыть и дядюшкины милліоны и всѣхъ женщинъ на свѣтѣ. Право, когда бы не благосостояніе моего двоюроднаго братца и его потомства, я попытался бы отнять у него нареченную. Она такъ

мила, что, ей Богу, не достанетъ силъ человѣческихъ отказаться отъ удовольствія быть ей пріятнымъ. Впрочемъ, не велика бѣда нѣсколько минутъ попользоваться невинными правами жениха. Завтра легко будетъ поправить ошибку и привесть все въ прежнее состояніе; завтра, торжественно, при маменькѣ этого ангела, произнесу магическое имя *Адольфъ*, подамъ его письмо —и опять превращусь въ бѣднаго, ничтожнаго Густава. А теперь пусть не взыщетъ вѣтренникъ, если обстоятельства, не отъ меня зависящія, не мною нарочно устроенныя, даютъ мнѣ пріятный случай поторжествовать надъ нимъ и пошутить на его счетъ. Можетъ быть, это плата тою же монетою за какіе-нибудь старые долги. Въ первомъ письмѣ къ нему опишу свои проказы и рѣшительно объявлю ему, чтобы онъ спѣшилъ насладиться счастіемъ, столько лѣтъ его ожидающимъ. А то немудрено, что сыщется другой избранникъ, который не шутя и не подъ именемъ Адольфа понравится его невѣстѣ». Такъ разсуждалъ Густавъ, утѣшая себя мыслью, что эта игра случая кончится завтра.

На другой день Густавъ опять былъ въ замкѣ, для свиданія съ баронессой; и опять баронесса не пріѣзжала. Говорили о любви. Надобно знать, что дѣвушка, потерявшая право внушать это чувство, имѣетъ право разбирать его, сколько угодно, и потому дѣвица Горнгаузенъ утверждала, что истинная любовь не можетъ существовать безъ препятствій. На сторонѣ ея былъ Густавъ, увлеченный голосомъ сердца, которое въ настоящемъ своемъ положеніи помирилось бы на большія пожертвованія, лишь бы увѣрену быть во взаимности любимаго предмета и не лишиться надежды, когда-либо обладать имъ. Луиза молчала; она казалась оскорбленною. «Страшныя желанія»! думала она, «счастіе, приготовленное благоразумными распоряженіями на

шихъ родителей, намъ, улыбаясь, идетъ на встрѣчу. Мы можемъ пользоваться имъ спокойно. Нѣтъ, это намъ не нравится. Надобны несчастія, препятствія, страданія!... Но... можетъ быть... Адольфъ не любитъ меня? Недаромъ онъ задумывается такъ часто! Не груститъ-ли, что пріѣхалъ исполнить свои обязанности?... Съ радостью освобождаю его отъ этихъ обязанностей, если сердце въ нихъ не участвуетъ. Съ радостью?... Полно, такъ-ли?... Правда, мнѣ будетъ тяжело это сдѣлать. Я люблю... да! я должна себѣ въ этомъ признаться; но желала бы, чтобъ и онъ любилъ меня, свободно, безъ разсчетовъ и принужденія. Въ противномъ случаѣ, союзъ нашъ будетъ пренесчастный». Луиза рѣшилась немного пококетничать, сама не зная того, и начала явно показывать свое равнодушіе къ мнимому Адольфу. Недолго дѣлала она этотъ опытъ: Густавъ сдѣлался еще грустнѣе; между тѣмъ глаза его, нѣжное его обхожденіе только и говорили ей о страсти робкой, но истинной. Въ одинъ мигъ всѣ непріятности забыты, онѣ были легки, подобно дыханію, которое темнитъ на мигъ свѣтлую сталь и вдругъ съ нея сбѣгаетъ. Въ замкѣ Густавъ выказывалъ любовь, безразсудную, ослѣпленную; но когда онъ терялъ изъ виду Гельметъ, раскаяніе вступало въ права свои. «Нѣтъ», разсуждалъ онъ съ самимъ собою, «нѣтъ, не буду продолжать далѣе обмана, опаснаго для насъ обоихъ! Она не можетъ быть *моею*. Дружба, родство, честь, долгъ,—сто преградъ противъ меня. Хорошо, что *еще время!* Завтра не поѣду въ замокъ, послѣ завтра буду тамъ: къ этому сроку подъѣдетъ мать, и все откроется. Можетъ быть, я ошибаюсь, видя къ себѣ нѣкоторые знаки особеннаго вниманія; тѣмъ лучше, если ошибаюсь. Впрочемъ, если бъ *она* въ самомъ дѣлѣ могла чувствовать ко мнѣ *что-нибудь*, то это *что-нибудь* происходитъ въ ея сердце единственно отъ увѣрен-

ности, что я женихъ ея. Въ противномъ случаѣ, она обходилась бы со мною иначе. Потеряю имя Адольфа, и потеряю все, что оно въ себѣ заключаетъ: всѣ блага, которыя оно съ собою приноситъ. Мнѣ ужъ 22 года, я знаю женщинъ! На бѣднаго Густава не будутъ смотрѣть тѣми глазами, какими смотрѣли на Адольфа, наслѣдника милліонера. Поспѣшу отбросить отъ себя этотъ пагубный талисманъ. Слава Богу, *еще время!*» Нѣсколько дней Густавъ не являлся въ замокъ; эти дни были для него вѣкомъ пытки! Онъ хотѣлъ быть твердымъ и переломить себя: такъ онъ говорилъ. Въ замкѣ пустота была ощутительна: скука налегла на всѣхъ; прекрасные дни казались душными; если не было грозы, такъ несносный жаръ предвѣщалъ ее; мошки кусали нестерпимо; разсказы дѣвицы Горнгаузенъ о рыцарскихъ временахъ были приторны; бесѣда домоправительницы—несносна. Всѣ эти обстоятельства не выходили изъ обыкновеннаго круга природы и жизни обитателей замка, но для Луизы они казались необыкновенными. Только по временамъ, когда упоминали объ Адольфѣ, удовольствіе проглядывало на ея лицѣ, какъ улыбка, вынужденная на уста больного утѣшеніемъ лѣкаря. Къ скукѣ привилось и безпокойство, что баронесса такъ долго не возвращалась. Рѣшились писать къ ней въ Перновъ, узнать объ ея здоровьѣ и увѣдомить, что Адольфъ пріѣхалъ изъ арміи. Отвѣтомъ медлили; однакожъ, его получили и, будто нарочно, передъ самымъ прибытіемъ Густава въ замокъ. Онъ не могъ выдержать болѣе трехъ дней, не видавшись съ тою, съ которою долженъ былъ скоро разлучиться, можетъ статься, навсегда. Это предчувствовалъ онъ, и между тѣмъ шелъ на зовъ собственнаго сердца, какъ на обманчивый голосъ крокодила. Баронесса Амалія писала къ своей дочери, чтобы не безпокоились на счетъ ея здоровья, которое въ наилуч-

шемъ положеніи; что она радуется нечаянному пріѣзду Адольфа, и наказывала дочери, сколько можно ласковѣе принимать дорогого гостя, чаще приглашать его въ Гельметъ и *помнить*, что онъ женихъ ея. Изъ этого письма опытный наблюдатель нравовъ могъ видѣть, что и въ началѣ XVIII столѣтія маменьки умѣли давать дочкамъ искусныя наставленія, какъ завлекать въ сѣти богатыхъ женишковъ, хотя въ тогдашнее время наука эта не была еще доведена до такой утонченности, въ какой видимъ ее нынѣ. Баронесса не могла предвидѣть, что самыя эти наставленія соберутъ новыя грозныя тучи надъ ея домомъ. Между прочимъ тщеславная патріотка описывала торжество, съ какимъ приняли ее въ Перновѣ ученые дерптскаго университета и оканчивала свое описаніе изрѣченіемъ королевы Христины: «C'est ainsi qu'on entre incognito à Rome!» [1]). Баронесса присовокупляла, что важныя дѣла задерживаютъ ее въ Перновѣ еще на нѣсколько дней.

— Маменька здорова, — сказала Луиза, встрѣтивъ Густава съ лицомъ, сіявшимъ отъ радости и вмѣстѣ выражавшимъ упрекъ за долгое отсутствіе.—Она приказала вамъ сказать, что помнитъ и любитъ васъ по прежнему.

— Развѣ вы ужь писали къ ней, *кто* пріѣхалъ? Кажется, такой незначущій человѣкъ, какъ я, недостоинъ былъ занять столько строкъ въ вашемъ и ея письмѣ, —отвѣчалъ смущенный Густавъ.

— Напрасно вы такъ думаете. Напротивъ, я поспѣшила ее обрадовать: она такъ много любитъ васъ.

— Обрадовать?... Богъ знаетъ!—возразилъ онъ, тяжело вздохнувъ.

— Въ старые годы вы были къ намъ довѣрчивѣе.

---

1) Такъ-то вступаютъ инкогнито въ Римъ.

— Простите, я всегда былъ увѣренъ въ милостяхъ вашей маменьки.

— Ага!—сказала сама себѣ Луиза, въ простодушіи истинной любви, думавшая быть чрезвычайно догадливою,—онъ сомнѣвается въ *моихъ* чувствахъ. Еслибъ я могла открыть ихъ! Но, можетъ быть, онъ старается выдумать препятствія? Неужели онъ находитъ удовольствіе мучить другихъ? Если таковъ его нравъ, я буду съ нимъ несчастна. Я хотѣла бы открытую душу мою соединить съ такой же душой.

— Я имѣю порученіе къ вашей маменькѣ отъ человѣка, мнѣ близкаго,—продолжалъ Густавъ дрожащимъ голосомъ,—порученіе весьма важное, отъ котораго зависитъ участь нѣсколькихъ людей.

Лицо Луизы вспыхнуло отъ мысли, что онъ имѣетъ письмо отъ дяди съ напоминаніемъ объ утвержденіи ихъ союза.

— Будьте моею судьбою, скажите, объяснить-ли теперь все, что я имѣю на сердцѣ?

Она подумала немного, потомъ спросила въ свою очередь:

— Исполненіе вашего порученія сдѣлаетъ-ли счастливыми всѣхъ людей, которыхъ вы разумѣете?

— Думаю, только одинъ будетъ несчастливъ. Дай Богъ, чтобы гроза надъ нимъ не обрушилась! Онъ одинъ виноватъ.

— Это для меня загадка: я не понимаю васъ, господинъ Траутфеттеръ! Если и одинъ будетъ несчастливъ, такъ лучше отложить навсегда сдѣланное вамъ порученіе,—отвѣчала Луиза съ гордостію и болѣе съ досадой оскорбленной любви, нежели самолюбія, и показывая необыкновенное равнодушіе обратила разговоръ на другой предметъ.

— Виноватъ-ли я?—сказалъ мысленно Густавъ,—сама судьба не позволила мнѣ открыться нынѣ. Впро-

чемъ, тѣмъ лучше: приготовлю ее понемногу къ этому открытію.

И между тѣмъ онъ употребилъ, въ остальные часы дня, всѣ хитрости сердечнаго краснорѣчія, чтобы скрыть роковую тайну, помириться съ Луизой и пріобрѣсть у нея снова то, что онъ единственно по наружности потерялъ было. Истинная любовь насколько довѣрчива, настолько же и незлопамятна; легко заслушивается обольщеній, легко прощаетъ оскорбленія, лишь бы увѣрена была, что они происходятъ отъ истинной же любви. Луиза старалась забыть непонятныя слова жениха своего, приписывая ихъ своенравію сердца, любящаго строить препятствія, чтобы усилить въ ней привязанность къ нему. Такъ соображала она, основываясь на одномъ мѣстѣ романа, который читала недавно, и на словахъ дѣвицы Горнгаузенъ. Гуляя по саду, Луиза нечаянно уронила розу, которая приколота была у ея груди. Густавъ поднялъ цвѣтокъ, страстно прижалъ къ губамъ и спряталъ въ боковой карманъ, ближе къ сердцу. Луиза, казалось, не примѣтила его движенія. По нѣкоторымъ высотамъ, въ саду разсыпаннымъ, трудно было одному, безъ посторонней помощи, взойти и сойти. Въ такомъ случаѣ Густавъ подавалъ Луизѣ руку, на которую она съ удовольствіемъ опиралась и которую нѣсколько минутъ не оставляла изъ боязни увлечься внизъ тяжестью свего тѣла. Иногда, въ упоеніи любви, будто окаменѣлые въ блаженнѣйшую минуту ихъ жизни, они останавливались нѣсколько мгновеній посреди горы на тѣсной площадкѣ, на которой едва можно было двумъ человѣкамъ умѣститься. Шелковые локоны волосъ Луизы навѣвались вѣтеркомъ на его уста; рука ея млѣла въ его рукѣ, щеки ея горѣли, глаза останавливались на немъ съ нѣжностью и потуплялись отъ стыда... Это все дѣлала невѣста съ своимъ женихомъ:

можно-ли ее обвинять?.. По лабиринту песчаниковой пещеры, изрытой въ одной изъ садовыхъ горъ, она была путеводительницей.—«Сюда, сюда, Адольфъ!» — закричала она въ одномъ мѣстѣ. Роковое имя, произнесенное при немъ еще въ первый разъ съ того времени, какъ онъ началъ посѣщать Гельметъ, заставило его затрепетать. Онъ забылъ все на свѣтѣ, помнилъ только ужасное для него имя и запутался еще болѣе въ темныхъ извилинахъ пещеры.—«Сюда!»—повторила Луиза ангельскимъ голосомъ своимъ, воротилась назадъ и, схвативъ его за рукавъ мундира, спѣшила вывести на свѣтъ. Густавъ казался смущеннымъ, нездоровымъ; но одинъ взоръ нѣжнаго участія, брошенный на него, оживилъ его на то короткое время, которое онъ оставался въ Гельметѣ.

Послѣ этого посѣщенія, Густаву представился весь ужасъ ихъ состоянія. Страсть его казалась ему злодѣяніемъ. Онъ видѣлъ въ себѣ величайшаго преступника, издѣвающагося надъ довѣрчивымъ чувствомъ малаго, невиннаго творенія; зналъ, что истребить въ себѣ этой страсти было невозможно, но, по крайней мѣрѣ, твердо рѣшился при первомъ свиданіи открыть все Луизѣ и принести себя въ жертву для ея спасенія.

30-го мая — это было въ послѣднее посѣщеніе духа-искусителя — сидѣлъ онъ вмѣстѣ съ Луизой въ садовомъ гротѣ. Протекавшій мимо нихъ ручей Тарвастъ нашептывалъ будто бы пѣсни любви. Съ ними никого не было... Въ удаленіи Адамъ Биръ разбиралъ занимательное растеніе до послѣдней нити его, какъ пчела пьетъ сладость изъ любимаго цвѣтка до послѣдняго его истощенія. Въ восторгѣ, что обогатитъ свой травникъ новымъ сокровищемъ, и въ удивленіи къ премудрости Божіей, помѣстившей себя въ такомъ маленькомъ твореніи, онъ ничего не видѣлъ, не слышалъ около себя, и еслибъ сокрушилось надъ нимъ ветхое

дерево, подъ которымъ онъ сидѣлъ, то не выпустилъ бы изъ рукъ драгоцѣннаго найденыша. Домоправительница не показывалась. Она заперлась въ своей спальнѣ, утопая въ горькихъ слезахъ: кто могъ быть несчастнѣе ея, жертвы мужнина своенравія и властолюбія? Вообразите ея горестное положеніе: въ возраженіе на словцо, неловко сказанное ея Вулканомъ, она замахнулась на правую его ланиту башмакомъ, а онъ — *ахъ! Боже мой! онъ карбонарій!* сказали бы въ наше время — не подставилъ ей лѣвой ланиты и вырвалъ изъ рукъ ея башмакъ! Можно-ли снести такую обиду, какой не бывало съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась его нѣжною половиной и полною обладательницей?... На дѣвицу Горнгаузенъ нашелъ тоже недобрый часъ: она еще не могла оправиться отъ чувства ужаса, произведеннаго въ ней поутру видомъ бабочки, трепетавшей подъ смертнымъ орудіемъ *безчеловѣчнаго* Бира (такъ она его называла), который готовилъ ее для своего энтомологическаго *кладбища*. По стеченію этихъ несчастныхъ обстоятельствъ, Луиза и Густавъ находились одни, сидя въ гротѣ на дерновой скамьѣ. Никогда еще не была она такъ прелестна, никогда не казалась такою счастливою. Коварная любовь сама, будто бы нарочно, постаралась убрать ее въ лучшіе свои наряды какъ въ древніе времена убирали дѣвъ, которыхъ вели на жертву къ алтарю разгнѣваннаго божества. Густавъ былъ скученъ; она искала разсѣять безпокойство его души, для нея непонятное. Глаза ея остановились на одномъ мѣстѣ грота и пробѣгали съ удовольствіемъ какую-то надпись, вырѣзанную на песчаникѣ; потомъ она спросила его съ нѣжною откровенностью.

— Кто это писалъ?

Жадными взорами пробѣжалъ онъ надпись, нѣсколько стертую временемъ, разобралъ въ ней слова:

милая Луиза! имѣлъ еще силу прочесть ихъ вслухъ, и потомъ, не отвѣчая прямо на вопросъ ея, примолвилъ:—Счастливъ смертный который безъ страха можетъ выговорить эти слова, еще счастливѣе, кто могъ слышать отвѣтъ!

Луиза ничего не сказала, но взорами исполненными привѣтомъ любви, остановилась на другой надписи. Трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ его членамъ; холодный потъ выступилъ на чело, когда онъ взглянулъ на роковыя слова: *милый Адольфъ!*

— Счастливъ Адольфъ! — произнесъ онъ замирающимъ въ груди голосомъ, — несчастливъ тотъ, кого принимали за Адольфа!

— Я васъ не понимаю!—сказала испуганно Луиза,— что это значитъ? Вы блѣдны, вы нездоровы? Боже мой, что съ вами дѣлается?

Густавъ упалъ предъ нею на колѣна

— Я—обманщикъ!—произнесъ онъ съ выраженіемъ страсти и отчаянія, — сначала ошибкою служителя и вашихъ домашнихъ, потомъ безразсудствомъ, наконецъ, любовью я невольно вовлеченъ въ обманъ, — любовью истинною, безкорыстною, которая можетъ только съ жизнью моей кончиться. Нѣтъ достойной казни для наказанія подобнаго мнѣ изверга! Кляните! кляните меня: я этого достоинъ! Я не Адольфъ!

— Кто-же вы?—спросила Луиза замирающимъ голосомъ.

— Густавъ, двоюродный братъ Адольфа.

— Густавъ! что вы со мною сдѣлали?... — могла она только произнесть, покачавъ головой, закрыла глаза руками, и не въ состояніи будучи перенести удара, поразившаго ее такъ неожиданно, упала безъ чувствъ на дерновую скамейку. Въ изступленіи онъ схватилъ ея руку: рука была холодна, какъ ледъ; на лицѣ ея не видно было слѣда жизни. — Боже мой, я

убилъ ее!—кричалъ онъ какъ сумашедшій, бѣгая по саду и ломая себѣ руки. На крикъ этотъ оглянулся Биръ. Если бы мертвецы вставали, крикъ этотъ могъ бы ихъ поднять. Съ силою отчаянія Густавъ сжалъ его руки и увлекъ за собою къ мѣсту, гдѣ лежала его жертва.

— Потише, потише!—бормоталъ съ негодованіемъ Биръ, — вы изомнете мою находку. Съ тѣхъ поръ, какъ существую я вижу въ первый разъ насѣкомое изъ рода Coccinella exclamationis.

— Помогите, ради Бога помогите! Я убилъ ее! Она умретъ!—раздавались вопли несчастнаго.

Тутъ Адамъ очнулся, и догадавшись, по изступленному виду своего товарища, что дѣло шло не о пустякахъ, спѣшилъ освободиться изъ желѣзныхъ рукъ его и спрятать бережно своего найденыша въ камзолъ. Когда же онъ подошелъ къ Луизѣ, то, всплеснувъ жалостно руками и сказавъ только: «Гмъ, гмъ!» схватилъ шляпу Густава, почерпнулъ ею въ ручьѣ воды, которою и вспрыснулъ лицо Луизы; но замѣтивъ, что это средство не помогло, опрометью побѣжалъ въ домъ, какъ проворный мальчикъ, вмигъ возвратился, сопровождаемый горничною и снабженный разными спиртами, теръ Луизѣ виски, ладони, и успѣлъ привести ее въ чувство.

Она открыла глаза. Первый предметъ ей представившійся, былъ Густавъ блѣдный, какъ смерть, дрожащій какъ преступникъ.

— Попросите *его*, чтобъ онъ удалился! — сказала Луиза едва внятнымъ, умоляющимъ голосомъ, склонившись на плечо Бира; потомъ, увидѣвъ, что Густавъ не трогался съ мѣста, прибавила, обратившись ужь къ нему:—Густавъ, ради Бога, удалитесь.—Здѣсь она опять закрыла глаза руками, и рыданія заглушили ея слова. Онъ обратилъ на нее помутившіеся взоры, пожалъ руку Биру и удалился отъ нихъ.

Такъ бѣжалъ изъ рая первый преступникъ, гонимый пламеннымъ мечомъ ангела и гремящимъ надъ нимъ приговоромъ Вышняго Судіи. На поворотѣ дорожки въ кусты, Густавъ остановился, еще разъ взглянулъ на Луизу и исчезъ. — Въ замкѣ отдалъ онъ письмо отъ Адольфа къ баронессѣ первому попавшемуся ему на встрѣчу слугѣ.

— Что это все значитъ? — шепталъ про себя Адамъ, — странно! Адольфъ? Густавъ? Да, да, помню теперь; онъ поговаривалъ мнѣ однажды, что онъ не Адольфъ. Я пропустилъ мимо ушей: проклятое разсѣяніе! Впрочемъ, какъ знать, что перемѣна имени могла имѣть такія горестныя послѣдствія? Да, опять развѣ зять Адольфъ пріятнѣе для баронессы зятя Густава? Не лучше-ли отдать дочь свою за Густава, котораго дочь любитъ, нежели за Адольфа, котораго она забыла даже въ лицо? Гмъ, гмъ! не все равно для баронессы!... Проклятое торговое обязательство! Нужда въ деньгахъ... тщеславіе! — Такъ разсуждая самъ съ собою, Биръ велъ съ помощію горничной, или, лучше сказать, несъ домой несчастную свою воспитанницу. Дѣвица Горнгаузенъ, встрѣтивъ печальную процессію, сначала перепугалась; но, сообразивъ состояніе, въ которомъ находилась Луиза съ внезапнымъ отъѣздомъ Траутфеттера, успокоила себя мыслію, что между ними начинается истинная любовь, основанная на препятствіяхъ.

— Я это предвидѣла,—шепнула она на ухо Адаму, —истинная страсть не существуетъ безъ...

Биръ прервалъ ея рѣчь такимъ сердитымъ восклицаніемъ, что вмигъ разсѣялись всѣ романическіе выводы, скопившіеся въ головѣ ея и готовые осадить Адама. Такъ пробившееся изъ окна пламя вдругъ охвачено искуснымъ ударомъ воды изъ пожарной трубы. Только-что управился онъ съ огненнымъ явленіемъ

изъ теремка, другая вспышка пробилась изъ трехъэтажнаго корпуса домоправительницы, которая запѣла на всегдашній, постоянный тонъ свой:

— Что съ вами сдѣлалось, милая, драгоцѣнная фрейлинъ Зегевольдъ?

Адамъ молчалъ стиснувъ зубы отъ досады.

— Не спрашивайте меня, — отвѣчала едва внятно Луиза, поведя рукою по лбу,—я хочу думать, что это былъ сонъ, ужасный сонъ! Мнѣ очень тяжело... голова моя горитъ...

Луизу спѣшили положить въ постель—такъ сдѣлалась она слаба. Стыдъ, что она обращалась съ Густавомъ, какъ съ женихомъ, и что всѣ домашніе это видѣли; любовь къ нему, несмотря на перемѣну обстоятельствъ, и извѣстность, что она не можетъ ему принадлежать — все это сдѣлало вдругъ во всемъ ея существѣ сильное потрясеніе, котораго она не могла перенести. На слѣдующій день она слегла въ постель. Отправили нарочныхъ въ Перновъ за баронессою и къ медику Блументросту. Пріѣхала первая и, прочитавъ письмо отъ Адольфа, оставленное Густавомъ, тотчасъ объяснила себѣ причину болѣзни своей дочери. Еще болѣе разрѣшились догадки баронессы собственными словами Луизы, вырывавшимися у нея повременамъ въ бреду горячки. Тутъ вся тайна сердца ея обнаружилась.

— Густавъ!... Густавъ!... — говорила она, устремивъ на какой-то предметъ глаза, исполненные помѣшательства.—Зачѣмъ ты обманывалъ меня! Зачѣмъ въ первый день не открылъ своего имени?... Теперь ужь поздно, поздно!... Я невольница! я продана!... Меня терзаютъ за то, что я тебя любила: почему жъ не любить мнѣ жениха?... Какъ я была счастлива!... Спросите его зачѣмъ онъ стоитъ предо мною и манитъ меня сойти въ какую-то бездну?... Бѣдный! онъ думаетъ,

что мы сходимъ съ холма... онъ взглянулъ еще на меня! Боже! этотъ взглядъ жжетъ меня... Прощай, мой... нѣтъ, не Адольфъ, Густавъ! ужь, конечно, Густавъ! Онъ хочетъ броситься въ пропасть!... Постой... и я за тобою. Вмѣстѣ... вѣчно вмѣстѣ!

Домашніе проливали слезы, слушая эту ужасную исповѣдь сердца доселѣ скромной, стыдливой дѣвушки, которая, въ состояніи здраваго разсудка, предпочла-бы смерть, чѣмъ сказать при столькихъ свидѣтеляхъ половину того, что она произнесла въ помѣшательствѣ ума. Казалось, мать ея сама поколебалась этимъ зрѣлищемъ и показала знаки сильнѣйшей горести; но это состояніе души ея было мгновенное. Она старалась придти въ себя и устыдилась своей слабости — такъ называла она дань, которую заплатила природѣ.

— Прежде чѣмъ я мать, я—Зегевольдъ! — сказала она, выказывая въ себѣ духъ спартанки.—Скорѣй соглашусь видѣть мою дочь мертвою, чѣмъ отдать ее когда-либо за человѣка, такъ жестоко меня оскорбившаго. Обязанности мои выше любви, которая пройдетъ съ бредомъ горячки. Явится Адольфъ, и все забудется. Луиза,—дочь баронессы Зегевольдъ; прикажу, и она, узнавъ свое заблужденіе, отдастъ руку тому, кто одинъ можетъ составить ея счастіе. Не такъ-ли Никласзонъ?

Секретарь, къ которому обращалась эта рѣчь, съ ужимкою всепокорнѣйшаго слуги, не замедлилъ согласиться, что все это было и будетъ пустячками, что первый сердечный параксизмъ хотя и силенъ, но пройдетъ, лишь-бы фрейлинъ Зегевольдъ выздоровѣла, и что сама судьба, конечно, постарается исполнить благородные, высокіе планы баронессы. Досаду и гнѣвъ свой она поспѣшила излить на домашнихъ. Слуга, прибѣжавшій первый съ вѣстью о пріѣздѣ мнимаго Адольфа, и старый дворецкій, удостоиваемый

почетнаго имени кастелана, такъ громогласно возвѣстившій о женихѣ, были сосланы въ ближайшую деревню, въ должности пастуха и скотника; домопрательницѣ не позволено было нѣсколько недѣль показываться на глаза своей повелительницѣ, а дѣвицѣ Горнгаузенъ сдѣланъ такой выговоръ, что истерика и спазмы принимались мучить ее въ нѣсколько пріемовъ. На Бира, въ уваженіе его чуднаго, разсѣяннаго характера, только-что косились, какъ Наполеонъ на крѣпость Грауденцъ, оставшуюся невредимою среди всеобщаго завоеванія и разрушенія.

Пріѣхалъ докторъ Блументростъ. Отъ искусства его ожидали многаго, а онъ возлагалъ все свое упованіе на Бога и на силу природы, которой обѣщался помогать по возможности своей. Ожидали съ надеждою и страхомъ назначеннаго имъ перелома болѣзни. Въ эти-то часы ожиданія, въ замкѣ и въ хижинахъ поселянъ все было полно любви къ Луизѣ; мысль потерять ее усиливала еще эти чувства.

— *О Іуммаль, о Іуммаль!* [1]) — молились въ простотѣ сердца подданные баронессы, — смилуйся надъ нашею молодою госпожей! Если нужно тебѣ кого-нибудь, то возьми лучше дитя наше отъ сосца матери, любого сына отъ сохи его отца, но сохрани нашу общую мать!

---

[1]) О Боже!—Іуммаль, во времена идолопоклонства латышей, былъ верховнымъ ихъ божествомъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВѢСТИ

Что день грядущій мнѣ готовитъ?
Его мой взоръ напрасно ловитъ:
Въ глубокой мглѣ таится онъ!

Пушкинъ.

Что дѣлалось въ это время съ Густавомъ?—Когда онъ выѣхалъ изъ Гельмета, совсѣмъ въ противную сторону, куда ему надлежало ѣхать, и когда опустился за нимъ подъемный мостъ, ему представилось, что съ неба упала между нимъ и Луизой вѣчная преграда. Сердце его раздиралось любовью, раскаяніемъ, чувствомъ униженія, мыслью, что та, которая была для него всего дороже на свѣтѣ, считаетъ его гнуснымъ обманщикомъ, что онъ оскорбилъ ее и возмутилъ ея жизнь, доселѣ беззаботную и счастливую. Дорого безразсудный платилъ за нѣсколько дней блаженства. Пріѣхавъ на мызу, гдѣ квартировалъ, съ ужасомъ вошелъ онъ въ свое жилище: ему представилось, что всѣ предметы, его окружавшіе, дико озирали его, что служители смотрѣли на него пасмурно, исполняли его приказанія неохотно.—Все отвращается отъ меня, какъ отъ убійцы!—думалъ онъ. Страшно было ему взглянуть въ себя, еще страшнѣе—обратиться къ прошедшему.

Чрезъ два дня слуга вручилъ ему письмо отъ баронессы Зегевольдъ. Не успѣлъ онъ еще распечатать его, какъ ужъ сердце отгадало его содержаніе. Вотъ что писали къ нему:

«Милостивый государь!..

«Вы, конечно, почли домъ мой домомъ зрѣлищъ, гдѣ позволены всякаго рода превращенія и терпимы оборотни; долгомъ считаю вывести васъ изъ заблужденія, съ тѣмъ, чтобы просить васъ покорно въ него никогда не заглядывать, даже безъ личины и подъ настоящимъ именемъ. Остаюсь...» и проч.

Густавъ, скрѣпивъ сердце, отвѣчалъ со всѣмъ уваженіемъ, должнымъ матери Луизы, что онъ хотя чувствуетъ себя виноватымъ, но не заслуживаетъ оскорбительныхъ выраженій, которыми его осыпали; что онъ обстоятельствами и любовью вовлеченъ былъ въ обманъ, и что если любить добродѣтель въ образѣ ея дочери есть преступленіе, то онъ почитаетъ себя величайшимъ преступникомъ. Онъ просилъ, по крайней мѣрѣ, не полагать въ немъ тѣхъ низкихъ чувствъ, которыхъ онъ не имѣлъ, и присовокуплялъ, что молитъ Бога доставить ему случай доказать матери Луизы, хотя бы цѣною его жизни, всю безпредѣльность его уваженія и преданности къ ея фамиліи.

Чрезъ нѣсколько дней принесли къ нему письмо отъ Фюренгофа.—Отъ дяди,—подумалъ Густавъ, разрывая печать, — не даромъ начинаетъ со мною родственныя сношенія тотъ, который навсегда было прервалъ всѣ связи съ сыномъ ненавистной ему сестры.— Содержаніе этого письма было слѣдующее:

«Государь мой!..

«Мы давно другу другу чужіе: сынъ Эрнестины былъ мнѣ всегда таковъ. Въ противномъ случаѣ, я сказалъ бы, какъ племяннику, что вы гнуснымъ по-

ступкомъ своимъ ввергли благородное семейство въ горестное состояніе, отняли у матери дочь, у брата вашего—жену и у дяди—лучшія его надежды. Теперь не наше дѣло вамъ объ этомъ говорить. Оставимъ карать васъ Божьему суду и совѣсти вашей, если вы не совсѣмъ ее потеряли. Другое, важнѣйшее дѣло понуждаетъ меня писать къ вамъ. Мать ваша заграбила у меня, въ 1685 году, три гака земли, смежныхъ съ...»

При чтеніи этихъ строкъ глаза Густава встрѣтили ниже слова: *нищая... сумасбродная... процессъ... судъ.* Далѣе онъ не могъ читать.

— Скажи, — вскричалъ онъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ, обратясь къ служителю своего дяди,—скажи пославшему тебя, что еслибъ онъ не былъ братомъ моей матери... Нѣтъ, лучше не говори ему этого, Отвѣтъ мой: пусть владѣетъ онъ тѣми гаками, которые почитаетъ своими; всѣ бумаги, присланныя имъ для утвержденія его правъ на этотъ клочекъ земли, будутъ скрѣплены мною. Спроси, не осталось ли чего изъ имѣнія Траутфеттера, чтобы я могъ уступить ему: все отдамъ безъ суда, которымъ онъ грозитъ мнѣ. Но вмѣстѣ съ этимъ скажи ему, чтобы онъ берегся шевелить прахъ моей матери. Въ противномъ случаѣ сынъ оскорбленной Эрнестины можетъ забыть, что оскорбитель—дядя.—Выговаривая это, Густавъ изорвалъ въ клочки письмо и присовокупилъ посланному:

— Ступай!—другого отвѣта не будетъ.

Судьба, какъ бы нарочно, устроила летучую почту для нанесенія Густаву жестокихъ ударовъ, одного за другимъ. Не успѣлъ онъ еще образумиться отъ дядиной цыдулки, какъ вручили ему письмо изъ арміи, именно отъ Адольфа. «Получивъ твое посланіе [1]), лю-

[1]) Письма этого мы не могли отыскать въ фамильныхъ бумагахъ Траутфеттера.

безный братъ и другъ,—писалъ онъ къ нему,—я отъ всего сердца посмѣялся ошибкѣ, доставившей тебѣ особенно ласковый пріемъ отъ моей невѣсты и домочадцевъ гельметскихъ. Пробилъ я закладъ, но все-таки съ честью для себя. Каковъ же твой двоюродный братецъ! Не только собственною персоной, онъ даже именемъ своимъ оковываетъ сердца прелестныхъ и творитъ любовныя чудеса! Въ Польшѣ лично веду аттаки и побѣждаю, а въ Лифляндіи хлопочетъ за меня услужливый Созн мой. Виватъ, Адольфъ Траутфеттеръ! Жаль, что на время этихъ проказъ я не на твоемъ мѣстѣ, а ты не на моемъ: я провелъ бы тогда подкопъ, и — чортъ меня возьми! — еслибъ я не взорвалъ на воздухъ всѣ обязательства разсчетливыхъ маменекъ и дядюшекъ! Но ты... съ твоимъ холоднымъ, нерѣшительнымъ характеромъ, ты разомъ струсишь и откроешься. Ты пишешь, что Луиза прелестна. Вѣрю, потому что она и одиннадцати лѣтъ была премиленькая дѣвочка. И теперь еще, какъ два фонарика, свѣтятся передо мною ея глазки, преумильно поглядываетъ на меня и дядюшкино чищенное золотце, которому надѣюсь, со временемъ, еще лучше протереть глаза. Но всѣ эти прелести ничто передъ милою, дивно милою полечкою. Имени ея не скажу: оно завѣтное. Ахъ, любезный Густавъ, ты видѣлъ ножку ея?.. Ну, право, три такихъ уляжутся въ одномъ башмакѣ нашихъ лифляндскихъ стряпухъ и экономокъ; отъ одной ножки можно съ ума сойти, суди же обо всемъ прочемъ! Ты смѣешься постоянству моей новой любви, Ѳома невѣрный? Божусь тебѣ, я страхъ перемѣнился въ два мѣсяца; ты меня не узнаешь теперь. Страсть моя такъ сильна, такъ искренна, что я почитаю ее предвѣстіемъ ужаснаго *кризиса* въ моей жизни: или я *долженъ* буду скоро ѣхать въ Лифляндію, куда меня выпишутъ, чтобы женихъ на твоей Луизѣ и дядюшкиномъ мил-

ліонѣ (здѣсь ужь объ этомъ хлопотала патріотка). или меня убьютъ въ первомъ сраженіи. Не передъ добромъ мое постоянство — разумѣю въ любви! Тебѣ хорошо извѣстно, что дружба и честь никогда не знавали меня вѣтренникомъ. Отпиши мнѣ поскорѣе объ успѣхѣ твоихъ дальнѣйшихъ посѣщеній и берегись слишкомъ скоро отступить отъ трофеевъ, дарованныхъ тебѣ волшебнымъ, все побѣждающимъ имячкомъ Адольфа; помни, что ты не Августъ и передъ тобой нѣтъ Карла XII. Вѣрь, что ты имѣешь во мнѣ самаго терпѣливаго соперника.—Кстати, обрадуй патріотку прилагаемымъ *у сего* письмомъ къ ней отъ Пипера, министра его величества, короля шведскаго. Посылая это письмо, чувствую, что у меня сердце не на мѣстѣ; не заключается-ли ужь въ немъ обѣщанія выслать меня въ бѣдный шлиппенбаховъ корпусъ? Предчувствую, что мнѣ теперь не удастся подмѣнить себя двоюроднымъ братцемъ, какъ я сдѣлалъ это при отправленіи тебя въ Лифляндію. Надо признаться тебѣ, во всемъ этомъ я виноватъ, а какъ я это смастерилъ, при случаѣ тебѣ разскажу. И безъ того мое письмо длинно, какъ носъ твоего нынѣшняго начальника послѣ новаго года.

«Твой братъ и другъ
Адольфъ Т.»

Немедленно послалъ Густавъ письмо Пипера по адресу, приказавъ своему слугѣ поосторожнѣе развѣдать, что дѣлалось въ замкѣ. Письмо приняли; но какъ всѣмъ жителямъ Гельмета приказано было молчать на счетъ семейныхъ дѣлъ баронессы, то посланный могъ узнать только, что *фрейлинъ нездорова*. Эта вѣсть еще болѣе растравила сердечную рану Густава. На слѣдующій день, только-что начало свѣтать, онъ вскочилъ съ постели, спѣшилъ одѣться и выдти изъ де-

ревни съ твердымъ намѣреніемъ, во что бы то ни стало, приблизиться къ замку и узнать, отъ кого бы то ни было, о состояніи больной. Углубленный въ задумчивость, потупивъ глаза въ землю, шелъ онъ по дорогѣ въ Гельметъ. Сельскія дѣвки, гнавшія скотину въ поле, съ боязнію глядѣли на угрюмаго шведа и старались подалѣе обойти его. Крестьянинъ, ѣхавшій съ своею сохою на пашню, распѣвалъ въ добрый часъ — что очень рѣдко случается у латышей—веселую пѣсенку:

У кого такая милочка,
Какъ у братца моего?
Сука моетъ у него посуду,
Козы полютъ огородъ.

Но примѣтивъ синій мундиръ, сталъ втупикъ и, проворчавъ Густаву свое обычное: *терре омикустъ* [1])! спѣшилъ обогнать постояльца, который не только не кивнувъ ему, но, казалось, такъ ужасно на него посмотрѣлъ, какъ бы хотѣлъ его съѣсть. Густаву было не до привѣта людей, чуждыхъ ему: *одна* въ мірѣ занимала его мысли и сердце. Онъ прошелъ уже болѣе половины пути до Гельмета, какъ вдругъ кто-то назвалъ его по имени.

— Куда такъ рано, господинъ оберстъ-вахтмейстеръ? — сказалъ ѣхавшій верхомъ на встрѣчу ему, снявъ униженно шляпу и пріостановивъ бойкаго рыжаго конька.

Густавъ приподнялъ голову и увидѣлъ передъ собою того самаго служителя баронессы, который въ первое его посѣщеніе замка вызвался держать его лошадь и котораго умѣлъ онъ отличить отъ другихъ дворовыхъ людей, замѣтивъ въ немъ необыкновенное къ себѣ

---

[1]) Доброе утро.

усердіе. Несчастный обрадовался неожиданной встрѣчѣ, какъ утопающій спасительному дереву, мимо его плывущему.

— Ахъ! это ты, Фрицъ?—сказалъ Густавъ,—прекрасное утро выманило меня прогуляться, и я нечаянно очутился на этой дорогѣ. Накройся, старикъ, на дворѣ еще свѣженько.

Фрицъ съ нѣкоторымъ принужденіемъ надѣлъ шляпу, лукаво посмотрѣлъ на молодого офицера, слѣзъ съ лошади и примолвилъ:

— Видно, я объѣзжалъ своего коня, а вы своего, господинъ оберстъ-вахтмейстеръ! Иной подумаетъ, что я къ вашей милости, а вы къ моей. (Тутъ конюхъ тяжело вздохнулъ). Куда-жъ прикажете мнѣ за вами слѣдовать? Между бездѣльемъ, я хотѣлъ сказать вамъ и дѣло.

— А какое-бы?—спросилъ Густавъ съ видомъ нетерпѣнія и, между тѣмъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, невольно заставилъ Фрица слѣдовать за собой по дорогѣ къ замку.

— Вотъ изволите видѣть: во-первыхъ, вы командуете эскадрономъ драгунъ?

— Такъ.

— Во-вторыхъ, говорятъ, вашъ коновалъ отправился на тотъ свѣтъ лѣчить лошадей. Покуда сыщется другой (Фрицъ снялъ опять шляпу, почесалъ себѣ пальцемъ по шеѣ и униженно поклонился), кхе! кхе!.. вашъ преданнѣйшій и всеусерднѣйшій слуга, великій конюшій двора ея свѣтлости, баронессы Зегевольдъ, осмѣливается предложить вамъ... кхе! кхе!..

— Свои услуги, не такъ-ли?

— Малую толику, господинъ оберстъ-вахтмейстеръ! За меня поручится вся округа, что я залѣчиваю менѣе четвероногихъ, нежели иной свою братью двуногую.

— Вѣрю, вѣрю, и охотно принимаю тебя въ свою команду врачемъ, и нынѣ же готовъ велѣть показать тебѣ всѣхъ четвероногихъ паціентовъ; но баронесса...

— Понимаю: будетъ гнѣваться, думаете вы, что я посѣщаю вашу квартиру и, можетъ быть, выношу соръ изъ ея палатъ.

— Справедливо.

— Не безпокойтесь! Я не дворовая собака, которую она вольна держать на привязи: служу свободно, пока меня кормятъ и ласкаютъ; не такъ, при первомъ толчкѣ ногой, могу показать и хвостъ, то есть хочу сказать, что я не крѣпостной слуга баронессы. Къ тому жъ, нанимаясь къ ней въ кучера и коновалы, я условился съ ея милостью, чтобы мнѣ позволено было заниматься практикою въ окружности Гельмета. Надѣюсь, вы мнѣ дадите хлѣбецъ и по другимъ эскадронамъ. Въ платѣ жъ за труды...

— Конечно, не будешь обиженъ. Съ этого часа ты нашъ.

— Вашъ и тѣломъ, и душой.

— И совѣстью коновальской, не правда-ли?

— Для васъ не помучу ее; но когда бы пришлось имѣть дѣло, напримѣръ, съ вашимъ дядюшкой, не счелъ бы за грѣхъ обмануть его.

— Почему жъ нравится тебѣ племянникъ болѣе дяди?

— Объ этомъ скажу вамъ послѣ, когда созрѣетъ яблочко, посаженное сѣмячкомъ въ доброй землѣ.

— Припѣвомъ этимъ не ты одинъ прельщаешь. Мнѣ кажется, что ты сказочникъ.

— Мои сказки, не такъ какъ у иныхъ, длятся тысячу и одну ночь—того и смотри, какъ сонъ въ руку. Нѣтъ, скорѣй отгадчикъ. Давно извѣстно, что мельникъ и коновалъ ученики нечистаго. Вотъ, напримѣръ, господинъ оберстъ-вахтмейстеръ, я знаю, зачѣмъ вы идете по этой дорогѣ со мною.

— А зачѣмъ-бы?

— Вамъ хотѣлось бы узнать отъ вѣрнаго человѣчка, что дѣлается съ тою, кхе! кхе! которую вы любите.

— Кого я люблю? Кто далъ тебѣ право судить о моихъ чувствахъ?

— Желаніе вамъ добра. Коли вы обижаетесь слышать то, о чемъ вы хотѣли бы меня спросить и зачѣмъ вы шли по этой дорогѣ, такъ я буду молчать. А я было, спросту, думалъ подарить васъ еще въ прибавокъ тѣмъ, въ чемъ вы нуждаетесь—именно утѣшеньицемъ и надеждою. Извините меня, господинъ оберстъ-вахтмейстеръ! (Здѣсь Фрицъ поклонился).

— Утѣшеніемъ? Говори жъ скорѣе, духъ-искуситель, что дѣлаетъ Луиза?

— Потише, потише, господинъ! Такія вещи не получаются даромъ.

— Требуй все, что имѣю.

— Вы не заплатите мнѣ тѣмъ, чѣмъ разумѣете. Когда я дарю васъ вещами, которыхъ у васъ нѣтъ, слѣдственно я покуда богаче васъ. Конюхъ баронессы Зегевольдъ чудакъ, его не расшевелятъ даже милліоны вашего дяди; золото кажется ему щепками, когда оно не въ пользу ближняго. Фрицъ съ козелъ смотритъ иногда не только глазами, но и сердцемъ выше иныхъ господъ, которые сидятъ на первыхъ мѣстахъ въ колымагѣ:—будь не къ вашей чести сказано.

— Чего-жъ ты хочешь отъ меня?

— Бездѣлицы! помѣняться со мною обѣщаніями.

— Чтожъ долженъ я обѣщать?

— Во-первыхъ, молчать, о чемъ я буду сказывать вамъ за тайну нынѣ и впредь; во-вторыхъ, выполнить, при случаѣ, о чемъ я васъ попрошу, и, въ-третьихъ, все это утвердить честнымъ вашимъ словомъ.

Густавъ подумалъ: «О чемъ можетъ просить меня кучеръ баронессы, чтобъ не было согласно съ моими

обязанностями, съ моими собственными желаніями?» подумалъ, посовѣтовался съ сердцемъ и сказалъ:

— Честное слово Густава Траутфеттера, что я выполню требованія твои. Говори, ради Создателя, что дѣлаетъ Луиза?

— Что она дѣлаетъ? Съ тѣхъ поръ, какъ вы скрылись изъ замка, она слегла...

— Боже мой!

— Не пугайтесь и помните о томъ, что я вамъ обѣщалъ. Она слегла въ постель. Не скрою отъ васъ, она больна, очень больна.

— Несчастный! что я говорю: несчастный? извергъ, я убилъ ее!

— Вчера я видѣлъ лекаря Блументроста.

— Чтожъ онъ говоритъ?

— Когда я спросилъ его: каково нашей молодой госпожѣ? онъ шепнулъ мнѣ: *Богъ милостивъ!* Это слово великое, господинъ! Онъ не употребляетъ его даромъ. «Послѣ завтра,—прибавилъ онъ,—переломъ болѣзни, и тогда мы увидимъ, что можно будетъ вѣрнѣе сказать». —А теперь?—спросилъ я его. «Теперь, по мнѣнію моему, есть надежда», отвѣчалъ онъ.

Густавъ остановился, сталъ на колѣни, сложилъ руки и молился:

— Боже милосердый, спаси ее! Ни о чемъ другомъ не молю Тебя: спаси ее, Всемогущій Отецъ! сохрани Свое лучшее твореніе на землѣ и разбей сосудъ, изъ котораго подана ей отрава.

— Встаньте, господинъ оберстъ-вахтмейстеръ его королевскаго величества; крестьяне, работающіе въ полѣ, сочтутъ васъ помѣшаннымъ—не во гнѣвъ буди вамъ сказано.

— Даю тебѣ право говорить, что хочешь, — сказалъ Густавъ, вставая,—точно, я обезумѣлъ.

— Легче-ли вамъ теперь?

— Фрицъ, другъ мой, ты воскрешаешь меня.

— Вотъ утѣшенье, которое я обѣщалъ вамъ. Теперь поговоримте о надеждѣ, которую я хотѣлъ вамъ наворожить. Во-первыхъ, скажу: отчаяніе—величайшій изъ грѣховъ. Я не пасторъ, а разумѣю кое-что. Худо вы сдѣлали; но кто поручится, чтобы не сдѣлалъ того жъ другой молодецъ на вашемъ мѣстѣ, съ огнемъ вмѣсто крови, какъ у васъ? Кто знаетъ, бароны и баронессы разсчитывали по-своему, а Тотъ, Кто выше не только ихъ, но и короля шведскаго, который щелкаетъ по носамъ другихъ королькoвъ (здѣсь Фрицъ скинулъ шляпу и поднялъ съ благоговѣніемъ глаза къ небу), Тотъ, можетъ быть, разсчиталъ *иначе*. Еще скажу: дѣло не о прошедшемъ—его воротить нельзя—а о будущемъ, которое можно предугадать и поправить.

— Особенно вамъ, коноваламъ-колдунамъ!

— Да, и наша милость будетъ тутъ стряпать. Завтра Богъ откроетъ намъ Свое опредѣленіе. Если Онъ окажетъ милости Свои, то...

— Молю Бога объ одной жизни ея.

— Для меня этого мало, я хочу устроить судьбу вашу.

— Ты? опомнись, Фрицъ!

— Съ помощью добрыхъ людей.

— Вѣроятно, дворецкаго, камердинера и прочей честной компаніи?

— А хотя бы и такъ? Развѣ вы отказались бы отъ сокровища, которому цѣны не знаете, если бы помогъ вамъ найти его бѣдный челядинецъ? Можетъ статься, на этотъ разъ усердный холопъ передалъ бы его господину маіору-бѣлоручкѣ, надѣвъ перчатки на свои запачканныя руки, чистившія коней.

— Ты не знаешь меня, Фрицъ! Я обнялъ бы этого челядинца какъ брата, хотя бы онъ былъ чернѣе трубочиста. Но къ чему твоя сказка?

— Къ дѣлу. Дочь баронессы Зегевольдъ будетъ женою того Траутфеттера, котораго она любитъ, а не того, за кого хотятъ ее выдать насильно мать и дрянной старичишка.

— Вспомни, Фрицъ, что онъ дядя мой.

— Помню, что онъ обманщикъ, тать, разбойникъ! При этихъ словахъ глаза и лицо Фрица разгорѣлись; также и Густавъ вспыхнулъ.

— Ты съ ума сошелъ?

— Нѣтъ, господинъ оберстъ-вахтмейстеръ!—Я говорю въ полномъ умѣ. Когда бъ вы знали, что этотъ человѣкъ надѣлалъ моему семейству, когда бъ вы знали, что онъ похититель вашей собственности!

— Онъ владѣетъ тѣмъ, что слѣдовало ему по законамъ.

— По законамъ? по законамъ? (Фрицъ съ горькою усмѣшкою покачалъ головой). Развѣ адскимъ! Вы, племянникъ его, ничего не знаете; я, конюхъ баронессы Зегевольдъ, знаю все и все такъ вѣрно, какъ святъ Богъ! У васъ отнято имѣніе, у васъ отнимаютъ ту, которую вы любите, — то и другое будетъ ваше съ помощью Вышняго?...

— Ты призываешь Бога въ свидѣтели?...

— Не грѣшно призывать Его въ дѣлѣ правомъ. Давно есть у васъ стряпчій, и вы должникъ его. Безъ вѣдома вашего, не желая отъ васъ награды, трудится *онъ* для васъ.

— Кто такой?

— *Онъ!* Болѣе не скажу словечка; теперь нѣтъ *ему* имени. По приказу *его* поджидалъ я васъ на нашу сторонку съ нетерпѣніемъ. Вспомните слова мои, когда вы въ первый разъ къ намъ пожаловали и когда я дрожащею рукой бралъ вашу лошадь за повода.

— Какъ теперь помню, ты сказалъ мнѣ: «добро пожаловать, гость желанный!»

— Такъ точно. Слова эти выговаривали не губы мои, а сердце. Я зналъ тогда жъ, что вы не Адольфъ, а Густавъ, и молчалъ.

— Затѣмъ же не открылъ ты въ замкѣ моего имени?

— Такъ приказалъ мнѣ *онъ*.

— Странно, чудесно, невѣроятно!

— Скажу вамъ яснѣе: вы меня знавали; я держалъ васъ маленькаго на колѣняхъ; вы знавали *его*. Если вы разгадаете *его* имя, не сказывайте мнѣ: я объ этомъ васъ прошу вслѣдствіе нашего уговора. По тому жъ условію, требую отъ васъ, въ случаѣ, еслибъ *онъ*, благодѣтель вашъ, вашъ стряпчій, попалъ въ несчастье, и еслибъ вы, узнавъ, *его* могли спасти...

— Право, смѣшно; однакожъ, даю слово выручить при случаѣ изъ бѣды моего названнаго благодѣтеля.

— Чтобы въ дѣлахъ нашихъ было болѣе чудесностей, скажу вамъ еще, что вы не иначе получите отнятое у васъ имѣніе и вашу Луизу, какъ посредствомъ *чухонской дѣвки* и *русскихъ*, и то не прежде, какъ всѣ они побываютъ въ *Рингенѣ*.

— Что за вздоръ ты говоришь? Чухонскія дѣвки! Русскіе! Рингенъ! Далека пѣсня!... Только этой присказки не доставало въ твоей сказкѣ. А я, глупецъ, развѣсилъ уши и слушаю твои выдумки, будто дѣло! По крайней мѣрѣ благодаренъ тебѣ за утѣшеніе.

— Помяните мои слова... но вотъ, мы чуть не наткнулись на Гельметъ. Могутъ насъ замѣтить, пересказать баронессѣ,—и тогда поклонъ всѣмъ надеждамъ! Прощайте, господинъ оберстъ-вахтмейстеръ! Помните, что вамъ назначено сокровище, которое теперь скрывается за этой зеленой занавѣсью... Видите ли открытое угольное окошко? на немъ стоитъ горшокъ съ розами... видите?—это спальня вашей Луизы.

— Моей... Боже мой? въ какомъ онъ теперь состояніи?... Я положилъ это прекрасное твореніе на

смертный одръ, сколотилъ ей усердно, своими руками, гробъ, и я же, безумный, могу говорить объ утѣшеніи, могу надѣяться, какъ человѣкъ правдивый, благородный, достойный чести, достойный любви ея? Чѣмъ могъ я купить эту надежду? Развѣ злодѣйскимъ обманомъ! Не новымъ-ли дополнить хочу прекрасное начало? Она умираетъ, а я, злодѣй, могу думать о счастіи!... Завтра, сказалъ ты, Фрицъ...

— Завтра переломъ ея болѣзни, говорилъ мнѣ лекарь.

— Фрицъ, другъ мой, объ одной услугѣ молю тебя.

— Приказывайте.

— Могу-ли завтра... назначить мѣсто, часъ, гдѣ бы съ тобою видѣться?

— Извольте; я ужь объ этомъ думалъ. Вечеркомъ, когда солнышко будетъ садиться, выйдите изъ своей квартиры. Отъ гельметской кирки поверните вправо, къ погосту: чай, вы покойниковъ не боитесь?—Пройдя мимо ихъ келій, ступайте цѣликомъ къ старому вязу, что стоитъ съ тремя соснами, на дорогѣ изъ Гуммельсгофа: тутъ есть камешекъ вмѣсто скамьи; можете на немъ отдохнуть и дожидаться меня. Да чуръ, быть осторожнѣе! Не погубите себя и меня. Слышите? Собаки на дворѣ почуяли васъ; люди начали вездѣ копошиться. Воротитесь скорѣе домой, и уповайте на Бога. Прощайте!

Фрицъ, выговоря это, вспрыгнулъ на своего рыжака и скоро исчезъ изъ глазъ Густава. Неугомонный лай собаки, все сильнѣе возвѣщавшій о приближеніи къ замку незнакомца, заставилъ Густава удалиться поспѣшнѣе, нежели онъ желалъ.

На слѣдующій день, передъ закатомъ солнца, выѣхалъ онъ на чухонской телѣжкѣ съ однимъ вѣрнымъ служителемъ изъ своей квартиры, переодѣлся въ крестьянское платье у гельметской кирки, гдѣ оставилъ своего провожатаго, нахлобучилъ круглую шляпу

на глаза и побрелъ къ назначенному мѣсту, какъ человѣкъ, идущій на воровство. Измученный скорою ходьбою и чувствами, раздиравшими его душу, онъ остановился у ограды кладбища, чтобы перевесть дыханіе. Послѣдніе лучи солнца одѣвали розовымъ отливомъ бѣлые, пирамидальные памятники. Ему чудилось, что усопшіе въ праздничныхъ саванахъ вышли изъ могилъ на встрѣчу новой своей гостьѣ. «Можетъ быть, въ самую эту минуту, она умираетъ»! подумалъ онъ, и сердце его стѣснилось въ груди. «Мечта разстроеннаго воображенія! — прибавилъ онъ потомъ, стараясь призвать на помощь все присутствіе разсудка,—докторъ сказалъ, что есть надежда».

Медленно, ходомъ черепахи шелъ онъ, желая чтобы тѣнь сумрака перегнала его до мѣста назначенія. Вскорѣ, къ досадѣ его, послышались ему голоса человѣческіе. Проклиная эту помѣху, онъ осторожно доползъ до можжевеловыхъ кустовъ, шагахъ въ двадцати отъ того мѣста, откуда былъ слышенъ разговоръ, спрятался за кустами такъ, что не могъ быть примѣченъ съ этой стороны, но самъ имѣлъ возможность высмотрѣть все, что въ ней происходило. Подъ такою защитой, онъ увидѣлъ при свѣтѣ восходящаго мѣсяца, что подъ вязомъ, гдѣ назначено ему было дожидаться Фрица, сидѣли двѣ женщины, спинами къ нему, на большомъ дикомъ камнѣ, вросшемъ въ землю и огороженномъ тремя молодыми соснами. Родъ пестрыхъ мантій, сшитыхъ изъ лоскутковъ, покрывали ихъ плечи; головы ихъ были обвиты холстиною, отъ которой топорщились по сторонамъ концы, какъ растянутыя крылья летучей мыши; изъ-подъ этой повязки торчали въ безпорядкѣ клочки сѣдыхъ съ рыжиною волосъ, которые вѣтерокъ шевелилъ повременамъ. Одна изъ нихъ—можетъ быть, услышавъ шорохъ—оглянулась назадъ. Страшны были ея кошачьи глаза, пры-

гавшіе между двумя кровавыми полосами, означавшими мѣста, гдѣ были нѣкогда рѣсницы; желтое лицо ея было стянуто, какъ кулакъ; повременамъ страшно подергивало его. Густавъ спѣшилъ отвернуться отъ этого безобразнаго явленія. Грубый голосъ старухъ походилъ на сиповатое карканье стараго, больного ворона. Повидимому, онѣ кого-то поджидали изъ замка, потому что часто протягивали шеи въ ту сторону. Изъ разговора ихъ нѣкоторыя слова долетали до слуха Густава.

— Долго нейдетъ нашъ Мартышка,—говорила одна.

— Чай, заповѣсничался съ дворовыми ребятами,— примолвила другая.

— Сорванецъ! негодяй! да какого добра ждать отъ подкидыша? Пойдетъ, видно, по батюшкѣ: хорошіе кусочки себѣ, оглодышки другимъ.

— Повѣришь-ли, мать моя, сызмала на деньги не надышется: умѣетъ ужь хоронить ихъ не хуже сороки. Сухари то и дѣло тащитъ беззубой старухѣ, а шелегъ чтобы принесъ — этого грѣха съ нимъ не бывало.

— Запропастился, окаянный! Видно, лижетъ сковороды на кухнѣ. До съѣстного-ли теперь? Умретъ... такъ получше что достанется... (Здѣсь вѣтеръ перехватилъ слова разговаривавшихъ). Дура, дура! что тебѣ въ шелковомъ?... Развѣ грѣшнымъ костямъ на покрышу? Намъ съ тобой лоскутъ холста да четыре доски: ляжемъ въ нихъ не хуже королевы или баронессы. Статочно-ли дѣло беречь для себя?... (Вѣтеръ опять помѣшалъ Густаву слышать нѣкоторыя слова). Молвятъ, что барышня отъ него-то и слегла въ постель. Выдавалъ онъ себя, невѣсть какъ, за племянника, ну, того скупого хрыча — вѣдашь, Мартышкина отца — чтобъ ему ни пути, ни дороги, ни дна, ни мѣста!

— Знаю, знаю, Фиргофа — провалиться-бы ему въ преисподнюю! — Племянникъ этотъ сговоренъ за барышню. Ждали его; пріѣхалъ онъ, а былъ не онъ, шведскій офицеръ, чернокнижникъ, надѣлъ на себя харю жениха и давай отводить глаза у невѣсты и у всѣхъ холоповъ. Барышнѣ показался онъ такимъ пригожимъ, добрымъ, ласковымъ, ну, такъ, что она, сердечная, умирала по немъ. Разъ хотѣла она поцѣловать его, а у него и выставься изъ тупея два рожка. Съ того, дескать, часу бѣдняжкѣ попритчилось, не въ нашу мѣру буди сказано. Молодешенька была душа моя, пригожа, на подобіе цвѣтка макова, разумна, какъ скворушка. Подкосилъ цвѣтъ злой косецъ, запряталъ ловецъ пташку въ клѣтку вѣчную.

— Дай Богъ ей царство небесное, а намъ что-нибудь на поминъ ея души!

Можно судить, что чувствовалъ Густавъ во время этого разговора: кровь начинала останавливаться въ жилахъ, дыханіе захватывало въ груди. Онъ хотѣлъ встать и разогнать эту адскую бесѣду; но, послышавъ топотъ бѣгущаго мальчика, рѣшился еще остаться на прежнемъ мѣстѣ.

— Вотъ и Мартышка бѣжитъ!—сказала одна старуха, привставъ съ камня. — Какія-то вѣсти несетъ намъ пострѣлъ? Бѣжитъ что-то весело.

— Видно, отдала Богу душку! — отвѣчала другая со вздохомъ.

Посланникъ ихъ, мальчикъ, повидимому лѣтъ четырнадцати, не спѣшилъ удовлетворить желаніе ожидавшихъ его, и немедленно приблизясь къ нимъ, казалось, старался ихъ подразнить: то кривлялся, какъ фигляръ, то маршировалъ, какъ солдатъ, то скакалъ на одной ногѣ влѣво и вправо.

— Говори, бѣсенокъ! — закричала одна изъ старухъ, замахнувшись на него костылемъ, — не то,

пришибу тебя этою указкой. — Жива что-ли еще, аль умерла?

Мальчикъ, поровнявшись почти со старухами, началъ качать головою и припѣвать жалобнымъ голосомъ: «*Упокой душу рабы твоея! упокой душу...*»

Густавъ болѣе ничего не слыхалъ: все кругомъ его завертѣлось. Онъ силился закричать, но голосъ замеръ на холодныхъ его губахъ; онъ привсталъ, хотѣлъ идти—ноги подкосились; онъ упалъ—и поползъ на четвереньках, жадно цѣпляясь за траву и захватывая горстями землю. Старухи и мальчикъ, увидѣвъ въ сумракѣ что-то двигающееся, отъ страха почли его за привидѣніе или звѣря и, что было мочи, побѣжали въ противоположную отъ замка сторону. Отчаяніе придало Густаву силы: онъ привсталъ и, шатаясь, самъ не зная что дѣлаетъ, побрелъ прямо въ замокъ. На дворѣ все было тихо. Онъ прошелъ его, взошелъ на первую и вторую ступень террасы, съ трудомъ поставилъ ногу на третью — здѣсь силы совершенно оставили его, и онъ покатился внизъ.

Ни одного живого существа не было въ этой сторонѣ, да и въ домѣ все было тихо, какъ бы всѣ обитатели его спали мертвымъ сномъ. Вскорѣ началось тихое движеніе. Служители шепотомъ передавали одинъ другому вѣсть, повидимому пріятную; улыбка показалась на всѣхъ лицахъ, доселѣ мрачныхъ; иные плакали, но видно было, что слезы ихъ лились отъ радости. Наконецъ, Фрицъ потихоньку отворилъ дверь на террасу и началъ сходить съ нея. Свѣтъ изъ оконъ нижняго этажа освѣщалъ ему путь. Озираясь изъ предосторожности, онъ увидѣлъ человѣка, распростертаго на землѣ и головой поникнувшаго на послѣднюю ступень. Кровь струилась по его лицу. Добрый конюшій, спѣшившій съ радостною вѣстью къ мѣсту свиданія, пораженъ былъ, узнавъ въ несчастномъ Густава! Онъ

ощупалъ пульсъ его, пульсъ едва бился. Звать людей на помощь было невозможно; открыться медику — опасно. Наконецъ, блеснула въ головѣ его мысль о добротѣ души библіотекаря. Къ утѣшенію его, въ первой комнатѣ нижняго этажа встрѣтилъ онъ Адама, который прохаживался по ней мѣрными шагами, будучи углубленъ въ размышленія о суетахъ мірскихъ. Фрицъ схватилъ его за руку. Адамъ оглянулся.

— Человѣкъ погибаетъ! — быстро произнесъ конюхъ,—спасите его.

— Куда? что надобно?—воскликнулъ Биръ.

— Тише! Есть-ли съ вами ланцетъ и бинты?

— Ты знаешь, что они всегда при мнѣ.

— Идемъ!—сказалъ Фрицъ, досталъ гдѣ-то фонарь и увлекъ за собою Бира на то мѣсто, гдѣ лежалъ Густавъ.—Видите-ли этого человѣка? Помогите мнѣ поднять его на плечи ко мнѣ; хорошо, такъ; ступайте за мной; придерживайте его дорогою, чтобы онъ не свалился.

Такъ распоряжался Фрицъ, и покорный ему библіотекарь съ особеннымъ усердіемъ выполнялъ его волю. Въ полѣ, при свѣтѣ фонаря, послѣдній пустилъ страдальцу кровь. Биръ узналъ Густава, и какъ скоро этотъ началъ приходить въ себя, онъ удалился, потушивъ фонарь.

Густавъ открылъ глаза, остановилъ ихъ на Фрицѣ, посмотрѣлъ кругомъ себя, и не могъ придумать, гдѣ онъ находился.

— Не во время вздумали умирать!—сказалъ добрый конюхъ, стараясь понемногу ободрить больного, — я несъ вамъ пріятныя вѣсти, а вы хотѣли сами приступомъ взять ихъ.

— Пріятныя вѣсти? — спросилъ Густавъ, приподнимаясь на одну руку, не понимая, почему другая не повиновалась. — Ахъ! я слышалъ такія ужасныя;

не понимаю гдѣ, во снѣ или на яву? Ради Бога, говори!

— Потише, повторяю вамъ, потише. Видите-ли кровь? Я принужденъ былъ пустить вамъ ее. Теперь вы въ моей командѣ, волей или неволей, прошу не прогнѣваться. Спокойны-ли вы?

— Да, я споксенъ.

— Теперь могу передать вамъ радостную вѣсть: фрейлинъ Зегевольдъ будетъ жива; переломъ болѣзни миновался и лѣкарь отвѣчаетъ за ея выздоровленіе...

— Правда-ли? Не стараешься-ли меня утѣшить обманомъ?

— Вѣрьте не мнѣ, Богу.

— Отецъ милосердный! — воскликнулъ Густавъ, поднявъ къ небу глаза, полные слезъ,—благость Твоя неизрѣченна. Ты хранишь невинность и милуешь преступленіе! — Онъ схватилъ руку благодѣтельнаго конюха, и, сколько силъ у него доставало, сжалъ ее въ своей рукѣ; потомъ съ отдыхами разсказалъ, что съ нимъ случилось въ этотъ ужасный для него вечеръ.

— Старыя колдуньи! — вскричалъ въ ужасной досадѣ Фрицъ, выслушавъ разсказъ своего паціента, — я отучу ихъ собираться на поминки къ живымъ людямъ! А этотъ бѣсенокъ изъ одного сатанинскаго съ ними гнѣзда напляшется до-сыта подъ мои цымбалы! Однакожъ, пока имъ достанется отъ меня, надобно подумать, какъ дотащить васъ до кирки.

— Видно радости не убиваютъ, — сказалъ Густавъ,—я чувствую себя лучше и готовъ слѣдовать за тобою.

Благополучно, хотя не безъ труда, добрели они до кирки, гдѣ дожидался слуга, начинавшій уже безпокоиться, что господинъ его замѣшкался. Здѣсь почерпнули изъ родника воды въ согнутое поле шляпы и дали выпить Густаву, ослабѣвшему отъ ходьбы. Про-

щаясь съ Фрицомъ, онъ обнялъ его и просилъ докончить свое благодѣяніе, давая ему знать о томъ, что дѣлается въ замкѣ. Фрицъ обѣщалъ и сдержалъ свое слово.

Послѣ этого происшествія, нерѣдко прилеталъ онъ на любимомъ рыжакѣ своемъ въ Оверлакъ, и каждый разъ привозилъ съ собою болѣе и болѣе утѣшительныя вѣсти: «Фрейлинъ Зегевольдъ лучше, фрейлинъ Зегевольдъ сидитъ въ креслѣ, ходитъ по комнатѣ, порядочно кушать начинаетъ», и такъ далѣе, согласно съ успѣхами ея здоровья. Наконецъ, вѣстникъ увѣдомилъ Густава, что, кромѣ блѣдности, замѣнившей на лицѣ ея прежній румянецъ, и грусти, въ ней прежде незамѣтной, никакихъ слѣдовъ болѣзни ея не оставалось. Мысль, что Луиза здорова, успокоивала Густава, и хотя она подавляема была нерѣдко другою горестною мыслью о безнадежности любви своей, но вскорѣ пріобрѣтала вновь свое прежнее утѣшительное вліяніе. «Она забудетъ меня, — думалъ Траутфеттеръ,—но по крайней мѣрѣ будетъ счастлива, сдѣлавъ счастіе Адольфа». Съ другой стороны, добрый, но не менѣе лукавый Фрицъ, привозя ему извѣстія изъ замка и прикрѣпляя каждый день новое звено въ цѣпи его надежды, сдѣлался необходимымъ его собсѣдникомъ и утѣшителемъ; пользуясь нерѣдкими посѣщеніями своими, узнавалъ о числѣ и состояніи шведскихъ войскъ, расположенныхъ по разнымъ окружнымъ деревнямъ и замкамъ; познакомившись со многими офицерами, забавлялъ ихъ своими проказами, разсказывалъ имъ были и небылицы, лѣчилъ лошадей, и между тѣмъ дѣлалъ свое дѣло. Такъ прошелъ съ небольшимъ мѣсяцъ. Однажды — это было въ первыхъ числахъ іюля — Фрицъ увѣдомилъ Густава, что онъ отправляется въ Маріенбургъ за пасторомъ Гликомъ и воспитанницей его, дѣвицею Рабе, лучшею пріятельницей

Луизы. Онъ прибавилъ, что скоро наступитъ день рожденія послѣдней, что ко дню этому дѣлаются большія приготовленія въ замкѣ и что со всѣхъ концовъ Лифляндіи должны съѣхаться въ него сотни гостей, бароновъ, военныхъ, профессоровъ, судей, купцовъ и студентовъ; «а можетъ быть, и тысячи ихъ соберется», прибавлялъ онъ съ коварною усмѣшкой. «Я одинъ не буду тамъ,» — сказалъ вздохнувъ Густавъ, и между тѣмъ просилъ Фрица исполнить къ тому времени единственное, ничего незначущее порученіе.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СТАНЪ

Здѣсь Русью пахнетъ.
Пушкинъ.

Въ Нейгаузенской долинѣ, гдѣ пятами своими упираются горы Ливонскія и Псковскія, проведена, кажется, самою природою граница между этими странами. *Новый-Городокъ* (Нейгаузенъ) есть уже стражъ древней Россіи: такъ думали и князья русскіе, утверждаясь на этомъ мѣстѣ. Отважные наѣздники въ полѣ, они были нерѣдко политики дальновидные, сами не зная того.

Замокъ нейгаузенскій построенъ на крутомъ берегу рѣчки Леліи, передомъ къ Лифляндіи. Четыре башни по угламъ, соединяющая ихъ ограда, — все это грубо выведенное изъ дикаго, неотесаннаго камня, — довольно глубокій оврагъ съ трехъ сторонъ, съ четвертой—обдѣланный берегъ,—вотъ вся искусственная сила этой твердыни. За то какъ далеко, какъ зорко оглядыи-

ваетъ она передъ собою вправо и влѣво, всю нѣмецкую сторону! Все, что идетъ и ѣдетъ отъ Маріенбурга, Риги и Дерпта, всѣ движенія, за нѣсколько десятковъ верстъ, не укроются отъ сторожкаго ея вниманія. Только сзади господствуетъ надъ нею отлогое возвышеніе, безпрестанно поднимающееся на двѣ слишкомъ версты до гребня горы Кувшиновой; но тамъ — сторона русская! Рѣчка Лелія течетъ передъ лицомъ замка, изгибаясь, въ недальнемъ разстояніи, съ лѣвой стороны назадъ, съ правой впередъ. На углу праваго изгиба насыпь (вѣроятно и на лѣвомъ была подобная же, но она застроена теперь корчмою); нѣсколько такихъ искусственныхъ высотъ, служившихъ русскимъ военными укрѣпленіями, идутъ лѣстницею по протяженію печорской дороги. Нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли донынѣ, иныя обросли рощицами, другія изрыты дождями, а можетъ быть и жадностью человѣческою. Струи рѣчки мелки, но шумятъ, строптивыя, будучи преграждены множествомъ камней, временемъ брошенныхъ въ нее съ высоты башенъ.

Видъ изъ замка обнимаетъ Лифляндію на нѣсколько десятковъ верстъ; передъ глазами разостланъ по тремъ уѣздамъ край ея одежды. Прямо за рѣчкою, въ срединѣ разостлавшейся широко долины, всталъ продолговатый холмъ съ рощею, какъ островокъ; нѣсколько правѣе, за семь верстъ, показывается вполовину изъ-за горы нейгаузенская кирка, отдаленная отъ русскаго края и ужасовъ войны, посѣщавшихъ нѣкогда замокъ; далѣе видны сизыя, неровныя возвышенія къ Оденпе, мызы и кирки. Лѣвѣе струится изъ мрачной дали прямо на Нейгаузенъ дорога рижская; еще лѣвѣе чернѣетъ цѣпь горъ Гангофскихъ, между которыми поднимаетъ обнаженное чело свое царь этихъ мѣстъ—Муннамегги (Яйцо-гора), наблюдающій, на протяженіи слишкомъ ста верстъ, рубежъ Россіи отъ Маріенбурга черезъ

Печоры до Чудскаго озера, и на-крестъ *свою* область отъ Нейгаузена, черезъ возвышенія Оденпе и Сагница, до вершины Гуммельсгофской. Между горами видна и знакомая намъ оппекаленская кирка. Все какъ на блюдѣ! Русская, однакожъ, сторона закрыта отсюда скатомъ Кувшиновой горы, какъ полою великолѣпнаго шатра. Чѣмъ далѣе поднимаешься по этому скату, тѣмъ картина расширяется и углубляется. Глазъ безъ помощи орудія отказывается схватить все, что она предлагаетъ ему. На вершинѣ Кувшиновой горы сильнѣе бьется сердце русскаго: съ нея видишь сіяніе креста и темныя башни печерскаго монастыря, мѣсто истока Славянскихъ Ключей, родины Ольги, Изборскъ, и синюю площадь озера Псковскаго. Здѣсь уже настоящая Русь! Только *полувѣрцы*, обычаями, вѣрою, языкомъ—смѣсь лифляндцевъ съ русскими — означаютъ переходъ изъ одного края въ другой.

Во время, которое описываемъ, замокъ представлялъ, какъ и нынѣ, однѣ развалины. Взорванъ ли онъ и покинутъ безъ боя шведами, безсильными удержать его съ малымъ *стреженемъ*, который онъ могъ только въ себѣ вмѣщать, отъ нападеній русскихъ, господствовавшихъ надъ ними своими полевыми укрѣпленіями, давнимъ правомъ собственности и чувствомъ силы на родной землѣ; разрушенъ ли замокъ въ осадѣ русскими, — исторія нигдѣ объ этомъ не упоминаетъ. Извѣстно только, что послѣдніе въ 1072 г. уже были властители Нейгаузена. Здѣсь и у стѣнъ печерскаго монастыря было сборное мѣсто русскихъ войскъ, главное становище, или, говоря языкомъ нашего вѣка, главная *квартира* военачальника Шереметева; отсюда, укрѣпленные силами, дѣлали они свои бѣглыя нападенія на Лифляндію; сюда, не смѣя еще въ ней утвердиться, возвращались съ побѣдами, хотя еще безъ славы, съ добычею безъ завоеваній, съ чувствомъ уже соб-

ственной силы, но не искусства. Здѣсь полководцы, обезопасенные упрямою безпечностью Карла, имѣли время обдумывать свои ошибки, готовить новыя предначертанія и учиться, такимъ образомъ, наукѣ войны у непобѣдимыхъ того времени.

Станъ русскихъ покрывалъ возвышенный берегъ Леліи и всю отлогость горы Кувшиновой до вершины ея. Изгибами своими казала эта отлогость, будто зыблется подъ многочисленнымъ воинствомъ. Онъ весь виденъ былъ съ ливонской стороны: бѣлые ряды палатокъ и между ними отличныя, начальническія; черныя нити регулярной конницы, пестрыя толпы восточныхъ всадниковъ, пирамиды оружія, значки, пикеты, — все какъ будто искусно разставлено было на шашечной доскѣ, немного наклоненной къ зрителю. Пушки выдвинули жерла свои изъ развалинъ замка и *раскатовъ*, воздвигнутыхъ по сторонамъ ея и уступами въ разныхъ мѣстахъ горы; бѣгущія изъ-за нихъ струйки дыма показывали, что онѣ всегда готовы изрыгнуть огонь и смерть на смѣлыхъ пришельцевъ изъ Ливоніи. Лучъ утренняго солнца, позолачивая развалины замка, скользя по орудіямъ и теплясь въ крестахъ походныхъ церквей, разсвѣчивалъ эту картину.

Замокъ и передовыя укрѣпленія по берегу Леліи сторожили, кромѣ полевой артиллеріи, драгунскіе полки Кропотова и Полуектова и пѣхотный — Лимы. Вездѣ видны были эти полководцы вмѣстѣ, и въ станѣ, и противъ огня непріятельскаго. Продолговатый холмъ въ срединѣ горы, гдѣ стояла богатая турецкая ставка съ блестящимъ полумѣсяцемъ на верхушкѣ ея, охраняла почетная стража: преображенскій и семеновскій полки и сотня дворянъ московскихъ. Семеновцами командовалъ любимый начальникъ ихъ, подполковникъ князь Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ, преображенцами—маіоръ Карповъ, одинъ болѣе другого встрѣчав-

шіеся на перепутьяхъ этой войны, гдѣ только говорилось о чести русскаго оружія. Въ рядахъ московской сотни находился сынъ военачальника, *волонтеръ* Михайла Борисовичъ, уже съ именемъ храбраго офицера и неизмѣннаго товарища. Старый, созданный родителемъ Петра I, бутырскій полкъ, прославившійся на приступахъ Азова, имѣвшій счастіе избѣгнуть неудачи при Нарвѣ, но въ первой сшибкѣ со шведами при Эррастферѣ, извѣдавшій сладость побѣды, стоялъ неподалеку отборной стражи, готовый замѣнить ее. До 12 драгунскихъ полковъ разныхъ именъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, основанія трехъ эскадроновъ московскихъ гусаръ, копейщиковъ и рейтаръ, нѣсколько пѣхотныхъ полковъ, стройно расположены были по отлогости горы. Передъ лицомъ стана, за рѣчкою Леліей, отправлялъ должность передового стража знаменитый татарскій наѣздникъ Мурзенко: онъ занялъ съ пятисотнею своею продолговатый зеленый холмъ, одиноко возвышавшійся въ долинѣ. Печерскій монастырь, вновь укрѣпленный, охранялъ *ертаульный* воевода Иванъ Тихоновичъ Назимовъ.

Въ станѣ, въ безчисленныхъ мѣстахъ, курился дымокъ, пріятный для обонянія солдатъ; уже вездѣ около котловъ суетились кашевары. Также калмыки и башкирцы готовили свой обѣдъ: вдоль и поперекъ долины скакали восточные витязи, запаривая подъ сѣдломъ нѣжное мясо жеребятъ. Затрубили къ водопою, и ряды конницы, какъ нагорные ключи, потекли изъ стана. Съ другой стороны свистомъ и гарканьемъ отвѣчали на звукъ трубъ, и послушные этому зову табуны поспѣшали къ рѣчкѣ. Оба берега ея обступили тысячи коней. Звонкое ржаніе, глухой топотъ, суетливый говоръ, крикъ,—все слилось въ какой-то тревожный гулъ, полный торжества жизни. Но скоро все пришло опять въ прежнее положеніе.

Посмотримъ ближе, что дѣлалось во внутренности лагеря. Подойдемъ къ ставкѣ фельдмаршала. Возлѣ нея ходилъ на часахъ преображенскій солдатъ, статный, бравый,—кровь съ молокомъ. Походка его была мѣрная, движенія изученныя. Одежда на немъ, будто онъ снарядился въ маскарадъ: не къ лицу ему треугольная шляпа и распущенные волосы; нѣмецкій широкій кафтанъ *не по немъ* сшитъ; исподнее платье стягивало его ноги. Но измѣнявшія ему повременамъ, хотя немедленно сдерживаемыя, ухватки, огонь, разыгрывавшійся въ глазахъ его, казалось, говорили: «Остригите мнѣ волосы, сбросьте этого жаворонка съ головы, скиньте съ меня этотъ халатъ, подпояшьте меня крѣпко кушакомъ, который я съ дѣтства привыкъ носить и которымъ станъ мой красовался, дайте волю моимъ ногамъ—и вы увидите, что я не только шведа, медвѣдя сломаю, догоню на бѣгу краснаго звѣря: вы увидите, что я русскій!» По правую сторону ставки, у входа ея, стояла *колясочка* съ литаврами; тутъ же бродило нѣсколько трубачей. Инструменты ихъ были разложены въ козлахъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ палатки трапезничали за длиннымъ столомъ, накрытымъ скатертью бранной, священники, офицеры и поселяне обоего пола, человѣкъ до 50-ти. Здѣсь гостепріимство русскаго барина угощало, безъ разбора званій, всякаго, кто не имѣлъ *своего* стола или насущнаго хлѣба. Если самого фельдмаршала не было съ ними, такъ это значило, что важное дѣло отозвало его отъ *хозяйничества*, которое не хвастливость, но добродѣтель наслѣдственная положила себѣ обѣтомъ. Мало, что всякій бѣдный могъ вкушать отъ его трапезы: онъ былъ еще одѣляемъ деньгами. Такъ жили дѣды нашихъ баръ! Кругомъ братскаго стола прислуживалъ рой *холоповъ:* дворецкихъ, мундшенковъ, егерей, сокольниковъ, ловчихъ, гайдуковъ, скороходовъ и камердинеровъ, составляв-

шихъ пеструю дворню вельможи того времени, дома и въ походѣ. Нѣсколько борзыхъ собакъ, вѣроятно любимицъ, шныряли подъ столомъ и около него, выжидая себѣ подачки. По лѣвую сторону ставки толпились, въ уважительномъ отдаленіи, адъютанты, ординарцы, курьеры. Далѣе въ углубленіи сцены, нами разсматриваемой, стояла палатка, у которой раскрытыя при входѣ полы дозволяли видѣть, что въ ней происходило.

Въ ней производился судъ. На переднемъ концѣ длиннаго стола сидѣлъ *президентъ*. По мѣсту, имъ занимаемому, и глубокомыслію, осѣнявшему его пріятную наружность, видно было, что въ немъ пожилого возраста не ждала мудрость, которой, вопреки своенравной природѣ, хотятъ назначить постоянный срокъ. Въ глазахъ его съ проницательностью ума, спорило, однакожъ, безпокойство сильныхъ страстей; рѣдко сходила съ губъ его усмѣшка осужденія. Одежда его показывала нѣкоторую небрежность: по камзолу, разстегнутому почти до нижней пуговицы, висѣли длинные концы шейнаго платка; обшлагъ у лѣваго рукава былъ отвороченъ. Это былъ Рейнгольдъ Паткуль. На этотъ разъ, по болѣзни генералъ-аудитора, исполнялъ онъ его должность. Каковымъ видѣли его теперь, таковымъ бывалъ онъ въ ставкѣ фельдмаршала и во дворцѣ. Онъ не старался скрыть себя; ни одежды, ни движеній, ни чувствъ не подчинялъ формамъ: онъ весь былъ наружѣ. Свободныя движенія его въ обществѣ высшихъ, хотя и не измѣняли правиламъ свѣтскаго образованія и знанію придворной жизни, должны были, однакожъ, пугать взоры и чувства людей, воспитанныхъ въ строжайшей почтительности къ старшимъ, если не въ страхѣ къ нимъ.

Передъ главнымъ судьею лежали на-крестъ *бѣлый посохъ* и *обнаженная шпага*, знаки чистоты суда и воз-

мездія пороку. Во всю длину стола, по обѣимъ сторонамъ его, сидѣли члены его, *ассесоры*, изъ высшихъ офицеровъ разныхъ полковъ, у нижняго конца стола—священникъ въ епитрахили, съ крестомъ въ руцѣ, а другую положивъ на Евангеліе. Отъ него неподалеку стояли трое солдатъ, закованныхъ въ желѣзо: лица ихъ говорили, что они ожидали своего приговора. Засучивъ рукава своего засаленнаго зипуна, заткнувъ большой палецъ лѣвой руки за красный кушакъ, спереди потонувшій въ отвисломъ брюхѣ, прижался къ къ стѣнѣ мужичокъ отвратительнаго и звѣрскаго лица. Онъ то морщился, какъ бы недовольный медленнымъ судомъ, и огромнымъ перстомъ правой руки, на которомъ могли бы улечься три обыкновенныхъ, почесывалъ налитую кровью шею, исписанную свѣтлыми рубцами; то важно поглаживалъ цѣлою ручищею своею рыжую бороду, искоса посматривалъ на собраніе и улыбался, едва не выговаривая: «и я здѣсь что-нибудь да значу!»—Онъ ждалъ своихъ жертвъ. Это былъ палачъ Оська, по прозванію и отличительнымъ признакамъ его мастерства, *Томила*. Глубокое молчаніе царствовало въ засѣданіи: можно было слышать скрипъ работающаго пера. Вокругъ стола ходила по рукамъ бумага, которую всякій, прочитавъ про себя, подписывалъ. Она дошла до президента, который, также прочитавъ ее еще разъ, подписалъ и весь листъ кругомъ *очертилъ узлами*, чтобы невозможно было ничего приписать въ немъ. Наконецъ, президентъ всталъ, и за нимъ ассесоры. Онъ положилъ правую руку на посохъ и мечъ. Всѣ сотворили знаменіе креста, кромѣ нѣмцевъ, которые вмѣсто того благоговѣйно сложили руки на грудь. Потомъ онъ отдалъ бумагу секретарю для прочтенія и громко произнесъ: «*Богу единому слава!*»—Секретарь началъ читать дѣло о порубленіи Андреемъ Мертвымъ татарина саблею и приговоръ,

коимъ онъ, согласно 26-му артикулу Воинскаго Устава, долженъ бы быть *живота лишенъ* и отсѣченіемъ головы казненъ. Такому жъ наказанію, по 25-му артикулу, подвергался Иванъ Шмаковъ, дерзнувшій поколоть своего полковника Филиппа Кара. Но въ уваженіе, что раны порубленнаго татарина подавали надежды къ исцѣленію, и что у полковника пробиты были только мундиръ и фуфайка. Мертвый приговаривался къ наказанію батожьемъ, а Шмаковъ къ выведенію въ желѣзахъ передъ фрунтомъ и къ пробитію руки ножомъ.

Важнѣе этихъ преступниковъ былъ третій, казакъ Матвѣй Шайтановъ, *чернокнижецъ*, ружья *заговоритель* и *чародѣй*. А какъ по толкованію перваго артикула Воинскаго Устава «наказаніе сожженія есть обыкновенная казнь, чернокнижцу, ежели оный своимъ чародѣйствомъ вредъ кому учинилъ, или дѣйствительно съ діаволомъ обязательство имѣетъ»; но поелику онъ чародѣйствомъ своимъ никому большого вреда не учинилъ, кромѣ заговора ружей, присаживанія шишки на носу и прочаго и прочаго, и отъ *обязательства съ сатаною отрекся* по увѣщанію священника, то приговаривался онъ къ прогнанію *шпицрутеномъ* и церковному публичному покаянію. Тутъ палачъ нахмурился, повидимому недовольный облегченіемъ наказанія. Казалось, на узкомъ его лбу выклеймены были слова: «Ахъ! кабы меня сдѣлали главнымъ судьею, я все бъ усиливалъ приговоръ, чтобъ нашей братьѣ была работа».

Паткуль, нечаянно взглянувъ на него, прочелъ его сожалѣніе: онъ смѣнилъ этотъ зоркій взглядъ другимъ, грознымъ, и далъ знакъ, чтобы преступниковъ удалили для немедленнаго исполненія надъ ними приговора.

Судейская мало-по-малу начала пустѣть. Остались Паткуль и три высшихъ офицера: ихъ заняло чтеніе какихъ-то приготовительныхъ бумагъ! Вскорѣ вниманіе

ихъ было прервано приходомъ *руморейстера*, блюстителя порядка на маршахъ и въ лагерѣ, за которымъ, между двумя солдатами съ мушкетами на плечѣ, слѣдовалъ русскій крестьянинъ. Въ глазахъ его горѣло дикое ожесточеніе; онъ не склонялся головою; уста искривлены были презрѣніемъ. Длинная борода у него дѣлилась на двое, представляя изъ себя два языка; широкій, сѣрый зипунъ, сзади весь въ сборахъ, спереди въ двухъ мѣстахъ застегнутый дутыми мѣдными пуговицами, едва покрывалъ колѣна. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ *лѣстовки*, въ правой посохъ. Руморейстеръ подалъ Паткулю бумагу и доложилъ ему, что этотъ крестьянинъ втерся между братьею за общій столъ, не крестился подобно другимъ, садясь за него, не ѣлъ, не пилъ, чуждался всякой бесѣды, безпрестанно плевалъ и творилъ, то шепотомъ, то вполголоса, молитвы; потомъ, вставши изъ-за стола, бродилъ около фельдмаршальской ставки, хотѣлъ взойти въ нее, но, бывъ удержанъ часовымъ, бросилъ въ палатку свернутую бумагу.

— Фельдмаршалъ,—продолжалъ офицеръ,—поднялъ ее, и успѣвъ прочесть только три первыя слова—такъ именно приказано мнѣ доложить вашему превосходительству — повелѣлъ мнѣ отвесть сюда подозрительнаго крестьянина за крѣпкимъ карауломъ, отдать вамъ подметную *цыдулу* и сказать, чтобы вы *поволили* изслѣдовать, кто такой этотъ мужичекъ и не лазутчикъ ли отъ шведовъ, или другой какой *шельмъ*, также и наказать его по усмотрѣнію вашему. Онъ полагаетъ, что подметъ сей до вашей особы касается.

— Что это за уродъ? — сказалъ Паткуль, принимая отъ руморейстера бумагу.

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!—произнесъ крестьянинъ,—Господи! спаси насъ отъ нечистыя силы.

Паткуль посмотрѣлъ на него и усмѣхнулся, но развернувъ поданное ему письмо и взглянувъ на первыя слова, вспыхнулъ, вскочилъ со стула, подошелъ къ крестьянину и, тряся его за воротъ, задыхающимся голосомъ спросилъ его:

— Паткуль измѣнникъ? Кто это пишетъ?

— Христіанинъ зарубежный,—отвѣчалъ спокойно вопрошенный.

— Какой христіанинъ! Лжецъ, обманщикъ, сатана! —закричалъ Паткуль, не въ силахъ будучи владѣть самъ собою.

— Брешешь, басурманъ! Пославшій меня—учитель православныя, соборныя, апостольскія церкви, и мы, братья его по духу, исповѣдуемъ законъ правый. Въ вашемъ сборищѣ, въ крещеніи отщепенцевъ, бѣси дѣйствуютъ; ученіе ваше криво, преданіе отцовъ вашихъ лживо, законъ вашъ проклятъ. Ты щепотникъ, табачникъ, скобленное рыло, и съ тобой сидящіе никоніанцы слуги антихристовы. Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Паткуль взглянулъ на него, пожалъ плечами, сѣлъ опять на стулъ и хладнокровно сказавъ:—«онъ сумасшедшій!» — сталъ читать продолженіе подметнаго письма. Между тѣмъ одинъ изъ офицеровъ, сидѣвшихъ въ палаткѣ, промолвилъ:

— Это злой раскольникъ!

— Онъ ослушникъ царскаго величества указа!— воскликнулъ другой, — осмѣливается показываться въ народѣ безъ желтаго раскольническаго лоскута на спинѣ!

— Имѣшь-ли ты *бородовую* квитанцію? — сказалъ третій,—ему надобно бороду обрить.

Раскольникъ молчалъ.

— Его надобно строжайше судить! — закричали двое офицеровъ вмѣстѣ.

Крестьянинъ, покачавъ головою, отвѣчалъ:

— Аще пойду подъ иновѣрный судъ, достоинъ есмь отлученія отъ церкви.

Здѣсь одинъ изъ офицеровъ хотѣлъ убѣдить его словами Священнаго Писанія: «Всякая душа властемъ предержащимъ да повинуется: нѣсть бо власть аще не отъ Бога».

— Не претися о вѣрѣ и мірскихъ междорѣчій пришелъ я къ вамъ, никоніанцамъ; досыта учители наши обличили новую вѣру и вбили въ грязь вашихъ фарисеевъ. Какъ видно, вы не разсмотрѣнія и не правды ищете, но побѣды и одолѣнія. Ваша правда, аки паутинное тканіе — прикосновеніемъ крыла бездушныя мухи разоряется. Како бо пѣти Господню пѣснь въ землѣ чуждой, въ землѣ бѣсова плѣненія? Нѣсть здѣсь воздвигающаго долу лежащихъ, нѣсть руководящаго. За рубежомъ тотъ, кто бы изобрѣлъ сокровище, четыредесятнимъ пепломъ загребенное, кто бы собралъ во едино стадо расточенное, кто бы процвѣлъ, яко сельный кринъ, обогатити связанныхъ нищетою, просвѣтите во тмѣ сѣдящія, укрѣпити изнемогающія, свободити бѣдствъ и скорбей исполненныя. Тамъ образованіе горняго Сіона, тамъ начертаніе горняго Іерусалима! Образумьтесь, суетные, откройте глаза, слѣподствующіе! Идите за мною и обрящете сокровища нетлѣнныя [1]).

— Благодарствуемъ, любезный — сказалъ офицеръ, понюхивая табакъ,—Не хочу ради вашей вѣры ни сгорѣть въ огнѣ, ни голодомъ умереть. Ты не морельщикъ-ли?

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

---

[1]) Весь этотъ разговоръ взятъ почти слово въ слово изъ старообрядческихъ актовъ, изданныхъ въ свѣтъ.

— Или изъ безпоповщины, гдѣ вмѣсто поповъ дѣвки служатъ?

Раскольникъ молчалъ.

— Нѣтовщикъ, что-ли? Ну, говори, вѣдь мы знаемъ всѣ ваши бредни. Вы не признаете православнаго священства и таинствъ въ мірѣ? — Адамантова согласія, что-ль? Ваша братья по каменной мостовой никогда не ходитъ, не такъ-ли? Титловщикъ? Ну, говори, борода! (Офицеръ потрясъ его порядочно за бороду, но онъ молчалъ). Можно заставить тебя говорить. У Оськи Томилы нѣмые пѣсни поютъ: знаешь-ли ты?

Раскольникъ горько усмѣхнулся и отвѣчалъ:

— Ѣшьте мое тѣло, собаки, коли оно вамъ по вкусу. Вѣдаемъ мы, православные, что вѣра правая и дѣла добрыя погибли на землѣ. Наступило время послѣднее. Антихристъ насталъ, и скоро будетъ скончаніе міра и страшный судъ. Охъ, кабы сподобился я святымъ страдальцемъ предстать ко Господу!

Во время допросовъ крестянина высшимъ офицеромъ, Паткуль продолжалъ читать подметное письмо. Въ этомъ письмѣ давалось за извѣстіе фельдмаршалу, что Паткуль, измѣнникъ и предатель, связался съ злодѣемъ, который, подъ видомъ доброжелательства русскому войску, старается заманить его въ сѣти, предать начальнику шведскому и погубить. Злодѣй этотъ кажется не тѣмъ, что онъ есть. Если бы фельдмаршалъ зналъ, кто онъ такой, то купилъ бы голову его цѣною золота. Самъ царь дорого заплатилъ бы за нее. Сочинитель письма обѣщается подвести обманщика съ тѣмъ, чтобы войско русское, особенно Мурзенко, не тревожили на жительствѣ зарубежныхъ христіанъ.

Прочтя это письмо, Паткуль задумался; какое-то подозрѣніе колебало его мысли и тяготило сердце.

— Неужели? — говорилъ онъ самъ себѣ, — нѣтъ,

этого не можетъ быть! Понимаю, откуда ударъ! Нѣтъ, Вольдемаръ мнѣ вѣренъ.

Окончивъ этотъ разговоръ съ самимъ собою, онъ поднялъ глаза къ небу, благодаря Бога за доставленіе въ его руки пасквиля, разодралъ его въ мелкіе клочки и спокойно сказалъ присутствовавшимъ офицерамъ:

— Оставимъ эту заблудшуюся овцу. Въ лагерѣ нѣтъ дома для сумасшедшихъ, такъ надобно отпустить его туда, гдѣ больные одинакою съ нимъ болѣзнію собрались ватагой. Что дѣлать? Заблужденіе ихъ есть одна изъ пестротъ рода человѣческаго. Предоставимъ времени сгладить ее. Умъ и сердце начинаютъ быть пытливы сообразно вѣку, въ которомъ мы живемъ; наступитъ, можетъ быть, и то время, когда они присядутся на возвышенныхъ истинахъ.

— Но подметное письмо?—спросилъ руморме́йстеръ.

— Пасквиль именно на меня!—сказалъ усмѣхаясь Паткуль.—А какъ мое доброе имя не можетъ пострадать отъ сумасбродныхъ людей, то я сочинителю письма и посланнику его охотно прощаю. Съ тѣмъ, однакожъ, —прибавилъ онъ, обратившись къ раскольнику,—чтобы подобныхъ бумагъ въ станъ русскихъ не пересылать! Смотри, перескажи это, закоснѣлый невѣжа, твоему учителю. Въ противномъ случаѣ, Мурзенко со своими татарами отыщетъ его въ преисподней. Тогда не пеняйте на измѣнника Паткуля! Вотъ мой отвѣтъ, слышишь-ли?

— Близокъ часъ страшнаго суда!—вздохнувъ отвѣчалъ раскольникъ.

— Теперь,—продолжалъ Паткуль, обращаясь къ руморме́йстеру,—передаю вамъ плѣнника. Прошу васъ поступить съ нимъ великодушно.

Руморме́йстеръ, обѣщавъ не дѣлать ему никакого тѣлеснаго истязанія, принялъ раскольника въ свое вѣдѣніе; но. желая согласить веселый нравъ съ своею

обязанностію, повелѣвающею ему ловить и наказывать, какъ нарушителей спокойствія въ станѣ, подметчиковъ писемъ, разсѣивающихъ ложные слухи, и ослушниковъ царскихъ указовъ, рѣшился подшутить надъ своимъ плѣнникомъ. Онъ отвелъ его за карауломъ къ высокому берегу Леліи, велѣлъ нѣсколькимъ солдатамъ окружить раскольника, поставить его на колѣни и положить голову его на барабанъ. Во всю эту операцію крестьянинъ произносилъ только: «О имени Господа Бога и Спаса нашего страдахомъ». Но какъ скоро увидѣлъ, что цырюльникъ собирался брить ему бороду, онъ началъ бороться съ солдатами, проклиналъ всѣхъ, ревѣлъ и, наконецъ, умолялъ лучше умертвить его. Стоны его раздавались по лагерю. Сильныя руки сжали ему ротъ, держали его за волоса, за два конца бороды, за ноги, затылокъ,—и сокровище, которое было для него жизни дороже, борода, упала къ ногамъ нечестивыхъ никоніанцевъ, которые съ хохотомъ затоптали ее. Смертная блѣдность выступила на его лицѣ, холодный потъ капалъ со лба; пѣна во рту клубилась; какъ вкопанный въ землю, стоялъ онъ. Вдругъ какое-то изступленіе оживило его черты, глаза его страшно запрыгали.

— Настала кончина вѣка и часъ страшнаго суда! Мучьтесь, окаянные нечестивцы! Я умираю страдальцемъ о Господѣ,—произнесъ онъ, пробился сквозь солдатъ и бросился стремглавъ съ берега въ Лелію.

Ударъ головы его объ огромный камень отразился въ сердцахъ изумленныхъ зрителей. Ужасъ въ нихъ замѣнилъ хохотъ. Подняли несчастнаго. Черепъ былъ разбитъ; нельзя было узнать на немъ образа человѣческаго.

— Собакѣ собачья смерть!—сказалъ румормейстеръ и велѣлъ писарю изготовить *рапортъ* высшему начальству объ этомъ происшествіи.

— На чью-то душу грѣхъ ляжетъ? — роптали въ уныніи солдаты.

Какъ водится, зарыли самоубійцу въ лѣсной глуши. Говорили впослѣдствіи, что на мѣстѣ томъ видѣли осьмиконечный деревянный крестъ и слышно бывало, разъ въ годъ, жалобное протяжное пѣніе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОСЛАННИКЪ

Со взоромъ, полномъ хитрой лести,
Ей карла руку подаетъ,
Вѣщая: дивная Наина!
Мнѣ дрогцѣненъ твой союзъ.
Мы посрамимъ коварство Финна.

Пушкинъ.

Судъ и происшествіе это отдалили насъ отъ фельдмаршальской ставки. Возвратимся къ ней и послушаемъ, что тамъ говорится. Въ ней слышны были два голоса; долго и тихо бесѣдовали они между собою на полурусскомъ и полу-нѣмецкомъ языкѣ, какъ будто совѣщались о весьма важномъ дѣлѣ; повременамъ раздавался третій, пискливый голосокъ. Наконецъ, одинъ изъ совѣщателей произнесъ твердо и чисто по-русски:

— Смотри-же, Голіафъ Самсоновичъ, не ударьте лицомъ въ грязь, да выполните дѣльце чистенько.

На эту просьбу, въ которую вкрадывалось повелѣніе, отвѣчалъ тоненькій голосокъ.

— Потолкуй еще, Борисъ, да потолкуй; поворожи да еще накажи. Тебя бы Августомъ, а не Борисомъ звать. Эко диво одинъ блинъ не комомъ испечь! Нынѣ времена не тѣ: посланъ за однимъ дѣломъ, сдѣлай ихъ пять хорошенько! Это по *батюшкиному* да по моему.

О, охъ, вы полководцы! гадаютъ по днямъ и ночамъ на какихъ-то басурманскихъ картахъ, шевелятъ, переворачиваютъ, думаютъ думу великую, а съ мѣста ни шагу. Добро-бъ ломали голову, какъ цѣлый край забрать, а то сидятъ, бѣдняги, повѣся носъ надъ бѣдной деревушкой, которую муха покроетъ, съ позволенія сказать... Тьфу!... По моему, взялъ ее да и помаралъ на картѣ: въ глазахъ не рябитъ, и головѣ заботушкой меньше. Эхъ, Борисъ! кабы не пугнулъ тебя *батюшка* на легкій день да на новый годъ подъ Ересферъ, ты бы чай и теперь переминался, какъ дать шведу щелчокъ и отплатить ему за Нарвскую потасовку.

— Заврался, Голіафъ!—произнесъ прежній повелительный голосъ.

— То-то и есть, — продолжалъ тоненькій голосокъ, — теперь Голіафъ, а давича Самсоновичъ! Не даромъ говорятъ, что бояре правды не любятъ. Это, видно, не чужую рубашонку дерутъ. Приложу къ правдѣ другую, выйдутъ двѣ; локоть выше головы не будетъ... честь имѣю рапортовать высокоповелительному, высокомощному господину... Прощай, Боринька!—будь покоенъ, mein Herzens-Kind! все будетъ исполнено по твоему. Adie, mein Herr Patkul! Большой такой, гроссъ? чорна волосъ... шварцъ? не правда-ли? o ja! o ja! gut! gut! Ильза повезетъ меня къ нему?... Дѣвка славная, по мнѣ!—Да, скажи ему, Борисъ, что онъ будетъ отвѣчать мнѣ своею головой, если пріятель его набѣдокуритъ надо мною: вѣдь я не Карлуша!

Съ послѣднимъ словомъ выползла изъ палатки маленькая, живая фигурка, отъ земли съ небольшимъ аршинъ, довольно старообразная, но правильно сложенная. Этотъ человѣкъ былъ въ треугольной, обложенной мишурнымъ галуномъ шляпѣ, изъ которой торчало множество павлиныхъ перьевъ, въ алонжевомъ парикѣ, пышно всчесанномъ, въ гродетуровомъ,

сизомъ мундирѣ съ бархатнымъ, пунцовымъ воротникомъ и такими-же обшлагами, и съ разными знаками изъ золотой бумаги и стекляруса на груди, при деревянной выкрашенной шпагѣ. Это былъ карла Бориса Петровича Шереметева — необходимая потребность знатныхъ людей того времени. Для сокращенія походнаго штата онъ же исполнялъ и должность шута.

Самъ Государь бывалъ всегда окружаемъ этими важными чинами. Въ извиненіе слабости, вѣку принадлежавшей, надобно, однакожъ, сказать, что люди эти, большею частію дураки только по имени и наружности, бывали нерѣдко полезнѣйшими членами государства, говоря въ шуткахъ сильнымъ лицамъ, которымъ служили, истины смѣлыя, развеселяя ихъ въ минуты гнѣва, гибельныя для подвластныхъ имъ, намекая въ присказочкахъ и побасенкахъ о неправдахъ судей и неисправностяхъ чиновныхъ исполнителей, — о чемъ молчали высшіе бояре по сродству, хлѣбосольству, своекорыстію и боязни *безвременья*. Карла или шутъ искалъ только угодить своему господину, не имѣлъ что потерять, а за щелчкомъ не гонялся; неудовольствіе посторонней знати не только не пугало его, но еще льстило его самолюбію. По наружности обиженный природою, онъ утѣшался по крайней мѣрѣ тѣмъ, что въ обществѣ людей не только не былъ лишній, но еще игралъ роль судьи и критика и имѣлъ вліяніе на сильныхъ земли. Нерѣдко уважали его и даже боялись. Однимъ словомъ, шуты были живые апологи, Езопы того времени. — Карлу Шереметева любили почти всѣ солдаты и офицеры арміи его, не терпѣли одни недобрые. Онъ зналъ многія изрѣченія Петра Великаго и умѣлъ кстати употреблять ихъ.

Нарядный человѣкъ отошелъ нѣсколько отъ палатки фельдмаршальской, сталъ на бугоръ, важно раскланялся шляпою на всѣ стороны, вытянулъ шею и,

приставивъ къ одному изъ сверкающихъ глазъ своихъ бумугу, сложенную въ трубку, долго и пристально смотрѣлъ на Муннамегги. Солдаты выглядывали сначала изъ палатокъ, какъ лягушки изъ воды, потомъ выползли изъ нихъ и составили около него кружокъ.

— Здравствуй, названная кума! здравствуй, душечка!—сказалъ карла, кивая горѣ головою и посылая ей по воздуху поцѣлуи.

— Кого-жъ ты, ваше благородіе, съ нею крестить-то собираешься? — спросили два молодыхъ солдата преображенскаго полка.

Карла началъ морщиться, пожимать плечами и, закрывъ глаза ручонками своими, запищалъ жалобнымъ голосомъ:

— Остыдили, осрамили отца-командера! да еще кто-жъ? Кажись, гвардейцы. Эки, недогадливые! Кого-жъ чухонкѣ съ русскимъ крестить, какъ не шведенка?

— Ха-ха-ха-и дѣльно такъ! — отвѣчали нѣсколько солдатъ.

— Да чтожъ названная кума не жалуетъ къ тебѣ?

— Спесива, ребятушки, хватики, молодцы! Позываетъ меня къ себѣ на крестины. Жду и нынѣ зова; какъ пѣтухъ на возморьѣ; да гдѣ-жъ мнѣ... одному?...

— Прикажи, отецъ-командеръ, выручимъ!—закричалъ бутырскаго полка солдатъ съ сѣдыми усами.

— Тебя выручимъ, а чухонку выучимъ, чтобы не спесивилась,—повторили нѣсколько голосовъ.

Карла. Ужь мы ее *взъересферимъ!* Добро, злодѣйка? *(Грозится на лифляндскую сторону)*.

Старый солдатъ. Кого-жъ изъ насъ выберешь для школы?

Карла *(задумавшись)*. Вотъ-те и задача! Преображенцы-молодцы, со крестомъ и молитвою готовы одинъ на двоихъ; будетъ время, что пойдутъ одинъ

на пятерыхъ. — Вѣрные слуги царскіе, съ ними не пропадешь. Семеновцы-удальцы потѣшали, вмѣстѣ съ преображенцами, батюшку, когда онъ еще былъ крохоткою. Теперь надежда-Государь выросъ: рукой не достанешь, потѣхи ему надобны другія, не дѣтскія! Вырвутъ изъ бѣды да изъ полымя; будутъ брать деревни, города, крѣпости, царства... Только жаль командеръ у нихъ... плохой.

Множество семеновцевъ (*выступая впередъ, съ досадою въ разные голоса*). Плохой?—Въ умѣ-ли ты, Самсонычъ?—У насъ командеръ не переметчикъ какой нѣмчура Якушка, Крой, Брусбардъ или Уморъ, а русскій бояринъ, князь Голицынъ.—Съ нимъ мы умереть готовы.—Голицыны всегда служили царямъ вѣрою и правдою, не извѣтами. — Дай Богъ нашему Михайлѣ Михайловичу многія лѣта здравствовать! — Дай Богъ роду его несчетные годы красоваться!

Карла. Простъ, ужасъ, простъ!

Нѣсколько голосовъ. Докажи, бѣсенокъ!

Старый солдатъ. Эки вороны! развѣ не видите, что Самсонычъ балясы точитъ, насъ морочитъ?

Карла. Солдатъ кормить жирно — страхъ нездорово животу! Кармана не набиваетъ, государевой казны не крадетъ.

Одинъ изъ толпы. То-то начальникъ: чистъ передъ Царемъ, какъ свѣча передъ образомъ Спасителя! Солдатская слеза на него не канетъ въ день судный

Карла. Чтожъ онъ сдѣлалъ еще добраго?

Одинъ за другимъ. Онъ первый показалъ намъ, что шведскія ружья не заколдованы. — Онъ первый шелъ въ огонь подъ Ересферомъ—и прорѣзывалъ намъ дорогу своею молодецкою грудью —А гдѣ онъ шелъ, тамъ дѣлалась улица изъ шведскаго полка.

Карла. Экой умъ! лба не жалѣетъ за матушку

за церкву, За Царя-надежду. Какъ будто у него тройной черепъ! — А я разскажу вамъ про одного: то-то разумникъ, то-то бисерный! Сначала, какъ услышали тревогу, такъ и убрался подъ пушку, а потомъ—знать, бомбардиръ ударилъ его банникомъ...

Многіе. Поднесъ ему бомбардирскую закуску! Ха-ха-ха!

Карла. Потомъ ускользнулъ онъ ко мнѣ въ обозъ. Лишь кончилась бѣда, онъ первый разсказывалъ, какъ дѣло шло, гдѣ кто стоялъ, что дѣлалъ, какъ онъ пушки бралъ. Послушать его, такъ уши развѣсишь поетъ и распѣваетъ, какъ жаворонокъ надъ проталинкой.

Старый солдатъ. Видно, какой-нибудь матушкинъ сынокъ, выросъ во хлопкахъ, да на молокѣ: потелячьи и умретъ! Благодареніе Богу! въ нашемъ полку такимъ боярамъ не водъ.

Карла. А что вашъ князь Михаилъ? сдѣлаетъ дѣло на славу да и молчитъ. Ну кто бы зналъ про его храбрость?

Старый солдатъ. Какъ, кто бы зналъ? Не все хорошей славѣ на сердцѣ лежать, а дурной бѣжать; и добрая молва по добру и разносится. Отъ всего святого русскаго воинства нашему князю похвала; Государь его жалуетъ; ему честь, а полку вдвое. Мы про него и пѣсенку сложимъ. Какъ придемъ съ похода по домамъ, наши ребята да бабы будутъ величать его, а внучки подслушаютъ пѣсенку, выучатъ ее, да своимъ внучатамъ затвердятъ.

Карла *(запрыгавъ и забивъ въ ладоши)*. То-то молодецъ, то-то удалецъ! Умретъ, да не умретъ! *(Скидаетъ шляпу)*. Станетъ и въ царствѣ небесномъ по праву сторону. Эка слава! эка благодать! Простите, ребятушки! не помяните меня лихомъ за ошибку.

Старый солдатъ. Ничего, Самсонычъ! мы вѣ-

даемъ, что ты пошучивалъ, а шутка вѣдь не убиваетъ, хоть она у тебя попадаетъ иногда не въ бровь, а прямо въ глазъ. Иной думаетъ, ты спросту, а у тебя шутка да загвоздка.

Карла. За прощеніе покажу вамъ утѣшеніе. Ужь то-то шутка!

Нѣсколько голосовъ. Покажи, Самсонычъ, покажи. Ты вѣдь затѣйникъ большой.

Старый солдатъ. Да ты, чай, усталъ, Самсонычъ? Садись ко мнѣ на колѣна, а ребята въ кружокъ около тебя.

Нѣсколько голосовъ. Ко мнѣ, ко мнѣ, Самсонычъ!

Карла *(оглядываясь)*. У старика совѣстно сидѣть: вѣдь я тяжелъ, куда какъ тяжелъ! *(Выбираетъ дюжаго, молодого парня изъ драгунъ и располагается у него на колѣняхъ)*. Люби ѣздить, дружекъ, люби и повозить.— Слушайте же православные, да... *(Отстраняетъ нѣкоторыхъ рукою, чтобы ему не мѣшали видѣть Муннамеги)*.

Солдатъ. Что ни говори, а все кума на умѣ.

Карла. Зазнобила сердечушко; только вы, ребятушки, и заживите рану снадобьемъ пороховымъ, вырвете занозу штыкомъ молодецкимъ. *(Развертываетъ ландкарту Лифляндіи въ большомъ размѣрѣ, съ разными украшеніями)*. Посмотрите-ка сюда!

Солдаты пожимаются около него, смотрятъ на бумагу, иные черезъ плечо товарищей, и передаютъ, что они видѣли, тѣмъ, которые сзади ничего не могли видѣть.

Нѣсколько солдатъ одинъ за другимъ. Вотъ это на одномъ углу гвардейскій солдатъ, на другомъ бомбардиръ, на третьемъ драгунъ, а на четвертомъ калмыкъ—ахти, ребята! точь-въ точь полковникъ Мурзенко! Чтожъ это за грамотка размалеванная, и что они дѣлятъ межъ собой?

Два солдата, постарше и посмышленнѣе другихъ. Кружки со струйками, одинъ болѣе другого, словно озера! — Смотри-ка, братъ, будто жилки текутъ не ручейки ли ужь, а можетъ и рѣчки. — Здѣсь окрайницы, словно у Чудскаго — а тутъ перепутано нитей, нитей-то, подобно паутинѣ. Травки, бугорки, букашки, мурашки, крестики — и все съ подписями!

Карла. Это Лифлянды сведены на бумагу.

Нѣсколько голосовъ. Лифлянды? Статошно-ли дѣло?

Карла. А вы, небось, думали, что латышская земля и Богъ вѣсть какой огромный край. Вотъ этого листика для него довольно, а для Россіи надобно листовъ сто такихъ. Хотите-ли знать, гдѣ Юрьевъ?

Молодой солдатъ. Юрьевъ? Покажи, Самсонычъ!

Карла *(водя его палецъ)*. Не тутъ, вотъ здѣсь, поймалъ! Покрой же пальцемъ.

Молодой солдатъ. Не величекъ же; а коли ладонь разверну, такъ, чай, цѣлый край захвачу.

Карла. Вѣстимо.

Старый солдатъ. Пора бы и ладонь расправить.

Карла. А вотъ Ересферъ, гдѣ мы на новый годъ пощелкали шведовъ.

Солдатъ. Эка крохотка! а, кажись, вечеръ и утро дрались.

Карла. Кругъ-то большой со струйками—Чудское озеро; на берегу его Рапинъ, откуда Михайла Борисовичъ выгналъ шведовъ. *(Беретъ карандашъ и замарываетъ нѣкоторыя мѣста)*.

Солдатъ. Это ты для чего дѣлаешь, Самсонычъ?

Карла. Всѣ эти мѣста изъ счету вонъ—за нами.

Солдатъ. За нами? Вотъ какъ славно! авось, мы еще помараемъ.

Карла. А вотъ Медвѣжья голова, далѣе Ракоборъ, Колывань...

Солдатъ. Имена-то все русскія, а въ Лифляндахъ стоятъ.

Карла. Эка ты башка! вѣдь всѣ Лифлянды встарину были за Россіею, за домомъ пресвятыя Богородицы; города-то построены нашими благовѣрными русскими князьями и платили намъ дань. Въ смуты наши пришелъ шведъ изъ-за моря — вотъ, смотрите, изъ-за этого.

Солдатъ. Отколь его окаяннаго несло! Видно, братцы, изъ этого моря выскакиваютъ фараоновы люди и кричатъ проѣзжающимъ: «долго-ли намъ мучиться? скоро-ли, скоро-ли будетъ представленіе свѣта?»

Карла. Шведъ, какъ пришелъ изъ-за этого моря, засталъ врасплохъ нашихъ, да и завладѣлъ всѣмъ здѣшнимъ краемъ и святую церковь въ немъ разорилъ. За чтожъ дерется нынѣ нашъ православный батюшка *(снимаетъ шляпу)*, государь Петръ Алексѣевичъ, какъ не за свое добро, за отчину свою давнюю? Видите, какъ она примкнута къ Россіи, будто съ нею срослась. Россія-то вправо, рубежъ зеленою каемочкою означенъ.

Солдатъ. Чуть-чуть рубчикъ виденъ, да мы его сотремъ.

Другой. Стоять будемъ здѣсь, такъ сами скоро заплеснѣемъ. Подъ лежачій камень вода не подтечетъ.

Карла. А теперь куда бы хорошо повѣдаться со шведомъ! Скажу вамъ, ребятушки, вѣсточку горяченькую, только что съ пыла; я слышалъ ее самъ своими ушами въ ставкѣ фельдмаршальской — да не выдайте жъ меня, братцы.

Многіе солдаты вмѣстѣ. Статочное-ли дѣло, Самсонычъ? Вѣдь мы не некрести какіе!

Карла *(вполголоса)*. Фельдмаршалъ сидѣлъ вчера

вечеромъ съ княземъ Михаиломъ да съ княземъ Василіемъ Алексѣевичемъ Вадбольскимъ, да съ Никитою Ивановичемъ Полуектовымъ. Взяла меня охота подслушать ихъ, я и притаился за полою ставки, какъ зайчикъ за кустомъ, и слышу, Борисъ Петровичъ говоритъ: «Поздравляю васъ, господа, скоро у насъ походъ будетъ. Я для этого къ вамъ изъ Пскова пріѣхалъ. Шлиппенбахъ задремалъ и думаетъ, что мы также заснули. Распустилъ онъ полки свои по хватерамъ и насъ, нежданныхъ гостей, къ себѣ не чаетъ; а мы въ добрый часъ да со святою молитвою нагрянемъ на него, какъ снѣгъ на голову.

Нѣсколько солдатъ, одинъ за другимъ. Разобьемъ его въ пухъ!—Растрясемъ его кармашки съ ефимками! — Возьмемъ Лифлянды, свое старое добро, отчину царскую.

Карла. Тогда ему и воевать не съ кѣмъ будетъ: вѣдь и офицеры-то у него лучшіе лифляндцы; ужь сказать правду-матку, служатъ грудью своему государю; а какъ нашему крестъ поцѣлуютъ, станутъ также служить, будутъ нашей каши прихлебатели. Поладимъ съ ними, забражничаемъ, заживемъ какъ братья, и завоюемъ подъ державу Бѣлаго царя всѣ земли отъ Ледяного до Чернаго моря, отъ Азова до...

Толстый нѣмецкій офицеръ, уча рекрутъ, находитъ на толпу солдатъ и, разгоняя ихъ палкой, кричитъ: «Фортъ! фортъ!»—Солдаты расходятся, толкуя про себя: «На бѣду окаяннаго басурмана тутъ наткнуло! Не спросили мы, ребята, Самсоныча, когда-то скажутъ походъ?»

Нѣмецкій офицеръ *(запыхавшись)*. Рязъ, двіа, уфъ! ногъ више, die Spitzen nieder, уфъ! *(Сердится, что рекруты его не понимаютъ, скидаетъ съ себя въ досадѣ шляпу и парикъ, которые трясетъ въ рукахъ, то, вытянувшись какъ аршинъ, ступаетъ по журавлиному,*

то, весь искобенившись, прыгаетъ едва не вприсядку, то бьетъ по носкамъ рекрутъ палкою). О шмерцъ!

Карла. Палочка здоровъ для русска. Еще, еще прибавь! Кажись, ваша братья на муштрѣ собаку съѣли, а еще не дошли до хвоста. Кабы я былъ нѣмецъ, подѣлалъ бы для ногъ станки, заставилъ бы ходить по натянутой стрункѣ да прыгать на одной ножкѣ.

Нѣмецкій офицеръ *(продолжая сердиться).* О шмерцъ! о безтолковъ русска народъ! *(Толкаетъ съ дороги Карлу).*

Карла. Эку тучу надвинуло! словно нареченная кума Муннамегги! Смотри, Каспаръ Адамовичъ, выучишь скалозуба русскаго на свою голову, на бѣду своей братьи, имячку шмерца. Передастъ онъ это прозваньеце, какъ пѣсенку про князя Михаила, въ роды родовъ. Вѣдь русскій проказникъ большой: зарубитъ присказочку языкомъ, не сгладишь торпугомъ; вставитъ разомъ въ рамочку и выставитъ на показъ на лобное мѣсто. *(Идетъ далѣе маршируя и приговаривая:)* Рязъ, двіа, ногъ више, спица ниже, брюко толсто, голіовко пусто! О шмерцъ, о шмерцъ!

Немного отойдя, мишурный генералъ посмотрѣлъ опять въ свернутую бумагу на гору Муннамегги и, какъ будто замѣтивъ на ней дымокъ, побѣжалъ опрометью въ разоренный Нейгаузенъ. При выходѣ изъ городка ожидала карлу женщина лѣтъ сорока, высокая, сухощавая. Она одѣта была, какъ обыкновенно снаряжаются чухонскія дѣвки въ праздничные дни; но, съ необыкновенною наружностію ея, одѣяніе это давало ей какой-то фантастическій видъ. На ней была повязка, подобная коронѣ, изъ стекляруса, золотымъ галуномъ обложенная; искусно сплетенный изъ васильковъ вѣнокъ обвивалъ ея голову, надвинувшись на черныя брови, изъ-подъ которыхъ сверкали каріе глаза, будто насквозь проницавшіе; черные, длинные волосы

падали космами по плечамъ; на груди блестѣло серебряное полушаріе, на шеѣ—ожерелье изъ *коральковъ;* она была небрежно обернута бѣлою мантіею. Сквозь правильныя черты пожелтѣвшаго лица ея мелькали повременамъ глубокая задумчивость или дикое, буйное веселіе. Голосъ ея то рѣзалъ воздухъ, подобно крику вѣщей птицы, то былъ глухъ, какъ отзывъ гробовой. Казалось бы, это необыкновенное существо должно бы въ станѣ русскомъ привлечь на себя жадное любопытство толпы; напротивъ, ни одинъ взоръ, ни одно движеніе не обличали этого любопытства. Чужеземка эта въ станѣ находилась будто въ своемъ селеніи, въ своемъ семействѣ. Всѣ, отъ высшаго до нижняго чина, знали ее по имени, разными знаками изъясняли ей свою пріязнь, называли ее родными именами тетушки, сестры. Кто-жъ она была такая? Чухонская дѣвка, Ильза, маркитантша при корпусѣ Шереметева, уже два года отправлявшая эту должность. Никто скорѣе и лучше ея не могъ достать сладкаго лагернаго кусочка; не было для нея ни запрещеннаго, ни далекаго, ни скрытаго. Для солдата она всегда имѣла искрометнаго шнапса и табаку попушника. Это зелье еще недавно вошло въ употребленіе, но уже нравилось солдату своимъ пріятнымъ головокруженіемъ. Высшимъ чинамъ умѣла она угодить хорошею анисовою водкою, животрепещущею рыбою, мастерскимъ вареніемъ кофе, употребленіе котораго начинали русскіе перенимать у нѣмцевъ, и мало ли чѣмъ еще! Къ тому жъ исправляла она въ станѣ и должность Сивиллы: генералъ и профосъ равно вѣровали въ этого оракула. Говорили даже, что самъ фельдмаршалъ не разъ призывалъ ее въ свою ставку гадать объ успѣхахъ русскаго оружія. Она предсказала ему побѣду подъ Ерастферомъ. Иные вѣрили этимъ слухамъ, другіе — и это была самая меньшая часть—отыскивали въ этихъ свиданіяхъ вое-

начальника съ ворожеею причину не столь сверхъестественную: именно, видѣли въ ней лазутчицу, передающую ему разныя вѣсти изъ Лифляндіи, которую она то и дѣло посѣщала. Мы не можемъ до времени подтверждать ни того, ни другого мнѣнія. Знаемъ только, что она въ два года умѣла приноровиться къ русскимъ обычаямъ и выучиться нѣсколько русскому языку, на которомъ говорила пополамъ съ чухонскимъ и нѣмецкимъ, приправляя эту смѣсь солью любимыхъ поговорокъ народа, между которымъ хотя она и не родилась, но нашла пропитаніе, ласки и, можетъ быть, утѣшенія.

Среди обгорѣлыхъ стѣнъ опустошеннаго городка Нейгаузена видна была Ильза, одна, какъ привидѣніе. Длинною, сухощавою рукою манила она къ себѣ наряднаго карлу; бѣлый хитонъ ея, удерживаемый другою рукой, парусилъ вѣтеръ. Подлѣ нея стояла телѣжка о двухъ колесахъ, въ которую запряжена была осѣдланная гнѣдая лошадка, съ косматою гривою, круглая, какъ шарикъ. Бойкое животное выглядывало повременамъ изъ-за маленькой, едва согнутой дуги, на свою повелительницу, и потомъ нетерпѣливо ударяло копытомъ въ землю, но съ мѣста тронуться не смѣло, хотя и не было на привязи. По телѣжкѣ разостлано было пышное ложе изъ свѣжей соломы. Пока бѣжалъ карла къ Ильзѣ, ее обступило нѣсколько солдатъ изъ караульни, помѣщенной въ развалинахъ одного дома.

— Скажи-ко намъ слово и дѣло!

— Поворожи-ка намъ на ручкѣ, тетушка!

— Будетъ-ли намъ таланъ? — кричали одинъ за другимъ, протягивая къ ней руки, полновѣсныя и широкія, какъ у мясника.

Сивилла, съ нетерпѣніемъ своей лошадки, поглядывала на ожидаемый ею предметъ, осматривала попеременно простертыя къ ней ладони и приговаривала:

— Линія карошъ, mein Kindchen! прямо въ Лифлянды! — Добре, очень добре! много денехъ, богата замокъ; домъ такой большой! о! поживъ будетъ великъ! мой не забудь тогда, голубчикъ!

— Не забудемъ, не забудемъ!

— Прощай, ребятушка! (Здѣсь Ильза низко присѣла и послала рукою одному пригожему новобранцу поцѣлуй, заставившій его тряхнуть головой, какъ будто на немъ волосы были острижены въ кружокъ, и покраснѣть до бѣлка глазъ).

— Куда-жъ ты спѣшишь, тетушка?

— Все тетушка! Я молода дѣвочка.

— Ну скажи, сестрица-голубушка, куда?

— Съ моей любезный Самсонычъ на Муннамегги, поколдовать для большой, большой генералъ.

— Ага! смекаемъ! поспѣшеньеца вамъ желаемъ.

Солдаты воротились въ караульню и продолжали между собою говорить:

— Видно быть походу, братцы! Линіи-то выходятъ у всѣхъ на Лифлянды, и вѣтерокъ туда позываетъ.

У входа въ опустошенное мѣстечко стоялъ на часахъ солдатъ изъ рекрутъ, недавно прибывшій на службу, а такъ какъ фельдмаршалъ пріѣхалъ только наканунѣ изъ Пскова, то новобранецъ и не имѣлъ случая видѣть его карлу. Долго всматривался онъ издали въ маленькое ползущее животное, на которомъ развѣвались павлиныя перья; наконецъ, примѣтивъ галунъ на шляпѣ, украшенія на груди и шпагу, онъ закричалъ:

— Кто идетъ?

— Солдатъ! —бодро отвѣчалъ Голіафъ.

— Пароль?

— Троицынъ монастырь!

— Извольте идти, ваше благо... высоко... превос...

ходительство, какъ васъ звать? Да простите меня, виноватъ! я думалъ, что вы птица.

— Птица? птица? Только не тебѣ стрѣлять ее, молокососъ!—сердито проворчалъ мишурный генералъ и обратился съ важнымъ поклономъ къ Ильзѣ, которая, не говоря ни слова, сдѣлала ему глубокій *книксенъ*, длинными руками схватила его въ охапку, посадила бережно на телѣжку и мигомъ вспрыгнула на сѣдло. Борзая лошадка, заслышавъ на себѣ свою повелительницу, понеслась съ мѣста и засыпала ногами, какъ по току дружная молотьба. Скоро колесница, изъ которой едва торчалъ палашъ рыцаря *веселаго образа*, и надъ которой господствовала корона Сивиллы, начала исчезать изъ виду и, наконецъ, совсѣмъ потонула въ двойственномъ мракѣ отдаленія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОФИЦЕРСКАЯ БЕСѢДА

Впередъ, впередъ, моя исторія!
Пушкинъ.

Между тѣмъ въ развалинахъ замка собралось нѣсколько офицеровъ, большею частью начальниковъ разныхъ полковъ. Вмѣсто стульевъ, каждый избралъ себя по удобности камень или отломокъ стѣны. Налѣво отъ входа изъ лагеря, въ тѣни, далеко ложившейся на землю отъ уцѣлѣвшей въ этой сторонѣ ограды, сидѣли другъ къ другу лицомъ, придерживая на колѣняхъ шахматную доску, преображенскаго полка маіоръ Карповъ и драгунскаго своего имени полковникъ князь Вадбольскій. Наружностью своею они составляли живописную противоположность, хотя оба были извѣстны равными душевными достоинствами. Въ одеждѣ, разговорахъ и обращеніи перваго замѣчалась если не совершенная европейская образованность того времени, то по крайней мѣрѣ близкое подражаніе ей. Кажется онъ былъ изъ числа тѣхъ молодыхъ русскихъ дворянъ, которыхъ Петръ посылалъ путешествовать. Слѣдуя французской модѣ, онъ носилъ на головѣ русый, тщательно причесанный, парикъ, съ котораго пышные ло-

коны небрежно свивались и развивались по плечамъ; на пріятномъ, дышащемъ свѣжестью лицѣ его едва означались тонкіе усики. Онъ былъ въ темнозеленомъ мундирѣ съ узенькимъ, въ полувершокъ, отложнымъ воротникомъ, съ огромными, въ маленькій грецій орѣхъ, дутыми изъ мѣди и позолоченными пуговицами, прикрѣпленными ремешками на правой полѣ, на обшлагахъ рукавовъ, на клапанахъ и спинкѣ, въ двѣ четверти шириной, собранной множествомъ складокъ. Весь мундиръ по краямъ обложенъ былъ золотымъ позументомъ. На правомъ плечѣ вился золотой шнурокъ, цѣпляясь за такую же въ горошину пуговицу; на груди вздувался серебряный знакъ съ вызолоченною арматурою и съ цифрою 1700, означавшею годъ взятія Азова. Камзолъ и короткое исподнее платье, очень удобное для бальнаго представленія, были изъ темнозеленаго же сукна, ярко перерѣзывавшаго красный цвѣтъ чулокъ. Въ тогдашнее время не было еще мудрыхъ ваксо-изобрѣтателей, и потому на майорѣ преображенскаго полка блестѣли чернокожаные бушмаки, вѣроятно вычищенные просто постнымъ маслицемъ съ сажею. За то пушокъ не смѣлъ пасть на мундиръ его: въ такой онъ содержался чистотѣ! Князь Вадбольскій былъ безъ мундира, безъ камзола и галстука — въ пестрой, распашной рубашкѣ съ косымъ воротомъ, на которомъ горѣла богатая изумрудная запонка. На косматой, широкой груди его висѣлъ наперстный серебряный крестъ необыкновенной величины. Смуглое, рябоватое, неправильное лицо его было залито добротою и благородствомъ души. Слова его, не подслащенныя, безъ украшеній считались вѣрнѣе крѣпостныхъ актовъ: они замѣняли въ устахъ его: *ей-ей, да будетъ мнѣ стыдно*! За то и дружба его была не ходячая монета: ею дорожили, какъ безцѣннымъ оружіемъ, которое на важный случай берегутъ.—Игроки

углубились въ игру свою. На лбу и губахъ ихъ смѣнялись, какъ мимолетящія облака, глубокая дума, хитрость, улыбка самодовольствія и досада. Ходы противниковъ слѣдилъ большими, выпуклыми глазами и жаднымъ вниманіемъ своимъ полковникъ Лима, родомъ венеціанецъ, но обычаями и языкомъ совершенно обрусѣвшій. Онъ облокотился на колѣно, погрузивъ разложенные пальцы въ сѣдые волосы, выбивавшіеся между ними густыми потоками, и открылъ такимъ образомъ высокій лобъ свой. Круглый, большой обломокъ стѣны, упавшій на другой большій отрывокъ, образовалъ площадку и лѣстницу о двухъ ступеняхъ. Тутъ, на разостланной медвѣжьей шкурѣ, лежалъ, обхвативъ правою рукою барабанъ, Семенъ Ивановичъ Кропотовъ. Голова его упала почти на грудь, такъ что за шляпой съ тремя острыми углами ея и густымъ чернымъ парикомъ едва замѣтенъ былъ римскій обликъ его. Можно было подумать, что онъ дремлетъ; но, когда приподнималъ голову, замѣтна была въ глазахъ скорбь, его преодолѣвавшая. Ниже его сидѣлъ на ступенькѣ Никита Ивановичъ Полуектовъ; онъ изрѣдка подстерегалъ его движенія, стараясь проникнуть въ нихъ тайну, ему въ первый разъ не открытую. Довольно высоко отъ земли, на уступѣ ограды, небрежно расположился пригожій, молодой Дюмонъ. Живость, любезность и остроуміе его націи блестѣли въ его глазахъ; по разгорѣвшимся его щекамъ развѣвались полуденнымъ вѣтромъ бѣлокурые локоны. Онъ то игралъ на гитарѣ, припѣвая, то любовался въ задумчивости прекрасною окрестностью, передъ нимъ разостланною.

Дюмонъ родился въ Провансѣ. Бѣдный и предпріимчивый, онъ пріѣхалъ, въ 1695 году, искать приключеній въ Россіи, странѣ, еще именемъ варварской, попытать въ ней счастія, и надѣялся, можетъ быть, мимоходомъ наткнуться на славу. Съ первымъ ша-

гомъ его на землю русскую, ему предложено было вступить въ ряды осаждавшихъ Азовъ. Служа за честь, хотя и не за свое отечество, онъ былъ одинъ изъ первыхъ на всѣхъ приступахъ этого города, одинъ изъ первыхъ вошелъ въ него побѣдителемъ, за что при *случаѣ* былъ Царю представленъ Гордономъ, какъ отличнѣйшій офицеръ его отряда. Въ тогдашнее время завистливые и недостойные искатели фортуны, эти шмели государства, не смыкались еще въ грозныя фаланги, чтобы заслонить собою заслугу, не разсыпались по разнымъ путямъ, чтобы перехватить достоинство и втоптать въ грязь цвѣтъ, обѣщавшій плодъ, для нихъ опасный. Служившіе головой и грудью смѣло шли впередъ, не думая угодить единственно лицу начальника, не боясь за то названія людей безпокойныхъ. Петръ Великій видѣлъ все своими глазами, все зналъ и рукою вѣрною назначалъ каждому свое мѣсто по старшинству ума, труда, познаній и душевныхъ достоинствъ, а не по степени искательства и рода. «*Князь Никита*,—говорилъ онъ своему любимцу, который испрашивалъ одному знатному человѣку мѣсто не по его способностямъ,—*хотя и достоинъ той чести и сердца добраго, только не его дѣло*». Можно судить, что Государь съ такимъ сужденіемъ не замедлилъ наградить храбраго Дюмона. При образованіи регулярной конницы, ему данъ и названъ по имени его драгунскій полкъ. Съ добрымъ сердцемъ и живымъ умомъ онъ не могъ также не быть любимъ товарищами. Солдаты, одушевленные быстротою его движеній и рѣчи, преданные ему за отеческія о нихъ попеченія, за внятное и терпѣливое изъясненіе обязанностей службы, и особенно за то, что онъ одинъ изъ иностранцевъ ихъ корпуса носилъ на шеѣ мѣдный солдатскій крестъ, горѣли нетерпѣніемъ, въ честь начальника своего, окрещеннаго любовью ихъ къ нему въ Дымонова, ску-

сить не одинъ патронъ и порубиться на славу со шведомъ. Честно и молодецки выполнили они свою обязанность при Эррастферѣ.

Пониже Дюмона покачивался на барабанѣ, бокомъ положенномъ, капитанъ преображенскаго полка Глѣбовской, молодой и наружности привлекательной. Чистымъ, пріятнымъ голосомъ вторилъ онъ мастерски прованскому трубадуру. У ногъ его сидѣлъ, сложивъ свои ноги подъ себя крестообразно, бутырскаго полка солдатъ, небольшого роста, худощавый. Сѣдые волосы его были острижены въ кружокъ и кваскомъ приглажены; густыя брови нависли надъ сѣрыми глазами, прыгавшими будто на проволокѣ. Онъ держалъ двухструнную балалайку, на которой пальцы его перебѣгали, какъ молнія. Иногда вслушивался онъ пристально въ напѣвы Дюмоновыхъ пѣсней и разомъ переводилъ ихъ на свой бѣдный, но послушный ему инструментъ. Этотъ чудодѣй былъ Филя, ротный скоморохъ и сказочникъ. Несмотря на смѣлость его въ обращеніи и колкость языка его, зацѣплявшаго иногда за живое, офицеры любили его и, повидимому, ободряли вольное его съ ними обхожденіе.

Правѣй отъ шахматныхъ игроковъ сидѣли на двухъ скамейкахъ, на которыхъ постланы были *аккуратно* два клѣтчатыхъ носовыхъ платка, старые полковники фонъ-Верденъ и фонъ-Швединъ, первый въ пестромъ бумажномъ колпакѣ, кожаномъ колетѣ изъ толстой лосиной кожи, въ штиблетахъ съ огромными привязанными раструбами; другой съ обнаженною, какъ полный мѣсяцъ, лысиною, при всей формѣ пѣхотинца. Куря табакъ, они разсуждали о политикѣ. По дыму трубокъ ихъ, то усиливавшемуся, какъ вспышка Этны, то почти умиравшему, можно было судить о степени ихъ душевнаго волненія, производимаго важнымъ разборомъ правъ 60-го Генриха на наслѣдованіе престола

рейсъ-эберсдорфъ-лобенштейнскаго. Къ одному выходу изъ замка разложенъ былъ огонекъ, уже потухавшій. Обгорѣлый шестъ, котораго концы опирались на двухъ камняхъ, держалъ мѣдный котелокъ съ водою; одинъ изъ этихъ камней обставленъ былъ сковородою съ остатками изжаренной съ лукомъ жирной почки, облупленнымъ подносомъ съ изукрашеннымъ золотыми цвѣтами карафиномъ, съ двумя серебряными чарами, расписанными чернью, работы устюжской, и узорочною серебряною братиною *съ кровлею*, вѣроятно жалованною царями кому-нибудь изъ родителей собесѣдниковъ при *милостивомъ словѣ*. Широкоплечій драгунъ съ огромными усами и въ засаленной рубашкѣ, стоя на одномъ колѣнѣ, обмывалъ въ деревянной чашѣ оловянную посуду. По этому уголку можно было судить, что собесѣдники недавно подкрѣпили силы свои доброю закускою. Близъ походнаго кухмистера стоялъ почтенный старецъ Айгустовъ, опиравшійся изсохшими жилистыми руками на палашъ. Улыбка дѣтской непорочности порхала на устахъ его: онъ любовался тихимъ пламенемъ, переливавшимся по угольямъ. Изрѣдка шевелилъ онъ ихъ концомъ палаша, старясь разбудить дремлющій огонекъ. Прислонясь затылкомъ къ стѣнѣ и растянувшись на голой землѣ, спалъ, похрапывая, татарскій наѣздникъ Мурзенко. Въ угодность Царю-преобразователю, онъ сдѣлался по наружности казакомъ; но большая голова, вросшая въ широкія плеча, смуглое, плоское лицо, на которомъ едва означались мѣста для глазъ и поверхность носа, какъ на куклѣ, ребячески сдѣланной, маленькія толстыя руки и такія же ноги, приставленныя къ огромному туловищу,—все обличало въ немъ степного жителя Азіи. Хитрость писалась рѣзкими чертами на лицѣ его; казалось, она и во снѣ его не покидала. Мурзенко славился въ войскѣ Шереметева лихимъ наѣздничествомъ, личною храбростью,

умѣньемъ повелѣвать своими калмыцкими и башкирскими сотнями, которыя на грозное гиканье его летѣли съ быстротою стрѣлы, а нагайки его боялись пуще гнѣва пророка или самодѣльныхъ божковъ; онъ славился искусствомъ слѣдить горячіе слѣды враговъ, являться вездѣ, гдѣ они его не ожидали, давать фельдмаршалу вѣрныя извѣстія о положеніи и числѣ непріятеля, палить деревни, мызы, замки, наводить ужасъ на цѣлую страну Такими качествами успѣлъ онъ пріобрѣсти отличное вниманіе начальства и Государя до того, что удостоился чина полковничьяго, и умѣлъ сдѣлать себѣ такое грозное имя въ Лифляндіи, что дѣти переставали плакать, когда его поминали.

Общество это было въ гостяхъ у князя Вадбольскаго, и въ ожиданіи трубной повѣстки, по которой всѣ начальники полковъ должны были немедленно явиться къ фельдмаршалу, разговаривали о важныхъ и смѣшныхъ предметахъ, пѣли, играли и не забывали изрѣдка круговой чары.

— Что ты дѣлаешь съ рукою своею? — спросилъ Дюмонъ Никиту Ивановича Полуектова, который, поднявъ руку, держалъ ее нѣсколько времени въ такомъ положеніи.

— Пытаю, откуда вѣтеръ подуваетъ!—сказалъ Полуектовъ.—Не попутный-ли для моего желанія? Такъ точно! Съ полудня!—Помнишь-ли свое обѣщаніе, соловушко французскій?

Дюмонъ. Довольно, хотя чижъ прованскій. Какое-же обѣщаніе, полковникъ?

Полуектовъ Когда вѣтеръ твоей родины подуетъ, спѣть намъ пѣсенку..

Дюмонъ. О прекрасномъ пажѣ короля Рене? Помню, помню, и готовъ исполнить желаніе ваше, только боюсь, чтобы меня не сталъ передразнивать

Вадбольскій, какъ онъ дѣлалъ это нѣкогда въ Москвѣ, въ домѣ князя Черкасскаго.

Полуектовъ. Злодѣй! Да еще при миловидной дочкѣ княжеской, при цѣлой вереницѣ пригожихъ дѣвушекъ!

Дюмонъ. Вотъ это-то и лежитъ у меня на сердцѣ. Правду сказать, любя Россію, пригрѣвшую меня подъ крыломъ своимъ, любя вашъ сладкій, звучный языкъ, созданный, кажется, для поэзіи, я съ того времени старался исправиться Вы это знаете, господа!

Карповъ. Мы знаемъ, что любезный нашъ полковникъ Дюмонъ не пренебрегаетъ ни языкомъ, ни обычаями нашими. *Король беретъ пѣшку на 3-й клѣткѣ коня своего.*

Лима. Все кончено! Дожъ пропалъ.

Князь Вадбольскій. До времени молчокъ, любезный Юрій Степановичъ: *Ферзь на 4-й клѣткѣ ладьи: шахъ королю!*

Карповъ. *Король* ретируется.

Князь Вадбольскій Теперь и я скажу: далъ зѣвка, братъ Карповъ! *Ферзь на 2-й клѣткѣ слона. Королю шахъ и мать!*

Карповъ. Поздравляю: побѣда за вами.

Князь Вадбольскій. Исполать! теперь поразвѣдаемся и съ пѣвуномъ. Кажется, рѣчь была о Вадбольскомъ, который несторожно когда-то, во время оно, посмѣялся надъ тѣмъ, что не русскій коверкалъ въ пѣснѣ русскій языкъ. Грѣхъ утаить: надрывался *азъ* грѣшный отъ смѣху, когда этотъ любезникъ пѣлъ: *Прости, зеленый лукъ! Гдѣ ты мыла, друкъ?* и многое множество тому подобнаго.

Дюмонъ смѣется.

Князь Вадбольскій. Самому теперь смѣшно! Тогда и мнѣ не было грустно, и я поджималъ животики. Виноватъ, буду и впередъ то же дѣлать, когда

случай придетъ. А то неужели, скорчивъ личину, подъѣхать было мнѣ къ вамъ, сударь, съ турусомъ на колесахъ и обратиться съ слѣдующей рѣчью: «Ахъ! мой милый, мой почтеннѣйшій, мой наибезцѣннѣйшій Осипъ Осиповичъ! какъ вы прекрасно изволите объясняться на русскомъ! Не можетъ статься, чтобъ вы прожили только четыре года въ Россіи! Не повѣрю этому, воля ваша. Вы настоящій уроженецъ здѣшній. По крайней мѣрѣ, *тятенька* или ваша мамаша не живали-ли въ Россіи? Ахъ! сколько вы чести дѣлаете нашему народу — ошибся—нашей грубой, варварской націи, вставляя въ такую низкую оправу такой драгоцѣнный алмазъ! Ахъ!...» Еще ахъ! Тутъ пошли бы іудины лобзанія, братскія пожиманія руки... а лишь за стѣнку, такъ не только расписалъ бы сажею нарѣчіе друга закадычнаго, а и всѣ кишочки-бъ его вымылъ. Дѣды и отцы не тому насъ учили. По нашему: смѣшно, такъ смѣйся—груди легче и сердцу веселѣе; дурно — поправь; а когда не слушаютъ, плюнь да отойди отъ зла; нездорово — такъ помоги; грустно, такъ погрусти немного, а хандрѣ воли не давай, какъ нашъ Семенъ Ивановичъ, буди не къ вечеру сказано...

Полуектовъ *(обращаясь къ Кропотову)*. Христосъ съ тобой! Здоровъ ли ты, другъ?

Кропотовъ. Тѣломъ здоровъ, только духомъ упалъ, какъ баба. Такая грусть, такая тоска на меня напала нынѣ, хоть бы бѣжать въ воду.

Князь Вадбольскій. Ге, ге! не бѣлены ли ты объѣлся, Семенъ, что собираешься нехристіанскою смертью умереть? Лучше положить животъ на полѣ бранномъ, сидя на конѣ вороном, съ палашомъ въ рукѣ, обмытымъ кровью враговъ отечества.

Кропотовъ. Смерти не боюсь; въ жизни бываютъ обстоятельства мучительнѣе ея.

Князь Вадбольскій. Развѣ совѣсть твоя не чи-

стенька? Не вѣрю этому. Неизмѣнный слуга царскій, православный христіанинъ словомъ и дѣломъ, хорошій мужъ, добрый отецъ...

Кропотовъ *(съ горькой усмѣшкой)*. Добрый отецъ!.. Прекрасный... образецъ отцамъ!

Полуектовъ. Полно, князь Василій, его расшевеливать: видишь, ему не по-себѣ.

Князь Вадбольскій. Чтожъ? у него болитъ сердце, можетъ быть, къ радостной вѣсти о походѣ. *(Поетъ)*. «*Тра, ра, ра. Въ литавры забьютъ и въ трубы затрубятъ*». Гаркнутъ: на коней! и съ нашего Сени хандра, какъ съ гуся вода.

Мурзенко *(протирая себѣ глаза)*. На коня? Кто, что?

Князь Вадбольскій. Мимо проѣхали! Спи себѣ, мурза, покуда есть время спать; можетъ быть, ночью и некогда будетъ. Теперь мы сражаемся съ своими. Дай-ка перевѣдаться мнѣ съ Дюмономъ, а тамъ примемся за Семена: онъ свой братъ, подождетъ.

Дюмонъ. А меня развѣ не считаете своимъ? Вѣрьте, полковникъ, что вы хотя иногда жестконько побраниваете, но я за то не менѣе преданъ вамъ и готовъ...

Князь Вадбольскій. Доказать? Ты ужь доказалъ, другъ, лучше словъ. Помнишь, Никита Иванычъ, подъ Эррастферомъ?

Полуектовъ. Какъ не помнить! Мы не въ плѣну, въ станѣ русскомъ. Этимъ обязаны нашему храброму товарищу.

Дюмонъ. Стоитъ ли объ этомъ говорить? Кто въ войскѣ нашемъ не сдѣлалъ бы того-же? Но, господа, вы просили меня о пѣсенкѣ...

Князь Вадбольскій. Нѣтъ, братецъ, ты меня за живое задѣлъ. Теперь не взыщи, дай мнѣ спѣть свою пѣсенку; твоя будетъ впереди. Мы, русскіе,

простачки: сдѣлай-ка намъ добро, умѣемъ чувствовать его, хоть не умѣемъ разсыпаться мелкимъ бѣсомъ. Фонъ-Верденъ, ты еще не слыхалъ этой *гисторіи*?

Фонъ-Верденъ *(кашляя)*. Нѣтъ еще, высокоблагородный каспадинъ полковникъ!

Князь Вадбольскій. Въ этихъ высокоблагородіяхъ чортъ ногу переломитъ. Иной бы и сказалъ: высокій такой-то, а сердце наперекоръ твердитъ низкородный и даже уродный. Ой, ой, вы, нѣмцы! все любите чинами титуловаться. По нашему: *братецъ!* оно какъ-то и чище и короче. Послушайте же меня, господинъ полковникъ фонъ-Верденъ: для васъ эта *гисторія* будетъ любопытна. Вѣдь вы подъ Эррастферомъ не были?

Фонъ-Верденъ *(потирая себѣ руки)*. Не имѣлъ чести.

Князь Вадбольскій. Мы, благодаря Господа и небесныя силы, сподобились этой чести *(крестится)*. Да будетъ первый день нынѣшняго года благословенъ отъ внуковъ и правнуковъ нашихъ! Взыграло отъ него сердце и у батюшки нашего Петра Алексѣевича. И какъ не взыграть сердцу русскому? Въ первый еще разъ тогда наложили мы медвѣжью лапу на шведа, въ первый разъ почесали ему затылокъ такъ, что онъ до сей поры не опомнится. — Вотъ видишь, какъ дѣло происходило, сколько я его видѣлъ. Когда обрѣли мы непріятеля у деревушки въ боевомъ порядкѣ...

Фонъ-Верденъ *(обращаясь къ Карпову съ видомъ недоумѣнія и язвительной усмѣшкой)*. Баевой парятокъ? Кашится, этого терминъ нѣтъ...

Карповъ. По вашему это значитъ въ ордерѣ де баталіи.

Князь Вадбольскій. Охъ, батюшка, Петръ Алексѣевичъ, однимъ ты согрѣшилъ, что нашъ языкъ и наружность обасурманилъ: нарядилъ ты оба въ ка-

кіе-то алонжевые парики. Ну, да за то, что просвѣщаешь наши умы, за твои великія дѣла Богъ тебя проститъ! Буди же по твоему фонъ-Верденъ! Слушай же мой *дискурсъ*. Когда обрѣли мы непріятеля въ *ордеръ де баталіи* и увидѣли, что *регименты* его шли въ такой *алліенціи*, какъ на *муштръ*, правду сказать, сердце екнуло не разъ у меня въ груди; но, призвавъ на помощь святую Троицу и Божію Матерь Казанскую, вступили мы безъ дальнихъ *комплиментовъ* съ непріятелемъ въ рукопашный бой. Войско наше, яко не *практикованное*, къ тому жь и пушки наши не приспѣли, скоро въ *конфузію* пришло и *ретироваться* стало. *Викторія* шведамъ *формально фа-во-ри-зи-рова-ла*. Желая съ Полуектовымъ *персонально* сдѣлать *диверсію* важной *консеквенціи* и надѣясь, что она будетъ имѣть добрый *сукцесъ*, рѣшились мы съ нимъ въ *конфиденціи: въ принципій* атаковать... Уфъ, родные, окатите меня водою! Мочи нѣтъ! не выдержу, воля ваша! Понимай меня или не понимай, фонъ-Верденъ, а я буду говорить на своемъ родномъ языкѣ. Вотъ видишь, насъ съ Полуектовымъ нелегкая понесла прямо на тычины, которыми окружена была мыза; мы хотѣли спѣшить своихъ и по-русски махнуть черезъ заборъ. Не тутъ-то было! Шведскія дуры изъ-за него плюнули въ насъ такъ, что мой воронокъ—славный конь былъ, покойникъ, честно и палъ! — свернулся на бокъ и меня порядочно придавилъ. Никитѣ не было легче, какъ онъ сказывалъ послѣ. Одинъ окаянный шведъ собирался уже потрошить меня, а другой сдиралъ съ шеи вотъ этотъ серебряный крестъ съ ладонкою, подаренный мнѣ бабушкой и крестною матерью Анѳисою Патрикѣевною,—дай Богъ ей царство небесное! «Вражья сила тебя никогда не одолѣетъ, пока будешь носить его!» — сказала она, благословляя меня этимъ крестомъ. Я вспомнилъ слова

ея, и только-что успѣлъ скусить палецъ разбойнику-шведу, такъ что и крестъ выпалъ у него изъ рукъ, вдругъ зазвенѣлъ надо мною знакомый голосъ: «Сюда, сюда, дѣтушки! спасайте князя Вадбольскаго, спасайте Полуектова!» Окаянные отскочили отъ меня... слышу фитъ! фитъ! чикъ! чикъ! хлопъ!... Вслѣдъ за этимъ назади изъ нашихъ пушекъ попукивать стали. Узналъ родныхъ по языку ихъ: вѣдь онѣ, братцы, вылиты изъ колоколовъ московскихъ! Вмѣсто шведовъ явились передо мною два дюжихъ драгуна Дюмонова полка, вытащили меня изъ-подъ мертвой лошади и посадили на шведскаго коня. Злодѣй, хоть и скотина, врѣзалъ меня въ бусурманскій полкъ, но тутъ осѣнили меня знамена русскія. Наши гнали, шведъ бѣжалъ. Палашъ мой на себя охулки не положилъ. Въ тотъ же день, подъ сѣнью этихъ святыхъ знаменъ, отслужили мы благодарственный молебенъ Спасу Милостивому и Пречистой Его Матери за первую славную побѣду, дарованную намъ надъ шведами, и опричь того, за избавленіе меня отъ позорнаго плѣна. Вотъ нашъ съ Полуектовымъ избавитель! *(Указываетъ на Дюмона).*

Дюмонъ. Не для васъ, господа, а для чести моей я спѣшилъ васъ выручить.

Князь Вадбольскій. Что у тебя было на душѣ, пріятель, мы не знаемъ и не хотимъ знать. Чужая душа потемки. Богъ одинъ Провидецъ и Судья ея. Человѣкъ же долженъ судить ближняго по дѣламъ его, а не по догадкамъ своего уразумѣнія, часто кривого, и сердца, нерѣдко ненавистнаго. Добро называю добромъ и не разбираю, почему и какъ оно сдѣлано. Такъ и мы съ Полуектовымъ вѣдаемъ, что мы, по милости твоей, остались живы да здоровы, и не охаемъ въ штокгольмской тюрьмѣ, гдѣ не нашему чета братья донынѣ томятся медленною смертію, гдѣ ржа цѣпей грызетъ ихъ кости.

Дюмонъ. За избавленіе ваше скажите спасибо еще вотъ этой живой куклѣ. *(Онъ показалъ на дремлющаго Мурзенко).*

Полуектовъ. Ему-жъ за что?

Дюмонъ. Не его-ли благодарилъ фельдмаршалъ за спасеніе нашего отряда артиллеріею, которую онъ вывелъ кратчайшею дорогой изъ снѣговъ? Не за этотъ ли подвигъ онъ пожалованъ въ полковники?

Карповъ. Правду сказать, если бы не приспѣла въ добрый часъ наша артиллерія, насъ всѣхъ положили бы лоскомъ на мѣстѣ.

Мурзенко *(зѣвая)*. Аги, ага! Твоя про меня говоритъ? Нѣтъ, полковникъ, моя ~~не~~ знала дорогъ, а у моя была проводникъ хорошъ. Спроси Юрій Степановичъ: его шла тогда съ пушкою.

Лима. Правда. Еслибъ не вожатый, о которомъ говоритъ мурза, то Богъ знаетъ, что съ нами бы случилось. Вотъ какъ было дѣло: чуть брезжилось передъ разсвѣтомъ. Господинъ фельдмаршалъ подвигался съ отрядомъ нашимъ къ Эррастферу; но, услышавъ, что въ авангардѣ начиналъ завязываться бой, поручилъ мнѣ вмѣстѣ съ мурзою привести, какъ можно поспѣшнѣе, на мѣсто сраженія артиллерію, которая за снѣгомъ и нагорными дорогами отстала отъ головы войска; самъ же, отдѣливъ отъ насъ почти всю кавалерію, кромѣ полка моего и татаръ, поскакалъ съ нею впередъ. Фельдмаршалъ будто унесъ съ собою хорошую погоду. Едва потеряли мы его изъ виду, какъ небо застлала огромная туча, сначала запорошилъ снѣжокъ, но, вдругъ усилившись, посыпалъ рѣшетомъ. Съ этимъ поднялся вѣтерокъ и завертѣла метелица. Дорогу начало заметать и скоро совсѣмъ заткало. Кромѣ снѣговой сѣти, ничего не было видно. Лица солдатъ примѣтно измѣнились: они вспомнили о снѣгѣ, ослѣпившемъ ихъ подъ Нарвою. Къ несчастію нашему, проводникъ, ла-

тышъ, добытый мурзой, сбился съ дороги. Въ отчаяніи онъ сталъ метаться въ разныя стороны и, наконецъ, измученный, палъ на снѣгъ. Кровь хлынула у него изо рта и ушей. Я подъѣхалъ къ нему — онъ былъ уже мертвый, одна минута—и надъ нимъ возвышался только снѣжный бугоръ. Пораженные этимъ зрѣлищемъ, солдаты остановились: казалось, холодъ его смерти перешелъ въ нихъ. Что до меня, признаюсь, не помню, чтобы я когда-либо испыталъ подобную муку. Не за жизнь, а за честь свою я опасался. Отрядъ былъ порученъ мнѣ. Съ морозомъ, думалъ я, русскій солдатъ совладѣетъ; но я могъ не поспѣть въ дѣло: со мною была главная сила русскаго войска, артиллерія... судите о послѣдствіяхъ. Несчастіе мое причли бы къ измѣнѣ: я иностранецъ...

Карповъ и Кропотовъ. Мы давно это забыли, Юрій Степановичъ!

Полуектовъ. Давно уже ты братъ нашъ и службою и сердцемъ.

Князь Вадбольскій. Ты только по нашему не крестишься.

Лима. Благодарю за дружбу вашу; увѣренъ въ вашемъ хорошемъ мнѣніи обо мнѣ; но вы... не цѣлое войско русское. Была у меня тутъ мысль другая. Русскіе уже извѣдали силу свою; извѣдали, что побѣждать могутъ и должны, потому всякую неудачу, всякое несчастіе причтутъ измѣнѣ. Начальникъ русскаго войска изъ иностранцевъ, сверхъ качествъ, требуемыхъ отъ него, какъ отъ полководца, долженъ еще быть счастливъ. Одна неудача — и онъ пропалъ въ общемъ мнѣніи. Боже, не дай мнѣ дожить до подобнаго опыта. Мысль, что меня почтутъ предателемъ, мучила меня болѣе казни. Время было дорого, друзья мои! Я рѣшился идти прямо въ ту сторону, откуда слышна была пальба, все усиливавшаяся. Мы поворотили уже

влѣво цѣликомъ и радовались, что колеса шли легче по ледяному черепу, принятому нами за дорогу, какъ вдругъ, сквозь сѣющій снѣгъ, увидѣли быстро двигавшуюся фигуру. — Стой! — гаркнула она по-русски и стала передо мною и мурзой. Здѣсь могъ я разглядѣть, что это былъ мужчина высокаго роста, въ короткомъ плащѣ изъ оленьей кожи, въ высокой шапкѣ, на лыжахъ, съ шестомъ въ рукѣ.

— Что тебѣ надобно? — спросилъ я его, не зная, чему приписать необыкновенное появленіе этого человѣка.

— Оврагъ — и смерть! — произнесъ онъ глухо, ухватилъ мою лошадь за узду, осадилъ ее, сдѣлалъ шага два впередъ, сталъ на одно колѣно, далъ знакъ казаку, чтобы онъ подержалъ его за конецъ плаща, и могучею рукою разворотилъ шестомъ бугорки, что стояли передъ нимъ. Боже мой! въ какой ужасъ я пришелъ, когда увидѣлъ, вмѣсто снѣжныхъ возвышеній, узенькій, но глубочайшій оврагъ, заросшій сверху рѣдкимъ кустарникомъ; густой снѣгъ застлалъ пропасть. Изъ глубины души благодарилъ я Бога за спасеніе наше; солдаты у окрайницы оврага крестились.

— Кто говоритъ у васъ по-нѣмецки? — спросилъ меня незнакомецъ на этомъ языкѣ.

— Я; но ты по-русски объясняешься, — отвѣчалъ я ему.

— Мало! Дѣло не въ томъ. Время не терпитъ. Ваши безъ артиллеріи пропали. За мною! Я проведу васъ, куда надобно,—сказалъ онъ по-нѣмецки и поворотилъ вправо.

Слова его, движенія возбуждали довѣріе. То, что онъ сдѣлалъ для насъ, не могъ сдѣлать недругъ. Я послѣдовалъ за своимъ избавителемъ и велѣлъ то же исполнять всему отряду. Вожатый не шелъ, а, казалось, летѣлъ на лыжахъ; шестомъ означалъ онъ намъ,

гдѣ снѣгъ былъ тверже, и оставлялъ по немъ рѣзкіе слѣды. Когда мы замедляли, онъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ махалъ намъ рукою и указывалъ въ ту сторону, гдѣ слышна была пальба. Нѣжный сынъ съ не меньшимъ трогательнымъ участіемъ велъ бы врача къ одру болящаго родителя. Проѣхавъ саженъ двѣсти, мы почувствовали кое-гдѣ твердость битой дороги; здѣсь тронулись мы маленькою рысью. Между тѣмъ снѣгъ началъ рѣдѣть, скоро небо совсѣмъ очистилось, солнышко просіяло, просвѣтлѣли у всѣхъ и лица. Проѣхавъ еще съ версту, таинственный вожатый остановился и указалъ мнѣ рукою на чернѣющую толпу всадниковъ. Это были наши! *Наши!* закричалъ съ восторгомъ отрядъ. Я успѣлъ только, въ знакъ благодарности, кивнуть благодѣтелю и бросить ему кошелекъ съ деньгами. Мы понеслись на всѣхъ рысяхъ. Фельдмаршалъ ожидалъ насъ съ нетерпѣніемъ. Остальное вамъ извѣстно. Честь запрещала мнѣ принять на свой счетъ доставленіе ко времени артиллеріи: я указалъ на мурзу—и фельдмаршалъ благодарилъ его.

Мурзенко. Моя говорила фельдмаршалу: провожатая моя былъ хорошъ; его не слушала.

Карповъ. Съ того времени не видалъ-ли ты этого проводника?

Мурзенко. Просила моя Юрій Степановичъ отыскать его; не сыскала моя.

Лима. Да, я забылъ вамъ сказать, что спаситель нашъ остановилъ послѣдняго офицера въ арріергардѣ и, отдавая ему кошелекъ съ деньгами, брошенный мною, сказалъ худымъ русскимъ языкомъ: «полковникъ потерялъ деньги, отдай ихъ ему. Съ Богомъ!»— Съ этими словами онъ исчезъ.

Кропотовъ. Чудесный человѣкъ! По крайней мѣрѣ, узнаешь-ли ты его въ лицо, если съ нимъ встрѣтишься?

Лима. Врядъ; помню только, что онъ не старъ, черноволосъ, съ глазами пламенными, какъ нашъ югъ.

Мурзенко. Моя увидать его, тотчасъ узнать.

Князь Вадбольскій. Кабы отыскался онъ, не пожалѣлъ бы размѣняться съ нимъ побратски крестомъ, подареннымъ мнѣ бабушкою... те, те, те! я забылъ вѣдь, что онъ нѣмецъ и креста не носитъ. Ну просто назвалъ-бы я его другомъ и братомъ. Да куда-жъ онъ, чудакъ, дѣвался? И что за неволя была ему таскаться по снѣгу въ такую мятелицу? Что за охота пришла нѣмцу помогать русскимъ?... Тфу, пропасть! Чѣмъ болѣе ломаю себѣ голову надъ этимъ чудакомъ, тѣмъ болѣе въ головѣ путаницы (*творитъ крестное знаменіе*). Оставимъ его, но не забудемъ примолвить отъ благодарнаго сердца: *Дай Богъ ему того, чего онъ самъ себѣ желаетъ!* Теперь попросимъ пѣвца Дюмона разбить нашу думушку обѣщанною пѣснею.

Дюмонъ проигралъ на гитарѣ прелюдію и произнесъ съ чувствомъ, оброщаясь къ югу:—Вѣтеръ полуденный, вѣтеръ моей отчизны, Прованса, согрѣй грудь мою теплотою твоихъ долинъ и навѣй на уста мои запахъ твоихъ оливковыхъ рощъ!

Князь Вадбольскій (*поталкивая Карпова подъ бокъ*). Французъ безъ кудреватаго присловія не начнетъ дѣла.

Дюмонъ пропѣлъ очень искусно и пріятно романсъ, въ которомъ описывалась нѣжная любовь пажа короля Рене къ знатной, прекрасной дѣвицѣ,—пажа, милаго, умнаго стихотворца и музыканта, котораго въ часъ гибели его отечества возлюбленная его одушевила *словомъ любви* и послала сама на войну. Пажъ возвратился къ ней побѣдителемъ для того только, чтобы услышать отъ нея *другое слово любви* и—умереть.

Когда пѣвецъ кончилъ свой романсъ, иностранные офицеры въ восторгѣ захлопали въ ладоши. Русскіе

кричали: «славно! прекрасно!» И Кропотова языкъ машинально пролепеталъ одобреніе. Одинъ князь Вадбольскій примолвилъ:

— Прекрасно, братецъ, только жаль не на русскую стать. Для ушей-то пріятно, да не взыщи, сердца не шевелитъ. Это ужь не твоя вина: тутъ, знаешь, чего не достаетъ?—*родного!*

Дюмонъ. Очередь за вами, Глѣбовской; я заплатилъ дань моей Франціи...

Кропотовъ. Подай намъ голосъ, соловей моей родины, соловей московскій!

Карповъ. Слышишь-ли, любезный однополчанинъ?

Глѣбовской. Отговариваться не стану: я не красная дѣвица, которую ведутъ къ вѣнцу: сердцемъ полетѣла бы, какъ перышко, а глазами показываетъ, будто свинцовыя гири къ землѣ тянутъ. Извольте, буду пѣть, только съ тѣмъ, чтобъ Филя подладилъ мнѣ своею балалайкою.

Нѣсколько голосовъ. Что дѣло, то дѣло!

Филя. Какую же, ваше благородіе, прикажете? Надобно и намъ приготовиться. Вы видѣли, что Осипа Осиповича обдувалъ теплый, родной вѣтерокъ, обливало какое-то масло прованское *(Дюмонъ, смѣясь, погрозилъ ему пальцемъ)*. А намъ развѣ вспомнить свои снѣги бѣлые, мятели завивныя, или: какъ по матушкѣ по Волгѣ, по широкому раздолью, подымалася погодушка, вѣтры вольные, разгульные, бушевали по степямъ, ковыль-трава, братцы, расколышилась; иль красавицу чернобровую, черноокую, какъ по сѣнницамъ павушкой, лебедушкой похаживаетъ, бѣлы рученьки ломаетъ, друга мила поминаетъ, а сердечный, милый другъ не отзовется, не откликнется: онъ сознался со иной подруженькой, съ пулей шведскою мушкетною, съ иной полюбовницей, съ смертью лютою; подъ частымъ ракитовымъ кустомъ на чужбинѣ онъ лежитъ,

вмѣсто савана пескомъ повитъ; не придутъ ни родна матушка, ни...

Кропотовъ. Полно, Филя, ты за душу тянешь, словно поминаешь меня.

Князь Вадвольскій. Эй, братъ Семенъ, не собирайся такъ скоро съ здѣшняго свѣта. Подожди немного: похоронимъ съ честью да со славою, только не здѣсь, не въ станѣ, а тамъ въ Лифляндахъ, на боевомъ полѣ. За царя и землю русскую сладко умереть и на чужбинѣ! Благодаря Вышняго, нашихъ убитыхъ въ сраженіи съ новаго года не топчетъ врагъ поганый, не клюетъ вранъ несытый; тѣла нашей братьи честно, по долгу христіанскому, предаются уже землѣ. Кто знаетъ, Семенъ Иванычъ? къ лифляндскимъ землянкамъ, гдѣ спятъ наши молодцы, гдѣ, можетъ статься, положатъ и наши грѣшныя кости, придутъ нѣкогда внуки: перекрестясь, помянутъ насъ не слезами!— нѣтъ, плакать бабье дѣло,—а словами радостными. «Здѣсь,—скажутъ они,—лежатъ такой-то и такой-то. Миръ праху ихъ! Память имъ вѣчная на землѣ! Они были неизмѣнные слуги государевы, вѣрные сыны очечества: въ царствованіе Петра Великаго положили здѣсь животъ свой Русскіе—и мертвые, не хотѣли спать на землѣ чужой; они купили ее кровью своею для имени русскаго!» Повѣрь мнѣ, другъ, земля, въ которой мы ляжемъ съ тобою, будетъ наша и останется вѣчно *за нами*. Отдадимъ-ли мы иноплеменникамъ кладбище отцовъ нашихъ? Не отдадутъ и нашихъ могилъ на сторонѣ ливонской дѣти и внуки наши; положатъ и на нихъ камушки, и на нихъ поставятъ кресты русскіе.

Кропотовъ. Кто бы не захотѣлъ умереть подъ твое сладкое поминанье?

Лима. Грустно, можетъ быть, Семену Ивановичу смотрѣть на Лифлянды, сложивъ руки!

Полуектовъ. Дай-то Богъ намъ скорѣе походъ, да не прогульный.

Князь Вадбольскій. Скажутъ походъ, пойдемъ; не скажутъ, будемъ ждать. На смерть не просись, а отъ смерти не бѣги: это мой обычай! А что ни говори, братцы, хандра не русская, а заносная болѣзнь. Ты, бѣдокуръ, своимъ прованскимъ вѣтромъ не навелъ-ли ее къ намъ?

Дюмонъ *(смѣясь)*. Можетъ быть, виноватъ! Отдуй ее, Глѣбовской, русскою снѣговой непогодушкой.

Глѣбовской. Давно ждалъ я очереди своей, какъ солдатъ въ арріергардѣ. Ты, Осипъ Осиповичъ, спѣлъ намъ пѣсню о французскомъ пажѣ; теперь, соперникъ мой въ пѣсни и любви...

Дюмонъ. Соперникъ, всегда побѣждаемый въ томъ и другомъ.

Глѣбовской. Сказать противъ этого было бы что, да не время. Слушайте же, я спою вамъ пѣсню русскаго *Новика*.

Какъ электрическій ударъ, слово «Новикъ» поразило Кропотова: онъ вздрогнулъ и началъ озираться кругомъ, какъ бы спрашивая собесѣдниковъ: «Не читаете-ли чего преступнаго въ моихъ глазахъ?» Во весь слѣдующій разговоръ онъ безпрестанно измѣнялся въ лицѣ: то горѣлъ весь въ огнѣ, то былъ блѣденъ, какъ мертвецъ. Друзья его, приписывая его неспокойное состояніе болѣзни, изъ чувства состраданія, не обращали на перемѣну въ немъ большого вниманія.

Дюмонъ. Новикъ? Это слово я въ первый разъ слышу: оно звучитъ, однакожъ, хорошо. Чтожъ это за человѣкъ?

Глѣбовской. Вотъ это-то и хочу объяснить тебѣ и господамъ иностраннымъ офицерамъ. Донынѣ благополучно царствующаго великаго государя Петра Алексѣевича *дѣти боярскія* и изъ *недорослей дворянскихъ* на-

чинали службу при дворѣ или въ войскѣ въ званіи новика [1]).

Дюмонъ. По мнѣнію моему, имя это прекрасно означаетъ положеніе юноши, вступающаго въ придворную школу; онъ еще неопытенъ умомъ и сердцемъ, онъ въ полномъ невѣдѣніи искусства притворяться; обманывать и угождать,—новикъ равно въ свѣтѣ и во дворцѣ!

Глѣбовской Когда новикъ поступалъ ко двору, должность его состояла въ томъ, чтобы прислуживать во внутреннихъ царскихъ палатахъ или присматриваться къ служенію высшихъ придворныхъ, *стряпчихъ* и *стольниковъ* [2]). Обыкновенно выбирали въ новики пригожихъ и смышленыхъ юношей. Еще при царѣ Алексіѣ Михаиловичѣ имя новика слышалось нерѣдко въ царскихъ чертогахъ и въ воинственныхъ рядахъ дворянъ московскихъ. Вы знаете, Софья Алексѣевна домогалась во что бы то ни стало вѣнца, и таки надѣла его, чтобы, однакожъ, вскорѣ сложить и вступить въ чинъ простой инокини. Вотъ она и хотѣла, когда удалось ей править государствомъ, имѣть при себѣ моловиднаго пажика, не въ счету стольниковъ чина царицы.

Дюмонъ. Un joli petit mignon? Не такъ-ли?

Глѣбовской. Точно! Любимецъ ея, князь Василій

---

[1]) См. «Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ», Успенскаго, часть 2, стр. 34, 49 и 242; «Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго», т. III, стр. 240, 255, 256 и «*Древнюю Вивліоѳику*».

[2]) *Стряпчіе* такъ назывались потому, что они въ церемоніяхъ носили за государемъ *стряпню*; подъ этимъ именемъ разумѣли вообще государеву шапку, рукавицы, платокъ и посохъ; они же обували, одѣвали и чесали его. Достоинствомъ равнялись они съ нынѣшними камеръ-юнкерами.—Названіе *стольниковъ* произошло отъ стола государева, у котораго они имѣли достоинство нынѣшнихъ каммергеровъ, при царицахъ считались въ высшихъ чинахъ. Стольники не избавлялись отъ походныхъ службъ.

Васильевичъ Голицынъ, прозванный сначала народомъ *великимъ*, а нынѣ въ изгнаніи забытый и презрѣнный имъ—такъ скажу мимоходомъ, играетъ судьба баловнями своими!—любимецъ Софьи Алексѣевны отыскалъ ей въ должность пажа прекраснаго мальчика, сына умершаго бѣднаго боярина московскаго. Онъ былъ круглый сирота, не зналъ отца своего и матери, не помнилъ ни роду, ни племени. Говорили, что какая-то женщина, еще прелестная, несмотря что лѣта и грусть помрачали черты ея лица, приходила иногда тайкомъ въ домъ князя Василія Васильевича, гдѣ дитя прежде живало, а потомъ въ терема царскіе, цѣловала его въ глаза и въ уста, плакала надъ нимъ, но не называла его ни своимъ сыномъ, ни роднымъ. «О чемъ плачетъ эта пригожая, добрая женщина?» спрашивалъ Новикъ, и самъ послѣ такого свиданія становился грустенъ. Софія полюбила его и—какъ говорятъ русскіе въ избыткѣ простого краснорѣчія — души въ немъ не слышала; сначала назвала его милымъ пажомъ своимъ, но потомъ видя, что зоркіе попечители Петра смотрѣли съ неудовольствіемъ на эту новость, какъ на нѣкоторое хитрое похищеніе царской власти, съ прискорбіемъ вынуждена была переименовать своего маленькаго любимца въ новика. Желая, однакожъ, отличить его отъ другихъ дѣтей боярскихъ, носившихъ это званіе, изъ-подъ руки запретила имъ такъ называться.— «Онъ долженъ быть единственнымъ и *послѣднимъ* новикомъ въ русскомъ царствѣ. Я на этомъ настою», говорила она—и выполнила свое слово. За нею всѣ, отъ боярина до привратника, называли его *послѣднимъ новикомъ*. Имя это затвердили и за пригожимъ сиротою удержали; объ отеческомъ прозвищѣ его не смѣли спрашивать, или по обстоятельствамъ умалчивали. Дитя это не по лѣтамъ было умно, не по лѣтамъ гордо. Нерѣдко встрѣчаясь съ царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ, ко-

тораго годомъ или двумя былъ старше, измѣрялъ онъ его величаво черными, быстрыми глазами своими. Петръ Алексѣевичъ, рожденный повелѣвать, и въ дѣтствѣ былъ уже царь. Онъ не могъ стерпѣть дерзкаго осмотра любимца сестры, и разъ, заспоривъ съ нимъ, ударилъ его въ щеку сильною ручкой, а тотъ хотѣлъ отплатить тѣмъ же. Софья поспѣшила встать между ними и съ трудомъ вывела своего любимца изъ покоя. Но чтобы подобныя встрѣчи не могли имѣть худыхъ для него послѣдствій, она удалила его за тридцать верстъ отъ Москвы, въ село Софьино, гдѣ имѣла на высокомъ и пріятномъ берегу Москвы-рѣки теремъ и куда пріѣзжала иногда наслаждаться хорошими весенними и лѣтними днями. Тамъ поручила она его другу Милославскихъ и князей Хованскихъ, человѣку ученому, но злобному и лукавому, какъ самъ сатана—прости, Господи! — надѣлавшему отечеству нашему много бѣдъ. Имя его... не хочу его выговаривать: такъ оно гнусно! Всѣ жалѣли, что попалъ въ такія руки юноша, котораго пылкую душу, быстрый разумъ и чувствительное сердце можно было еще направить къ добру. И въ самомъ дѣлѣ, лучшія качества его отравлены этимъ василискомъ. Новикъ восемнадцати лѣтъ погибъ на плахѣ въ третьемъ стрѣлецкомъ бунтѣ; и сбылось слово Софьи Алексѣевны: онъ былъ *послѣдній!*..

Кропотовъ, доселѣ закрывавшій глаза рукою, которою облокачивался на колѣно, вдругъ зарыдалъ, всталъ поспѣшно и выбѣжалъ изъ замка.

Вадбольскій *(посмотрѣвъ на него съ сожалѣніемъ)*. Что сдѣлалось съ нашимъ братомъ Семеномъ? Бѣдный! я боюсь за его головушку.

Полуектовъ. Ему неможется; на него нашелъ недобрый часъ; это не въ первой... я чаще съ нимъ... я это видывалъ. Пускай его размычетъ по стану кручину свою.

Филя, бренча на балалайкѣ, запѣлъ на печальный голосъ:

У залетнаго яснаго сокола
Подопрѣло его правое крылышко,
Право крылышко, правильно перышко...

Потомъ, вдругъ перемѣнивъ заунывный голосъ на веселый и живой, продолжалъ пѣть:

Еще что-же вы, братцы, призадумались,
Призадумались, ребятушки, закручинились?
Что повѣсили свои буйныя головы,
Что потупили ясны очи во сыру-землю?...

Дюмонъ. Въ самомъ дѣлѣ, что вы повѣсили головы свои, какъ будто на похороны друга собираетесь? Глѣбовской, волей-неволей доканчивай свой разсказъ.

Глѣбовской. Слова два-три, и я кончу его.— Говорили, что прекрасная женщина, прежде тайкомъ посѣщавшая Новика, собрала его растерзанные члены и похоронила ихъ ночью. Вотъ вамъ, Осипъ Осиповичъ, повѣсть вмѣсто предисловія къ моей пѣснѣ. Надобно еще прибавить, что Новикъ имѣлъ, сказать по вашему, необыкновенный даръ къ музыкѣ и поэзіи; по нашему, онъ былъ мастеръ складывалъ пѣсни и прибирать къ нимъ голоса. Пѣсни его скоро выучивались памятью и сердцемъ, пѣвались царскими сѣнными дѣвушками и въ сельскихъ хороводахъ. Еще и нынѣ въ Софьинѣ и Коломенскомъ слывутъ онѣ любимыми и, вѣроятно, долго еще будутъ нравиться. Ту, которую я вамъ буду пѣть, любила особенно Софья Алексѣевна. Говорятъ, она плакала, слушая ее, отъ предчувствія ли потери своего любимца, или отъ другой причины... — Филя! ну-ка заунывную: *Сладко пѣлъ душа...*

Филя. *Душа-соловушко?* Какъ не знать ее, ваше благородіе! Она въ старинные годы была въ большой чести. Красная дѣвка шла на нее вереницею, какъ рыба на окормку. Извольте начинать, а мы подладимъ вамъ.

Филя играетъ на балалайкѣ, Глѣбовской поетъ:

Сладко пѣлъ душа-соловушко
Въ зеленомъ моемъ саду:
Много, много зналъ онъ пѣсенокъ,
Слаще не было одной.
Ахъ! та пѣснь была завѣтная,
Рвала бѣлу грудь тоской;
А все слушать бы хотѣлося,
Не разстался бы ввѣкъ съ ней.
Вдругъ...

Въ это время затрубили сборъ у фельдмаршальской ставки.

Фонъ-Верденъ. Тс! слышите, каспада? Трубушка поетъ намъ свою пѣсню.

Нѣсколько голосовъ *(съ неудовольствіемъ)*. Слышимъ, слышимъ! Смотри, Глѣбовской, за тобою долгъ намъ всѣмъ—всѣмъ! Долгъ платежемъ красенъ.

Всѣ бросились съ своихъ мѣстъ: кто за мундиръ, кто за парикъ, кто за палашъ и такъ далѣе. Минуты въ три замокъ опустѣлъ, и тамъ, гдѣ кипѣла живая бесѣда, пѣсни и музыка, стало только слышно шурканье оловянныхъ ложекъ, которыми, очищая сковороду отъ остатковъ жареной почки съ лукомъ, работали Филя и широкоплечій, въ засаленной рубашкѣ, драгунъ. Изрѣдка примѣшивалось къ этому шурканью робкое чоканье чаръ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СОВѢТЪ

Тальботъ.

И мой совѣтъ: съ разсвѣтомъ переправить
Черезъ рѣку все воинство, и стать
Въ лицо врагу!

Герцогъ.

Подумайте.

Ліонель.

Но, герцогъ,
Что думать здѣсь? минуты драгоцѣнны!
Теперь для насъ одинъ ударъ отважный
Рѣшитъ навѣкъ: безчестье или честь!

Герцогъ.

Такъ рѣшено! и завтра мы сразимся!

„Орлеанск. Дѣва". *Перев. Жуковскаго.*

Въ переднемъ отдѣленіи обширной ставки, съ полумѣсяцемъ наверху, раздѣленной поперекъ на двѣ половины, сидѣлъ въ деревянныхъ складныхъ креслахъ, какія видимъ еще нынѣ въ домахъ нашихъ зажиточныхъ крестьянъ, или въ такъ называемыхъ англійскихъ садахъ, мужчина пожилыхъ лѣтъ, высокаго роста, сильно сложенный. Онъ былъ въ лосинномъ, поверхъ мундира, колетѣ, разстегнутомъ отъ жару нараспашку; на груди висѣлъ мальтійскій командорскій крестъ. Нижняя одежда его свидѣтельствовала о наблюденіи формы до того, что и широкіе раструбы прикрѣплены были къ штиблетамъ. Каштановые съ сѣдиною волосы,

причесанные назадъ, открывали, такимъ образомъ, возвышенное чело, на которомъ сидѣла заботливая дума; изъ-подъ густого подбородка едва выказывался тончайшаго батиста галстухъ, искусно сложенный; пышныя манжеты выглядывали изъ рукава мундира, покрывая кисть руки почти до половины пальцевъ. Величавыя черты лица, орлиный, хотя нѣсколько поникшій взглядъ, важная наружность и движенія,— все показывало въ немъ человѣка, привыкшаго повелѣвать. Облокотясь на столъ, подлѣ него стоявшій, онъ былъ углубленъ въ разсматриваніе большого листа бумаги, разложеннаго по столу. Въ почтительномъ отдаленіи стоялъ молодой офицеръ въ полномъ мундирѣ со шляпою въ рукѣ. Сходство лицъ заставляло догадываться о ближайшемъ ихъ родствѣ. Взгляды и всѣ движенія молодого человѣка показывали, что сынъ, воспитанный въ патріархальныхъ русскихъ нравахъ, стоитъ передъ отцомъ и начальникомъ.

Русское великолѣпіе, вмѣстѣ съ азіатскимъ, окружало ихъ. Снаружи надъ ставкою господствовалъ блестящій полумѣсяцъ. Внутри верхъ и полотно ея были изукрашены разноцвѣтными узорами, звѣздами, драконами и птицами въ какомъ-то безвкусномъ смѣшеніи. Съ правой стороны, въ углубленіи передняго отдѣленія, подняты были края двухъ персидскихъ ковровъ для входа въ маленькій покой, обтянутый кругомъ такими же коврами, въ которомъ свѣтъ со мракомъ спорилъ. Это была *опочивальня*. Черезъ отверстіе виденъ былъ въ углу огонекъ, теплившійся въ серебряной лампадѣ передъ иконою Сергія Чудотворца [1]).

---

[1]) Образъ этотъ, писанный на гробовой доскѣ преподобнаго, взятъ былъ изъ Троицкаго монастыря и обносимъ во всѣхъ походахъ шведской войны. — См. «*Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы Лавры*».

Къ этой иконѣ прислоненъ былъ образъ Спасителя, какъ жаръ горѣвшій отъ драгоцѣнныхъ камней, его осыпавшихъ. Это первое и святое богатство русскихъ, залогъ ихъ здравія и счастія, стояло на столикѣ, накрытомъ бѣлой камчатной салфеткой. Невѣрный, едва мерцающій свѣтъ отъ лампады, падая на темный ликъ святого, исполнялъ невольнымъ, благоговѣйнымъ трепетомъ всякаго, кто проникалъ взорами въ это упокойце. На краю стола лежала книга въ черномъ кожаномъ переплетѣ, довольно истертомъ и закапанномъ по мѣстамъ воскомъ: это была псалтирь. Въ лѣвомъ углу, на кровати, грубо сколоченной изъ простого дерева, лежало штофное зеленое одѣяло, углами стеганное, изъ-подъ котораго выбивался клочекъ сѣна, какъ бы для того, чтобъ показать богатство и простоту этого ложа. Отъ входа въ ставку, по лѣвой сторонѣ главнаго передняго отдѣленія, развѣшаны были на стальныхъ крючкахъ драгоцѣнные кинжалы, мушкеты, карабины, пистолеты и сабли; по правую сторону висѣли: богато убранное турецкое сѣдло съ тяжелыми стременами, такой же конскій приборъ, барсовый чепракъ съ двумя половинками медвѣжьей головы и золотыми лапами и серебряный рогъ. Передъ сѣдломъ, отступя отъ полотна ставки, на стальномъ *клятышкѣ*, обвитомъ золотой проволокой и прикрѣпленномъ къ невысокому шесту, сидѣлъ соколъ, накрытый пунцовымъ бархатнымъ клобукомъ; онъ безпрестанно гремѣлъ привѣшеннымъ къ шеѣ бубенчикомъ, щипля серебряную цѣпочку, за которую былъ привязанъ. Кругомъ его разсыпаны были перья, остатки отъ бѣдной жертвы, еще недавно имъ растерзанной. Подъ столомъ, на богатомъ персидскомъ коврѣ, лежала огромная, буропѣгая датская собака, положивъ голову къ ногамъ своего господина.

Сидѣвшій въ креслахъ, услышавъ стукъ хвоста ея

по землѣ, сказалъ улыбаясь: «А! вѣрно кто-нибудь изъ домашнихъ?» Едва онъ это выговорилъ, послышался шорохъ у входа въ ставку, и знакомый нашъ крошка-генералъ, со всею дипломатическою важностію и точностію военной дисциплины, держа щипкомъ лѣвой руки шляпу, а въ правой—большой свертокъ бумагъ, который, подобно свинцу, тянулъ ее, мѣрными шагами приблизился къ нему, наклонилъ почтительно голову и, подавая свертокъ, произнесъ:

— Высокоповелительному, высокомощному господину генералъ-фельдмаршалу и кавалеру, боярину Борису Петровичу Шереметеву, честь имѣетъ рапортовать всенижайшій рабъ его Якушка, по прозванію Голіафъ, что онъ имѣлъ счастіе выполнить его приказъ, вслѣдствіе чего имѣетъ благополучіе повергнуть къ стопамъ высоко... вы... высоконожнымъ всепокорнѣйше представляемыя при семъ бумаги, которыя вышереченному господину фельдмаршалу, и прочее и прочее (имя и званіе персоны рекъ), объяснятъ лучше...

— Лучше и короче! — прервалъ карлу фельдмаршалъ, взялъ у него свертокъ, не показывая большого нетерпѣнія, и прочтя адресъ, закричалъ стоявшему въ отдаленіи молодому офицеру.

— Михайла! попроси ко мнѣ господина генералъ-кригскоммисара.

— Слушаю, сударь-батюшка! — отвѣчалъ молодой человѣкъ и поспѣшилъ выполнить данное ему приказаніе.

По выходѣ его, фельдмаршалъ всталъ съ креселъ, медленно пошелъ въ опочивальню свою, пробылъ тамъ недолго и, возвратившись, сѣлъ опять на прежнее мѣсто.

— Самсонычъ!—сказалъ онъ ласково, вынувъ два червонца изъ небольшого свертка, который онъ съ собою принесъ, и бросивъ ихъ въ шляпу маленькому

посланнику,—ты привезъ намъ что-то тяжелое, можетъ быть, и доброе: спасибо!

— Экъ ты мнѣ плюнулъ въ шляпу, Боринька!— вскричалъ карла, разсматривая подарокъ,—годится на подметки! Но смотри, уговоръ лучше денегъ: когда ничего добраго не найдешь въ этихъ грамоткахъ, такъ возьми свое золото назадъ. Самъ батюшка нашъ, свѣтлыя очи, Петръ Алексѣевичъ, *по приказу Божію къ прадѣду Адаму, въ потѣ лица ѣстъ хлѣбъ свой*, да и намъ велѣлъ кушать его не даромъ. Помнишь — вѣдь это было при тебѣ — когда онъ выковалъ на заводѣ подъ Калугой 18 пудовъ желѣза своими царскими руками, а заводчикъ-то Миллеръ хотѣлъ подслужиться ему — дескать онъ такой царь, какихъ видывалъ я много!—и отсчиталъ ему за работу 18 желтопузиковъ, что ты пожаловалъ теперь: чтожъ нашъ государь-батюшка!—грозно посмотрѣлъ на него и взялъ только, что ему слѣдовало наравнѣ съ другими рабочими—18 алтынъ, да и то на башмаки, которые, видѣлъ ты, были у него тогда худеньки, какъ у меня теперь.

— Правда, но я плачу тебѣ по цѣнѣ твоихъ заслугъ; ты свое дѣло сдѣлалъ: зачѣмъ посланъ, то привезъ, а за то, что въ бумагахъ, не отвѣчаешь.

— Заслужилъ-то я не одинъ.

— Что дѣло, то дѣло! Я было забылъ объ Ильзѣ: отдай ей это на новую повязку и скажи отъ меня *спасибо!*—Борисъ Петровичъ, произнеся это, бросилъ карлу въ шляпу нѣсколько червонныхъ и, послышавъ опять стукъ отъ хвоста и легкое ворчанье собаки, спѣшилъ надѣть на себя пышный парикъ. Карла-дипломатъ догадался, что онъ будетъ лишній при новомъ гостѣ и, не дожидаясь приказа своего повелителя, непримѣтно скрылся изъ ставки.

— Добро пожаловать, господинъ оберъ-кригскоммисаръ! — произнесъ важно и ласково фельдмаршалъ,

обратившись къ вошедшему съ сыномъ его, махнулъ рукою послѣднему, чтобъ онъ удалился, а гостю показалъ другое мѣсто на складныхъ креслахъ, неподалеку отъ себя и подлѣ стола.

— Вѣсти отъ вашего пріятеля! Адресъ на ваше имя, — продолжалъ онъ, подавая Паткулю свертокъ бумагъ, полученный чрезъ маленькаго вѣстника.

— Тайны я отъ васъ не имѣю, господинъ фельдмаршалъ!—возразилъ Паткуль, садясь въ кресла, развернулъ свертокъ и, не бросивъ даже взгляда на бумаги, подалъ ихъ Борису Петровичу, — извольте читать сами.

— За *аттенцію* благодарю!—Посмотримъ, что такое,—говорилъ съ важностью русскій военачальникъ, во всемъ чрезвычайно осторожный, хладнокровный и разборчивый, прочитывая бумаги про себя по нѣскольку разъ, съ остановкою, во время которой онъ задумывался, и потомъ отдавая ихъ одну за другою своему собесѣднику. Между тѣмъ въ глазахъ послѣдняго видимо разыгрывалось нетерпѣніе пылкой души. — Посмотримъ, что такое!—Списокъ полкамъ, расположеннымъ на квартирахъ и на *заставахъ*... Вотъ это я люблю! Какая *аккуратность!* какая *пунктуальность!*— Число людей въ *регимѐнтахъ*... имена ихъ *командировъ* и даже *компаніонсъ-офицеровъ*... даже свойства нѣкоторыхъ! Право, das ist ein Schätzchen! А кто это составлялъ, господинъ генералъ-кригскоммисаръ?

— Шведъ, о которомъ я имѣлъ уже честь вамъ говорить, и который, вѣроятно, передалъ эти бумаги вашему посланному.

Фельдмаршалъ задумался; потомъ, перемѣнивъ шутливый тонъ на важный сказалъ,—шведъ?.. Извѣдали-ль вы его хорошенько?

— Какъ самого себя. Настало время и вамъ его узнать: испытаніе передъ вами.

— Помните, любезнѣйшій мой господинъ Паткуль, что мы должны дѣлать этотъ *экзаменъ* арміею, мнѣ ввѣренною, арміею, которой вы также со мною хранитель.

— Никогда этого не забываю.

— Извините, спрошу опять: изслѣдовали-ли вы, не кроется-ли тутъ обмана, предательства?

— Послѣ сказаннаго мною, другому-бъ я не отвѣчалъ на этотъ вопросъ, но, зная васъ, присовокуплю, что честь моя порукой за справедливость и вѣрность этихъ бумагъ.

— И все это составилъ *онъ* одинъ? Какъ могъ одинъ человѣкъ получить такія полныя, огромныя свѣдѣнія?

— Онъ имѣлъ вѣрнаго, смышленаго помощника.

— Кто это такой?

— Конюхъ баронессы Зегевольдъ и временный коновалъ въ шведскомъ рейтарскомъ полку.

— Ein Kutscher? Вы шутите.

— Я никогда еще не смѣлъ этого дѣлать съ вами, господинъ фельдмаршалъ, особенно въ такихъ дѣлахъ, отъ которыхъ зависитъ ваше и мое доброе имя, благосостояніе и слава государя, которому мы оба служимъ. Кому лучше знать, какъ не главнокомандующему арміею, какими мелкими средствами можно во время и въ пору произвести великія дѣла?

— Правда! Но можно-ли положиться на вѣрность свѣдѣній, доставляемыхъ конюхомъ вашему пріятелю?

— Опять скажу, какъ на меня!

— Диковинное дѣло! Wahrhaftig wunderbar! Вы имѣете особенный даръ употреблять людей по ихъ способностямъ. У васъ конюхъ, еще и не вашъ, дѣлаетъ то, что я не смѣлъ бы поручить иному командиру...

— Этотъ человѣкъ, низкій званіемъ, но высокій душевными качествами, старый служитель отца моего,

дядька мой, мнѣ преданный, готовый жертвовать для меня своею жизнью, благороденъ, какъ лезвее шпаги, лукавъ, какъ сатана.

— И онъ рѣшился изъ преданности къ *персонѣ* вашей идти въ услуженіе къ женщинѣ *амбиціонной*, сумасбродной—какъ слышно, врагу вашему. Bei Gott, *неординарныя* высокія чувства! Сердце и способности ума *безприкладныя!* И въ такомъ званіи!

— Въ нашъ вѣкъ великія способности ума и въ низкомъ званіи не диковина. Вы имѣете много ближайшихъ тому примѣровъ: вы знаете, кто былъ тотъ, кого называетъ государь *своимъ* Алексашею, *дитею своего сердца*, чьи заслуги вы сами признали; другой любимецъ государевъ, Шафировъ — сидѣлецъ; отличный офицеръ въ вашей арміи, Боуръ—лифляндскій крестьянинъ.

— Um Erlaubniss, люди, о которыхъ вы говорите, каждый изъ нихъ достойный, болѣе или менѣе, *аттенціи* и любви царскаго величества, съ юныхъ лѣтъ выведены прозорливостію его на степень, ими заслуженную. Они успѣли уже напитаться его духомъ и перевоспитать себя; дѣйствуютъ теперь изъ *амбиціи*, изъ награды, изъ славы! Но вашъ... какъ вы его называете?

— Фрицъ Трейманъ.

— Фрицъ, заслуживающій свое прозваніе, изъ какихъ наградъ дѣйствуетъ?

— Изъ одной преданности ко мнѣ.

— Вотъ это-то и заслуживаетъ удивленія въ *нашъ вѣкъ!* Но... посмотримъ, что скажетъ намъ этотъ лоскутокъ бумаги. (Читаетъ вполголоса на нѣмецкомъ языкѣ, дѣлая повременамъ свои замѣчанія на русскомъ). «Генералъ Шлиппенбахъ, видя, что русское войско, хотя и многочисленное и безпрестанно обучаемое, не оказываетъ съ 1-го января никакого движенія на Лиф-

ляндію, и почитая это знакомъ робости, перешедшей въ него отъ главнаго полководца...»—Главнаго полководца! Посмотримъ, увидимъ! Духъ начальника переходитъ, конечно, въ подчиненныхъ: по немъ выстраиваются они. Далѣе что? — «...рѣшился этимъ состояніемъ русскаго войска воспользоваться: распускаетъ слухи, что изнеможеніе и нарвскій страхъ господствуютъ въ немъ...» Страхъ? Это ужъ слишкомъ много, любезный мой противникъ, да еще крестничекъ Эррастферскій! Правда, мы тамъ только-что отшлифовали свои шпаги; теперь не взыщите, сами напросились, господинъ скандинавскій рыцарь: мы помѣняемся перчатками на славу или стыдъ. Чтобы стрѣла, которую вы мнѣ посылаете, не отскочила назадъ!... (Краткое молчаніе). Страхъ!... Я вчера собиралъ господъ начальниковъ полковъ, и они засвидѣтельствовали, что въ войскѣ, мнѣ ввѣренномъ, господствуетъ только духъ нетерпѣнія, что всѣ, отъ командира до солдата, горятъ сразиться съ непріятелемъ. Вы сами можете засвидѣтельствовать...

— Скажите походъ, господинъ фельдмаршалъ, и все, что носитъ званіе воина въ станѣ русскомъ, почтетъ этотъ приказъ наградою царскою, милостью Бога. Имъ наскучило стоять въ бездѣйствіи: они извѣдали уже сладость побѣды.

— Осторожность мою они называютъ...

— Тѣмъ, чѣмъ ее почтетъ всякій, кто васъ не знаетъ—страхомъ!

— Господинъ генералъ-кригскомиссаръ!...

— Я говорилъ правду царямъ, и не побоюсь вамъ ее сказать.

— Слушаю.

— Судя по пылкому, нетерпѣливому характеру моему, другой на вашемъ мѣстѣ имѣлъ бы право думать, что свѣдѣнія, вамъ нынѣ доставленныя, мною

сочинены; но прозорливости полководца, избраннаго самимъ Петромъ Великимъ послѣ неудачныхъ чужихъ выборовъ, открыта и прямота этого-жъ характера. Вы знаете, что, для представленія вамъ истины, я такихъ далекихъ средствъ не употребилъ бы, что мнѣніе, которое объ васъ имѣю, не старался никогда таить отъ васъ же. То, что я думаю, не боюсь никогда сказать, и теперь подтверждаю передъ вами. Ваша осторожность, плодъ холоднаго и разсчетливаго ума, уже слишкомъ далеко простерла виды свои и готова превратиться въ слабость.

— Слушаю.

— Вы думаете дождаться конца года, чтобы дѣйствовать, какъ начали его зимою, подъ Эррастферомъ. Вспомните, что шведы такъ-же сѣверные жители, какъ и русскіе, что они не боятся морозовъ, ближе къ своимъ магазинамъ, ко всѣмъ способамъ продовольствія съѣстного и боевого; къ тому-жъ зима не всегда вѣрная помощница войны: она скорѣе врагъ ея, особенно въ чужомъ краю. Вспомните, что мы обязаны только усердію незнакомца спасеніемъ нашей артиллеріи и приводомъ ея на мѣсто сраженія подъ Эррастферомъ.

— Вы называете уже храбраго, вѣрнаго Мурзенку незнакомцемъ!

— Нѣтъ, не ему принадлежитъ этотъ подвигъ: объясню это вамъ въ другое время.

— Теперь позвольте послушать вашъ урокъ.

— Не урокъ, господинъ фельдмаршалъ, а совѣтъ человѣка вамъ преданнаго, человѣка, котораго вы удостоивали иногда именемъ друга. Показывая, изъ политическихъ видовъ, боязнь, вы думаете усыпить Карла насчетъ Лифляндіи: вы уже имѣли время это выполнить. Самонадѣянность полководца-головорѣза сильно помогала вашимъ планамъ; но время этого испытанія, этого обмана уже прошло! Вы видите сами, непрія-

тель почитаетъ этотъ обманъ дѣйствительностью и подозрѣваетъ уже въ васъ трусость. Это подозрѣніе окрыляетъ духъ шведовъ.

— Далѣе что будетъ, господинъ генералъ-кригскомиссаръ?

— Все правда и правда, которую изволите принять за что вамъ угодно, господинъ генералъ-фельдмаршалъ! Карлъ успѣетъ перевѣдаться съ поляками и саксонцами, только именемъ союзниками, но дѣломъ враждующими одни противъ другихъ, раздѣлаться по-солдатски и съ Августомъ, королемъ только по названію, уже вполовину побѣжденнымъ самимъ собою. Карлъ можетъ съ торжествующимъ войскомъ прибѣжать въ помощь Шлиппенбаху, и вы тогда имѣете противъ себя вдвое—что я говорю?—въ десять разъ болѣе непріятелей, нежели сколько ихъ теперь числомъ и духомъ. Шлиппенбахъ не любимъ своими, а гдѣ начальникъ не любимъ, тамъ уже существуютъ раздоры, партіи, тамъ войско раздѣлено и слабо, тамъ нѣтъ побѣды. Одно появленіе короля въ этомъ войскѣ, одно имя Карла, побѣдителя русскихъ, датчанъ, нѣмцевъ и поляковъ, есть уже важное приращеніе силъ лифляндской арміи, есть залогъ въ ней драгоцѣнный, который будутъ защищать вѣрные подданные съ любовью и восторгомъ, чувствами, теперь въ ней уснувшими. Можетъ быть, и появленіе въ Лифляндіи побѣдителя при Нарвѣ будетъ непріятнымъ знаменіемъ для русскаго войска! Вы думаете воспользоваться временемъ отдыха, чтобы образовать русскаго солдата. Благодаря стараніямъ усердныхъ собратовъ моихъ, онъ обученъ столько, сколько требуютъ обстоятельства. Не все сидѣть ему за указкою въ школѣ. Пора узнать, для чего его муштровали; онъ ждетъ опытовъ, службы настоящей; онъ ждетъ развязки рукамъ и духу своему; глазу и сердцу его нужна живая ми-

шень. Въ станѣ готовится солдатъ, въ полѣ, въ жару битвъ, онъ образуется. Вы это лучше меня знаете. Но что можетъ быть скрыто отъ васъ и что я долженъ вамъ сказать: духъ солдатъ соскучился жить по деревнямъ и въ станахъ; онъ утомился покоемъ. Что за война безъ боя? Слово безъ дѣла! Что за война, въ которой непріятели другъ друга не видятъ? «Дайте намъ со врагомъ перевѣдаться или возвратите насъ въ отчизну!» думаютъ, едва не говорятъ солдаты, но лица ихъ это изъясняютъ. Господинъ фельдмаршалъ! (Здѣсь Паткуль всталъ съ креселъ). Отъ лица всего войска обращаюсь къ вамъ. Исполните общее наше желаніе, поведите насъ въ дѣло, къ побѣдѣ, уже намъ извѣстной, и къ славѣ, которой мы не успѣли еще утвердить за собою. Не дайте шведамъ забавляться на нашъ счетъ даже подозрѣніемъ, котораго не заслужили ни вы, ни войско ваше. Время года, обстоятельства, духъ русскихъ, — все за насъ, все ручается за успѣхъ. Идите навстрѣчу этимъ обстоятельствамъ, вождь нашъ, избранный Петромъ и Провидѣніемъ! Не говорю, что шагъ назадъ будетъ гибелью для чести русскаго народа — мы пристыжены, если даже остановимся.

— Вотъ это-то нетерпѣніе, которое въ васъ вижу, хотѣлъ я произвесть въ русскомъ войскѣ! Пріятно любоваться имъ въ такомъ благородномъ представителѣ, какъ вы, любезнѣйшій господинъ Паткуль! Можетъ быть... признаюсь, я простеръ свою осторожность слишкомъ далеко, свои виды слишкомъ утончилъ. Кто безъ ошибокъ?... Не могу найти пристойнаго вамъ благодаренія; вы совѣтникъ смѣлый, горячій, но не менѣе того — полезный. Ваша голова — огнедышащая Этна; но моя—она снѣгами лѣтъ уже покрывается— имѣетъ нужду въ сближеніи съ вашею. Вы истинный слуга царскій! (Съ чувствомъ.) Дайте мнѣ руку вашу!

Мы подумаемъ, мы сообразимъ, прочтя драгоцѣнныя свѣдѣнія, посредствомъ вашимъ доставленныя. Что еще скажетъ намъ пріятель Шлиппенбахъ? (Читаетъ) «...рѣшился ударить на русское войско, — когда оно менѣе нежели когда-либо ожидаетъ его, для чего и отдалъ уже приказъ полкамъ своего корпуса $\frac{17}{29}$ іюля стягиваться къ Сагницу, а небольшому отряду идти изъ Дерпта къ устью Эмбаха, сѣсть тамъ на приготовленныя шкуны, переправиться черезъ озеро Пейпусъ и сдѣлать отчаянное вторженіе въ Псковскую и Новгородскую провинціи, не отдаляясь отъ Нейгаузена, который отряду и главному корпусу считать точкою соединенія». (Съ нѣкоторымъ волненіемъ чувствъ). Станъ русскій точкою соединенія шведскихъ войскъ? Тамъ, гдѣ мы теперь обрѣтаемся? Прекрасно, господинъ Шлиппенбахъ! Переправиться черезъ Пейпусъ? Замыслы хитрые и, прибавимъ слова его превосходительства, отчаянные! Хорошо сказано, такъ-ли сдѣлается? Мы будемъ учтивѣе, мы избавимъ его отъ трудовъ дальняго похода. (Встаетъ съ креселъ; въ размышленіи прохаживается нѣсколько времени взадъ и впередъ, заложивъ руки назадъ; потомъ садится опять на свое мѣсто и продолжаетъ разбирать бумаги). «Копія съ рапорта маріенбургскаго коменданта, подполковника Брандта». (Читаетъ про себя, потомъ говоритъ вслухъ). Часъ отъ часу лучше! Вообразите, любезнѣйшій господинъ Паткуль, и въ Маріенбургѣ, въ этомъ муравейникѣ, закопошилось шведское самолюбіе. Брандтъ почитаетъ гарнизонъ свой по мѣсту, обстоятельствамъ и духу непріятелей — они, кажется, сговорились забавляться на нашъ счетъ! (смѣется)—не въ мѣру усиленнымъ, а заставу близъ Розенгофа слишкомъ ослабленною, почему и предлагаетъ главному начальнику шведскихъ войскъ вывести большую часть гарнизона, подъ предводительствомъ своимъ, къ

упомянутой заставѣ, а въ Маріенбургѣ оставить до 400 человѣкъ подъ начальствомъ какого-то оберстъ-вахтмейстера Флоріана Тило-фонъ-Тилавъ.

— Котораго, вѣрно, для вида, въ уваженіе его лѣтъ и старшинства, оставляютъ комендантомъ. Но при этомъ тупомъ, заржавленномъ эфесѣ, долженъ быть блестящій, трехгранный клинокъ съ вытравленными на немъ словами чести и долга, которыя уничтожишь развѣ тогда, когда эту благородную сталь изломаютъ въ мелкіе куски.

— Вы говорите, конечно, о цейгмейстерѣ Вульфѣ, который, какъ объясняется здѣсь, стоитъ цѣлаго гарнизона. Вотъ маленькій планъ маріенбургской крѣпости. Я хочу самъ быть при осадѣ ея и лично ознакомиться съ ея храбрымъ защитникомъ. — Теперь въ *принципіи*,—сказалъ фельдмаршалъ, вступая опять въ прежнее хладнокровное состояніе,—постараемся развѣдаться съ *преціознымъ* разумникомъ и храбрецомъ Шлиппенбахомъ и воспользоваться собственными умыслами. Мы предупредимъ его. Съ главными силами *авансируемъ* нынѣ-жъ *форсированными маршами*. Если потребно, посадимъ лейбъ-пѣхоту царскаго величества на коней черкасскихъ, разобьемъ форпостъ при Розенгофѣ, приведемъ въ *конфузію* голову его превосходительства въ Сагницѣ и помѣряемся съ нимъ на равнинахъ гуммельсгофскихъ. Переправы черезъ Эмбахъ будутъ трудны, но русскій, съ преданностью къ царю, съ крѣпкимъ упованіемъ на Бога и святыхъ Его, чего не преодолѣетъ? Мы посадимъ сильную партію охотниковъ на лодки, подъ командою генерала Гулица, толкнемъ ихъ на воды, и увидимъ, какъ осмѣлится нога шведа, этой заморской погани, осквернить землю русскую, святую, великую отчизну нашихъ царей, опочивальню угодниковъ Божіихъ! Я хочу, чтобы въ то же время, когда знамена русскія водрузятся съ честію на горахъ Ли-

вонскихъ, развѣялся флагъ моего государя на водахъ Пейпуса, и побѣда нашего маленькаго флота порадовала его создателя. Или я не бояринъ русскій, не главнокомандующій арміею царскаго величества! Но чѣмъ наградимъ мы... того?... Не хочу называть его шведомъ: это названіе помрачаетъ его достоинство.

— Господинъ фельдмаршалъ! Онъ золота не беретъ.

— Чтожъ ему надобно?

— *Нѣчто* драгоцѣннѣе золота; но этому *нѣчто* не пришла еще пора. Теперь же проситъ онъ, когда совершится съ успѣхомъ настоящій походъ, свидѣтельства руки вашей о пользѣ, оказанной имъ русской арміи. Онъ желаетъ современемъ быть извѣстнымъ государю.

— Столь важной *консеквенціи* свѣдѣнія, намъ доставленныя, сами собою уже заслуги великія; онѣ достойны *аттенціи* царскаго величества; чтожъ до меня надлежитъ, то я всегда готовъ дать ему требуемую *аттестацію*. Но... скажите мнѣ, пожалуйста, для какого *резону* онъ отъ насъ скрывается?

— Это тайна, которая не мнѣ принадлежитъ: она лично до него касается и не относится къ пользѣ, равно какъ и вреду ввѣреннаго вамъ войска.

— Въ такомъ случаѣ, я не имѣю права и не желаю изслѣдывать эту тайну. А! вотъ еще бумажка! (Читаетъ про себя и смѣется). Ха, ха, ха! Это видно въ придачу, чтобы смѣшать дѣло съ бездѣльемъ. Здѣсь описаны *маневры*, которыми вашъ плутище Фрицъ досталъ въ какой-то *Долинѣ мертвецовъ* репортъ Брандта. Бѣдный *дефанцоръ* Маріенбурга! въ какую попалъ ты ловушку! Вотъ какими средствами пріобрѣтаются *секреты*, отъ которыхъ зависитъ участь нѣсколькихъ тысячъ! Полюбуйтесь этимъ описаніемъ, какъ штуками изъ итальянской комедіи или чудесами тысячи и одной ночи. (Передаетъ Паткулю бумагу.) Это будетъ

вамъ очень къ сердцу. (Свищетъ въ серебряный свистокъ. По этому знаку являются въ одно время карла и необыкновенной величины гайдукъ).

— Оба молодцы! — запищалъ карла, вытягиваясь подлѣ исполина,—а я чѣмъ не гвардеецъ?

— Только на разную стать, — прервалъ смѣясь фельдмаршалъ.

— Понимаю: велика Ѳедора, да дура; малъ золотникъ, да дорогъ; а я по глазамъ твоимъ вижу, Боренька, кого ты выберешь: меня!

— Отгадалъ; принеси-ка фитиль,—сказалъ Борисъ Петровичъ, и карла спѣшилъ исполнить его требованіе. Восковая свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, на козьихъ ногахъ, величиною почти съ маленькаго исполнителя, была подана, и всѣ прочтенныя бумаги, кромѣ маріенбургскаго плана, сожжены.

— Голова есть лучшій ларецъ для храненія подобныхъ бумагъ, — произнесъ Паткуль, всталъ съ своего мѣста, невольно обернулся въ опочивальню фельдмаршала, гдѣ стоялъ образъ Сергія Чудотворца, и какъ будто вспомнивъ что-то важное, имѣвшее къ этому образу отношеніе, присовокупилъ: — Я имѣю до васъ просьбу. Такого она рода, что должна казаться вамъ странною, необыкновенною. Не имѣю нужды увѣрять васъ, что исполненіе ея не противорѣчитъ ни чести вашей, ни вашимъ обязанностямъ.

— Потому что я въ этомъ не сомнѣваюсь. Готовъ выслушать ваше желаніе и исполнить его.

— На нынѣшній день паролемъ — Троицкій монастырь, лозунгомъ—Сергій Чудотворецъ?

— Точно.

— Прикажите отмѣнить ихъ и назначить другіе, пока мы будемъ имѣть проводникомъ шведа нашего, который берется быть нашимъ путеводителемъ до форпоста розенгофскаго, а тамъ замѣнитъ себя столь ж

вѣрнымъ человѣкомъ. Сверхъ того, на цѣлую недѣлю, если можно на двѣ, надобно снабдить его паролями. Въ противномъ случаѣ, мы потеряемъ этого безцѣннаго человѣка. Для чего это дѣлается, скажу опять: это не моя тайна!

— Опять тайна! (Фельдмаршалъ задумывается; немного погодя произноситъ съ важностью): Господинъ генералъ-кригскомиссаръ, въ арміи, мнѣ царскимъ величествомъ ввѣренной, я далъ мое слово, и не перемѣню его. Надѣюсь, что моя довѣренность не будетъ употреблена во зло кѣмъ бы то ни было.

— Паткуль, дворянинъ лифляндскій и нынѣ русскій подданный, Паткуль—человѣкъ просто, безъ всякихъ другихъ титловъ, чести своей не отдастъ за корону. Вамъ извѣстно, что онъ никогда не полагалъ этой чести на одни вѣсы съ жизнью, что онъ потерею первой могъ купить не только вторую, но и въ придачу богатства, чины, благосклонность монарха властолюбиваго, и ни одной минуты не былъ въ нерѣшимости выбора. И когда-бъ я сдѣлался не я, когда бы я имѣлъ несчастіе потерять это сокровище, когда-бъ я былъ въ состояніи забыть милости Петра Великаго, государя моего и благодѣтеля, не должныли-бъ и тогда соединять меня крѣпчайшими узами съ выгодами Россіи польза моего отечества, моя собственная, личная польза? Вспомните, что голова моя, которую слишкомъ дорого цѣнили два короля шведскихъ, не умѣлъ цѣнить польскій, и которой только одинъ русскій монархъ положилъ настоящую цѣну, ни выше, ни ниже того, чего она стоитъ; что голова эта была подъ плахою шведскаго палача и ей опять обречена местью Карла. Месть, для меня сладостная, возвышающая меня въ глазахъ цѣлой Европы! Король, бичъ сѣвера, ужасъ народовъ, мститъ бѣдному лифляндскому дворянину! Ему не столько сладостны побѣды надъ царями, какъ видѣть

Паткуля у себя въ плѣну! Какое удовольствіе, какое наслажденіе думать объ этомъ! Вы не знаете этого чувства, — я, я его знаю, и не промѣняю на лучшія блага жизни! Послѣ того помыслю-ли я?... Нѣтъ, господинъ фельдмаршалъ, даже намекъ подозрѣнія есть уже несправедливость.

— Можетъ быть; но вы сообразите сами, сколь странны требованія ваши при стеченіи обстоятельствъ.

— Я предупреждалъ васъ объ этомъ; повторяю еще, тайна эта принадлежитъ не мнѣ—лицу, которое составляетъ часть вашего войска однѣми заслугами ему, безъ всякихъ еще за нихъ вознагражденій.

— Слово дано, и мы будемъ только помнить объ исполненіи его — сказалъ военачальникъ, подавая дружески руку Паткулю.

Послѣ того поспѣшилъ онъ сдѣлать нужныя распоряженія къ немедленному походу и приказалъ протрубить сборъ, о которомъ заранѣе извѣщены были полковые командиры.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТАИНСТВЕННЫЙ ПРОВОДНИКЪ

Прекрасное свободно!
Жуковскій.

Какъ Божій громъ,
Нашъ витязь палъ на басурмана.
Пушкинъ.

И то была не битва, но убійство!
Ж.

Гангофскія горы покрывались уже вечернею тѣнью; между ними Муннамегги одна поднимала свѣтлую голову свою, на которой любятъ останавливаться послѣдніе лучи солнца. Къ темени одной изъ этихъ горъ, ближайшей къ Нейгаузену, на сѣромъ мшистомъ камнѣ, сидѣлъ Вольдемаръ, грустный, безпокойный, какъ преступный ангелъ, рукою Всемогущаго низверженный съ неба. Онъ былъ одинъ. Даже съ нимъ не было и слѣпца, неразлучнаго его товарища. Кругомъ его страна дикая, безотвѣтная, и чѣмъ обзоръ ея безпредѣльнѣе, тѣмъ болѣе пустота ея расширялась для него, тѣмъ сильнѣе тѣснило его сиротство. Не гукнетъ нигдѣ звукъ человѣческаго голоса, не даетъ около него отзыва жизни хоть дикаго звѣря; только стая лебедей, спѣша застать солнце на волнахъ Чудскаго озера, можетъ быть, родного, прошумѣла крыльями своими надъ его головою и гордымъ, дружнымъ крикомъ свободы напоминала

ему тяжелое одиночество и его неволю. Мрачныя думы обступали Вольдемара; взоры его, полные душевной тревоги, прикованы были къ сторонѣ Новгородка-Ливонскаго.

Потухъ золотой крестъ на печерскомъ монастырѣ, повидимому утѣшавшій его своимъ сіяніемъ; стерлись и свѣтлыя точки, едва мелькавшія въ русскомъ станѣ Тѣни обхватили уже и вѣнецъ Муннамегги. Туманами подернулись долины и, обманывая взоръ, разлились обширными озерами, изъ которыхъ, подобно островамъ, выглядывали одни верхи горъ. Вскорѣ изъ мнимыхъ водъ вышелъ полный мѣсяцъ: будто качаясь надъ ними, приподнимался онъ и освѣтилъ эти верхи. Прекрасная, величественная картина! Но она не трогала, не занимала Вольдемара. Въ станѣ русскомъ были его взоры, мысли и сердце: тамъ онъ былъ весь. Онъ видѣлъ съ сердечнымъ трепетомъ, какъ зажигались тамъ огни, все такіе же безчисленные, какъ и вчера. «Почему ихъ не меньше?» спрашивалъ онъ самъ себя съ горестнымъ чувствомъ. — «Можетъ быть», думалъ онъ опять, себя утѣшая, «это военная хитрость».

Окрестность молчала, какъ обширное кладбище; верхи горъ, разсыпанныхъ посреди туманныхъ водъ, казались ему огромными могилами, гдѣ покоятся обитатели этого края, уже опустѣвшаго. Но... вскорѣ почудился ему шумъ, подобный стону дальняго водопада. Онъ ловитъ его жаднымъ слухомъ, прилегши головою къ землѣ, и слышитъ какъ бы подземный громъ. Яснѣе и яснѣе становится шумъ этотъ до того, что Вольдемаръ можетъ уже различить конскій топотъ. Дѣйствительно, топотъ приближался, еще, еще, и — умолкъ разомъ. Вмѣсто его послышался ему какой-то неясный шелестъ, будто шептались другъ съ другомъ, будто шуршала одежда на движущемся человѣкѣ. Сердце у Вольдемара затрепетало въ груди, какъ голубь. «Боже!

это они!» произнесъ онъ, становясь на колѣна и поднимая слезныя очи къ свѣтлоголубому небу. «Господи! подай мнѣ силы совершить начатое». Вдругъ изъ мертвой тишины раздался женскій голосъ; онъ пѣлъ латышскую пѣсню:

О, мой Генсхенъ, Божье дитятко,
Что везешь ты на возу?
Лиго! лиго!

Вольдемаръ отвѣчалъ дрожащимъ, вынужденнымъ голосомъ:

Золоты вѣнцы дѣвицамъ,
Парнямъ куньи шапочки.
Лиго! лиго? [1])

— Вольдемаръ!—кликнула женщина, поднимая голову изъ тумана, какъ наяда изъ водной области своей.

— Ильза!—перекликнулся онъ, нахлобучилъ шляпу съ длинными полями на глаза, окутался плащомъ, спустился съ горы и, протянувъ руку маркитанткѣ, потонулъ съ нею въ туманѣ.

— Я привела къ тебѣ отрядъ русскихъ, — сказала она ему на томъ языкѣ, на которомъ пѣла. — Но ты дрожишь, Вольдемаръ?

— Ничего, это отъ холода. Вы заставили меня слишкомъ долго дожидаться. Гдѣ-жъ?...

— Здѣсь, близко. Вотъ тебѣ записка отъ начальника русскаго, другая отъ Паткуля. Будь остороженъ: тебя ищутъ. Бѣги при первомъ случаѣ?

— Бѣжать? .. Нѣтъ, лучше умереть. Пускай казнятъ меня, только на родной землѣ!—произнесъ глухо Воль-

---

[1]) Это буквальный переводъ латышской пѣсни. *Лиго*—все равно, что наша Ладо. Слово это часто употребляется латышами въ пѣсняхъ ихъ, особенно въ тѣхъ, которыя они поютъ на Ивановъ день.

демаръ и увлекъ свою спутницу къ толпѣ, рябѣвшей въ густомъ слоѣ паровъ.

— Гдѣ проводникъ?—закричалъ одинъ изъ толпы, казавшійся татарскимъ начальникомъ.

Ильза указала на своего товарища. Подвели бойкую черкесскую лошадь, и два калмыка собирались уже силою втащить Вольдемара на нее и привязать его къ сѣдлу, какъ они обыкновенно дѣлывали это съ другими проводниками своими; но Вольдемаръ, не привыкшій къ подобному обращенію, гордо взглянулъ на малорослыхъ азіатцевъ, оттолкнулъ обоихъ такъ, что они полетѣли въ разныя стороны вверхъ ногами, вспрыгнулъ на коня и, гаркнувъ молодецкимъ голосомъ порусски:—За мной! съ Богомъ!—прорѣзалъ себѣ дорогу сквозь толпу татаръ и поскакалъ впередъ. За нимъ послѣдовали Ильза на двухколесной своей телѣжкѣ и татарскій всадникъ (это былъ Мурзенко), отпотчивавшій сначала нагайкой тѣхъ двухъ негодяевъ, которые оскорбили проводника, и наказавшій своей командѣ строгое къ нему уваженіе. По слѣдамъ ихъ понеслись гусемъ казацкая пятисотня, башкирская и калмыцкая, преображенскій полкъ на лошадяхъ, девять полковъ драгунъ, московскіе гусары, копейщики и рейтары. (Въ это же время генералъ Гулицъ съ нѣсколькими сотнями охотниковъ пустился на лодкахъ по водамъ Чудскаго озера. Семеновскій полкъ былъ потребованъ государемъ къ Нотебургу).

Съ судорожнымъ ропотомъ проснулся край, доселѣ спавшій мертвымъ сномъ. Глухо стонала земля отъ топота конницы; но всадники молчали, будто окаменѣлые на коняхъ своихъ. Казалось, эскадроны мертвецовъ неслись въ полуночные часы на крыльяхъ бури. Кое-гдѣ раздавалось ржаніе коней, и то немедленно было удерживаемо рукою, управлявшею ими; рѣдко гдѣ стучало оружіе объ оружіе, и тотчасъ стукъ этотъ

замиралъ, какъ будто и металлъ согласовался въ эти часы съ подчиненностью человѣка. Въ отрядѣ изъ нѣсколькихъ тысячъ все было—память даннаго приказа, все было — жажда побѣды! Тѣмъ лучше выполнялась воля начальства, что она согласовалась и съ чувствомъ всего войска. Солдатъ, такъ же какъ и любовникъ, охотникъ до ночныхъ приключеній, сулящихъ ему условленную побѣду; вообще русскій любитъ удалыя затѣи, отвагу. Вырвать да подать; въ одно ухо влѣзть, въ другое вылѣзть—его любимыя поговорки, означающія народный духъ. Ночь съ ея голубымъ небомъ, съ ея зоркимъ сторожемъ, мѣсяцемъ, бросавшимъ свѣтъ утѣшительный, но не предательскій, съ ея туманами, разлившимися въ широкія озера, въ которыя погружались и въ которыхъ исчезали цѣлыя колонны; усыпанныя войскомъ горы, выступавшія посреди этихъ волшебныхъ водъ, будто плывущія по нимъ транспортныя, огромныя суда; тайна, проводникъ, — не робкій латышъ, слѣдующій подъ нагайкой татарина,—проводникъ смѣлый, вольный, окликающій по временамъ пустыню эту и очищающій дорогу возгласомъ: *съ Богомъ!*—все въ этомъ ночномъ походѣ наполняло сердце русскаго воина удовольствіемъ чудесности и жаромъ самонадѣянности.

Такъ несся болѣе двухъ часовъ конный отрядъ, ввѣренный таинственному вожатому. Густой туманъ все еще лежалъ по землѣ; свѣтъ мѣсяца не ослабѣвалъ. Вольдемаръ оглянулся кругомъ. Впереди было нѣсколько рощицъ и пригорковъ; кое-гдѣ, сквозь густые пары, окутавшіе землю, мельками огненныя пятна, которыя загораживали иногда маленькія тѣни. Онъ остановился, за нимъ весь отрядъ по свисту Мурзенко. Съ помощью переводчицы Ильзы, Вольдемаръ объяснилъ татарскому начальнику, а этотъ передалъ кому нужно было, что они сдѣлали отъ Нейгаузена около шести миль, что

они находятся въ трехъ верстахъ отъ заставы шведской, состоящей изъ эскадрона рейтаръ и расположенной за рѣчкою Шварцбахъ, что при переправѣ будетъ работа конямъ и что для часового отдыха не найти лучшаго мѣста, какъ то, гдѣ они находились. Онъ же, проводникъ, брался съ нѣсколькими казаками содержать впереди пикетъ. Огоньки же, видимые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, говорилъ онъ, не должны никого тревожить, потому что они разложены крестьянскими дѣтьми, стерегущими въ *ночномъ* свои стада; а хотя бъ между ними были и старшіе, то извѣстно, прибавляетъ Вольдемаръ, что латышъ не тронется съ мѣста, пока не подойдешь къ нему подъ носъ и не расшевелишь его силою; безъ того цѣлое войско можетъ пройти мимо его, не обративъ на себя его вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, маленькіе пастухи обоего пола, топорщась въ кружокъ около разложенныхъ огней, едва свѣтящихся въ туманѣ, беззаботно перекликались по рощамъ своими пѣснями, какъ ночные соловьи: въ одномъ мѣстѣ пѣли стихъ, въ другомъ продолжали другой, такъ далѣе, и вдругъ въ разныхъ мѣстахъ соединяли голоса свои въ одинъ дружный, хорный припѣвъ: *Лиго! Лиго!* Разнообразные звуки колокольчиковъ, привѣшенныхъ къ шеѣ, пасущихся стадъ, покрывали эти пѣсни какимъ-то чуднымъ строемъ.

Лукавый татарскій наѣздникъ, Мурзенко, сквозь щели своихъ глазъ успѣлъ разглядѣть проводника въ лицо, и съ того времени имѣлъ къ нему полное довѣріе. «Моя знаитъ, его не обманетъ», — говорилъ онъ начальнику отряда. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Всадники облегчили лошадей. Возможная тишина продолжалась между ними.

На пикетѣ было совѣщаніе, какъ напасть на заставу непріятельскую. Совѣтъ составляли Мурзенко, Паткуль и какой-то высокій воинъ, которому всѣ ока-

зывали особенное уваженіе. Вольдемаръ передалъ имъ черезъ своего толмача, Ильзу, предложеніе, чтобы, какъ скоро отрядъ подъѣдетъ къ рѣкѣ, небольшой его части отчаянно перенестись прямо вплавь черезъ рѣку, зажечь форпостъ, испугать и занять непріятеля, а другой части, которой онъ, проводникъ, укажетъ бродъ, переправясь черезъ него, завернуть непріятелю въ бокъ и въ тылъ, и докончить его пораженіе. Предложеніе это принято высокимъ воиномъ, который, повидимому, соединялъ въ себѣ верховную власть надъ отрядомъ. Хотя любопытство, сродное всякому, въ настоящихъ обстоятельствахъ согласовалось съ обязанностью полководца, онъ не показывалъ вида, что старается проникнуть таинственнаго совѣтника. Дѣйствіями своими соображаясь съ главнымъ начальникомъ, каждый изъ офицеровъ, чувствовавшій сильное желаніе узнать, кто былъ таинственный проводникъ, не смѣлъ этого домогаться.

Прошелъ добрый часъ. Туманы зашевелились, свѣтъ мѣсяца начиналъ ослабѣвать; латышскія пѣсни затихали. Данъ знакъ свисткомъ. Всадники сѣли опять на коней и въ прежнемъ порядкѣ тронулись впередъ. Какъ скоро отрядъ началъ подъѣзжать къ Шварцбаху, означенному полосою сгущеннаго дыма, Мурзенко махнулъ своей пятисотнѣ и бросился съ нею вплавь черезъ рѣку. Шведскіе караульные, стоявшіе за Шварцбахомъ, не понимали, что за шумъ они слышатъ вдали. Въ безпечности, утвержденной шестимѣсячнымъ спокойствіемъ, они думали, что плотина у ближайшей мельницы прорвалась; потомъ, увидя что-то движущееся по рѣкѣ и услышавъ пыхтѣніе лошадей, почли ихъ заблудившимся стадомъ изъ Розенгофа. Они еще не успѣли одуматься, какъ нѣсколько татаръ и казаковъ были уже на берегу. Закричалъ одинъ и другой караульный; но крикъ ихъ заглушенный мѣткимъ уда-

ромъ сабли, уже принадлежалъ жизни и смерти вмѣстѣ. Прибѣжавшіе въ безпорядкѣ на послышавшійся шумъ были окружены, смяты и переколоты. Рогатки были раздвинуты; огонь брошенъ на крыши сараевъ и избъ форпоста, и Мурзенко, посреди своихъ, съ ужаснымъ воплемъ: «руби! коли! жги!» ворвался въ шведскій станъ, какъ голодный волкъ въ овчарню, и не только въ непріятелѣ, но и въ лошадяхъ успѣлъ произвести ужасъ. Наконецъ, затрубили тревогу въ форпостѣ. Устрашенные шведы хватались, кто за одежду, кто за оружіе, закладывали рогатки, тушили огонь, бросались на коней, еще не осѣдланныхъ и худо имъ повинующихся. Испуганныя животныя отрывались отъ своихъ коновязей и умножали суматоху. Однакожъ, начальникъ форпоста, полуодѣтый, прибывъ на мѣсто сраженія, собралъ около себя нѣсколько сотъ рейтаръ верхами, возстановилъ между ними возможный порядокъ и съ возгласомъ: «Богъ и король! Умремъ, смертью сотремъ наше безчестіе! Умремъ! Богъ и король!» ринулся на Мурзенкову команду, сшибся съ нею и завязалъ бой вмѣсто драки. Сначала бой этотъ поддерживаемъ былъ съ остервененіемъ, равнымъ съ обѣихъ сторонъ; гиканье татаръ еще заглушало командныя слова шведскаго начальника. Вскорѣ твердый возгласъ: «Богъ и король! Друзья, побѣдимъ или умремъ!» пересилилъ безпорядокъ этихъ криковъ. Азіатцы, не привыкшіе долго выдерживать вѣрной сѣчки палаша и правильно поддерживаемаго огня, стали показывать тылъ. Вдругъ застонала земля, какъ двинутое бурею море, и два русскихъ драгунскихъ полка врѣзались въ сѣчу. Нѣсколькихъ минутъ было довольно, чтобы склонить и утвердить легкую побѣду за русскими. Шведы, не побѣжденные, но задавленные, пали почти всѣ мертвые. Изъ 300 слишкомъ человѣкъ 2 офицера и нѣсколько рейтаръ взято въ плѣнъ, и тѣ сильно израненные. Заря

начинала заниматься и озарила полусвѣтомъ своимъ кровавое зрѣлище.

Когда Вольдемаръ привелъ драгунскіе полки къ мѣсту битвы, онъ сталъ по близости ея на холму, откуда можно ему было все видѣть, что въ ней происходило. Кровь его кипѣла; огонь зажигался въ глазахъ; не разъ поднималась рука, чтобы ухватиться за оружіе, котораго съ нимъ не было. Съ какою радостью полетѣлъ бы онъ въ пылъ этой битвы! Но мысль, что онъ чужой тѣмъ, для которыхъ трудится съ такимъ пламеннымъ усердіемъ, исторгала тяжелые вздохи изъ груди его. Какой-то рядовой замѣтилъ, будто онъ перекрестился, когда побѣда утвердилась за русскими; но никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы басурману пришла охота творить по-русски крестное знаменіе, и всѣ смѣялись подъ носъ вѣстовщику этой чудной новости. По окончаніи сраженія не видали куда дѣвался проводникъ.

Русскій военачальникъ съ остальною конницею, не бывшею въ дѣлѣ, переправясь въ бродъ черезъ Шварцбахъ, поблагодаря участниковъ побѣды за добрый начатокъ и приказавъ похоронить съ подобающею честью своихъ и чужихъ, рѣшился отдохнуть близъ мѣста сраженія. Здѣсь же предположено дождаться пѣхоту и артиллерію, для которыхъ и начали устраивать мостъ. Не успѣли еще обдѣлать фельдмаршалу ставку изъ деревьевъ, сучьевъ и ковровъ посреди березовой рощи, на скатѣ пригорка, съ котораго можно было видѣть за нѣсколько верстъ кругомъ, какъ явился къ нему калмыкъ съ запискою отъ генералъ-кригскоммисара. Она была слѣдующаго содержанія: «Высокоповелительный господинъ генералъ-фельдмаршалъ! Съ дозволенія вашего отправился я далѣе для исполненія моихъ обязанностей. Полковникъ Мурзенко со мною, и черезъ часъ доставитъ все нужное въ станъ. Возможныя мѣры приняты, чтобы пресѣчь вѣсти о сня-

тіи шведскаго форпоста; а на случай, еслибъ земля и воздухъ проговорились, пущенъ мною искусно слухъ, что господа шведы на форпостѣ изволили тѣшиться учебною пальбою и что въ сосѣдней деревушкѣ случился пожаръ. Послѣ завтра буду имѣть честь ожидать васъ въ Гуммельсгофѣ, гдѣ предполагать надо, стянетъ свое испуганное войско самонадѣянный Шлиппенбахъ, и гдѣ удобнѣйшаго ему мѣста для главнаго сраженія не предвидится. Русскимъ нужна только встрѣча съ нимъ: послѣ нея имя шведское не будетъ имѣть постояннаго мѣста въ Лифляндіи, кромѣ крѣпостей. Въ Сагницѣ вы изволите найти магазинъ шведскій, обильно всѣмъ снабженный. Въ Гуммельсгофѣ войско не затруднится снабженіемъ провіанта: пятьсотъ возовъ выставитъ непремѣнно 17-го числа къ двумъ часамъ пополудни родственникъ мой Фюренгофъ. *Языкъ* [1]) и вмѣстѣ нынѣшній проводникъ, шведъ, имѣетъ нужду въ отдыхѣ: онъ свое дѣло сдѣлалъ. Нынѣ въ полдень явится къ вамъ *латышъ*, высокаго роста, бѣлокурый, молодой и, для соглашенія пользы вашего войска съ любовью моею къ чудесности, этотъ *языкъ* и проводникъ будетъ *нѣмой*. Онъ представитъ вамъ записку съ словами: *Илья Муромецъ*. На вопросы по-нѣмецки будетъ онъ отвѣчать письменно. До Сагница проведетъ онъ отрядъ ближайшими и сколь можно

---

1) *Языкъ* означалъ въ тогдашнее время человѣка, который могъ доставить свѣдѣнія о состояніи непріятельскаго войска, о мѣстахъ, имъ занимаемыхъ, и тому подобномъ: это былъ родъ шпіона. Извѣстно по преданію, что впослѣдствіи времени, именно въ царствованіе Анны Іоанновны, преступники были называемы *языками*, когда имъ слѣдовало указать на участниковъ ихъ преступленія или *оговаривать* кого въ этомъ участіи. Для такой цѣли *языкъ* былъ водимъ по городу, и на кого онъ указывалъ, тотъ забираемъ былъ подъ стражу. Обыкновенно при вѣсти, что *онъ* идетъ, запирались лавки, и народъ, стараясь укрыться отъ встрѣчи съ ужаснымъ оговорителемъ и крича: «*Языка, Языка* ведутъ!» бѣжалъ опрометью, кто куда попало.

скрытыми дорогами. Ручаюсь за познанія и вѣрность его. Надѣюсь, что отъ Сагница ужасъ шведовъ покажетъ вамъ точнѣе другихъ мѣсто свиданія съ ихъ начальникомъ».

Прочитавъ это письмо, фельдмаршалъ сказалъ:— «Не будемъ неблагодарны; тайнамъ господина Паткуля обязаны мы за драгоцѣнныя извѣстія, нынѣшнюю побѣду, бодрость войска и добрую надежду». Между тѣмъ приказалъ онъ, кому слѣдовало, принять *честнымъ* образомъ новаго проводника, а стараго не тревожить, если онъ и покажется.

Все ликовало въ войскѣ. Сама природа будто радовалась. Утро было прекрасное; солнце, выступивъ на небосклонъ, заиграло, какъ говорятъ у насъ въ простонародіи, и сдернуло съ долинъ туманное покрывало, носившееся доселѣ надъ ними. Затрубили *побудокъ* у ставки фельдмаршалской, и тотъ же сигналъ повторился во всѣхъ полкахъ. Офицеры и солдаты спѣшили принести Господу силъ дань благодарности за побѣду, имъ нынѣ ниспосланную. Всѣ молились отъ теплоты радостнаго сердца.

За небольшимъ оврагомъ, который граничилъ съ русскимъ станомъ и опушенъ былъ съ обѣихъ сторонъ густымъ, довольно высокимъ кустарникомъ, стоялъ Вольдемаръ, никѣмъ не видимый, какъ ему казалось, но видя, что дѣлалось въ войскѣ по близости оврага. Скомандовали къ *молитвѣ*. Трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ его. Съ словами: *Отче нашъ*, палъ онъ на колѣна, въ трогательномъ благоговѣніи повторялъ молитву за солдатомъ, читавшимъ ее въ ближайшемъ отъ него полку, и съ словами: *остави намъ долги наша*, горько зарыдалъ. Несчастный! онъ не смѣлъ молиться съ другими; отчужденный отъ общества какимъ-нибудь преступленіемъ, онъ не смѣлъ присоединиться къ людямъ, свято исполнявшимъ обязанности христіанина

и подданнаго. Одна строка изъ его жизни могла бы вооружить противъ него тѣхъ, кого велъ онъ нынѣ къ побѣдѣ. И *ближнимъ* своимъ служить можетъ онъ только ночью, потаенно! Мысль эта испугала его, какъ будто въ первый разъ приходила ему въ голову. Онъ поспѣшилъ удалиться: но, лишь отошелъ нѣсколько шаговъ, чувство, сильнѣйшее этой мысли, заставило его воротиться на прежнее мѣсто и приковало его къ нему. Онъ сѣлъ. Какъ сладостно было прислушиваться ему къ звукамъ языка, давно не потрясавшаго его слуха! Съ какою жадностью перехватывалъ онъ сердцемъ эти звуки! «Чтобы ни было, — думалъ онъ,—пробуду еще съ *ними* нѣсколько времени».

Послѣдній полкъ, расположенный у оврага, былъ князя Вадбольскаго. Хлѣбосольство и радушіе хозяина собирали къ нему пріятельскія бесѣды чаще, нежели къ другимъ полковымъ начальникамъ. Товарищи его, составлявшіе вчерашнее общество въ развалинахъ Нейгаузенскаго замка, кромѣ нѣкоторыхъ и, въ числѣ ихъ, Кропотова, говорившаго, что онъ не принадлежитъ уже этому міру, что онъ приготовился по долгу христіанскому къ переходу въ вѣчность, — товарищи эти пировали и нынѣ у Вадбольскаго, расположившись въ кустахъ у оврага. И нынѣ, такъ же какъ и вчера, оживлялся разговоръ пѣніемъ и музыкою. Скоморохъ Филя исполнялъ должность мундшенка вмѣсто драгуна въ засаленной рубашкѣ, который, постряпавъ на форпостѣ палашомъ, прилегъ тамъ же отдохнуть сномъ вѣчнымъ. Чара круговая обошла пріятельскій кругъ уже три раза, сперва за здоровье живыхъ, потомъ за упокой убіенныхъ и, наконецъ, за *викторію*. А какъ походный кравчій и вмѣстѣ музыкантъ жаловался, что отъ проклятаго тумана струны отсырѣли на балалайкѣ, да пальцы у него свело, то и ему поднесли *жизненной водицы*. Онъ взялъ чару въ руки и произнесъ

громко, поклонившись на всѣ стороны:—«Во здравіе, во славу честной компаніи!»

Князь Вадбольскій. Замѣтьте, братцы, ужь нашъ проклятый скоморохъ, изъ какой-нибудь деревушки Подосиновики, изволитъ щеголять чужестранными словами. Вотъ какая чума—примѣръ высшихъ! Чай, у насъ лѣтъ черезъ сто чумаки въ деревняхъ заговорятъ на басурманскомъ языкѣ.

Филя *(продолжаетъ не смѣшавшись)*. Во здравіе, во славу честной бесѣды! Долгія лѣта имъ жить и заздравную чашу пить! Сколько капель проглочу я въ этой чарѣ, столько-бъ шведовъ каждому отпустить на тотъ свѣтъ! Какъ я люблю винцо, такъ любили-бы насъ вѣрно и нелицемѣрно пріятели и жены... Гмъ! *(Смотритъ на Дюмона)*. Вижу, вижу по глазамъ, чего хочется — и такъ полюбили-бы насъ московскія красныя, чернобровыя дѣвушки! *(Выпиваетъ чару разомъ и выливаетъ оставшіяся въ ней капли на маковку головы своей, которую и приглаживаетъ рукой; потомъ беретъ балалайку и оборачивается съ поклономъ къ Глѣбовскому)*. Ваше благородіе! не доконченная борозда хуже, чѣмъ нетронутое поле.

Полуектовъ. Правда, за тобою долгъ: ты началъ намъ пѣсню новика, и тебѣ помѣшали докончить ее.

Послышался шорохъ съ другой стороны оврага въ кустахъ. Филя сталъ прислушиваться и сказалъ:

— Господа командеры! кто-то вздохнулъ за оврагомъ, да такъ вздохнулъ, что по сердцу подрало.

Князь Вадбольскій. Полно врать.

Филя. Ей-ей, право велико слово! Вы знаете, какое у меня ухо: чуть кто на волосъ невѣрно споетъ, такъ и завизжитъ въ немъ, какъ поросенокъ или тупая пила. Не сбѣдокурилъ бы надъ нами проводникъ? Молодецъ хоть куда! Пожалуй, на обѣ руки! Да еще не жидъ-ли: и *нашимъ*, и *вашимъ?* Насъ подвелъ ночью

шведовъ побить, а днемъ подведетъ ихъ, чтобы насъ поколотить.

Князь Вадбольскій. Врешь, Филька! Съ холма, гдѣ раскинутъ фельдмаршальскій шалашъ, видно все за десятокъ верстъ; форпосты наши стоятъ далеко. А если удалой проводникъ — дай Богъ ему здоровья, да поболѣе охоты помогать намъ!—подвелъ противъ насъ одинъ вздохъ, такъ еще бѣда не велика. Нутка, лебединую!

Филя заигралъ корча повременамъ плаксивое лицо; Глѣбовской запѣлъ слѣдующую пѣсню; Дюмонъ изрѣдка вторилъ ему голосомъ:

Сладко пѣлъ душа-соловушко
Въ зеленомъ моемъ саду:
Много, много зналъ онъ пѣсенокъ,
Слаще не было одной.

Ахъ! та пѣснь была завѣтная,
Рвала бѣлу грудь тоской;
А все слушать бы хотѣлося,
Не разсталась бы ввѣкъ съ ней.

Вдругъ подула со полуночи,
Будто на сердце легла,
Снѣговая непогодушка,
И мой садикъ занесла.

Съ того ли со безвременья
Опустѣлъ зеленый садъ:
Много пташекъ, много пѣсенъ въ немъ,
Только милой не слыхать.

—Слышите-ль, мои подруженьки?
Въ зеленомъ моемъ саду
Не поетъ-ли мой соловушко
Пѣснь завѣтную свою?

— «Гдѣ ужь помнить перелетному,—
Мнѣ подружки говорятъ,—
Пѣсню, можетъ быть, постылую
Для него въ чужомъ краю?»

—Нѣтъ!—запѣлъ душа-соловушка,
Въ чужедальной сторонѣ.
Онъ все горькій сиротинушка,
Онъ все тотъ же, что и былъ.

Въ то самое время, когда Глѣбовской доканчивалъ куплетъ, за оврагомъ повторили послѣдній стихъ. Онъ замолчалъ: Филя пересталъ играть; всѣ собесѣдники смотрѣли другъ на друга въ изумленіи. Кто-то дрожащимъ, исполненнымъ грусти голосомъ продолжалъ пѣть:

Не забылъ онъ пѣснь завѣтную;
Все про край родной поетъ,
Все поетъ въ тоскѣ про милую,
Съ этой пѣснью и умретъ.

Здѣсь голосъ умолкъ.

— Что это значитъ?—говорили другъ другу собесѣдники. — Ужь это не вздохъ — цѣлая вѣсточка отъ родины!

— Не подшучиваетъ-ли кто надъ нами?

Глѣбовской готовъ былъ побожиться, что онъ одинъ въ отрядѣ знаетъ эту пѣсню. Требовали отъ Фили, чтобы признался, не выучилъ-ли онъ ей кого?

— Чтобъ языкъ отсохъ! По маковому зернышку меня-бъ разорвало!—возразилъ Филя. — У меня самого пѣсня эта была завѣтная; я берегъ ее за теплою пазушкой для свѣта-радости, красной дѣвицы въ тоскѣ, въ разлученьицѣ, по добромъ молодцѣ, по офицерчикѣ. Гм! (кашляетъ) за нее подарила-бы она меня словомъ ласковымъ, привѣтливымъ и рублевикомъ серебрянымъ.

Господа командеры! дайте мнѣ ордеръ развѣдать, какой окаянный пѣвчій передразниваетъ насъ?

— Развѣдаемъ, развѣдаемъ. И мы съ тобой! — закричали въ одинъ голосъ Дюмонъ и Глѣбовской. Но лишь встали они со своихъ мѣстъ и собирались идти, какъ на другой сторонѣ оврага мелькнулъ между кустами высокій мужчина, въ круглой шляпѣ съ широкими полями, закутанный въ плащѣ. Утренняя тѣнь ложилась отъ него длинной полосой тамъ, гдѣ не пересѣкали ее деревья. Онъ махнулъ собесѣдникамъ рукою, давая имъ знать, чтобы они не трудились его преслѣдовать, скрылся въ кустахъ, и пока наши стрѣлки успѣли—двое обѣжать оврагъ, а третій спуститься въ него кубаремъ и вскарабкаться по другому краю его, цѣпляясь за кусты—таинственный незнакомецъ былъ уже очень далеко на холму, скинулъ шляпу и исчезъ. Преслѣдовать его было невозможно. Досадуя на свою неудачу, Дюмонъ, Глѣбовской и передовой ихъ, Филя, возвратились въ кругъ товарищей. Всѣ опять принялись вертѣть пандоринъ ящикъ и пріискивать къ нему ключъ.

Лима. Ростъ, черные волосы напоминаютъ мнѣ моего проводника при Эррастферѣ. Да тотъ худо говорилъ по-русски, какъ мнѣ докладывалъ арріергардный офицеръ, которому онъ отдалъ кошелекъ съ деньгами. Правда, мнѣ, сколько припомнить могу, онъ довольно рѣчисто произнесъ: «Стой! оврагъ—и смерть!» И теперь эти слова отдаются въ моихъ ушахъ.

Дюмонъ. Напѣвъ не дѣлаетъ музыки.

Князь Вадвольскій. Не проводникъ-ли это нынѣшній?... Говорятъ, что онъ шведъ; какъ же заморской птицѣ этой распѣвать такъ хорошо по-нашему?... По какой причинѣ шведъ помогаетъ непріятелямъ своего отечества?... Развѣ изъ мести?... Не преступникъ-ли какой?... Можетъ быть, изгнанникъ?...

Слышали-ль вы, братцы, какъ онъ ночью покрикивалъ: *съ Богомъ!*—и въ голосѣ его что-то было не бусурманское!... Жаль, что мурзы нѣтъ съ нами. Своими мышиными глазами онъ видитъ ночью, какъ днемъ, и навѣрно успѣлъ его разглядѣть. Безъ того не ручался-бы онъ за него такъ, какъ за свою калмыцкую лошадь.

Полуектовъ. Да вотъ и онъ на поминѣ легокъ: несется съ холма, за которымъ скрылся таинственный пѣвецъ, и ведетъ за собою цѣлый обозъ провіанта.

Дюмонъ. Можетъ быть, и чудеснаго плѣнника приведетъ къ намъ.

Князь Вадбольскій *(махая рукою Мурзенкѣ, кричитъ ему):* Сюда, сюда, окаянный татаринъ!

Настоящая дорога, по которой тянулся черною нитью на двухколесныхъ телѣжкахъ обозъ, какъ встревоженный муравейникъ, перебирающійся на новоселье, обгибала далеко оврагъ, раздѣлявшій Мурзенко съ нашими собесѣдниками. Для нетерпѣливаго азіатскаго наѣздника кратчайшій путь есть лучшій: онъ не думалъ, который ему избрать. Взамѣну шпоръ, подобравъ немного поводья у своего черкесскаго коня, горбоносаго, поджараго и невиднаго, онъ полетѣлъ прямо на оврагъ. Подъѣхавъ къ нему, онъ привсталъ немного на сѣдлѣ, поотдалъ поводовъ, гикнулъ—и конь, соединивъ подъ себя свои ноги, какъ бы собравъ воедино всю свою силу, вдругъ раскинулъ ихъ, развернулъ упругость своихъ мускуловъ, мелькнулъ одно мгновенье ока на воздухѣ, фыркнулъ и, осаженный на заднія ноги ловкимъ всадникомъ, сталъ, будто вкопанный, передъ собесѣдниками. Только брызги земляныя полетѣли изъ-подъ него въ глаза ихъ.

— Зачѣмъ моя нужна?—спросилъ съ нетерпѣніемъ татарскій наѣздникъ.

Князь Вадбольскій *(протирая себѣ глаза)*. А забылъ, полковникъ-молодецъ, свою порцію водки?

Мурзенко *(усмѣхаясь)*. Добра, добра! *(Выпиваетъ, не слѣзая съ лошади, поднесенную ему чару)*. На этомъ спасибо! За то я ваша хлѣбца привезла, моя нынѣ выручили.

Князь Вадбольскій. Бьемъ челомъ тебѣ за хлѣбецъ; рады стараться впередъ, любезный товарищъ, лишь бы ты начиналъ. Да что у тебя на щекѣ, полковникъ?

Мурзенко *(хватаясь въ забывчивости за щеку, разрѣзанную ударомъ палаша)*. Эй, ей, раздразнила моя щека: моя было заговорила. Прощай! нѣтъ время.

Полуектовъ. Подожди немного, полковникъ! *(Хочетъ ухватить за узду лошадь, которая бросается на него, чтобъ укусить, такъ проворно, что онъ едва увертывается)*.

Мурзенко. Лошадка моя любитъ только своя господина, да вольная луга. Говори твоя скорѣй, зачѣмъ моя надобна?

Полуектовъ. Не взялъ-ли ты кого въ плѣнъ на форпостѣ?

Мурзенко *(качая головой въ знакъ отрицанія)*. Нѣтъ.

Дюмонъ. Не видалъ-ли хоть проводника ночного?

Мурзенко. Нѣтъ.

Князь Вадбольскій. Тьфу, пропасть! не видалъ-ли кого тамъ чужого?

Мурзенко. Моя никого не видала, ничего не знаетъ. Прощай!

Съ этимъ словомъ онъ тронулъ повода лошади и поскакалъ къ фельдмаршальской ставкѣ.

Князь Вадбольскій. Замѣтили-ли, вы братцы, какъ онъ корчилъ свою плутоватую татарскую рожу? И чествованье ваше ему не въ честь. Злодѣй! не въ заговорѣ-ли ужъ онъ съ пѣвцомъ?

Дюмонъ. Чего бы я не далъ, чтобъ узнать, кто этотъ чудесный человѣкъ?

Глѣбовской. Послать на форпостъ провѣдать объ немъ все равно, что не посылать: тамъ стоитъ Мурзенкова команда. Если онъ молчитъ, такъ и она не заговоритъ, хоть жги горячимъ желѣзомъ. Сотни его—члены этого животнаго.

Дюмонъ. Ужь не пропустили-ли кого татары безъ дежурнаго офицера?

Князь Вадбольскій. Офицеръ съ отрядомъ драгунъ только теперь отправился смѣнять калмыковъ да башкирцевъ. Впрочемъ, грѣхъ сказать и объ Мурзенковой командѣ, чтобы она не исполняла свято обязанности караульщиковъ.

Дюмонъ. Такъ же хорошо, какъ и обязанности зажигателей и грабителей; а между тѣмъ слава падаетъ на регулярное войско!

Лима. Что дѣлать, господа? Они незнакомы съ честолюбіемъ, не знаютъ, что такое преданность къ государю, любовь къ отечеству, что такое слава; ихъ честь—надежный конь, владыка — Мурзенко, почитаемый ими болѣе царя, потому что нагайка того нерѣдко напоминаетъ имъ о своемъ владычествѣ, а царская дубинка еще на нихъ не гуляла, удовольствіе ихъ — лихое наѣздничество, добыча грабежомъ — ихъ награда. За то летучимъ конямъ ихъ рѣки, какъ намъ гладкая дорога; по скаламъ они какъ козы прядаютъ. Какой драгунъ осмѣлился бы пуститься на двѣ трети разстоянія, которое Мурзенко перемахнулъ сейчасъ, будто ни въ чемъ не бывало? Вездѣ татаринъ составляетъ наше передовое войско; вездѣ очищаетъ намъ путь къ непріятелю ужасомъ своего имени. Подчините ихъ дисциплинѣ, и войско это будетъ для насъ безполезно.

Дюмонъ. Не задаривайте ихъ также...

Полуектовъ. А развѣ забылъ ты, братецъ, слово нашего великаго государя, да не мимо идетъ: *А сіи пистоли и въ Европѣ много пользуютъ, не только что у варваровъ.*

Дюмонъ. Такъ, да я сердитъ нынѣ на нихъ.

Лима. Это дѣло другое.

Глѣбовской. Особенно на Мурзенку, чтобъ...

Князь Вадбольскій. Чтобъ конь его хоть разъ въ жизнь свою споткнулся — на ровномъ мѣстѣ! Пропустить изъ-подъ ногъ зайца, а можетъ быть, краснаго звѣря—въ самомъ дѣлѣ досадно. Только что хвостикомъ мигнулъ! Да не вѣкъ же горевать, друзья! Если чудакъ любитъ русскія пѣсни, такъ мы его опять заловимъ на эту приманку; если онъ любитъ насъ, такъ самъ пожалуетъ, а недругъ — хоть вѣчно сиди въ своей берлогѣ!

Такъ кончилась занимательная бесѣда, прерванная шумомъ прибывшей пѣхоты и артиллеріи. Весь день прошелъ въ отдыхѣ. Къ полдню явился нѣмой *вожъ* [1]), представивъ, кому слѣдовало, свой пропускъ съ словами: *Илья Муромецъ.* Никто не былъ довольнѣе Ильзы его приходомъ: она обнимала, цѣловала его, называла милымъ братцемъ, а онъ, своей стороны, показывалъ краснорѣчивыми движеніями, что былъ очень радъ свиданію съ нею. Не наговорились они, Ильза на своемъ языкѣ, нѣмой — на своемъ. Мы узнали въ немъ того самаго дѣтину, котораго видѣли на мызѣ Блументроста въ слезахъ отъ того, что другіе плакали.

Вечеръ наволокъ густыя тучи, въ которыхъ, безъ грозы, разыгрывалась молнія. Подъ мракомъ ихъ отправился русскій отрядъ черезъ горы и лѣса къ Сагницу,

---

[1]) Такъ звали проводниковъ.

до котораго надо было сдѣлать около сорока верстъ. Уже сѣверные орлы, узнавъ свои силы, расправили крылья и начинали летать по орлиному. Оставимъ ихъ на время, чтобы познакомить читателя съ лицомъ, еще мало ему извѣстнымъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НОЧНОЕ ПОСѢЩЕНІЕ

Все подозрительно, и все его тревожитъ:
Чуть ночью кошка заскребетъ,
Ему ужь кажется, что воръ къ нему идетъ,
Похолодѣетъ весь, и ухо онъ приложитъ.

Крыловъ.

А этотъ точно плутъ, и плутъ первостатейный!

Хмѣльницкій.

Была ночь. Окрестность Рингенской мызы слилась во мракъ, сгущенный черною тучей, задвинувшею небо. Подойдя къ самому пригорку, на которомъ стояли развалины замка и господскій домъ, ничего нельзя было различить, кромѣ нѣсколькихъ черныхъ, безобразныхъ громадъ. Только повременамъ, когда въ черной тучѣ загоралась длинная, красноватая молнія, освѣщавшая окружность, видны были на возвышеніи влѣво, подъ сѣнью сосноваго лѣса, бѣдные остатки замка, и правѣй его двухъэтажный домъ. О прежнемъ великолѣпіи дома свидѣтельствовали еще множество статуй Нептуновъ, Діанъ, Флоръ и прочихъ сочленовъ Олимпа съ разбитыми головами или обломанными руками, остатки на фронтонѣ искусной лѣпной работы и два безхвостыхъ Сфинкса, еще, впрочемъ, въ добромъ здоровьѣ, охранявшихъ входъ въ это жилище. Въ то же время и настоящее жалкое положеніе его выказывали не-

страя штукатурка, выпавшіе изъ угловъ кирпичи, поросшіе изъ-подъ кровли кусты и разбитыя стекла, залѣпленныя бумагою или обтянутыя пузырями. За домомъ видна была купа деревъ, огражденная двойнымъ валомъ, сходившимъ съ возвышенія до самой рѣчки Метты, которая, извиваясь подъ пригоркомъ, разыгрывалась въ проблески молніи, какъ полосы дружно размахнутыхъ косъ. Кругомъ, кое-гдѣ по холмамъ, стояли рощи.

Около дома Рингенскаго барона все было тихо, будто около дома опальнаго. Лишь къ полуночи въ развалинахъ замка расхохоталась сова, какъ нѣкогда въ блистательную эпоху его нечистый смѣялся, когда знаменитый портной-художникъ, выписанный изъ чужихъ краевъ, снарядилъ дочь хвастливой Тедвенъ въ такое платье, которому не было подобнаго во всей Ливоніи, — той самой Тедвенъ, мимоходомъ скажемъ, которая умерла потомъ въ Гапсалѣ въ такой нищетѣ, что не на что было купить ей савана и гроба. Нѣсколько сторожкихъ псовъ лаемъ и воемъ своимъ отвѣчали изрѣдка крикливой совѣ, и летучія мыши, ныряя въ воздухѣ туда и сюда, пискомъ своимъ показывали, какое веселое раздолье приготовили имъ мракъ ночи и безлюдство этой пустыни. Въ верхнемъ этажѣ нарушалъ тишину одинъ вѣтеръ, жужжавшій въ лоскутахъ бумаги, которыми нѣкоторыя окна были худо замазаны. Когда эта музыка соединялась въ адскій хоръ, и статуи, при сверканіи красноватой молніи, выступали изъ мрака впередъ, какъ мертвецы въ своихъ саванахъ, и опять съ нею убѣгали во мракъ,—тогда и молодецъ съ крѣпкими мышцами и безтрепетнымъ сердцемъ, проѣзжая этими мѣстами, невольно долженъ былъ прочитать молитву. У подъемнаго моста, гдѣ были и ворота въ замокъ, на берегу Метты, кто-то легонько кряхтѣлъ и покашливалъ повременамъ, отъ страха ли,

или—можетъ, то былъ сторожъ — желая дать знать своему господину, что онъ неусыпно исполняетъ свои обязанности.

Внутри дома, въ задней угольной комнатѣ трепеталъ въ мѣдномъ, заржавленномъ ночникѣ огонь, скупо питаемый конопляным масломъ, и бросалъ тусклый свѣтъ на предметы, въ ней находившіеся. За столомъ, накрытымъ черною восчанкой, сидѣлъ старичокъ. На лысой головѣ его торчало нѣсколько хлопковъ сѣдыхъ съ рыжиною волосъ. Онъ не былъ безобразенъ, но черты лица его, нѣкогда правильныя, нынѣ искривленныя злобою и подозрѣніемъ, возбуждали отвращеніе во всякомъ, кто только въ него всматривался. Блѣдное лицо его свидѣтельствовало, что въ немъ безпрестанно работали гнусныя страсти; подъ навѣсомъ рыжихъ бровей, налитые кровью глаза доказывали также, что онъ проводилъ ночи въ тревожной безсонницѣ. На немъ былъ кофейнаго цвѣта объяринный шлафрокъ со множествомъ свѣжихъ заплатъ, подобныхъ клѣткамъ на шашечной доскѣ. Изъ-подъ распахнувшагося шлафрока видны были опущенные по икры чулки синяго цвѣта, довольно заштопанные, и туфли, до того отказывавшіяся служить, что изъ одного лукаво выглядывалъ большой палецъ ноги. Высокій и узкій задокъ стула, на которомъ сидѣлъ отвратительный старикъ, былъ переплетенъ проволокою. Комната, довольно длинная, но чрезвычайно узкая, имѣла только одну дверь и одно окно, изнутри запертое желѣзными ставнями и такимъ же огромнымъ болтомъ. По всѣмъ стѣнамъ, кромѣ той, въ которой была дверь, стояли сплошные шкапы простой, однакожъ, крѣпкой работы. Шкапы эти были, иные съ дверками, другіе съ одними полками, уставленными штофами, банками и пузырьками, и третьи съ выдвижными ящиками, изъ которыхъ на каждомъ были слѣдующія надписи: гвозди 1-го, 2-го,

3-го и 4-го сортовъ, петли, замки, крючки, подковы новыя и старыя, ножницы стальныя и мѣдныя, ломъ мѣдный, желѣзный, оловянный, и такъ далѣе, все, что принадлежитъ къ мелочному, домашнему хозяйству. По стѣнѣ, не занятой шкапами, висѣли лоскуты разныхъ матерій, пуками по цвѣтамъ прибранныхъ, тутъ же гусиное крыло, чтобы сметать съ нихъ пыль, мотки нитокъ, подметки и стельки новыя и поношенныя, содранные кожаные переплеты съ книгъ и деревяшки для пуговицъ, — все это съ надписями, іероглифами, замѣтками и вычисленіями, и все въ такомъ порядкѣ, что неусыпный хранитель этихъ сокровищъ могъ въ одну минуту взять вещи, ему нужныя, и знать, когда онѣ поступили къ нему въ приходъ, сколько изъ нихъ въ расходѣ и затѣмъ въ остаткѣ. Похищеніе одной деревяшки сейчасъ могло быть открыто. Таковъ былъ кабинетъ Рингенскаго помѣщика и перваго богача въ Лифляндіи, барона Балдуина Фюренгофа, дяди Адольфа и Густава Траутфеттеровъ, уже намъ извѣстныхъ.

Онъ всталъ со стула, взялъ ночникъ, заперъ дверь кабинета ключомъ, вышелъ въ ближнюю комнату, въ которой стояла кровать со штофными, зеленаго, порыжѣлаго цвѣта, занавѣсами, висѣвшими на мѣдныхъ кольцахъ и желѣзныхъ прутьяхъ; отдернулъ занавѣсы, снялъ со стѣны въ альковѣ кровати пистолетъ, подошелъ къ двери на цыпочкахъ, приставилъ ухо къ щели замка, и воротился въ кабинетъ успокоенный, что все въ домѣ благополучно. Храпѣли мальчики и дѣвочки у дверей разныхъ комнатъ. Только тотъ, кто захотѣлъ бы пройти до скупого и злого барона, долженъ былъ наступить на нихъ и произвесть тревогу въ домѣ.

Запершись въ кабинетѣ и положивъ ночникъ и пистолетъ на столъ, Фюренгофъ подошелъ къ одному шкапу, вынулъ изъ него деревянный ящикъ съ гвоздиками № 4-й, засунулъ руку дальше, и вынулъ

укладку, на которой тоже была надпись: гвозди № 4-го. Безпрестанно оглядываясь и прислушиваясь, онъ поставилъ дрожащими руками укладку на столъ. Долго пыталъ онъ цѣлость ея, долго разглядывалъ, не оказывается ли въ ней щели; наконецъ, выдвинулъ изъ нея дощечку, и пожалъ подъ нею пружину, отъ чего изъ укладки отскочила крыша. Вынувъ изъ этого, повидимому, денежнаго гроба нѣсколько свертковъ въ бумагѣ, положилъ ихъ на столъ; потомъ попеременно клалъ на ладонь и съ улыбкою взвѣшивалъ ихъ тяжесть. Потѣшившись такимъ образомъ, онъ развернулъ свертки—и золото одинакой величины монетъ заиграло въ его глазахъ. Примѣтно было, что блескомъ нѣкоторыхъ онъ особенно любовался; другія, находя нѣсколько тусклыми, осторожно чистилъ щеточкой съ бѣлымъ порошкомъ до того, что онѣ загорѣли, какъ жаръ. Отъ радости онъ захохоталъ, и вдругъ, самъ испугавшись этого судорожнаго хохота, съ ужасомъ вздрогнулъ, посмотрѣлъ вокругъ себя и старался затаить свое удовольствіе въ глубинѣ сердца. Успокоившись, нарѣзалъ онъ изъ бумаги, въ мѣру монетъ, нѣсколько кружковъ, переложилъ ими вычищенныя монеты, потомъ вздохнулъ, какъ будто разлучаясь съ другомъ, свернулъ золото въ старыя обертки, съ другимъ вздохомъ уложилъ милое дитя въ гробъ его до новаго, радостнаго свиданія, и готовился вдвинуть ящикъ на прежнее мѣсто, какъ вдругъ собаки залились лаемъ и, немного погодя, сторожъ затрубилъ въ трубу. Скупецъ затрепеталъ, какъ осиновый листъ; руки у него съ ящикомъ остались въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ застала тревога въ домѣ; блѣднѣть уже болѣе обыкновеннаго онъ не могъ, но лицо его отъ страха подергивало, какъ отъ судорогъ. «Что это значитъ? Въ полуночь?»—сказалъ онъ самъ себѣ, старался ободриться и, дрожа, спѣшилъ привести ящики, шкапъ и кабинетъ

въ прежнее укрѣпленное состояніе. Послѣ того надѣлъ на себя засаленный колпакъ, взялъ ночникъ, положилъ пистолетъ за пазуху, попыталъ крѣпость замка у кабинета, вывелъ у двери пескомъ разныя фигуры, чтобы слѣды по немъ были сейчасъ видны, и обошелъ рундомъ всѣ комнаты въ домѣ. Всѣ посты, кромѣ одного, были заняты проснувшимися ребятишками и дѣвочками, испитыми, растрепанными, босыми въ лохмотьяхъ. «Марта! Марта!» — грозно закричалъ баронъ, и на крикъ этотъ выбѣжала женщина не старая, но съ наружностію мегеры, въ канифасной кофтѣ и темной, стаметной юпкѣ, въ засаленномъ чепцѣ, съ пукомъ ключей у пояса на одной сторонѣ и лозою на другой, въ башмакахъ съ высокими каблуками, которые своимъ стукомъ еще издали докладывали о приближеніи ея. Это была достойная экономка барона Балдуина и домашній его палачъ.

— «А, а! дружище!»—сказалъ Фюренгофъ и указалъ ей на дѣвочку лѣтъ десяти, лежавшую, согнувшись въ клубокъ, у одной изъ дверей. Мегера немилосердно толкнула несчастную жертву въ спину и, не давъ ей времени одуматься отъ страха, принялась хлестать ее лозою до того, что она упала безъ чувствъ на полъ. Здѣсь послышался на мосту нетерпѣливый крикъ и стукъ. — «Видно, пожаловалъ неугомонный гость?» — проворчалъ съ сердцемъ старикъ.—«Марта! спроси въ окно, кто осмѣливается такъ безпокоить меня по ночамъ?»

Экономка спѣшила въ точности выполнить приказъ своего повелителя. Сторожъ отвѣчалъ, что пріѣхалъ изъ Гельмета господинъ Никласзонъ, и грозится стрѣлять по окнамъ дома *милостиваго* барона, если не скоро пропустятъ его черезъ мостъ.

— Вели пустить! — сказалъ Фюренгофъ, спустившись на тонъ, болѣе мягкій, когда услышалъ магиче-

ское для него слово, и приготовился встрѣтить гостя, бормоча сквозь зубы: — Охъ! этотъ вѣщунъ полуночный! Зачѣмъ нелегкая несетъ его такъ поздно?

Комната, гдѣ второпяхъ остановился баронъ, походила также на кабинетъ, только другого рода, нежели тотъ, въ которомъ мы его прежде застали. Кромѣ старыхъ фоліантовъ, книгъ, большею частію безъ переплетовъ, плановъ и бумагъ, покрытыхъ густымъ слоемъ пыли, да двухъ, трехъ фамильныхъ портретовъ, шевелившихся при малѣйшемъ стукѣ дверей, въ немъ ничего не было. Какъ повислое крыло ушибленной птицы, свѣсилась надъ портретомъ оторванная съ одного конца панель, а съ другой едва придерживаемая гвоздемъ. Здѣсь стоялъ сальный огарокъ, который баронъ поспѣшилъ зажечь. Въ этомъ кабинетѣ ожидалъ онъ своего гостя. Явился Никласзонъ въ плащѣ, опоясанномъ широкимъ ремнемъ, за которымъ было два пистолета, въ шляпѣ съ длинными полями и съ арапникомъ въ рукѣ. Грубая досада и коварство перемѣшивались на его лицѣ. Мартѣ данъ знакъ удалиться.

— А, а, дружище! Откуда? Зачѣмъ Богъ несетъ такъ поздно?—сказалъ Фюренгофъ, обнимая Никласзона.

— Богъ? не произноси этого имени! — возразилъ гость, принимая холодно объятія хозяина и бросивъ шляпу на столъ,—въ нашихъ дѣлахъ нѣтъ Его.

— Дружище, что съ тобою? Здоровъ-ли ты? Садись-ка, отдохни, любезный! (придвигаетъ ему стулъ).

— Вели подать мнѣ прежде вина, да смотри, для *меня!*

— Отвесть душку? хорошо! Венгерскаго что-ли? Чистаго венгерскаго, которое берегу только для такихъ пріятелей, какъ ты. Масло, настоящее масло, дружище!

— Хорошо!.

— А можетъ, позволишь капрскаго? Остаточекъ

отъ пира, который дѣлалъ король польскій при переименованіи Динаминда въ Аугустенбургъ. Сладокъ, пріятенъ, щиплетъ немного языкъ...

— Какъ твоя Марта. Что-нибудь хорошаго, да поскорѣе!

Старикъ вышелъ въ другую комнату и хлопнулъ раза два въ ладони. На этотъ знакъ явилась растрепанная экономка съ бѣлымъ чепчикомъ на головѣ. Онъ сердито посмотрѣлъ на нее и примолвилъ:—Вотъ что значитъ гость по сердцу! Гмъ! Наряды другіе!

— Прежній чепчикъ...—отвѣчала, запинаясь, Мегера,—былъ въ... крови...

— Сатанинскія отговорки! Знаемъ! Слышь, принеси намъ венгерскаго перваго сорта. *Понимаешь?* а?

— Слушаю и понимаю, — проворчала экономка и вышла изъ комнаты, хлопнувъ сердито дверью.

— Вотъ каковы нынѣ служители, дружище! — вздыхая сказалъ баронъ, садясь близъ своего гостя.— А сколько попеченій объ нихъ? Пой, корми, одѣвай, заботься объ ихъ здоровьѣ, благодѣтельствуй имъ и, наконецъ, въ награду тебѣ, хлопнутъ подъ носъ дверью!

— Зачѣмъ ты сослалъ на пашню служителей отца своего?

— Они служили отцу, не мнѣ; къ тому-жъ избалованы, страхъ избалованы; захотѣли-бы и меня впречь въ соху, да стали-бы еще погонять; пустили бы и меня по міру. Я хочу воспитать своихъ служителей для себя собственно, по своему обычаю, своему нраву. Надобно держать ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, чтобы они не очнулись; надобно гремѣть надъ ними; тогда только они на что-нибудь годятся.

— Между ними были старики испытанной вѣрности.

— Вѣрность? Гдѣ нынѣ найти ее? Все тунеядцы, трутни, вольницы. Только и заботъ, что о себѣ, объ

новой редукціи, о какихъ-то правахъ человѣческихъ, а объ господинѣ давно забыли. Вообрази, любезный, я вздумалъ одного изъ этихъ служителей испытанной вѣрности легонько наказать—и то, дружище, съ отдыхомъ—чтожъ онъ, бунтовщикъ?... Я, кричитъ на весь дворъ, старый камердинеръ вашего батюшки, ходилъ съ нимъ въ походъ; да что это будетъ? нынѣ времена не тѣ: есть въ Лифляндіи и судъ и ландратъ. Повѣришь-ли? Едва не сбунтовалась вся дворня.

— Хорошо! Зачѣмъ же ты согналъ прежнюю любимицу свою Елисавету?

— Елисавету?

— Да, обольщенную тобою, обманутую, твою благодѣтельницу, по милости которой такъ же, какъ и по моей, получилъ ты все, что имѣешь?

— Она была свидѣтельницею... она избаловала всю дворню, брала надо мною верхъ, хотѣла быть госпожею всего... меня ужь не ставила и въ пфеннигъ. Впрочемъ, господинъ Никласзонъ, къ чему такіе вопросы въ такое время?

— Къ чему? (Никласзонъ коварно посмотрѣлъ на своего собесѣдника).

— Да, зачѣмъ тревожить прахъ мертвыхъ? Развѣ ты хочешь забыть, что она умерла, схоронена и покоится на кладбищѣ до будущаго воскресенія мертвыхъ?

— Умерла такъ же, какъ я умеръ, схоронена какъ я.

— Развѣ... ты... другъ?

— Видно, ошибся одною унціею: чтожъ дѣлать? И не на насъ бываетъ такая бѣда, что одною лишнею унціей или недостаткомъ унціи, убиваютъ и оживляютъ.

— Чтожъ?... развѣ есть вѣсти?... — дрожащимъ голосомъ спросилъ ужасный баронъ, едва держась на стулѣ.

— Есть. Знай, старикъ неразумный: бывшая служительница Паткуля, питомка отца твоего, твоя любимица, моя съ тобою сообщница въ злодѣяніи... (взглянувъ на шевелившійся портретъ). Что ты не велишь снять этого блѣднаго старика, который на насъ такъ жалко смотритъ, будто упрашиваетъ? Также свидѣтель!...

— Тише, тише, другъ, я слышу шаги Марты. (Онъ утеръ рукою холодный потъ съ лица и старался принять веселый видъ). Славное винцо, божусь тебѣ, славное! (Вошла экономка, у которой онъ вырвалъ изъ рукъ бутылку, рюмку, и потомъ налилъ вина дрожащими руками). — Выпей-ка, дружище! послѣ дороги не худо подкрѣпить силы.

— Прошу начать,—сказалъ твердо Никласзонъ.

— Между друзьями? Это ужь осторожность слишкомъ утонченная.

— Безъ обиняковъ. Мы другъ друга знаемъ: я пріѣхалъ не знакомиться съ тобою.

— Будь по твоему! За здоровье моего добраго, вѣрнаго пріятеля! (Выпиваетъ рюмку вина).

Никласзонъ взялъ рюмку и бутылку, самъ налилъ и, произнеся:—Да погибнутъ враги наши!—приложилъ губы къ стеклу, наморщился и выплеснулъ вино на полъ.—Твоя экономка ошиблась? Это уксусъ!

— Марта, что это значитъ?

— Вы приказали перваго сорта, — отвѣчала экономка,—не въ первый разъ *понимать* васъ.

— Бездѣльница! — вскричалъ старикъ, топая ногами,—принеси перваго нумера. *Знаешь?*

— Теперь *знаю*,—сказала Марта и вышла изъ комнаты.

Баронъ придвинулъ стулъ ближе къ своему сообщнику и жалкимъ, униженнымъ голосомъ, потирая себѣ ладони, началъ такъ говорить:

— Какъ же вы, любезный другъ, знаете, что... она... но вы надо мною шутите? Можетъ быть, старые долги?

— Я не пріѣхалъ-бы шутить въ ужасную полночь, къ тебѣ, на твою мызу, гдѣ одни черти за волосы дерутся. Извѣстно мнѣ такъ вѣрно, какъ сижу теперь на стулѣ, въ домѣ твоемъ, какъ тебя вижу въ трясучкѣ отъ страха; извѣстно мнѣ — говорю тебѣ, Балдуину Фюренгофу — что Елизавета, тобою изгнанная, мною не доморенная, живетъ, подъ латышскимъ именемъ Ильзы, въ русскомъ станѣ, въ должности маркитантки.—При этихъ словахъ разстегнулъ онъ верхъ плаща, вынулъ изъ бокового кармана двѣ бумаги и, подавая Фюренгофу одну, произнесъ съ злобною усмѣшкой:—Читайте, господинъ баронъ! полюбуйтесь господинъ баронъ!

Балдуинъ придвинулъ къ себѣ свѣчу, взялъ бумагу и, разглядѣвъ заглавіе и почеркъ, едва не выронилъ ее изъ рукъ. «Что-то рябитъ въ глазахъ... — сказалъ онъ, запинаясь. — Почеркъ знакомый! Точно, это ея злодѣйская рука!» Онъ началъ читать про себя. Примѣтно было, какъ во время чтенія ужасъ вытискивался на лицѣ его; губы и глаза его подергивало. Пробѣжимъ и мы за нимъ содержаніе письма:

«Елизавета Трейманъ Эліасу Никласзону».

«Какъ посторонняя тебѣ женщина, не желаю мира душѣ твоей: это было бы напрасное желаніе! Ни ты ни твой сообщникъ, ни я, подлое орудіе вашихъ преступленій, не можемъ уже вкушать мира ни въ здѣшнемъ свѣтѣ, ни въ другомъ. Могу-ли желать тебѣ мира по чувству ненависти къ вамъ, которое развѣ гробовой камень во мнѣ придавитъ? Если вамъ дано пользоваться хотя наружнымъ спокойствіемъ, — пишу къ вамъ для того, чтобы его нарушить. Знайте, злодѣи, я жива ни однимъ тѣломъ; жива духомъ мщенія,

ужаснымъ, неумолимымъ, какъ было ужасно, неумолимо обращеніе со мною твоего собрата по злодѣяніямъ. Трепещите! день этого мщенія приближается; онъ будетъ днемъ страшнаго суда для васъ, не ожидающихъ его и не вѣрующихъ въ Судію Вышняго. Слушайте! Подлинное завѣщаніе никогда не было уничтожено; столько-же преступная, какъ и вы, я была умнѣе и осторожнѣе васъ: я сохранила это завѣщаніе и обманула двухъ опытныхъ плутовъ. Прибавлю еще къ мученію вашему: оно лежитъ на землѣ Рингенской. Стерегите его день и ночь, или взройте всю область князя ада, барона сатаны, чтобы отыскать его. Ожидайте меня. Часъ мщенія, часъ вашего суда наступаетъ. Иду... скоро сподоблюсь увидѣть васъ лицомъ къ лицу въ адскихъ терзаніяхъ. О! какъ наслажусь я ими! — Скоро увидите передъ собою съ ужасною бумагой, вмѣсто бича, Елизавету Трейманъ».

— Ну, баронъ, какъ *вамъ* нравится это цыдулка? — хладнокровно сказалъ Никласзонъ. (Фюренгофъ не отвѣчалъ ничего и впалъ въ глубокую задумчивость, изъ которой могъ только исторгнуть его адскій смѣхъ товарища). — Ха, ха, ха! лукавъ, какъ лисица, и трусливъ, какъ заяцъ! Полно предаваться отчаянію: развѣ нѣтъ у тебя друзей?

— Друзей? Правда, я забылъ объ одномъ. Другъ, помоги мнѣ нынѣ; выручи меня и требуй...

— Кислаго вина, не такъ-ли? Знаемъ цѣну вашихъ обѣщаній, знаемъ также, какъ вы ихъ держите. Впрочемъ, я берусь помогать тебѣ съ условіемъ слушаться моихъ совѣтовъ, какъ твои маленькіе мученики лозы Марты.

— Готовъ все сдѣлать.

— Видишь, попавши въ когти къ дьяволу, не легко изъ нихъ выпутаться: надо имѣть умъ самого Вельзевула, умъ мой, чтобы высвободить тебя изъ

этихъ тенетъ. Чу! слышны каблучки прелестной Гебы.

Вошла экономка съ бутылкою вина, хорошо засмоленною, поросшею отъ старости мхомъ, и съ ярлыкомъ изъ бересты, на которомъ была надпись: *старожинскій*.—Вотъ это, видно, доброе венгржино, — сказалъ Никласзонъ. — Подайте-ка прежде своему Юпитеру; Меркурій знаетъ свой чередъ. (Старикъ, не отговариваясь, налилъ себѣ полрюмки, выпилъ ее безъ предисловій и тостовъ, потомъ передалъ бутылку и рюмку гостю).—Вотъ это винцо! — вскричалъ Никласзонъ, выпивая рюмку за рюмкою. — Помянуть можно покойниковъ, что оставили намъ это добро, не вкусивши его. Нѣтъ, въ замкѣ Гельметъ люди жили поумнѣе и теперь живутъ также: наслаждались и наслаждаются не только своимъ, даже и чужимъ; а дѣткамъ велятъ добывать добро трудами своими.—Онъ наставилъ себѣ горлышко бутылки въ ротъ. Старикъ, трясясь отъ жадности, предлагалъ ему нѣсколько разъ рюмку, которую Никласзонъ, наконецъ, въ досадѣ оттолкнулъ отъ себя такъ, что она, упавъ на полъ, расшиблась вдребезги. «Что ты мнѣ рюмочку подставляешь? Мы умѣемъ пить изо всей. Торговаться сталъ, дрянной старичишка? Хочешь?...»

— Кушай, любезный, на здоровье. Я думалъ, что венгерское пьютъ рюмочками.

— То-то и есть! Марта, подойди сюда. Старый хрычъ! вели ей подойти ко мнѣ: она боится тебя.

— Марта, подойди къ господину Никласзону, онъ тебя не укуситъ.

Экономка подошла къ гостю; тотъ хотѣлъ ее поцѣловать; она съ притворнымъ жеманствомъ отворотилась.

— Баронъ, что это значитъ?

— Марта поцѣлуй господина Никласзона, когда онъ дѣлаетъ тебѣ эту честь.

Властолюбивый гость наклонилъ голову на одну сторону и назначилъ указательнымъ пальцемъ мѣсто на щекѣ, которое она должна была поцѣловать. Экономка съ видомъ отвращенія исполнила повелѣніе своего господина.

— Поцѣлуи Елизаветы были горячѣе твоихъ. Славная была дѣвка Ильза! Что ты стоишь передъ нами, старая вѣдьма? Вонъ!

Марта покачала головой и, поглядѣвъ изъ подлобья на своего повелителя, превратившагося изъ ужаснаго волка въ смирную овечку, спѣшила оставить собесѣдниковъ однихъ. Никласзонъ ударилъ рукою по бумагѣ, которую бросилъ на столъ передъ напуганнымъ барономъ, перекачнулъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, такъ что длинный задокъ его опирался краемъ объ стѣну, и положа ноги на столъ, произнесъ грозно:—Первое письмо было къ свѣдѣнію, а это къ исполненію. Читай-ка, доброжелатель мой, да потише, а то нынѣ и двери слышатъ.

Фюренгофъ взялъ бумагу, ему подложенную, и началъ читать про себя, выговаривая по временамъ нѣкоторыя слова строки вслухъ: «Зная... ваши... съ моимъ родственникомъ...» (взглянувъ на подпись, съ изумленіемъ): Паткуль родственникъ? Висѣльникъ! измѣнникъ! право забавно! «Русскому войску... $\frac{17}{29}$ нынѣшняго мѣсяца... въ Гуммельсгофѣ». — Что это за сказки? Объ русскихъ въ Лифляндіи перестали и поминать. Едва ли не ушли они въ Россію. Чего ему хочется?

— Кошкѣ хочется игрушекъ, а мышкамъ будутъ слезки.

— Это не прежнія времена пошучивать надъ роденькою: кажется, было чему отбить любовь къ чудесностямъ!—«Пятьсотъ возовъ провіанта непремѣнно... къ назначенному числу».—Пятьсотъ возовъ? Бездѣлица!

Въ умѣ-ли онъ? — «И сверхъ того...» — Что еще?— «$\frac{16}{28}$ числа явиться ему, Балдуину... Фюренгофу... самому... въ покойной колымагѣ, лучшей, какую только... къ Сооргофскому лѣсу. Онъ долженъ...»—Что за долгъ? Что за обязанность? Дѣло другое вы, любезный другъ!

— Моя судьба зависитъ отъ него: я *ему* служу.

— Ему? Возможно-ли? Кажется, вы преданнѣйшій человѣкъ баронессѣ Зегевольдъ.

— По наружности! Что мнѣ отъ нея? какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока. Довольно, что я храню твои тайны; уже, конечно, не обязанъ я тебѣ открывать своихъ. Но теперь, повторяю тебѣ, моя судьба ему принадлежитъ; съ моею связана твоя участь: вотъ предисловіе къ нашему условію. Читай далѣе и выбирай.

— «...подъ именемъ Діонисія Зибенбюргера, иностраннаго путешественника, механика, физика, оптика и астролога; примѣты: необыкновенно-красный носъ... горбъ назади... извѣстенъ... по рекомендательнымъ письмамъ изъ Германіи... съ условіемъ хранить... тайну... до двухъ часовъ пополудни того-жъ дня. Невыполненіе... открытіе фальш... завѣ... разореніе имѣнія... тюрьма и мучительная смерть».—Открытіе! разореніе! тюрьма! смерть! (Задумывается, потомъ опять принимается за чтеніе письма).—«За вѣрныя же услуги... удовольствіе посмѣяться... сохраненіе имущества... жизни... тайны. Сверхъ того уполномочиваю васъ, господинъ Никласзонъ, облегчить налогъ хлѣбомъ, сколько вы заблагоразсудите. Остается ему выбирать любое».—По прочтеніи этой записки и, повидимому, деспотическаго условія, выраженнаго въ ней, баронъ впалъ опять въ глубокую задумчивость, по временамъ качалъ головой, разсчитывалъ что-то по пальцамъ, то улыбался, то приходилъ опять въ уныніе и разсѣянность.

— И я думалъ, и я разсчитывалъ, какъ ты—кажется, эта башка не глупѣе твоей (здѣсь Никласзонъ покачнулся впередъ, поставивъ стулъ на полъ, и ударилъ себя пальцемъ по головѣ) — а пришлось свести всѣ думы и разсчеты на одно: согласиться выполнить требованіе Паткуля. На губахъ твоихъ вижу возраженіе. Тсъ! подожди говорить, сѣдая, остылая голова! Я за тебя буду разсуждать и за тебя рѣшу. Слушай же. Казалось бы съ перваго взгляда, что Паткуль кладетъ голову свою прямо въ пасть сѣверному льву; что этотъ сладкій кусочекъ, переходя черезъ наши руки, долженъ бы и намъ доставить высокія награды. Но вникнувъ хорошенько въ существо дѣла, назовешь себя дуракомъ за то, что даже одну минуту могъ остановиться на возможности этого предположенія. Можетъ ли статься, чтобы тотъ, кто избранъ былъ на двадцать пятомъ году жизни отъ лифляндскаго дворянства депутатомъ къ хитрому Карлу XI и умѣлъ ускользнуть отъ сѣкиры палача, на него занесенной; чтобы вельможа Августа, обманувшій его своими мечтательными обѣщаніями; возможно ли, спрашиваю тебя самого, чтобы генералъ-кригскоммисаръ войска московитскаго и любимецъ Петра добровольно отдался, въ простотѣ сердца и ума, въ руки жесточайшихъ своихъ враговъ, когда ничто его къ тому не понуждаетъ? Это невозможно! Это несбыточно! Вспомни, что баронесса Зегевольдъ врагъ его, что генералъ Карла XII, Шлиппенбахъ, врагъ еще болѣе заклятый. Потѣха надъ ними отзовется въ сердцѣ Карла. Вотъ чего хочется мстительной, властолюбивой душѣ Паткуля! Но если намѣреніе его игрушка, прихоть, то она прихоть, основанная на вѣрныхъ разсчетахъ ума, на тонкомъ знаніи человѣческаго сердца, особенно твоего,—понимаешь ли?—а не на смѣломъ, безразсудномъ желаніи удовлетворить одной любви къ чудесно-

сти. Теперь примемся за другіе политическіе виды. Кто, спрашиваю тебя, изъ лифляндцевъ, если онъ только не слѣпъ, не видитъ, что горсть шведовъ, безпрестанно умаляющаяся, не въ состояніи противостать многочисленному русскому войску, безпрестанно возрастающему? Что сдѣлаетъ эта горсть, раздѣленная несогласіемъ начальниковъ, противъ стотысячной арміи? Я не астрологъ, также и ты не хватаешь звѣздъ съ политическаго небосклона, но угадать можемъ скорую участь здѣшней страны. Давно ли отсюда, изъ твоего дома, слышали мы громъ русскихъ пушекъ, отдаваемый покорными имъ вершинами Эррастфера? Давно ли видѣли мы тысячи крестьянскихъ семействъ и бароновъ, не хуже тебя, въ рубищахъ, съ плачемъ бѣжавшихъ изъ опустошенныхъ татарами селъ и мызъ искать въ окрестностяхъ Рингена куска насущнаго хлѣба и крова отъ зимней непогоды? Не въ подвалѣ ли твоемъ жило благородное семейство, нѣкогда богатое, потомъ обнищавшее? Напрасно тѣшитъ себя Шлиппенбахъ съ *своимъ* преданнымъ и всезнающимъ *шведомъ*, мечтою нечаяннаго нападенія на русскихъ! Я имѣю вѣрное извѣстіе, что онъ предупрежденъ и что безчисленное русское войско зальетъ эту страну завтра или послѣ-завтра. Объявить Шлиппенбаху, не желающему *нашихъ* услугъ, то, что я знаю, то, что ты теперь знаешь, было бы только остановить на нѣсколько часовъ судьбу, которая должна скоро совершиться надъ нашимъ краемъ. Можетъ статься, уже и поздно! Наше усердіе придастъ ли силы его корпусу, ослабитъ ли бурный потокъ, къ намъ вторгающійся? Какую пользу извлечемъ мы отъ того для себя? *Для себя* — замѣть это, мой пріятель: замѣть, я и ты должны думать о себѣ, а прочими пустыми именами долга, чести, отечества, пусть здравствуетъ и питается кто хочетъ. Не правда ли?

— А, а, дружище! вы приводите разстроенныя мысли мои, мои чувства въ порядокъ. (Здѣсь Фюренгофъ придвинулся еще ко гостю и пожалъ ему дружески руку).

— Выдача клевретамъ Карла XII личности врага есть, конечно, пріобрѣтеніе его величества и громкаго имени. Благодарность, громкое имя... опять скажу пустыя имена, кимвальный звонъ! Намъ съ тобою надобны деньги, деньги и деньги, мнѣ чрезъ нихъ наслажденія вещественныя. Чѣмъ долѣе наслаждаться, тѣмъ лучше; а тамъ міръ хоть травой зарости. Чтожъ пасторы говорятъ о душѣ... ха, ха, ха! (Въ это время послышался крикъ совы въ замкѣ). Что это захохотало въ другой комнатѣ?

— Не безпокойся, любезный, это сова поетъ въ развалинахъ.

— Охота барону держать у себя этихъ пѣвчихъ. Я давно бъ имъ шею свернулъ и отправилъ смѣяться на тотъ свѣтъ.

— Вотъ видишь, она кричитъ, какъ домовой: слышишь?

— Хороши пѣсни!

— За то пугаетъ воровъ. Но продолжайте, любезный, вашу утѣшительную, сладкую бесѣду, отогрѣвающую мое оледенѣвшее сердце.

— Намъ съ тобою надобны деньги; не правда ли?

— А, а, дружище!

— Бѣднякъ Шлиппенбахъ дастъ ли намъ ихъ? Сколько шиллинговъ отсыплетъ намъ Карлъ, которому содержатъ нечѣмъ было бы войско безъ контрибуціи съ Польши,—Карлъ, который, лишь только напомнимъ ему о наградѣ—забудетъ наши услуги и помнить будетъ только нашу докучливость? Къ тому-жъ богатому барону не подумаютъ дать денегъ. «Онъ обязанъ былъ это сдѣлать!» скажутъ тогда. «Тебя-жъ наградитъ

щедрая баронесса», возразишь ты. Чѣмъ? будущими твоими же милліонами? Вотъ ужь болѣе года, какъ я не получаю своего жалованья! Заслуги скоро забываются. Долго ли платилъ ты мнѣ положенное за мои смертныя услуги? да, долго ли?

— Кажется, я всегда... акуратно...

— Полно объ этомъ. Слово у насъ о настоящемъ. Куда укроемся тогда отъ мщенія русскаго полководца, отъ гнѣва царя, который сыщетъ насъ въ преисподней? Скажу про себя: въ Швеціи я, по обстоятельствамъ, не могу быть, въ Польшѣ—подавно. Спрашиваю, что мы тогда для себя сдѣлаемъ? А теперь, будучи вѣрны извѣстнымъ требованіямъ до двухъ часовъ по полудни 28-го числа, то есть до двухъ часовъ завтрашняго дня—хотя бы и долѣе—повеселя Зибенбюргера бездѣлкою, что мы теряемъ? Ничего! Мы всегда въ сторонѣ: ты, да я про себя не выболтаемъ. Если ты получилъ ложныя рекомендательныя письма, то не твоя вина: тебя обманули, и только! Разочти, что мы теперь выиграемъ. О! я вижу лѣстницу блаженства. Оставляю даже свои выгоды, чтобы думать только *о вашихъ. Вы*, среди развалинъ Лифляндіи, сохраняете свои земли, мызы, сокровища...

— Сохраняю! Точно ли, родной мой? Ручаешься ли ты?

— Ручаюсь головою моей. Подумайте, когда по сосѣдству вашему вездѣ раздаваться будутъ стонъ и плачъ, тогда вы, знатный господинъ, неограниченный властитель надъ вашими рабами, обладатель огромнаго, нетронутаго непріятелемъ имѣнія, улыбаясь, станете погремыхивать вашими золотыми монетами. Этотъ случай даетъ вамъ также способъ расторгнуть ваше условіе съ баронессою Зегевольдъ.

— Ахъ! и это, признаться, лежало у меня на сердцѣ, какъ тяжелый камень.

— Съ своей стороны обѣщаюсь вамъ, сверхъ того, за исполненіе требованій, намъ предписанныхъ, обходиться съ вами, не какъ равный вамъ злодѣй, но какъ слуга вашъ, преданный вамъ совѣтами, рукою и медицинскими познаніями своими, когда вамъ угодно... понимаете меня? Еще скажу вамъ въ утѣшеніе, господинъ баронъ: съ способами, нынѣ намъ предлагаемыми, я уже предугадываю, какъ достать Ильзу и стереть этого свидѣтеля.

— Стереть? — вскричалъ баронъ, облегчивъ грудь радостнымъ вздохомъ, и пожалъ Никласзону руку.

— Да, стереть этого безпокойнаго свидѣтеля съ лица земли.

— А средства, дружище?

— Они вертятся въ головѣ моей и утвердятся въ ней, когда я буду увѣренъ въ помощи человѣка, которому мы нынѣ должны угодить. Не сослужа, можно ли требовать и наградъ? Покуда будьте доволны теперешнимъ обѣщаніемъ, спокойный обладатель богатства несмѣтнаго!

— Несмѣтнаго? Ужь вы, дружище, безбѣдное состояніе, насущный кусокъ хлѣба богатствомъ называете!

— Опять за старую пѣсню! Рыбакъ рыбака далеко видитъ: намъ нечего другъ передъ другомъ притворяться. Ну, чтожъ отвѣтъ на письмо?

— На прежде сказанномъ и вами, безцѣннѣйшій другъ, потвержденномъ условіи, берусь доставить завтра, въ доброй колымагѣ, въ Гельметъ, господина...

— Зибенбюргера.

— Да, господина Зибенбюргера. Сверхъ того, по дальнѣйшимъ моимъ соображеніямъ и надеждѣ, что при чести, которую я... со временемъ... буду имѣть лично ознакомиться съ моимъ дорогимъ родственникомъ, генераломъ... министромъ... я буду удостовѣренъ въ сильномъ покровительствѣ его охраннымъ листомъ и

другими вѣрнѣйшими способами, даю слово содержать тайну до трехъ часовъ завтрашняго дня. Ну вотъ какъ я щедръ и великодушенъ! даже до четырехъ часовъ. Уфъ! это много мнѣ стоитъ.

— Важнѣе всего, что ни одного шиллинга! Статья конченная! Измѣна ея на волосъ есть знакъ къ измѣнѣ съ моей стороны. Я ничего не боюсь, не связанъ богатствомъ и лифляндскимъ баронствомъ; имѣю сильнаго покровителя; нынѣ здѣсь, а завтра въ станѣ русскомъ, насмѣхаюсь надъ всѣми лифляндскими законами. Но ты... ты... раздавленъ тогда, какъ поганый червь! Соблюденіе условія есть мое и твое счастіе. Дай мнѣ руку въ знакъ согласія. (Собесѣдники пожали другъ другу руки). Теперь примемся за другую статью, т. е. доставленіе послѣзавтра пятисотъ возовъ провіанта къ Гуммельсгофу.

— Пятисотъ возовъ? Возможно-ли? Я пропалъ, я разоренъ до тла! мнѣ придется надѣть суму! Сочтите сами, безцѣннѣйшій мой, чего это будетъ стоить. Вы посредникъ въ этомъ дѣлѣ, посредникъ, предлагаемый великодушіемъ самого нашего любезнаго родственника.

— Я не дарю ни одного воза.

— Не доведи меня до петли, спаситель мой, благодѣтель мой! (Хочетъ становиться на колѣна).

Никласзонъ, поднимая его:—Меня не умилостивишь этими колѣнопреклоненіями. Садись, и выслушай мой совѣтъ, которымъ еще разъ спасаю тебя отъ маленькаго убытка и большого отчаянія. Пожалуй, чего добраго? ты изъ одного воза навяжешь себѣ пеньковый галстухъ. Слушай же. Купи пятьсотъ возовъ хлѣба и крупъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ у своихъ сосѣдей.

— Купить? Гдѣ я возьму теперь столько наличныхъ денегъ?

— Хорошо, будь по твоему. Купи на слово, что

отдашь ихъ черезъ нѣсколько дней. Тебѣ повѣрятъ хоть 3000 возовъ.

— Мнѣ? При теперешнихъ худыхъ обстоятельствахъ, при ограниченіи роста?

— Тсъ! Сторговавъ эти пятьсотъ возовъ, отправь ихъ къ назначенному времени по дорогѣ въ Гуммельсгофъ. Поручи это сдѣлать своей Мартѣ. Русскіе придутъ, нападутъ на провіантъ, скушаютъ его, и тогда ты имѣешь право не платить денегъ. Не такъ-ли? Скорѣй: да или нѣтъ?

— Да, только...

— Ни одной крупинки не убавлю. Будетъ-ли выполнено?

— Будетъ, только не забудь о средствахъ, какъ избавиться нашего общаго врага—Ильзы.

— Вотъ моя рука, что черезъ недѣлю, поздно двѣ, я найду способъ притиснуть ей языкъ. Но заря занимается; кажется, и проклятая твоя сова перестала насмѣхаться, чтобъ ее побрали... (оглядывается кругомъ). Позови теперь Марту выпустить меня изъ этой западни.

— Только, пожалуйста, не стыди эту дѣвицу поцѣлуями своими: она у меня такая застѣнчивая.

— Условія наши кончены; листъ оборочен

По зову своего повелителя, экономка вошла въ комнату. Никласзонъ всталъ при ней со стула и произнесъ униженнымъ голосомъ, наклонивъ передъ барономъ голову:—Господинъ баронъ Фюренгофъ! простите меня съ свойственнымъ вамъ великодушіемъ, если я, человѣкъ маленькій, ничего незначущій, осмѣлился, разгоряченный винными парами, оскорбить васъ или кого изъ вашихъ приближенныхъ, словомъ или дѣломъ. Изъ глубины кающейся души прошу всепокорнѣйше прощенія.

— А, а, дружище! кто старое помянетъ, тому

глазъ вонъ. Забудемъ это. Ты всегда былъ человѣкъ мнѣ преданный, нужный.

— Вѣрьте, что вы по гробъ мой найдете во мнѣ усерднаго и вѣрнѣйшаго слугу. Позвольте имѣть честь распрощаться съ вами.

Здѣсь хозяинъ и гость обняли другъ друга. Фюренгофъ далъ знать экономкѣ, чтобы она отперла двери и проводила гостя. Удивленная Марта, думая, что она все это видитъ во снѣ, протерла себѣ глаза, и, наконецъ, увѣренная, что обстоятельства приняли счастливый для ея господина оборотъ, съ грубостью указала дорогу оскорбившему ее гостю. Когда баронъ услышалъ изъ окна топотъ лошади за Меттою и удостовѣрился, что Никласзонъ далеко, обратился съ усмѣшкою къ домоправительницѣ и ласково сказалъ ей:—Подумай хорошенько; принесло окаяннаго въ пьяномъ видѣ, ночью и, чортъ знаетъ, зачѣмъ! А, а, дружище! Кажется, еще человѣкъ одолженный! И мѣсто получилъ черезъ меня, и освобожденъ отъ петли.

— Что дѣлать, сударь?—отвѣчала Марта, поправляя чепчикъ на головѣ и подбирая подъ него растрепанные волосы:—нынѣ такія наступили времена тяжелыя, что никто не помнитъ заслугъ. Вѣкъ живи, вѣкъ учись!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НАКАНУНѢ ПРАЗДНИКА

Минута сладкаго свиданья,
И для меня блеснула ты!
Пушкинъ.

Еще наканунѣ дня рожденія богатой наслѣдницы все было въ движеніи на Гельметской мызѣ. Суетились, бѣгали, толкали другъ друга, требовали, отпускали, и старались еще заранѣе праздновать день этотъ искусными урывками того, сего, изъ достоянія помѣщицы-нехозяйки, чтобы сдѣлать себѣ елико возможный запасецъ на будущее время. Начиная съ амтмана фонъ-Шнурбауха, въ нѣкоторыхъ случаяхъ необыкновенно награжденнаго даромъ предвидѣнія, до поваренка, замыкавшаго фалангу двороваго штата, у всѣхъ, болѣе или менѣе, было рыльце въ пушку. Разумѣется, что чѣмъ важнѣе считалось должностное лицо, чѣмъ кругъ надзора его былъ обширнѣе, тѣмъ шире былъ карманъ, въ которомъ сосредоточивались подати за пропускъ разныхъ грѣховъ противъ восьмой заповѣди. Амтманъ, съ важною частицею *фонъ*, подъ видомъ сбереженія господскаго интереса, откладывалъ въ свою экономію разные плоды тонкой математической промышленности; ключница прятала недовѣски и при-

вѣски; поваренки, облизывая преисправно сладкіе остатки, отдѣляли отъ души лучшіе кусочки пригожей дворовой дѣвченкѣ. Самыя моськи супруги фонъ-Шнурбауха слаще поѣли въ этотъ день, нежели въ обыкновенные, хотя она въ простые дни кормила ихъ изъ собственныхъ рукъ, иногда изъ одного съ нею блюда, едва ли не лучше своей высокой половины. Между тѣмъ съ верхней до низшей ступени двора баронессы читали другъ другу строжайшія наставленія о честности и, въ примѣръ ужасныхъ злоупотребленій, которыхъ избѣгать надо, выставляли (ужь, конечно, не себя! кто себѣ лиходѣй?) сосѣднія мызы; кричали много, грозили наказаніями (тогда, когда забывалось правило дѣлежа) и преисправно обезпечивали себя на будущее время. Что дѣлать? такъ водится не въ однихъ баронскихъ домахъ. Въ кухняхъ и приспѣшенныхъ варились, жарились и пеклись всякаго рода огромные припасы, какъ будто готовились угощать цѣлый полкъ, и пріятный запахъ отъ явствъ доносился до окна бѣднаго селянина, доѣдавшаго ломоть хлѣба пополамъ съ мякиной. Правда, и крестьянамъ баронессы готовились угощенья и веселости: жарились для нихъ цѣлые быки, катились на господскій дворъ бочки съ виномъ, шились наряды для новобрачной четы, и сыгрывались гудочники и волыночники. Чухонцы, послышавъ объ этихъ приготовленіяхъ, заранѣе разѣвали ротъ отъ удивленія и съ нетерпѣніемъ поджидали у своего окна, когда *староста* или *кубіасъ* [1]), которая столько разъ и

Той палкой въ замокъ ихъ погонитъ веселиться.

такъ немилосердно гоняла ихъ на барщину и напоминала о податяхъ. Таковъ грубый сынъ природы! Сыт-

---

[1]) Старшина въ деревнѣ у латышей называется по нашему *старостою,* у чухонцевъ — или эстовъ — *кубіасомъ.*

ное угощеніе, шумный праздникъ, заставляютъ его забыть все бремя его состоянія и то, что веселости эти дѣлаются на его счетъ. Надо прибавить: таковы иногда бывали и помѣщики, что рѣшались скорѣе истратить тысячи на сельскій праздникъ, нежели простить нѣсколько десятковъ рублей оброчной недоимки или рабочихъ дней немощнымъ крестьянамъ!

Со временъ Христины, королевы шведской, собранія въ духѣ патріархальной простоты, называемыя Wirthschaft, давали мѣсто въ богатыхъ лифляндскихъ домахъ болѣе утонченнымъ веселостямъ. Дерптскіе студенты играли комедіи, въ которыхъ роли женщинъ они сами же выполняли; балы, маскарады и разныя затѣйливыя игры стали также въ большомъ употребленіи. Греція и Римъ кружили тогда всѣмъ головы, и потому члены Олимпа наполняли всякаго рода зрѣлища. Соображаясь съ нововведеніями, тщеславная баронесса назначила дню рожденія своей дочери быть цѣпью необыкновенныхъ удовольствій. Для расположенія этого праздника, по рекомендаціи Глика, выписанъ былъ ужь съ недѣлю изъ Маріенбурга тамошній школьный мастеръ Дихтерлихтъ, которому—говорилъ пасторъ — не найти подобнаго отъ Эвста до Бельта по геніальной изобрѣтательности угождать Граціямъ и Минервѣ, Адамъ Биръ взялся выучить двухъ благородныхъ дѣвушекъ, гельметскихъ сосѣдокъ (избранныхъ не по уму и образованію, а по хорошенькимъ личикамъ) ролямъ Флоры и Помоны, которыя должны были привѣтствовать новорожденную приличными стихами, сочиненными маріенбургскимъ стихотворцемъ. Между тѣмъ самъ Дихтерлихтъ занялся стряпаньемъ похвальнаго слова, которое хотѣлъ поднесть въ тетрадѣ, съ золотою обложкою и узорами, Луизѣ Зегевольдъ. Такъ какъ намъ достался русскій переводъ этого великаго

творенія, сдѣланный Гликомъ, то мы предлагаемъ здѣсь образчикъ изъ него, взятый на выдержку [1]).

«Я-бъ желалъ—говорилъ панегиристъ, описывая наружность Луизы—я-бъ желалъ здѣсь персону сея прекрасныя дщери знаменитаго баронскаго дома нѣсколько начертить, коли бъ черныя чернила способнаго цвѣта были ея небесную красоту представить:—будешь ты, читатель, доволенъ, коли своему уму представишь одно такое лицо и тѣло, которыхъ точнѣйшее изображеніе имѣется безъ порока, бѣлый цвѣтъ въ самомъ высочествѣ, пріятность же преизящную всего свѣта. Предложи себѣ токмо одну удивленія достойную живость, пріятную во всѣхъ компаніяхъ, разсудную умѣренность, похвальную завсегда во всякихъ уступкахъ и дѣлахъ, и учтивое пріятельство, которое зело потребно къ покоренію сердецъ. И егда ты въ умѣ своемъ всѣ помянутыя преизящныя свойства совокупишь и сочинишь имъ экстрактъ? то, конечно, можешь себѣ сказать: такова виду была сущая баронская дщерь, и проч.»

Праздникъ былъ расположенъ на отдѣленія, росписанныя въ порядкѣ по нумерамъ; нарушитель этого порядка подвергался строжайшей отвѣтственности.

Въ то самое время, когда приготовленія къ этому тезоименитому дню превратили Гельметъ въ настоящее вавилонское столпотвореніе,—вскорѣ послѣ полудня, приближались къ замку по гуммельсгофской дорогѣ двѣ латышскія двухколесныя телѣжки. Прыть лошадокъ возбуждалась то и дѣло плетью верховыхъ проводниковъ, не жалѣвшихъ ни головы и боковъ ихъ, ни своей руки. Близъ ограды остановились телѣжки, изъ коихъ вышли трое чужеземцевъ. Двое изъ нихъ были въ длинныхъ русскихъ кафтанахъ, подпоясаны

---

[1]) Дѣйствительно, я имѣю подобный переводъ. Въ спискѣ съ него не убавилъ и не прибавилъ я іоты.

кушаками, на которыхъ висѣли *лѣстовки* [1]) и, несмотря на жаркое время года, накрыты небольшими круглыми шапками [2]). Одинъ былъ въ котахъ, другой босъ и имѣлъ за плечами котомку и два четвероугольныхъ войлочныхъ лоскута [3]). Третій походилъ на русскаго монаха; онъ былъ окутанъ въ длинную, черную рясу и накрытъ каптыремъ, спускавшимся съ головы по самый кушакъ, а поверхъ каптыря круглой шапочкой съ красной оторочкой. Тотъ изъ нихъ, который несъ за плечами котомку, переговоря съ товарищами, отошелъ немного отъ замка и присѣлъ подъ большимъ вязомъ на камнѣ. Двое же продолжали поспѣшно путь свой прямо въ ворота, на дворъ и на террасу, не осматриваясь, не останавливаясь и не спрашивая никого ни о чемъ. Служители съ уваженіемъ давали имъ дорогу, почтительно кланялись, не будучи сами удостоены поклономъ, и между тѣмъ, не смѣли ихъ предупредить, чтобы доложить о нихъ. Такъ было заранѣе приказано, въ случаѣ прихода этихъ чужеземныхъ гостей. Старшій изъ нихъ шелъ впереди. Несмотря на простоту его одежды, небольшой ростъ, сгорбленный лѣтами станъ и маленькое худощавое лицо, наружность его вселяла нѣкоторый страхъ: рѣзкія черты его лица были суровы; умъ, проницательность и коварство, исходя изъ его маленькихъ глазъ, осѣненныхъ густыми сѣдыми бровями, впивались въ душу того, на кого только устремлялись; казалось, онъ безпрерывно что-то жевалъ, отчего сѣдая и рѣдкая борода его ходила то и дѣло изъ стороны въ сторону; въ

---

[1]) Раскольничьи четки.

[2]) Въ правилахъ раскольниковъ сказано: «Растящихъ власы и носящихъ малахаи (на четверо разрѣзанныя шапки) и шляпы запрещать, и въ моленіе не допущать».

[3]) Подручники — родъ подушекъ, которыя кладутъ раскольники во время земныхъ поклоновъ на полъ, подъ руки.

движеніяхъ его не прокрадывалось даже игры смиренія, но все было въ нихъ явный приказъ, требованіе или урокъ. Слѣдовавшій за нимъ чернецъ былъ среднихъ лѣтъ, средняго роста и сухощавъ; изъ-подъ каптыря выпадали темные волосы, въ которыхъ сквозилъ красный цвѣтъ; на лицѣ его постъ и умиленіе разыгрывали очень искусно чужую роль; бѣгающими туда и сюда глазами онъ успѣвалъ исподлобья все выглядѣть кругомъ себя; даже по двору шелъ онъ на цыпочкахъ.

— Что за Содомъ! — вскричалъ старикъ съ коварной усмѣшкой.

— Воистину земля бѣсова плѣненія, отце Андрей! — отвѣчалъ смиреннымъ голосомъ чернецъ, положивъ сухощавую руку на грудь, — вѣдаю сколь прискорбно сердцу твоему взирать на сіе растоценное стадо! Но потрудись, ради спасенія православныхъ цадъ твоихъ, да помолятся о тебѣ въ царствѣ небесномъ.

Путники вошли въ переднюю, а изъ нея въ залъ, не скидая шапокъ. Здѣсь старикъ, сурово осмотрѣвшись кругомъ, присѣлъ въ первое попавшееся ему кресло, бросилъ взглядъ на фамильные портреты, висѣвшіе по стѣнамъ, плюнулъ, прошепталъ молитву, и потомъ съ сердцемъ постучалъ своимъ костылемъ по столу, подлѣ него стоявшему; но видя, что тотъ, къ кому относилось это повелительное извѣщеніе о его прибытіи, не являлся, толкнулъ жезломъ своимъ чернеца, стоявшаго въ задумчивости у порога, и указалъ ему на внутренность дома. Чернецъ будто вздрогнулъ, поклонился и пошелъ, куда ему указано было, тихо, осторожно, какъ будто ступалъ по овсянымъ зернышкамъ, легонько притворяя за собою дверь. Черезъ комнату встрѣтилъ его Никласзонъ, примѣтно смущенный.

— Зачѣмъ вы къ намъ? — торопливо спросилъ онъ,

отворивъ и прихлопнувъ опять слѣдующую дверь, чтобы показать, будто монахъ въ нее прошелъ.

— О вей, о вей!—отвѣчалъ шепотомъ монахъ, качая головой и озираясь.—Не знаю, какъ и помоць [1]).

— Пустяки! для брата Авраама нѣтъ ничего невозможнаго,—сказалъ секретарь баронессы, втирая ему осторожно въ руку до десятка червонныхъ. — Мы съ тобой одного великаго племени; обманывать, а не обманутыми быть должны; ты созданъ не служить этой христіанской собакѣ, которая, того и гляди, что издохнетъ: можно тебѣ самому скоро быть главою раскола въ Россіи и учителемъ *нашей* вѣры. Мы дѣлали уже дѣла не маленькія, были награждены; не измѣнимъ теперь другъ другу, и насъ не забудутъ.

Пока Никласзонъ читалъ это краснорѣчивое убѣжденіе, монахъ, однимъ жаднымъ взглядомъ, успѣлъ пересчитать золото и спѣшилъ съ удовольствіемъ уложить его въ лѣстовку, въ которой сзади искусно сдѣлана была сумка.

— Мнѣ этого не хочется, добрый Никласзонъ, — отвѣчалъ шепотомъ монахъ,—но теперь не время объ этомъ разсуждать. Скажу тебѣ только, сто мы присли сюда повѣдать баронессѣ, сто русскіе высли изъ своего лагеря, разбили зе въ пухъ и въ пухъ форпостъ близко Розенгофа и нынѣ въ ноци, или, конечно, заутро будутъ въ Сагницѣ или въ Валкахъ. Хось и трудненько обмануть стараго плута, но Богъ Якова и Авраама тебѣ поруцатся, сто я цестный еврей, заставлю этого христіанскаго пса брешить по моему, какъ мнѣ хоцется. Теперь, поди скорѣй и сказн своей принцессѣ, стобъ она позаловала къ намъ.

---

[1]) Хотя монахъ говорилъ съ Никласзономъ по-нѣмецки, но я старался въ переводѣ Авраамовой рѣчи удержать нѣсколько жидовскій выговоръ русскаго языка. — Авраамъ также лицо историческое.

Никласзонъ подошелъ на цыпочкахъ къ двери, вышелъ черезъ нее и прихлопнулъ ее слегка за собой; между тѣмъ Авраамъ кашлянулъ и пошелъ обратнымъ путемъ къ своему начальнику.

— Преподобный отце Андрей! — сказалъ монахъ, представъ предъ него, низко поклонившись и ставъ опять униженно у порога: боярыня сейцасъ будетъ.

— Сейцасъ, сейцасъ! — вскричалъ старикъ, въ шутку передразнивая вошедшаго, — долго-ли тебѣ, Авраамъ, говорить по-жидовски?

— Виноватъ передъ тобою, отче преподобный! — промолвилъ вздрогнувъ монахъ, опять низко кланяясь,— положилъ бы 300 поклоновъ до земли, лишь бы мнѣ исправиться».

— Поклоны пускай остаются въ скитѣ да въ согласіяхъ, Авраамъ: ты меня разумѣешь. По милости моей, тамъ знаютъ тебя косноязычнымъ малороссомъ, а не евреемъ и не венгерскимъ монахомъ. Все будетъ шито да крыто, лишь бы служили намъ вѣрою и правдою, — сказалъ старикъ, смотря на своего послушника испытующимъ взоромъ, котораго всю силу умѣлъ послѣдній неколебимо выдержать и отразить правдоподобіемъ совершенной невинности и преданности.

Въ этомъ случаѣ еврей обманулъ русскаго раскольника, и при томъ начальника и учителя ихъ. (Старикъ былъ Андрей Денисовъ). Надо-ли удивляться? Родонаслѣдственная хитрость текла въ крови Авраама; къ тому жъ онъ искусился въ лицемѣріи, поживъ нѣсколько лѣтъ монахомъ въ одномъ католическомъ монастырѣ, который успѣлъ обокрасть и, наконецъ, пришлось доканчивать курсъ сатанинскаго лукавства въ званіи чернеца поморскаго выгорѣцкаго скита и переводчика при Андреѣ Денисовѣ. Лѣта измѣняли уже нѣсколько послѣднему, между тѣмъ какъ Авраамъ скинулъ съ себя

еще немного змѣиныхъ кожъ, и слѣдственно былъ въ полномъ развитіи адскихъ силъ.

— Да что запропастилась эта сучья дочь? — успѣлъ промолвить только съ нетерпѣніемъ Андрей Денисовъ, какъ распахнулась дверь и вошла баронесса.

Убавивъ своей спѣси, она учтиво поклонилась ему; а онъ, не привставъ даже съ кресла, едва кивнулъ ей, указалъ своимъ костылемъ кресло черезъ столъ, у котораго сидѣлъ, и махнулъ чернецу рукою, чтобы онъ подошелъ ближе. Кто посмотрѣлъ бы на нихъ въ это время, не зная предыдущихъ обстоятельствъ, могъ бы подумать, что худенькій, суровый старичокъ—хозяинъ у себя дома, обязывающій, и что она пришелица, одолженная и ожидающая милостей.

— Вотъ въ чемъ дѣло, боярыня!—говорилъ ересіархъ повелительно, отрывисто и упирая голосъ на нѣкоторыхъ словахъ, — ты затѣваешь здѣсь бѣсовскія пляски, а того не знаешь, что послѣ завтра, можетъ статься, тебѣ негдѣ будетъ приклонить головушку, что послѣ завтра рада радешенька будешь отвесть душу ломтемъ черстваго хлѣба. (Старикъ икнулъ тутъ, пустилъ густую струю воздуха прямо на высокомѣрную обладательницу Гельмета, перекрестилъ три раза ротъ, промолвивъ:—«помяни, Господи царя Давида и всю кротость его»—и продолжалъ свою бесѣду):—Кабы послушалась меня прежде да отрѣзала моимъ православнымъ подъ своею клѣтью добрый кусокъ земли, такъ бы они оградили тебя отъ сѣтей діавольскихъ. Авось либо и теперь еще время исправить погашенное! За твою хлѣбъ-соль я хочу тебѣ помочь. Только слышь, боярыня, исполняй разомъ, не мѣшкая, что я тебѣ прикажу. Во-первыхъ, всѣ затѣи бѣсовскія къ нему и отошли назадъ! — Здѣсь старикъ постучалъ костылемъ такъ крѣпко по столу, что баронесса вздрог-

нула; потомъ кивнулъ монаху, чтобы онъ перевелъ это вступленіе.

Авраамъ, сгорбившись, смиренно выступилъ на сцену: приказъ ересіарха былъ выполненъ имъ искусною рѣчью и ловкою мимикой (послѣдняя нужна была для убѣжденія въ вѣрности перевода); только, когда надо было перевесть слово: *послѣ-завтра*, онъ показалъ на солнышко, начертилъ посохомъ кругъ, выставилъ перстъ и согнулъ въ половину другой палецъ. Изъ этого изъясненія старикъ понималъ полтора дня, между тѣмъ какъ хитрый чернецъ, не перемѣняясь нимало въ лицѣ, присовокупилъ къ своимъ гіероглифамъ,—что исполненіе сказаннаго должно быть черезъ десять круговъ солнечныхъ, то есть черезъ полторы недѣли. Вмѣсто «авось-либо», и теперь еще время», онъ сказалъ только: «еще время!» Баронесса отвѣчала, что праздникъ, ею затѣянный, есть долгъ, который она платитъ своимъ друзьямъ и ближнимъ, и которымъ хочетъ утѣшить больную, единственную дочь; что, кончивъ его, немедленно примется за исполненіе приказаній своего наставника и друга. Монахъ перевелъ, что баронесса сейчасъ послѣ ихъ отбытія велитъ оставить приготовленія къ празднеству, хотя ей это очень жалко, и немедленно займется исполненіемъ даваемыхъ ей совѣтовъ, которые она чтитъ за приказанія.

— Слушай же, боярыня!—вскричалъ опять Андрей Денисовъ, — русскіе, видно, вывѣдали затѣи вашего заморскаго болвана Шлиппенбаха: кто-нибудь у васъ да лукавитъ язычкомъ. За ваше дурачество стыдъ такъ-те и бросился мнѣ въ глаза. Разбирать вину теперь не время: спустя лѣто, въ лѣсъ по малину не ходятъ. Русскіе, говорю тебѣ, вышли вчера изъ Новагородка и разбили нынѣ вашу басурманскую засаду при Красной мызѣ. А какъ я это узналъ, повѣдаю тебѣ:

неподалеку отъ Черной мызы у меня свой караулъ, двое православныхъ моихъ — стоютъ вашихъ сотенъ нѣмцевъ, табачниковъ—узнали эту вѣсточку, да и давай уплетать гдѣ ползкомъ, гдѣ кувыркомъ, отняли у перваго латыша коня и прилетѣли ко мнѣ. Еще ни одна птица здѣсь въ округѣ не пропѣла этой пѣсенки; и по вѣтру-то не слыхать вони пороховой: вотъ каковы наши! А куда пойдутъ никоніанцы завтра, на Сагны ли или на Валки, того мои не знаютъ. Сейчасъ, при мнѣ же, напиши грамотку къ своему ротозѣю Шлиппенбаху, чтобы онъ очнулся, собиралъ крѣпкую силу, выслалъ, нимало не медля, конныхъ потаенными дорогами, куда придумаетъ лучше, перехватилъ бы ими хвостъ у никоніанцевъ и бодро готовился ударить имъ въ голову.

Это наставленіе было перетолковано хитрымъ и ловкимъ Авраамомъ такъ мастерски, что вся польза, изъ него извлеченная, осталась на сторонѣ агента Паткуля, которому нужно было выиграть нѣсколько часовъ времени. Позванъ Никласзонъ, и продиктовано ему, согласно съ заданною монахомъ темою, письмо къ генералъ-вахтмейстеру. (Можно впередъ угадать, что гонецъ нигдѣ не отыскалъ Шлиппенбаха; да это и не могло огорчить баронессу, потому что *еще было время*, какъ сказалъ Денисовъ черезъ монаха, а генералъ обѣщался быть у ней завтра на праздникѣ). Андрею Денисову дарованы новыя привиллегіи для раскольничьихъ поселеній въ Лифляндіи; оставалось наградить переводчика за труды. Искали по всему дому денегъ, бросались то къ амтману, то къ Биру, но вездѣ была или мнимая, или настоящая денежная засуха, наконецъ Никласзонъ сжалился надъ баронессой и отъ имени ея вручилъ потихоньку Аврааму талеръ, обрѣзанный его же соотечественниками. Окончивъ все дѣло, ересіархъ всталъ съ кресла, кивнулъ баронессѣ и, принятый подъ

руку усерднымъ монахомъ, сопровождаемый дипломаткою до террасы, опять встрѣченный на дворѣ уваженіемъ многочисленныхъ челядинцевъ, вышелъ изъ воротъ Гельмета. У большого вяза присоединился къ нимъ дожидавшійся ихъ раскольникъ, мужичище высокій и здоровый и, вѣроятно, охранитель Денисова отъ чаянныхъ и нечаянныхъ враговъ. Составивъ втроемъ совѣтъ, по какимъ слѣдамъ отыскивать одного изъ важнѣйшихъ своихъ членовъ, отпадшаго отъ поморскаго согласія, они рѣшились ѣхать въ обратный путь, какъ вѣрнѣйшій, по ихъ мнѣнію, для встрѣчи съ бѣглецомъ и для избѣжанія непріятнаго свиданія съ русскимъ ойскомъ, особенно съ заклятымъ губителемъ ихъ, Мурзенкою. Пріѣхавши въ Валки, они могли, смотря по обстоятельствамъ, или выждать тамъ развязки неожиданнаго нашествія русскихъ на Лифляндію, или, въ случаѣ прихода никоніанцевъ въ избранное ими нынѣ убѣжище, отступить къ своимъ въ Польшу. — Мы должны намекнуть, что гоненія Денисовымъ доселѣ неизвѣстнаго лица получили силу въ вѣсти о несчастной кончинѣ раскольника, подметчика письма въ Нейгаузенскомъ станѣ.

Между тѣмъ, какъ всѣ въ замкѣ ходили будто угорѣлые, отъ желанія угодить доброй молодой госпожѣ и отъ страха не выполнить въ точности воли старой владычицы, предметъ этихъ заботъ, Луиза, мыслями и чувствами была далеко отъ всего, что ее окружало. Она существовала въ мірѣ прошедшаго, для нея столько бѣдственнаго, но все еще ей драгоцѣннаго. Густавъ, на зло обстоятельствамъ, нерѣдко представлялся ея уму и сердцу. Такъ несчастная приходитъ, украдкою отъ злыхъ людей, бросить цвѣтокъ на могилу, гдѣ лежитъ милый ей мертвецъ, котораго некому, кромѣ ея, помянуть, и съ которымъ жаль разстаться, какъ съ живымъ. Посреди этихъ горестныхъ мыслей, блес-

нула одна о бѣдномъ старикѣ кастелянѣ и молодомъ служителѣ, увлеченныхъ ея судьбою въ тягостное и униженное свое положеніе. Ей извѣстно было, что они жили въ ближайшей деревнѣ Пебо: одинъ въ должности скотника, другой — пастуха; и она рѣшилась посѣтить ихъ. «Ничѣмъ лучше—думала она—не могу встрѣтить день своего рожденія, какъ облегченіемъ участи этихъ несчастныхъ». Ей стоило только намекнуть Биру о своемъ намѣреніи, чтобы вызвать его въ спутники. Баронесса была занята съ раскольниками, слѣдственно лучшаго времени для этой прогулки нельзя было выбрать.

Когда Луиза съ своимъ воспитателемъ проходила полемъ, крестьяне еще издали скидали шляпу, оставляли свои работы и долго слѣдили за нею глазами и благословеніями. Въ деревнѣ привѣтствіямъ ихъ не было конца.

— Смотри сюда, сюда!—говорила мать, высовывая изъ окна голову своей малютки,—это идетъ наша добрая, молодая госпожа. За ея-то здоровье учу васъ молиться Богу.

Дѣти оставляли свои игры и, почтительно ей кланяясь, кричали:

— Здравствуй, добрая госпожа!

Дряхлые старцы дрожащими руками силились привстать со скамейки, на которой грѣлись у воротъ своей хижины противъ солнышка, и шепотомъ приговаривали:

— Слава Богу! пришлось намъ еще разъ увидѣть ее. Да пошлетъ ей мать *Лайма* [1]) несчетные годы, чтобы правнуки наши могли ею радоваться.

---

[1]) Богиня счастія, которую латыши нерѣдко и теперь поминаютъ при желаніи кому добра.

Всѣ возрасты встрѣчали ее данью уваженія, признательности и любви простыхъ сердецъ, которыхъ краснорѣчіе ни съ какимъ другимъ сравниться не можетъ. Видно было, что Луиза вполнѣ утѣшалась этою сердечною данью. Почти каждаго успѣла она обласкать: стариковъ заставляла садиться передъ собой, говорила имъ привѣтливыя слова, согрѣвавшія ихъ болѣе солнечной теплоты; дѣтей одарила гостинцами; пригожихъ малютокъ, которыхъ матери, не боясь *ея глаза*, сами спѣшили къ ней подносить, цѣловала, какъ будто налагала на нихъ дары небесные. Казалось, теперь праздновала она день своего рожденія, а завтра *должна* была его праздновать.

Скотный дворъ былъ на концѣ деревни и окнами въ поле: слѣдственно изъ него не было видно, что дѣлалось на улицѣ. Луиза съ своимъ воспитателемъ вошла въ жилище скотника, никѣмъ изъ домашнихъ его не примѣченная. Какимъ же чувствомъ поражены они были, отворивъ потихоньку дверь! Чтожъ представилось имъ тогда? — Густавъ сидѣлъ въ углубленіи комнаты, держа на колѣнѣ румяное, какъ спѣлое яблочко, дитя, двухлѣтнюю дочь бывшаго кастеляна, которая, стиснувъ въ своихъ ручонкахъ кусокъ бѣлаго хлѣба, то лукаво манила имъ собаку, прыгавшую около нея на заднихъ ногахъ, то съ хохотомъ прятала его подъ мышку, когда эта готовилась схватить приманку. Другая дочь, шестнадцатилѣтняя пригожая дѣвушка, занималась у открытаго окна рукодѣльемъ, изрѣдка отрывала отъ него свои большіе голубые глаза, чтобы посмотрѣть на проказы сестры, или украдкой взглянуть на молодого крестьянскаго парня, стоявшаго снаружи дома у окна, облокотясь въ уныніи на нижнюю часть рамы. Мать, задумавшись, чистила овощь и клала ее въ горшокъ, выдвинутый изъ устья печи. Отецъ, безъ верхняго платья, обратившись къ нимъ спиною, а къ

стѣнѣ лицомъ, снималъ съ нашести кафтанъ, который, вѣроятно, собирался надѣть, чтобы идти въ поле. Голубь, нахохлившись, сердито ворковалъ и кружился по земляному полу, часто посматривая на окно, черезъ которое свободный вылетъ былъ ему загражденъ молодымъ крестьяниномъ. Густавъ казался однимъ изъ членовъ этого семейства; никто, повидимому, не заботился объ его присутствіи.

Первое чувство Луизы, переступя порогъ двери, былъ испугъ; второе... она взглянула на Густава, на пригожую дѣвушку, и покраснѣла. Не зная отчего, она была внутренно довольна, увидѣвъ молодого парня, занимавшагося такъ пристально сельскою красавицей; тѣмъ болѣе ей было это пріятно, что она узнала въ немъ служителя, который, вмѣстѣ съ кастеляномъ, понесъ за нее такую горькую участь.

— Фрейлинъ Зегевольдъ!—вскричала Лотхенъ (такъ звали дѣвушку), бросивши въ сторону свое рукодѣлье,—Фрейлинъ Зегевольдъ! — повторила она, побѣжала опрометью навстрѣчу Луизѣ и силилась взять у нея то одну, то другую руку, чтобы цѣловать ихъ попеременно

— Фрейл...—могла только выговорить мать. Руки ея опустились, луковица покатилась изъ нихъ на полъ, ножикъ выпалъ на скамейку. Хозяинъ, сдѣлавъ полъоборота головой, будто окаменѣлъ въ этомъ положеніи. Густавъ поблѣднѣлъ, спустилъ дитя съ колѣна и сталъ на одномъ мѣстѣ въ нерѣшимости, что ему дѣлать; увидѣвъ же, что Луиза колебалась идти въ комнату и сдѣлала уже нѣсколько шаговъ назадъ, онъ схватилъ свою шляпу, бросился къ двери и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Не удивляюсь, что мое присутствіе пугаетъ васъ, фрейлинъ Зегевольдъ! Какое другое чувство можетъ возбудить виновникъ бѣдствій этого семейства,

еще большій преступникъ передъ вами? Я долженъ убѣгать васъ, я, изгнанникъ отовсюду, гдѣ вы только являетесь и приносите съ собою счастіе. Но прежде нежели навсегда отъ васъ удалюсь, умоляю васъ объ одной милости: простите меня... Одно слово ваше будетъ моимъ услажденіемъ въ часъ смертныхъ мукъ, или умножитъ ихъ.

— Я никогда не обвиняла васъ, Густавъ!...—произнесла Луиза смущеннымъ голосомъ, обнаружившимъ все, что происходило въ ея душѣ, закрыла платкомъ полные слезъ глаза и, дружески протянувъ ему руку, присовокупила:—простите *навсегда!*

Это движеніе было послѣднею жертвою долга любви: имъ хотѣла она доказать, что любила въ Густавѣ не Адольфа, наслѣдника милліонера, королевскаго любимца, а самого Густава, бѣднаго, ничтожнаго въ глазахъ другихъ, но достойнаго ея привязанности.— «Я никогда не увижу его, — думала она, — пусть это будетъ послѣднее доказательство того, что я къ нему чувствовала; пусть не презираетъ онъ меня! Послѣ этой минуты я вся принадлежать буду моимъ обязанностямъ».

Густавъ съ жаромъ поцѣловалъ ея руку, на которую канули его горячія слезы, повторилъ роковое: «*простите!*»—сказалъ то же Биру, хотѣлъ еще что-то присовокупить, но видъ мѣста, гдѣ онъ находился, свидѣтели, ихъ окружавшіе, сомкнули его уста—и онъ поспѣшилъ изъ жилища скотника. На дворѣ остановился онъ противъ раскрытой двери. Луиза все еще стояла на одномъ мѣстѣ: она невольно обернулась; прощальный взглядъ ея палъ еще разъ на Густава. Казалось, онъ только и ожидалъ этого взгляда, чтобы съ новымъ приращеніемъ счастія удалиться. Можно вообразить себѣ различныя чувства, попеременно волновавшія душу Луизы! Съ особеннымъ удовольствіемъ выслушала она

отъ семейства бывшаго кастеляна, какимъ образомъ Густавъ началъ посѣщать ихъ, какъ онъ благотворилъ имъ сначала тайно и, наконецъ, продолжалъ дѣлать имъ добро съ такимъ великодушіемъ, что отказываться отъ этого добра значило оскорбить его. «Онъ не далъ намъ узнать нищету; скоро заставилъ насъ забыть и горестное наше состояніе. Все, что вы видите на насъ и въ нашемъ домишкѣ, ему принадлежитъ. Да пошлетъ ему Богъ то, чего онъ самъ желаетъ! да наградитъ его супругою, которая душой была бы на него похожа!» Такъ говорила жена бывшаго кастеляна, и взоры ея пристально остановились на Луизѣ, въ смущеніи потупившей глаза. Невольный вздохъ дѣвицы Зегевольдъ доказывалъ, что не ей суждено быть наградой, о которой молила добрая женщина для своего благодѣтеля. По крайней мѣрѣ, она внутренно гордилась и утѣшалась тѣмъ, что если сердце ея ошиблось въ предметѣ любви, который осуждалъ долгъ, то не ошиблось оно въ нравственныхъ его достоинствахъ, имѣющихъ право на лучшую участь и вознагражденіе. Разставшись съ семействомъ скотника, Луиза оставила въ его хижинѣ благодѣтельные слѣды своего посѣщенія. Не видавъ Густава, она сдѣлала бы то же изъ великодушія, изъ сожалѣнія къ несчастнымъ; теперь благотворила, можетъ быть, по влеченію другого чувства; можетъ быть, присоединилась къ этому и мысль, что дары ея смѣшаются вмѣстѣ съ дарами Густава, какъ сливались въ эти минуты ихъ сердца. Спутникъ ея, смотря на радость добрыхъ людей и слушая разсказы о благородныхъ поступкахъ Густава, былъ восхищенъ до седьмого неба. «Есть, есть счастіе на землѣ и для добрыхъ!» — говорилъ онъ вполголоса, выходя отъ скотника съ твердымъ намѣреніемъ, какъ-бы испросить у баронессы прощеніе изгнанникамъ и потомъ женить молодого служителя на Лотхенъ. — Безъ на-

дежды, но съ утѣшеніемъ заснула Луиза въ ночи, наканунѣ дня своего рожденія.

Для связи происшествій въ памяти нашихъ читателей, скажемъ, что свиданіе Никласзона съ Фюренгофомъ случилось въ эту же ночь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВОСПИТАТЕЛЬ И ВОСПИТАННИКЪ

Мнѣ-ль вызывать на судъ свое дитя?
Жуковскій.

О! дайте, дайте мнѣ близъ нихъ окончить вѣкъ!
Нечаевъ.

16-го іюля, часамъ къ шести утра, въ недальнемъ разстояніи отъ Гельмета, близъ знакомаго намъ вяза съ тремя соснами, остановились Конрадъ изъ Торнео и Вольдемаръ изъ Выборга, оба снаряженные такъ, какъ мы видѣли ихъ въ *долинѣ мертвецовъ*. У корня маститаго вяза, сбереженнаго отъ топора священнымъ уваженіемъ всей округи, сидѣлъ мальчикъ, повидимому, лѣтъ четырнадцати, въ одеждѣ изъ лохмотьевъ, рыжеволосый, курчавый, съ лицомъ безобразнымъ, испещреннымъ веснушками, съ глазами, въ которыхъ свѣтило коварство. Лѣвая рука была у него сведена къ плечу; ноги подогнулъ онъ подъ себя неестественнымъ образомъ. Какъ скоро гусляръ усадилъ слѣпца на камнѣ и подошелъ къ мальчику, этотъ началъ униженно кланяться, скорчилъ жалостную рожу и запищалъ: — «Господинъ милостивый! дайте что-нибудь безрукому, безногому, на пропитаніе. У матери груди высохли отъ голода, нечѣмъ кормить меньшого брата, который

плачетъ, хоть вонъ бѣги изъ избы; двѣ маленькія сестры цѣлыя сутки не видали во рту макова зерна. Будьте жалостливы и милостивы, добрый господинъ! Богъ наградитъ васъ на семъ свѣтѣ и въ другомъ».

Вольдемаръ, вглядѣвшись пристально въ краснобая, погрозился на него пальцемъ и сказалъ:—Не шали со мною, бѣсенокъ, изъ молодыхъ да ранній! Меня не проведешь, я колдунъ: знаю, что у тебя нѣтъ ни сестеръ, ни брата; ты одинъ у матери, которая боится назвать тебя своимъ сыномъ: Ильза ея имя; у тебя; одинъ дядя конюхъ, другой—нѣмой, отецъ—знатный баронъ; ты живешь у старой вѣдьмы, такой же побродяги, какъ и самъ. Видишь, я тебя насквозь разбираю. Протяни же сейчасъ ноги, расправь руку и выполни, что я тебѣ скажу. Да смотри!

— Если вы знаете все...—запинаясь произнесъ мальчикъ, опуская руку и вставая на ноги,—какъ васъ, господинъ, назвать?.. съ здѣшняго-ли вы свѣта, или съ другого?

— Называй меня впередъ просто шведскимъ музыкантомъ. Вижу, что ты молодецъ хоть куда, а мнѣ такіе огненные ребята нужны. Вотъ тебѣ для перваго знакомства добрая серебряная монета.—У мальчика отъ жадности заискрились глаза; но онъ, казалось, боялся взять деньги отъ колдуна.—Не бойся; протяни, братъ, руку смѣло, — продолжалъ Вольдемаръ, всунувъ ему деньги, — монета не жжется, сдѣлана человѣческими руками и такая, какихъ накопленъ у тебя мѣшочекъ... знаешь, что лежитъ...—Здѣсь Вольдемаръ показалъ на западъ; мальчикъ поблѣднѣлъ отъ страха. — Сослужи мнѣ, Мартынъ, и о твоемъ мѣшочкѣ никто не будетъ знать.

— Господинъ хорошій, господинъ пригожій!—завопилъ рыжеволосый Мартынъ (именно это былъ тотъ самый, который въ извѣстный вечеръ напугалъ такъ

много Густава своимъ похороннымъ напѣвомъ),—приказывайте, посылайте, дѣлайте изъ меня, что хотите, помыкайте мною, какъ помеломъ.

— Бѣги жъ въ замокъ, найди тамъ Адама Бира. Чай, ты его знаешь?

— Кого я не знаю! Знакомъ мнѣ и этотъ чудакъ, у котораго ротъ почти всегда на замкѣ, а рука всегда настежь для бѣдняковъ. Вотъ вы, господинъ шведскій музыкантъ или что-нибудь помудрѣе, Богъ васъ вѣсть: вы даете съ условіемъ; а тотъ простакъ, лишь кивнулъ ему головой, и шелегъ въ шапкѣ.

— Найди же Бира; разбуди его, если онъ спитъ, и шепни ему на ухо, что одинъ знакомый его отца ждетъ его здѣсь.

Вмѣсто отвѣта, *огненный* перекувырнулся и пустился въ замокъ, какъ посланная тетивою стрѣла. Недолго томилъ онъ ожиданіемъ: скоро принесено донесеніе, что Биръ явится какъ красное солнышко изъ-за горъ. Гусляръ, поблагодаря его еще мелкой монетой, просилъ посидѣть у вяза, близъ слѣпца, и дать ему, Вольдемару, немедленно знать, какъ скоро будетъ подъѣзжать красная карета; самъ же побрелъ навстрѣчу Биру. Запыхавшись бѣжалъ Адамъ, поспѣшая увидѣть знакомца отца своего. Подойдя къ гусляру, онъ остановился противъ него, изумленно всматривался въ его лицо, и вдругъ бросился его обнимать.

— Ты-ли это, Вольдемаръ; воспитанникъ мой, другъ мой?—восклицалъ добрый Адамъ, и радость пресѣкла его голосъ. Въ свою очередь гусляръ могъ только сказать, крѣпко прижимая его къ сердцу: — благодѣтель, отецъ мой!

— Полно, полно, Вольдемаръ. Называй меня также своимъ другомъ. Не знаю до сихъ поръ, что я для тебя сдѣлалъ добраго; но знаю, что ты не оставлялъ

меня во время гоненія сильныхъ, что ты кормилъ меня трудами своихъ рукъ, когда я не имѣлъ насущнаго хлѣба.

— Ты сдѣлалъ для меня болѣе: научилъ меня истинамъ высокимъ, заставилъ меня гнушаться моихъ преступленій и полюбить добродѣтель, и указалъ изгнаннику отечество, какъ цѣль, къ которой я долженъ былъ стремиться.

— Пылкая душа твоя всегда способна была принимать добро; и если ты въ юности совратился съ пути истиннаго, то виноваты окружавшіе тебя. Но перестанемъ растравлять рану твоего сердца: ты въ Лифляндіи, слѣдственно рана эта не зажила еще. Не спрашиваю тебя, слѣдуешь-ли моимъ совѣтамъ, данному тобою обѣщанію? Вольдемаръ достоинъ всей любви моей. Разскажи мнѣ, какимъ образомъ ты въ нашей сторонѣ, въ страннической одеждѣ? Что здѣсь дѣлаешь? Жажду узнать повѣсть твоей жизни съ того времени, какъ мы разстались.—Произнеся это, Адамъ увлекъ гусляра въ кусты, неподалеку отъ дороги.

— Прискорбно имѣть для друга тайну, — сказалъ Вольдемаръ, когда они сѣли въ кустахъ,—отдалъ бы тебѣ душу мою; но, прости мнѣ, я не могу отвѣчать на твои вопросы. Скажу тебѣ только: помыслы высокіе, заброшенные въ душу твоими совѣтами, согрѣтые твоимъ ученіемъ, заставили меня надѣть эту страннической одежду, занесли сюда, сдѣлали еще болѣе— заставили меня быть... нѣтъ, нѣтъ! никогда не открою тебѣ этого имени. Развѣ съ порога моей родины скажу тебѣ все, на что я для нея рѣшился. Цѣль сладостная! но средства... ты, можетъ быть, оттолкнулъ бы меня, узнавъ ихъ.

— Какъ понимать тебя, Вольдемаръ? Какъ вѣрить тебѣ? Въ звукѣ твоего голоса уже слышу доброе дѣло. Одно слово—не бойся, чтобы я хотѣлъ проник-

нуть твою тайну: слишкомъ хорошо извѣстно мнѣ, что тайна не друзьямъ принадлежитъ, а тому единственно, кто ее вѣрилъ. Нѣтъ, не этого хочу отъ тебя; хочу только знать, таковъ ли ты, какимъ сердце мое тебя угадываетъ. Одно слово: ищешь-ли ты заслужить потерянное отечество?

— Я служу ему.

— Служишь? Въ страннической одеждѣ? — произнесъ тихо Адамъ приложивъ палецъ ко лбу; потомъ продолжалъ, возвысивъ голосъ:—Совѣсть твоя чиста-ли въ этомъ служеніи?

— Что сказать ему, Господи?—воскликнулъ Вольдемаръ, обративъ глаза къ небу.—Ты одинъ читаешь мои намѣренія; Ты видишь сокровенные пути мои: взвѣсь мои дѣла, и дай ему отвѣтъ! Другъ! могу ли успокоить тебя насчетъ чистоты моихъ дѣлъ, когда я самъ весь борьба, весь тревога и опасеніе? Выслушай мое униженіе и жертвы, мой страхъ и надежды, и пойми меня, если можешь. Мысль загладить преступленіе, заслужить прощеніе того, кого не смѣю наименовать, и съ этимъ вмѣстѣ открыть себѣ путь въ отечество, зажглась въ душѣ моей среди бесѣдъ съ тобою, еще въ Упсалѣ. Не ярче пылаетъ свѣча чистѣйшаго войска. Мысль эта овладѣла всѣмъ моимъ существомъ: источникъ ея былъ чистъ, видитъ Богъ! Впослѣдствіи времени, можетъ быть, примѣшалось къ нему чувство не столь безкорыстное—я человѣкъ, болѣе десяти лѣтъ живу въ землѣ чужой; можетъ быть, раскаяніе мое, любовь къ отечеству, превратились въ одну тоску по родинѣ. Спрашиваю себя часто: всѣ жертвы мои не происходятъ-ли отъ самоугожденія? Не хочу-ли я ихъ выкупить удовольствіемъ быть между своими, на землѣ родной? Подвиги мои добро или слабость? Какъ бы то ни было, не разрѣшая себѣ тихъ вопросовъ, стремлюсь къ ней, къ благословенной

отчизнѣ; хочу видѣть ее, во что бы ни стало, подышать ея воздухомъ и умереть... хотѣлъ бы быть ея сыномъ! Долго искалъ я средствъ, какъ утолить жажду моей души... Мнѣ встрѣтился *одинъ* человѣкъ... *онъ* предложилъ мнѣ средство... далъ моимъ устамъ коснуться милостивой руки, въ которой заключена судьба моя, поднялъ края завѣсы, скрывающей мое отечество— и я спѣшилъ ухватиться за то, что мнѣ было предложено. Суди о возвышенности моихъ средствъ!.. Полюбуйся должностью своего воспитанника, своего друга!.. Пресмыкаюсь, обманываю, продаю другихъ. себя; самое добро, которое дѣлаю, долженъ похищать какъ тать; пріобрѣтя, не могу назвать своимъ. Скажу еще болѣе: чтобы доставить истинную пользу тѣмъ, кому служу, я долженъ былъ сначала дѣлать имъ зло. Борюсь съ обстоятельствами, съ природою, съ самимъ собой; хожу въ черномъ тѣлѣ, влача за собою смрадную, презрѣнную одежду. Настоящаго имени моего всѣ гнушаются; самые тѣ, которые думаютъ имѣть во мнѣ нужду, смотрятъ на меня съ презрѣніемъ...

— Неужели ты?..

— Не выговаривай! ради общаго милосердаго Отца, не выговаривай. Ужасно слышать это имя отъ тебя! Отъ меня самого узнай всю повѣсть моего униженія и страданій: выслушай до конца, и тогда произнеси надо мною приговоръ. (Вольдемаръ остановился немного, посмотрѣлъ въ глаза своему другу и воспитателю, какъ онъ называлъ его, и прочтя въ нихъ одно сердечное участіе, продолжалъ): Многолѣтній труженникъ, начинаю только собирать плоды моихъ трудовъ. Я тебѣ сказалъ, что мнѣ до сихъ поръ наградой одна извѣстность презрѣннаго имени. Свои меня ищутъ, чтобы погубить, чужіе готовы предать при первомъ случаѣ на погубленіе. Можетъ быть, завтра ждетъ меня висѣлица въ непріятельскомъ станѣ, какъ измѣнника, или

позорная казнь назначена мнѣ среди моихъ соотечественниковъ, какъ убійцѣ, бѣглецу, переметчику. Умру—и самую могилу отчужденца палачъ назначитъ подалѣе отъ православныхъ! Кто посѣтитъ мѣсто пугалища?.. Какое семейство, какой край и народъ признаютъ меня своимъ?.. У меня и родныхъ нѣтъ въ мірѣ, кромѣ родины, да и та отступится отъ меня, даже мертваго; чужіе будутъ обходить жилище — не скажутъ: усопшаго, но висѣльника, удавленника—вотъ названія, которыя мнѣ по смерти дадутъ! Кто скажетъ, что сдѣлала, что хотѣла сдѣлать для искупленія преступленія и, можетъ статься, болѣе для свиданія съ отечествомъ, неограниченная, мученическая любовь моя къ нему? Кому извѣстна эта любовь? Кому смѣю даже нынѣ открыть мои дѣла, мои намѣренія? *Одному* только ввѣрена тайна моя, и этотъ *одинъ* чужеземецъ, сторонній мнѣ чувствами и помышленіями! Онъ весь—мщеніе, я весь—любовь! Онъ одинъ можетъ свидѣтельствовать о томъ, что я совершилъ, что хотѣлъ совершить; а кто знаетъ, что нынѣшній день, этотъ мигъ—его? Съ собою въ гробъ возьметъ онъ все, что я пріобрѣлъ такими трудами; земля пожретъ мое благороднѣйшее достояніе, лучшую часть меня, а на землѣ останется только злодѣй, бѣглецъ, отверженецъ, то, что я былъ еще тринадцать лѣтъ назадъ. Даже отъ ближайшихъ мнѣ долженъ я себя скрывать: не смѣютъ они обласкать меня привѣтомъ искренности, какъ родные боятся открыть крышу съ гроба смраднаго мертвеца, чтобы почтить его братскимъ цѣлованіемъ. Самый этотъ слѣпецъ, который, видишь, сидитъ подъ вязомъ, неразлучный мой спутникъ, исполняющій мои желанія, будто очами сердечными прозираетъ въ моемъ сердцѣ, готовый жертвовать для меня своею жизнію, почитающій меня своимъ благодѣтелемъ, сыномъ, другомъ, заключающій во мнѣ все, что осталось ему до-

рогого на немногіе дни его жизни — повѣришь ли? — святой этотъ старецъ есть только темное орудіе моихъ дѣйствій. Онъ не знаетъ, кто я, откуда, кому работаю; онъ не знаетъ, что съ нимъ ходитъ столько лѣтъ, рука объ руку, преступникъ, изгнанникъ изъ своего отечества; что товарищъ, вожатый, которому онъ отдалъ душу, заперъ для него свою и торгуетъ съ нимъ лучшимъ даромъ Господа — любовію къ ближнему. Даже тебѣ, кому открыто мое злодѣйство, кому я всѣмъ обязанъ, тебѣ не смѣю повѣрить своихъ дѣлъ и намѣреній. Вотъ мои труды, мои жертвы: видишь, они человѣческія! Свыше я ничего не могу.

— Вижу, — сказалъ Адамъ съ глубокимъ вздохомъ, — и понимаю, что средства, тобою избранныя, могли быть вѣрными въ другомъ человѣкѣ, болѣе гибкомъ, болѣе умѣющемъ скрывать себя. Но для тебя, съ твоею пороховою душой—одной минуты довольно, чтобы погубить себя! Ты не можешь выдержать угнетенія; ты не способенъ унижаться, обманывать: а твоя должность этого требуетъ. Страшусь за тебя: не ты— благородный, пылкій нравъ твой измѣнитъ твоей тайнѣ.

— Не разъ уже навлекалъ я на себя подозрѣнія. Но дѣло сдѣлано, жребій брошенъ!

— Ты сказалъ, что другого выбора средствъ не было тебѣ предоставлено?

— Я искалъ благороднѣйшихъ по твоему совѣту, и рѣшительно не нашелъ. Мнѣ оставалось, или съ моими злодѣяніями возвратиться въ отечество подъ плаху, или принять то, что мнѣ предложено.

— Не возможно-ли теперь?..

— Перемѣнить? Нѣтъ, не думай! Этому не бывать!—вскричалъ Вольдемаръ, смотря на своего друга очами, разгорѣвшимися какъ у львицы, у которой хотятъ отнять дѣтей ея, — нѣтъ! я зашелъ уже далеко; я видѣлъ грань моего отечества, слышалъ родные го-

лоса — и не пойду назадъ. Приди отецъ и мать моя, еслибъ они отыскались! приди самъ Господь съ Его небесными силами... нѣтъ, этому не бывать, говорю тебѣ. Одна смерть можетъ сказать мнѣ: остановись! Господи! Господи! дозволь мнѣ положить хоть кости мои на родномъ кладбищѣ!.. (Вольдемаръ горько заплакалъ). Теперь, второй отецъ мой, оттолкни меня отъ себя!..

Адамъ былъ тронутъ. Онъ взялъ руку своего собесѣдника, крѣпко пожалъ ее и сказалъ съ восторгомъ, необыкновенно его одушевлявшимъ:

— Довольно, не хочу знать болѣе. Догадываюсь о твоей тайнѣ; понимаю, что, обнаживъ ее передо мною, ты думалъ бы вручить мнѣ оружіе противъ себя. Нѣтъ! не оттолкнуть тебя хочу, но открыть тебѣ душу свою, чтобы ты нашелъ въ ней новыя силы совершить начатое. Не мнѣ отговаривать тебя: ты меня знаешь!.. Когда бъ мои обязанности согласовались хоть нѣсколько съ твоими, я самъ пошелъ бы съ тобою рука объ руку, какъ этотъ слѣпецъ, и раздѣлилъ бы твое благородное униженіе и бремя. Люблю видѣть въ дѣлахъ моего воспитанника ту пламенную любовь къ великому, которую я старался возбудить и утвердить въ тебѣ. Не даромъ посѣщалъ я съ тобою такъ часто благословенныя земли Греціи и Рима, породившія столькихъ героевъ! Не болѣе тебя сдѣлалъ бы сынъ ихъ. Теперь, понимая тебя, не хочу смотрѣть на низость твоихъ средствъ: что мнѣ нужды до нихъ, лишь бы отечество и Богъ взирали на твои дѣла съ удовольствіемъ! Выключи меня изъ числа черни, которая судитъ по одной наружности. Пусть гонитъ это стадо бичъ предразсудковъ; пускай смотритъ оно очами тѣлесными въ уровень себѣ и питается однимъ подножнымъ кормомъ чувственности! Въ глазахъ его Брутъ есть только убійца дѣтей своихъ; Курцій, бросающійся

въ пропасть — самоубійца. Ты знаешь этихъ великихъ мужей: мы съ тобою умѣли понимать и цѣнить ихъ подвиги. — Тебѣ-ли послѣ этого скорбѣть о мнѣніи черни? Стань выше его! Мудрый не покоряется безразсудной волѣ толпы, а самъ даетъ ей направленіе. Не она—совѣсть тебѣ награда; голосъ избранныхъ — твой судъ! Государь и отечество оцѣнятъ нѣкогда твои заслуги, если ихъ узнаютъ. Великій — свыше мести: онъ позволитъ тебѣ обнять свои колѣна; онъ проститъ тебя. Ты увидишь родину. Сердце мое пророчествуетъ тебѣ эти блага. Не почитай же себя униженнымъ неодолимою тоской по отчизнѣ, дающей тебѣ столько силы совершить великое и благородное; не помышляй также, чтобы въ дѣлахъ человѣка, сколько бы они возвышены ни были, не примѣшивалось нѣчто отъ слабостей человѣка, чтобы онъ могъ любить что-нибудь, не любя себя хоть посредственно,—съ совершеннымъ самоотверженіемъ. Пламенное воображеніе твое представляетъ тебѣ нѣкоторые предметы въ черномъ видѣ. Не вѣрю тебѣ, чтобы ты игралъ любовью къ своему товарищу: слѣпецъ почитаетъ тебя своимъ благодѣтелемъ, сыномъ, другомъ; ты все это дѣйствительно для него. Десять лѣтъ водишь его, служишь ему глазами, посохомъ, питаешь его, переносишь его немощи, согрѣваешь своими ласками, однимъ словомъ,—ты замѣняешь ему семейство, отечество, природу. Какой сынъ сдѣлалъ бы болѣе для отца? Какой отецъ взамѣнъ этого не воздалъ бы сыну нѣкоторыми пожертвованіями? Онъ возвращаетъ тебѣ то, что получаетъ отъ тебя же. На что ему знать, кто ты, откуда? Онъ—ты, потому что онъ только тобою существуетъ. На что ему твоя тайна? Безъ нея онъ свободнѣе любить тебя можетъ. Не продавать же ее вмѣстѣ съ душою своею людямъ, чуждымъ для него! Если ты обманываешь его въ этомъ случаѣ, то обма-

ныва́ешь, какъ нѣжный сынъ, можетъ быть сберегая ему то сокровище, которымъ самъ дорожишь. Не вѣрю также, чтобы ты, Вольдемаръ, захотѣлъ когда либо жертвовать старцемъ для своихъ видовъ, какъ бы они ни были благородны и высоки. Ты говоришь мнѣ, что онъ темное орудіе твоихъ дѣйствій: не знаю его услугъ; но увѣренъ, что онъ ясное орудіе милости къ тебѣ Провидѣнія, пославшаго тебѣ слѣпца въ помощники, да не видятъ зрячіе, чего имъ не должно видѣть. Вотъ что я хотѣлъ сказать тебѣ въ утѣшеніе, Вольдемаръ! Продолжай свое служеніе, презри униженность средствъ, если Провидѣніе не дозволило тебѣ другихъ; взирай только на цѣль. Богъ да благословитъ тебя на пути твоемъ и да подастъ тебѣ силы и возможность совершить благое во имя, драгоцѣнное всякому гражданину; да наградитъ тебя счастіемъ возвратиться въ свое отечество истиннымъ его сыномъ! Обними меня еще разъ, милый другъ, и скажи мнѣ, могу ли быть тебѣ чѣмъ-нибудь полезенъ.

Гусляръ, почерпнувъ, казалось, на груди друга новыя силы и утѣшенія, просилъ его исполнить только двѣ вещи: пріискать, во-первыхъ, мѣстечко подъ окнами Луизы, гдѣ онъ и слѣпецъ могли бы, невидимые никѣмъ, поздравить новорожденную, какъ просила ихъ дѣвица Рабе и, во-вторыхъ, дать гостепріимный уголокъ старцу на два дня, на которые Вольдемаръ долженъ былъ съ нимъ разстаться. Адамъ все обѣщалъ. Какою неожиданною радостью изумленъ былъ послѣдній, узнавъ, что слѣпецъ есть тотъ самый Конрадъ изъ Торнео, на чьихъ рукахъ умеръ его отецъ! Съ другой стороны, какъ изумленъ былъ слѣпецъ, когда слухъ его, эти очи слѣпого, былъ потрясенъ голосомъ стариннаго знакомца, сына его покровителя! За первыми горячими изліяніями чувствъ послѣдовали съ той и другой стороны запросы о быломъ времени, про-

текшемъ уже болѣе восьми лѣтъ. Чего не вспомнили они, не пересказали другъ другу? Кого не вызвали изъ мрака прошедшаго? Кого не оплакали въ этой бесѣдѣ или, лучше сказать, въ той тризнѣ по милымъ друзьямъ, какой, можетъ быть, никто не совершалъ по нихъ? Не наговорились другъ съ другомъ, не наслушались одинъ другого, слѣпой старецъ и мужъ, первый уже на порогѣ гроба, второй немного отставшій отъ него, предчувствуя, можетъ быть, что одинъ изъ нихъ самъ долженъ будетъ скоро сдѣлаться *воспоминаніемъ*, а другому придется оплакивать въ немъ новую утрату.

Бесѣда нашихъ друзей была прервана вѣстью рыжаго мальчика, что карета, управляемая дядею его, уже показалась вдали. Адамъ и гусляръ, подхвативъ слѣпца подъ руки, направили поспѣшно путь къ замку. Въ цвѣтникѣ, за сиреневыми кустами, подъ самыми окнами Луизиной спальни, поставлены были музыканты такъ, что никто не могъ ихъ видѣть, да и проведены они были туда, никѣмъ незамѣченные.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРАЗДНИКЪ

И голосъ оскорбленной чести
Меня къ отмщенію зоветъ.
Пушкинъ!

Луиза просыпалась, но длинныя рѣсницы ея сливались еще, сжимаемыя удовольствіемъ сердечной нѣги. Богъ любви привѣтствовалъ ее со днемъ рожденія сладкимъ сновидѣніемъ, съ которымъ жаль было ей разстаться: давно не была она такъ счастлива. Она почувствовала что-то свѣжее на груди и открыла глаза: это была роза безъ шиповъ, едва развернувшаяся. Отъ кого даръ? думала она и, рѣшившись разспросить о немъ у своей горничной, спѣшила опустить цвѣтокъ въ стаканъ воды, какъ бы нарочно поставленный близъ ее на столъ. Въ этомъ занятіи застали ее чудесные звуки, прилетавшіе къ ней изъ цвѣтника. Она могла разобрать, что играли на двухъ инструментахъ и пѣли два мужскіе голоса, одинъ нѣжнѣе другого, пѣсню въ честь ея. Очарованная неожиданной музыкой, она раздумывала, кого благодарить за нее, какъ дверь отворилась, и Катерина Рабе въ объятіяхъ милой подруги заградила своими поцѣлуями крикъ радости на ея устахъ. Все было въ этомъ сви-

даніи: восторги смѣняли слезы, слезы перемѣшивались со смѣхомъ; вопросы бѣжали за вопросами, прошедшія горести, надежды, утѣшенія, — все слилось въ безпорядочномъ лепетѣ дружбы. Этотъ первый пароксизмъ дружбы прерванъ былъ на нѣсколько минутъ необыкновеннымъ крикомъ подъ окнами Луизиной спальни.

— Музыка въ четвертомъ нумерѣ! Боже мой! — кричалъ едва не съ плачемъ какой-то басистый голосъ, — что это будетъ? Въ четвертомъ нумерѣ, говорю вамъ! Кто смѣлъ привесть сюда этихъ побродягъ? Кто осмѣлился нарушить священную волю госпожи баронессы? Кажется, она не первый день госпожа въ своемъ замкѣ.

Дѣвица Рабе покраснѣла, со свойственной ей живостью бросилась къ окну и закричала изъ него:—Простите меня, господинъ Дихтерлихтъ, это я, я во всемъ виновата.

На это увѣщаніе, произнесенное ласковымъ, обворожительнымъ голосомъ, затихъ ропотъ школьнаго мастера. Въ то же время вошла къ Луизѣ въ спальню сама баронесса Зегевольдъ; съ нѣжностью поцѣловала дочь, поздравила ее со днемъ рожденія и, пожелавъ ей счастія, вручила корзину, въ которой лежали богатыя ожерелья, серьги, цѣпи и зарукавья, искусно отдѣланныя; потомъ, обратившись къ маріенбургской гостьѣ, величаво кивнула ей, и, въ знакъ милостиваго вниманія къ бѣдной, ничего незначущей воспитанницѣ пастора, которую дочь ея удостоивала своими ласками, дозволила Катеринѣ Рабе поцѣловать себя въ щеку. Несмотря на эту милость, въ глазахъ баронессы сквозило неудовольствіе, что ее предупредили у новорожденной съ поздравленіями. Луиза поспѣшила одѣться, благодарила мать за подарки, казалась довольной, а сама думала: на что мнѣ они?

Въ недобрый часъ былъ приходъ въ Гельметъ бѣдныхъ музыкантовъ. Только утихла надъ ними гроза маріенбургскаго школьнаго мастера и стихотворца Дихтерлихта, какъ уже собирались новыя тучи съ другой стороны. Никласзонъ, этотъ вѣрный агентъ Паткуля, какъ мы имѣли случай видѣть, вскорѣ замѣтилъ Вольдемара изъ Выборга и почелъ худымъ предвѣстіемъ эту комету, въ первый разъ являвшуюся надъ горизонтомъ Гельмета.—«Какъ! лазутчикъ Шлиппенбаха? Этотъ человѣкъ, ищущій съ такою неутомимостью гибели русскаго войска, и такъ усердно отыскиваемый патріоткою, онъ здѣсь? Это что-нибудь значитъ; это не къ добру, тѣмъ болѣе, что Шлиппенбахъ долженъ быть нынѣ въ Гельметъ, не подозрѣвая еще грозной тревоги! Если этотъ шпіонъ, нигдѣ не отыскавъ его, пожаловалъ сюда съ извѣстіемъ о приближеніи русскихъ, такъ бѣдняжка опоздалъ: время ушло! Думаю, что весь здѣшній край заблаговѣститъ это черезъ нѣсколько часовъ. Взявшись за ремесло лазутчика, онъ долженъ былъ твердо знать, что для ловли сельдей и китовъ бываетъ одна пора: но если этотъ лукавый музыкантъ провелъ насъ, искусниковъ— ибо часто въ нашемъ ремеслѣ случается, что тотъ, кто считаетъ себя близко цѣли своего обмана, бываетъ самъ обойденъ, вѣдь не всякаго мудреца довольно простоты — если этотъ лукавый музыкантъ, говорю я, провѣдалъ, *кто* пожалуетъ сюда на праздникъ съ Фюренгофомъ, и шепнетъ о томъ не въ урочный часъ на ушко своему доброжелателю?... Тогда все это недоконченное и нетвердое зданіе прямо падетъ на меня!... Однакожъ, чрезъ кого провѣдать ему въ одну ночь? Сомнительно! мудрено! На всякій случай надобно держать проклятаго музыканта въ почтительномъ отдаленіи отъ баронессы и Шлиппенбаха. Какъ на бѣду, Адамъ, этотъ всеобщій покровитель нищихъ и побро-

дягъ, успѣлъ пріютить голубчиковъ подъ свое крыло. Вотъ ужь онъ ведетъ слѣпца и товарища къ баронессѣ. Буду дѣлать, что могу, и между тѣмъ, для безопасности собственной персоны, не худо имѣть въ готовности осѣдлланнаго коня и добрую пару пистолетовъ». Такъ разсуждалъ самъ съ собою лукавый Никласзонъ, рѣшившись даже на отчаянныя мѣры, еслибы какъ-нибудь проникла наружу тайна товарища Фюренгофа и гельметскаго гостя, Зибенбюргера, и обстоятельства, не побоявшись мастера, ихъ устроившаго, пошли ему на перекоръ. Во первыхъ, онъ исполнилъ все, придуманное имъ для собственной безопасности, потомъ отдалъ слугамъ строжайшій приказъ, безъ дозволенія его не пускать гусляра и слѣпца въ домъ.

Не съ такою жадностью обжора вкушаетъ перигорскій пирогъ, нѣсколько мѣсяцевъ ожиданный, съ какою баронесса пожирала бесѣду Вольдемара, этого таинственнаго агента Шлиппенбаха. Правда, вся бесѣда заключалась еще въ одномъ приступѣ къ дипломатическимъ сношеніямъ, который начался, какъ у иного автора при всякомъ сочиненіи, съ яицъ лединыхъ. Правда, и отвѣты гусляра не обѣщали уступчивой искренности; но, по крайней мѣрѣ, дипломатка старалась голосомъ сирены привлечь въ свою область этого новаго Язона, хранящаго золотое руно, то-есть тайну похищенія Паткуля. Лукавый Никласзонъ поспѣшилъ, однакожъ, разрушить эту бесѣду, отозвавъ баронессу въ ближнюю комнату и объяснивъ ей со всепокорнѣйшею преданностью, что она, дальнѣйшимъ сближеніемъ съ пришлецомъ и, можетъ быть, обманщикомъ, растеряетъ плоды вчерашняго посѣщенія раскольниковъ, которыхъ извѣданное усердіе нынѣ такъ легковѣрно мѣняетъ на сомнительные виды. Если же она желаетъ, продолжалъ Эліасъ, чтобы извѣстіе о сборахъ русскаго войска на Лифляндію было ею первою сообщено его

превосходительству, господину генералъ-вахтмейстеру, и чтобы неожиданность этого извѣщенія придала ему цѣну, слѣдственно болѣе таинственности и важности дипломатическимъ ея трудамъ, то всего лучше держать на нынѣшній день музыканта въ отдаленіи такъ, чтобы онъ никакъ не могъ добраться до генерала.

— Ахъ, любезнѣйшій мой Никласзонъ! — сказала дипломатка, — вы бросаете свѣтлый лучъ въ мои мысли, запутанныя и помраченныя нынѣшнимъ праздникомъ. Какъ я вамъ благодарна! Въ самомъ дѣлѣ, для мыльныхъ пузырей потерять плоды столькихъ трудовъ! Какъ будто бы насмѣяться надъ усердіемъ и преданностью ко мнѣ этихъ добрыхъ, русскихъ моихъ *подданныхъ*, пришедшихъ ко мнѣ съ таинственною вѣстью изъ-за нѣсколькихъ десятковъ миль! Упустить случай написать къ министру Пиперу о пользѣ, нами принесенной въ этомъ случаѣ Лифляндіи и, что еще важнѣе, войску его королевскаго величества! Благодарность Карла, наконецъ я тебя поймала... наконецъ этотъ ненавистникъ женщинъ долженъ будетъ признаться, что женщинѣ обязанъ побѣдою надъ Петромъ, спасеніемъ большого лоскута своего королевства и арміи. Каковы трофеи для насъ, мой любезный, вѣрный Никласзонъ! Нѣтъ, этотъ кусочекъ слишкомъ лакомый, чтобы въ простотѣ сердца отдать его агенту Шлиппенбаха. Распоряжайтесь, какъ вы найдете лучше, чтобы онъ не могъ схватить у насъ изъ-подъ носа такую богатую добычу; будьте полнымъ хозяиномъ въ этомъ дѣлѣ. Какъ вы думаете, не запереть-ли намъ куда-нибудь этихъ бродягъ? — Никласзонъ увѣрилъ, что онъ обойдется и безъ такихъ насильственныхъ средствъ, и спѣшилъ привесть свои увѣренія въ дѣйствіе, утѣшаясь, что умѣлъ такъ ловко обратить на гнѣвъ и гоненіе скорыя милости баронессы къ

Вольдемару. Вотъ какъ важныя головы одурачиваются мелкими хитрецами!...

Баронесса, возвратясь въ ту комнату, гдѣ былъ гусляръ и товарищъ его, сказала имъ съ оскорбительною гордостью:

— Ступайте въ кухню, друзья мои, васъ тамъ накормятъ.

Отвѣтомъ Вольдемара былъ гордый, презрительный взглядъ.

Слѣпецъ произнесъ съ негодованіемъ:—Нечестивый злоумышляетъ противъ праведника и скрежещетъ на него зубами своими: но Господь смѣется ему, ибо видитъ, что приближается день его» [1]).

Съ этимъ вмѣстѣ музыканты вышли изъ комнаты и побрели въ садъ; баронесса проводила ихъ глазами, разгорѣвшимися отъ досады, что слѣпой колдунъ (такъ извѣстенъ онъ былъ въ краю) осмѣлился причислить ее къ сонму нечестивыхъ.

Между тѣмъ, среди жужжанія народа, собравшагося на дворъ, послышались шумъ колесъ, удары бича и ржаніе лошадей. Со всѣхъ сторонъ катились, неслись и ползли берлины, одноколки, колымаги, скакали верховые; всѣ дороги заклубились отъ пыли, а на перекресткѣ стояла цѣлая туча, какъ на баттареѣ во время сраженія. Все спѣшило, будто по пути жизни мчались ко двору фортуны ея искатели. Иные, заключая свое честолюбіе въ томъ, чтобъ быть впереди, кричали съ нетерпѣніемъ своимъ кучерамъ: «форвертсъ! форверстъ!» [2]) другіе, боясь излишнею ретивостью сломить себѣ въ суматохѣ шею, приказывали отставать; третьи, равняясь другъ съ другомъ, мѣнялись привѣтствіями, проклинали тѣсноту, пыль и жаръ, и, мо-

---

1) Псаломъ XXXVI.
2) Впередъ, впередъ!

жетъ быть, въ сердцѣ посылали другъ друга къ чорту; конные, объѣзжая стороной экипажныхъ, едва не выговаривали: «хлопочите, а мы все-таки будемъ впереди». У воротъ замка сдѣлалась настоящая суматоха; къ крикамъ, на разные напѣвы господъ и госпожъ разнаго возраста, присоединялась брань кучеровъ. На дворѣ все пришло въ чинный порядокъ: между толпой крестьянъ и столами, устроенными для угощенія ихъ, оставлена была Шнурбаухомъ дорога, и по ней-то экипажи тянулись къ террасѣ цѣпью, одинъ за другимъ. На случай, гдѣ надобно было распоряжаться кучерами и скотами, амтманъ былъ человѣкъ дорогой. Секретарь, на нынѣшній день маршалъ двора баронессы, съ треугольною шляпою подъ мышкою, съ шпагою у бока, съ улыбкою и привѣтствіями на устахъ встрѣчалъ гостей въ первыхъ комнатахъ. Сама баронесса принимала ихъ въ гостиной, въ которой сіяли какъ зеркала, и замѣняли ихъ штучныя стѣны и колонны изъ разнаго дерева, исправно натертыя масломъ и воскомъ. Она сидѣла въ пышныхъ креслахъ, съ дивною рѣзьбою, обитыхъ малиновымъ бархатомъ; кому кивала, для иного едва привставала, для другого совсѣмъ становилась на ноги и дѣлала шагъ, два и болѣе впередъ, смотря по важности входившаго лица. И на пріемъ она имѣла свою дипломатію! Если бы кто изъ нашего вѣка перенесся въ это собраніе, то подумалъ бы, что находится въ маскарадѣ или въ старинной портретной галлереѣ. Большая часть мужчинъ были настоящіе маркизы Лудовика XIV, въ которыхъ преобразилась тогда едва ли не вся Европа! Среди щеголей, одѣтыхъ по послѣдней модѣ, были пріѣзжіе изъ Риги, не стыдившіеся явиться въ нарядѣ XVII столѣтія. Круглая шляпа съ перьями, распущенные по плечамъ волосы, тонкій усъ и оставленный на концѣ бороды клочекъ волосъ; воротникъ рубашки, отвороченный до груди,

и между нимъ двѣ золотыя кисточки, полукафтанье, на подобіе черкесскаго чекменя, изъ чернаго атласа, который тянули внизъ свинцовые шары, вдѣланные кругомъ полы въ шелковой бахромѣ; бѣлая, шитая перевязь, падающая съ праваго плеча по лѣвую сторону; сапоги съ черными бантами на головкахъ и съ раструбами изъ широкихъ кружевъ, туго накрахмаленныхъ, въ которыхъ икры казались вдѣланными въ огромныя чаши, — весь этотъ нарядъ и въ тогдашнее время заставлялъ на себя оглянуться съ невольною улыбкою. Такъ обычаи и даже нравы уступаютъ всемогущему вліянію времени! Отставшіе отъ него кажутся уродливыми.

Несмотря на то, что тогдашняя одежда женщинъ не красила ихъ, хорошенькія все оставались хорошенькими. Таково могущество красоты, что наряды ее хоть съ *рожками* и въ *рогожку*, а она все-таки будетъ прельщать. Лифляндія—цвѣтникъ пригожихъ женщинъ, и потому на праздникъ у баронессы собрались ихъ вереницы; но всѣхъ прекраснѣе была Катерина Рабе, всѣхъ милѣе Луиза Зегевольдъ.

Съ пренебреженіемъ смотрѣли на бѣдную воспитанницу пастора Глика пріѣзжія гостьи, твердо выучившія отъ маменекъ свою родословную; непригожія изъ нихъ отличались особенною къ ней непріязнью.

— Что за охота Луизѣ привязаться къ этой куклѣ?— говорила одна, золотовласая, какъ Церера, и съ лицомъ, испещреннымъ веснушками, будто обрызганнымъ грязью. — Нельзя взять ее за руку, чтобы не появилась съ другой стороны ея Кете; ну, посуди, милая, прилично ли мнѣ служить pendant дѣвченкѣ, Богъ знаетъ, какого рода и званія.

— То-ли дѣло флейлинъ фонъ Голнгаузенъ!—говорила другая, пришептывая, — умѣетъ держать себя, какъ должно! Видѣла-ли ты, какимъ холоднымъ взгля-

домъ обдала она малліенбулгскую гостью, когда эта хотѣла къ ней приласкаться?

— Прекрасно отпотчивала!—прибавила третья, мигавшая безпрестанно однимъ глазомъ и немного кособокая.

— Замѣтила-ли ты, какія у нея дурныя манеры?

— Гдѣ-жъ было ей научиться порядочнымъ?—перебила золотовласая Церера.—Развѣ у пастора Даута, когда она няньчила его дѣтей

Тутъ расходившееся злословіе было остановлено на минуту неожиданнымъ восклицаніемъ подруги, вновь прибывшей въ кругъ собесѣдницъ.

— Ахъ, какъ хороша маріенбургская Кете!—сказала съ особеннымъ восторгомъ пришедшая,—я засмотрѣлась на нее какъ на прекрасную картинку, ну такъ, что не отошла бы отъ нея!

— Ужь вкусъ!—закричали всѣ съ хохотомъ.

— Не мудлено жь, милая, такъ судить по неопытности; она въ пелвый лазъ въ жизни вылетѣла изъ своего гнѣздышка Фогельсгаузенъ, — прервала шепетунья.

Осмѣлившаяся похвалить бѣдную воспитанницу пастора, покраснѣвъ, принуждена была сознаться, что она шутила. Катерина Рабе не оскорблялась гордымъ обращеніемъ съ нею знатныхъ пріѣзжихъ или не примѣчала его: дружба Луизы, явно дававшая ей предпочтеніе предъ всѣми гостями, вознаграждала ее за непріятности этого праздника. Когда бъ она знала болѣе свѣтъ или была самолюбивѣй, тогда бъ догадалась по глазамъ мужчинъ всякаго званія, по тонкой и предупредительной ихъ услужливости, что она избрана ими царицей праздника.

Чего и кого не было на этомъ праздникѣ! Сюда пріѣхали дворяне, духовные, профессоры, офицеры, студенты и купцы. На каждомъ былъ отпечатокъ

времени: большая часть гостей, особенно студенты, выступали съ марціальнымъ видомъ, какъ бы идя навстрѣчу военной грозѣ; нѣкоторые робко пожимались въ уголки комнатъ, какъ птицы, нахохлившись, прячутся въ густоту деревъ, почуявъ непогоду. Въ углу гостиной отыскали мы своего стараго знакомаго пастора Глика, жарконько разсуждавшаго съ какимъ-то архитекторомъ-философомъ о томъ, какимъ образомъ удобнѣе созидать храмъ просвѣщенія: снизу-ли начинать, съ середины, или сверху?

— Помилуйте, — говорилъ архитекторъ, — кто-жъ строитъ зданія на воздухѣ?

— Позвольте, я вамъ докажу, — прервалъ пасторъ, — я всѣ препятствія видѣлъ напередъ и устранилъ ихъ. Въ адресѣ, мною изготовленномъ для подачи королю, нынѣ благополучно царствующему, говорится ясно о способахъ преобразованія Лифляндіи.

— Но какъ вы могли?..

— Не спорьте, милостивый государь! Доказательства сейчасъ на лицо; ясны—какъ день!—И вы признаетесь, что...

Здѣсь въ жару полемики пасторъ засунулъ было руку въ боковой карманъ, но, хватившись, что онъ потерялъ знаменитый адресъ дорогою, смутился до пота на лицѣ и приведенъ былъ въ такое же прискорбное состояніе, въ какомъ, по тому же поводу, явился онъ намъ въ *долинѣ мертвецовъ*. Напрасно искали мы по всѣмъ комнатамъ цейгмейстера Вульфа, вѣчнаго пріятеля и антагониста пастора и жениха дѣвицы Рабе. Вотъ что мы узнали о неявкѣ его къ празднику въ Гельметъ. Лукавый духъ долины не переставалъ подшучивать надъ маріенбургскими жителями и за Менценомъ, затрудняя имъ путь то частою потерею подковъ у лошадей, то хромотой Зефирки, то починкою экипажа. Вульфъ, не награжденный отъ природы

большимъ терпѣніемъ, къ тому-жъ обязанный въ скорости доставить къ генералъ-вахтмейстеру Шлиппенбаху важное донесеніе (съ котораго, мы также видѣли, копія была искусно снята и доведена по принадлежности), рѣшился отдѣлиться отъ своихъ дорожныхъ товарищей и поспѣшить къ начальнику. Отыскавъ послѣдняго близъ Пернова, куда этотъ ѣздилъ для свидѣтельства военныхъ снарядовъ, и получивъ отъ него, по предмету своего путешествія, разрѣшеніе, цейгмейстеръ долженъ былъ немедленно отправиться въ обратный путь, и потому, вмѣсто посѣщенія Гельмета, принесъ ему только издали дань поклономъ и вздохомъ.

Долго искали мы также между гостями и Фюренгофа: его еще не было въ Гельметѣ. Наконецъ, подъѣхала къ террасѣ колымага, по виду пережившая уже полвѣка, и, по исправности своей, обѣщавшая еще столько же покататься по бѣлому свѣту. Живые лошадиные остовы, въ нее запряженные, были до того утомлены, что бока вздувались, какъ мѣха, и потъ падалъ съ нихъ крупными каплями. Первый встрѣтившій колымагу и отворившій у ней двери, былъ Фрицъ, на лицѣ котораго, при этомъ дѣйствіи, выражалась необыкновенная радость, смѣшанная съ какимъ-то страхомъ. Онъ быстро оглядывался вокругъ себя, хотѣлъ говорить, но губы его издавали непонятные звуки. Изъ экипажа вышли сначала Фюренгофъ и за нимъ мужчина странной наружности. Багровый носъ его бросался всякому въ глаза, какъ по своей уродливости, такъ и по двумъ зеленымъ, блестящимъ кругамъ, на него надѣтымъ или, просто, зеленымъ очкамъ, диковиннымъ въ тогдашнее время; большой горбъ безобразилъ незнакомца. На указательномъ пальцѣ правой руки богатѣйшій солитеръ измѣнялъ простотѣ его одежды, состоявшей въ парѣ платья на французскій покрой,

изъ гладкой шелковой матеріи коричневаго цвѣта. Выходя изъ колымаги, онъ пожалъ руку Фрицу и сказалъ ему шопотомъ:

— Лошадей верховыхъ къ восточной калиткѣ сада!

Когда онъ вошелъ въ гостиную, насмѣшливый шопотъ пробѣжалъ по ней; красный носъ такъ изумилъ всѣхъ, что должники Фюренгофа забыли изъявить ему свое глубочайшее почтеніе и преданность, и баронесса не могла выговорить полновѣснаго привѣтствія тому, отъ кого тяжеловѣсные дукаты должны были поступить въ ея родъ. Рингенскій помѣщикъ, немного запинаясь, представилъ своего спутника подъ именемъ господина фонъ-Зибенбюргера, какъ ученаго, путешествующаго по разнымъ странамъ свѣта и теперь возвращающагося изъ Россіи.

— Ко мнѣ же почтеннѣйшій господинъ адресованъ, — прибавилъ Фюренгофъ, — однимъ лейпцигскимъ моимъ корреспондентомъ.

На эту рекомендацію, баронесса разсыпалась въ учтивостяхъ путешественнику-ученому и, что важнѣе всего, ѣхавшему изъ Россіи. Красный носъ (будемъ такъ иногда звать Зибенбюргера) былъ уменъ, краснорѣчивъ и ловокъ въ обращеніи; богатѣйшій человѣкъ въ Лифляндіи придалъ ему эпитетъ *почтеннѣйшаго*. На вопросъ: какъ васъ титуловать? (замѣтимъ, первый и необходимый вопросъ каждаго нѣмца при первомъ знакомствѣ) — красный носъ отвѣчалъ, что онъ гофратъ, докторъ падуанскаго университета, членъ разныхъ ученыхъ обществъ и корреспондентъ разныхъ принцевъ; къ тому-жъ игрѣ въ алмазѣ на рукѣ его сдѣлана уже примѣрная оцѣнка и караты въ немъ по виду взвѣшены: все это заставило скоро забыть объ уродливости носа и горбѣ неожиданнаго посѣтителя и находить въ немъ не только интересность, но даже привлекательность. Баронесса, поручивъ хозяйничать дочери, нашла

случай увлечь его въ свой кабинетъ и предаться тамъ съ нимъ политическимъ разсужденіямъ. Красный носъ хорошо зналъ ея слабую сторону и скоро успѣлъ овладѣть умомъ патріотки, которая отдала бы свой Гельметъ тому, кто шепнулъ бы въ это время, что съ нею сидитъ жесточайшій врагъ ея государя и предметъ ея дипломатическихъ заботъ.

Между тѣмъ все общество, собравшееся въ Гельметѣ, было приглашено на террасу. Здѣсь предоставилось пестрое зрѣлище. По сторонамъ двора уставлены были двумя длинными глаголями столы, нагруженные разными съѣстными припасами; оба края стола обнизали крестьяне, не смѣвшіе пошевелиться и не сводившіе глазъ съ лакомыхъ кусковъ, которые уже мысленно пожирали; въ серединѣ возвышался изжаренный быкъ съ золотыми рогами; на двухъ столбахъ, гладко отесанныхъ, развѣвались, одни выше другихъ, цвѣтные кушаки и платки, а на самой вершинѣ синій кафтанъ и круглая шляпа съ разноцвѣтными лентами; по разнымъ мѣстамъ, въ красивой симметріи, разставлены были кадки съ виномъ и пивомъ. Крестьянки, въ пестрыхъ праздничныхъ одѣяніяхъ, толпились позади своихъ супруговъ, отцовъ и братьевъ, и составляли резервную ихъ линію на случай осады столовъ; наконецъ, между ними волынщики и гудочники, налаживая свои инструменты, готовились по-своему торжествовать праздникъ и возбуждать общее веселіе пирующихъ. Какъ скоро Луиза, краснѣя и съ нѣкоторымъ принужденіемъ, явилась на террасу, народъ отъ души закричалъ: — «да здравствуетъ многія лѣта наша молодая госпожа!»

Амтманъ, вынувъ разложенные по квартирамъ своего кафтана пальцы правой руки и, толкнувъ порядочно локтемъ старосту, сказалъ ему на ухо:

— Кричи: и матушка баронесса, наша благодѣтельница!

— И матушка баронесса, наша благодѣтельница!— закричалъ староста, махая по воздуху шляпою (и палкой).

За нимъ то же повторила толпа, боясь, чтобы этотъ возгласъ позднѣе не былъ выколоченъ изъ боковъ. По окончаніи народнаго привѣтствія, явился передъ Луизою Аполлонъ, лѣтъ за пятьдесятъ, съ лицомъ, испещреннымъ багровыми шишками, въ рыжемъ парикѣ, увѣнчанномъ лаврами, въ шелковой епанчѣ, едва накинутой на плеча и въ башмакахъ съ розовыми бантами. Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ лиру изъ папки. Это былъ маріенбургскій школьный мастеръ Дихтерлихтъ, принявшій на себя каррикатурный видъ бога поэзіи. Чтобы не умереть со смѣху, глядя на него, надобно было запастись всею нѣмецкою флегмой и всѣмъ моднымъ современнымъ пристрастіемъ къ Олимпу на образецъ французскій. Нашъ Аполлонъ, широко размахнувшись рукою, потомъ, ударивъ себя въ грудь и, наконецъ, по струнамъ лиры, отъ чего она согнулась, не издавъ изъ себя звука, — съ глазами, горящими, какъ у бѣснующагося, произнесъ громогласно съ полсотни стиховъ. Въ нихъ изобразилъ, какъ онъ, бесѣдуя на Парнасѣ съ девятью сестрами, изумленъ былъ нечаянною суматохою на землѣ и, узнавъ, что причиною тому рожденіе прекрасной баронской дочери, спѣшилъ самъ принесть ей поздравленія отъ всего Геликона. Въ его стихахъ было то, чего-бъ *нехитрому уму не зыдумать и въ вѣкъ*.

Тутъ были:

Въ борьбѣ міры съ мірами,
Съ звѣздами грозный сонмъ кометъ,
Пространства безднъ временъ съ вѣками,
Съ луною солнце — съ мракомъ свѣтъ...

Тутъ клокотали пропасти горящи, грохотали громы всезрящи, буревали гласы, клики, вой... и многое множество подобныхъ этимъ описаній, которыя нетрудно отыскать въ знаменитыхъ современныхъ поэмахъ. Рукоплесканія (и, прибавляетъ насмѣшливая хроника, шиканье студентовъ) заглушили послѣдній стихъ. Восхищенный этою наградою, Аполлонъ, съ слезами умиленія, поправилъ на себѣ парикъ и подалъ новорожденной тетрадку въ золотой обложкѣ. Луиза приняла усердную дань его, и, желая скрыть хоть нѣсколько свое замѣшательство отъ приторныхъ похвалъ, которыми ее осыпали, перевернула блестящую обложку и устремила на заглавіе тетради глаза; но, видя, что это твореніе не относилось къ ней, спѣшила съ усмѣшкою передать его вблизя стоявшему Глику, и сказала ему:

— Не къ вамъ ли ближе это идетъ, господинъ пасторъ?

При этомъ вопросѣ Аполлонъ выпучилъ глаза и открылъ ротъ. Пасторъ, будто по предчувствію, дрожащими руками ухватился за тетрадь и, лишь только взглянулъ на первыя слова заглавія, обратился съ гнѣвомъ къ Дихтерлихту:

— Господинъ Аполлонъ, похитивъ у царя Адмета его овецъ, не вздумали-ли вы прибрать къ своимъ рукамъ и мое достояніе?

— Ваше достояніе, господинъ пасторъ? Ваше...?— произнесъ, горько усмѣхаясь, каррикатурный богъ.— Не благоугодно ли вамъ шуткою произвесть смѣхотвореніе въ семъ почтеннѣйшемъ обществѣ? Аполлонъ всегда готовъ отвѣчать Минервѣ.

— Какое неслыханное нахальство! — воскликнулъ пасторъ, — говорю вамъ не шутя, что вы украли мое сочиненіе.

— О! когда такъ, то я объявляю всенародно, что

это моя собственность, родное дитя мое, я, я, сударь, его отецъ, и права на него не отдамъ никому! Право это готовъ защищать перомъ, лирою, закономъ и кровью моею, столь громко нынѣ вопіющею!

— Наглецъ неблагодарный! — кричалъ Гликъ, не помня себя отъ гнѣва, — дерзость неимовѣрная въ лѣтописяхъ міра! Какъ? Воспользоваться моимъ добродушіемъ, безстыдно похитить плоды многолѣтнихъ трудовъ моихъ? Къ суду вашему обращаюсь, именитое дворянство Лифляндіи: я соорудилъ это твореніе, готовился посвятить его вамъ, и вдругъ... Вступитесь за собственное свое дѣло, господа! Одно заглавіе скажетъ вамъ...

— Это проектъ адреса королю о возвращеніи правъ лифляндскому рыцарству и земству,—сказалъ кто-то, прочтя изъ-за плечъ пастора заглавіе спорнаго сочиненія.

— Адресъ! адресъ!—повторили въ толпѣ.

— О правахъ давно забытыхъ—произнесъ кто-то.

— Втоптанныхъ въ грязь до того, что нельзя ужь различить на нихъ ни одной буквы, — прибавилъ другой.

— Слѣдовательно вы признаете, милостивые государи, что адресъ, мною... — могъ только сказать пасторъ, какъ перебилъ его рѣчь стоявшій возлѣ него дворянинъ, у котораго редукціею отнята была большая часть имѣнія.

— Безъ голоса нѣтъ права, — сказалъ онъ иронически, — а нашъ голосъ давно заглушенъ воинскимъ боемъ, или, лучше сказать, мы служимъ только барабанною кожею для возвѣщенія маршей и торжествъ новаго Александра до тѣхъ поръ, пока станетъ ея.

— Теперь-то и время подать адресъ, — произнесъ умилительно Гликъ.

— Время? — воскликнулъ кто-то,—да развѣ вы не

знаете, господинъ пасторъ, что лучшее время говорить о правахъ наступитъ, когда они кровью и огнемъ напишутся на стѣнахъ нашихъ домовъ, и слезами женъ и дѣтей нашихъ вытравятся на желѣзѣ нашихъ цѣпей?

— Тише, тише, господа! — перебилъ насмѣшливо студентъ, закручивая усы и побрякивая шпагою, — здѣсь есть шведскіе офицеры.

— Благородный воинъ никогда не берется за ремесло доносчика, — возразилъ съ негодованіемъ одинъ шведскій драгунскій офицеръ, покачивая со стороны на сторону свою жесткую, лосинную перчатку, — но всегда готовъ укоротить языки, оскорбляющіе честь его государя.

— Аминь, аминь!—кричалъ пасторъ.

— Неприличное мѣсто выбрали, господа, для диспута,—говорили нѣсколько лифляндскихъ офицеровъ и дворянъ, благоразумнѣе другихъ.

— Не худо замѣтить, что мы, провозглашая о правахъ, нарушили священныя права гостепріимства и потеряли всякое уваженіе къ прекрасному полу; не худо также вспомнить, что мы одного государя подданные, одной матери дѣти.

— Развѣ одной злой мачихи!—кричали многіе.

Продолжали спорить и тихомолкомъ назначали поединки. Замѣтно было, что волненіе, произведенное между посѣтителями, было подготовлено. Для утишенія поднявшейся бури, принуждены были, наконецъ, послать депутатовъ къ баронессѣ, все еще занятой дипломатической бесѣдой съ ученымъ путешественникомъ Зибенбюргеромъ, очаровавшимъ ее совершенно. Многія женщины отъ страха разбѣжались по комнатамъ; другія, боясь попасть на встрѣчу баронессѣ, слѣдовательно изъ огня въ полымя, остались на своихъ мѣстахъ. Луиза, стоя какъ на иголкахъ, искала себѣ опоры въ милой Кете, но не могла найти ее кругомъ

себя; пригожія Флора и Помона дожидались съ сердечнымъ трепетомъ, когда Аполлонъ прикажетъ имъ начать свое привѣтствіе новорожденной; народъ, вдыхая въ себя ароматъ съѣстныхъ припасовъ и вина, ропталъ, что безтолковые господа такъ долго искушаютъ ихъ терпѣніе. Что происходило въ это время съ самимъ Аполлономъ? Подойдя къ пастору Глику и успѣвъ пробѣжать глазами первой листокъ чудесной тетради, онъ видимо обомлѣлъ, началъ оглядываться, пересмотрѣлъ еще разъ тетрадь, ощупалъ ее, ощупалъ себѣ голову и сказалъ съ сердцемъ:

— Если въ это дѣло самъ лукавый не вмѣшался, то я не знаю, что подумать о обмѣнѣ моего «Похвальнаго Слова» дщери баронской на адресъ его величеству и благодѣтелю нашему, королю шведскому.

Явилась на террасу баронесса Зегевольдъ, и съ ея появленіемъ раздоръ утихъ, какъ въ Энеидѣ взбунтовавшееся море съ прикрикомъ на него Нептуна. Не подавая вида, что знаетъ о бывшемъ неблагопристойномъ шумѣ, она шепнула Никласзону, чтобы онъ выдвинулъ впередъ богинь. Флора первая изъ нихъ подошла къ Луизѣ и, поднося ей цвѣты, сказала:

«Прими сіи плоды»...

— Плоды? Какіе плоды?—перебилъ сердито Аполлонъ.

— Меня такъ училъ господинъ Биръ, — отвѣчала смущенная и оробѣвшая Флора.

— Да вы кто такая? — спросилъ грознымъ образомъ богъ пѣснопѣнія.

— Каролинхенъ, къ вашимъ услугамъ, — отвѣчала опять простодушно дѣвушка, присѣдая.

При такой видимой неудачѣ, Аполлонъ шлепнулъ свою лиру о полъ, схватилъ себя обѣими руками за парикъ и, стиснувъ съ нимъ лавровый вѣнокъ, завопилъ:

— Чтобы всѣхъ Флоръ и Помонъ побралъ лукавый вмѣстѣ съ моимъ «Похвальнымъ Словомъ»! Чтобы земля разверзлась и поглотила меня и позоръ мой! О, зависть! О, злоба человѣческая! вы достигли своей цѣли. Иду, удаляюсь, спѣшу, бѣгу отъ этихъ ужасныхъ для меня мѣстъ. Гомеръ, темница была твой капитолій! Тассъ, о ты, слѣпецъ хіосскій, ты умеръ странникомъ: и я, и я—радуйтесь, зоилы!—униженный передъ цѣлымъ синклитомъ ученыхъ, направляю стопы мои въ изгнаніе. Но знайте, за меня потомство! Оно—мститель мой и грозный судія моихъ враговъ.

Выговоривъ это, Аполлонъ въ измятомъ лавровомъ вѣнкѣ, съ епанчой на плечахъ, продрался сквозь толпу зрителей и слушателей, устремился съ террасы, раздвинулъ съ жестокостью толпу, окружившую его на дворѣ, поколотилъ нѣкоторыхъ ротозѣевъ и насмѣшниковъ, и бѣжалъ изъ Гельмета. Ни увѣщанія, ни просьбы баронессы, ни усилія амтмана его удержать—не имѣли никакого успѣха. Разсказывали послѣ, что поселяне, встрѣтившіе его въ такомъ нарядѣ за нѣсколько миль отъ Гельмета, почли его за сумасшедшаго и представили въ судъ, и что онъ только приближенію русскихъ обязанъ былъ освобожденіемъ своимъ изъ когтей судейскихъ. Флора и Помона, которыхъ роли Биръ изъ разсѣянія, дѣйствительно, перемѣшалъ, скрылись; и хотя сентиментальная Аделаида Горнгаузенъ, въ фижмахъ и на высокихъ каблукахъ, готовилась предстать въ видѣ пастушки, держа на голубыхъ лентахъ двухъ барашковъ, но и та, побоявшись участи, постигшей ея подругъ, рѣшилась не показываться. Такимъ образомъ былъ испорченъ праздникъ тщеславной владѣтельницы Гельмета. Сильно досадовала она, но старалась скрыть это чувство.

Оставалось Луизѣ принять сельскую свадьбу. По данному амтманомъ знаку, показался издали свадебный

поѣздъ. Впереди трусилъ верхомъ волынщикъ, наигрывая на своемъ инструментѣ нестройныя пѣсни, подъ звуки которыхъ его лошадка дѣлала разныя варіаціи. Его сопровождали два дружка съ шпагами наголо, которыми должны были открыть входъ въ домъ новобрачнаго, нарубивъ крестъ на двери, послѣ чего слѣдовало имъ, по обряду, воткнуть орудія въ балку прямо надъ мѣстомъ, гдѣ онъ садился. За музыкантомъ и дружками, верхами-жъ на бойкой лошадкѣ, ѣхали разряженые: женихъ и, позади его, бокомъ, на той же лошади, невѣста, ухватившись за кушакъ его правой рукой. Двѣ мѣдныя монеты, вложенныя въ расчепъ палки, которую онъ держалъ въ рукѣ, должны были служить ему пропускомъ въ домъ брака. Невѣста бросала красныя ленты по дорогѣ, особенно на перекресткахъ, гдѣ хоронились некрещеныя дѣти. Многочисленный поѣздъ верхомъ изъ крестьянъ, женъ ихъ, сыновей, работниковъ и служанокъ, довершали процессію. На дворѣ толпы народныя, раздвинувшись, очистили для нихъ широкую улицу. Передъ террасою весь поѣздъ сошелъ съ лошадей и прокричалъ новорожденной многія лѣта. Въ то же время дружки изо всей силы стучали шпагой объ шпагу. Невѣста и женихъ подошли къ Луизѣ: первая была черноволосая красавица, второй пригожій, статный молодецъ. Лишь только крестьянская дѣвушка хотѣла поднести своей молодой госпожѣ пучокъ полевыхъ цвѣтовъ и сказать по своему привѣтствіе, Луиза, всмотрѣвшись въ нее, бросилась ее обнимать. Невѣста была—Катерина Рабе. Женихъ подошелъ къ Луизѣ: взглянувъ на него, она поблѣднѣла. Черты слишкомъ знакомыя! Глаза ея въ первый мигъ признали было за Густава; но сердце тотчасъ отвергло это обольщеніе, и сказало ей, что это ни кто иной, какъ роковой Адольфъ. Дѣйствительно, женихъ-крестьянинъ былъ истинный женихъ

Луизы, баронъ Адольфъ Траутфеттеръ. Какъ все это случилось? Какимъ образомъ дѣвица Рабе, нѣжная, догадливая, знавшая всѣ задушевныя тайны своей подруги, могла согласиться быть орудіемъ для нанесенія ей такого нечаяннаго и жестокаго удара? Что заставило вдругъ пріѣхать изъ арміи Адольфа, доселѣ съ необыкновеннымъ упрямствомъ отдалявшаго отъ себя всякій случай къ посѣщенію Лифляндіи? Мы это сейчасъ узнаемъ, сдѣлавъ съ нимъ маленькое путешествіе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЕЩЕ НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

Непріятель кутитъ, гуляетъ.... а ты изъ-за горъ крутыхъ, изъ за лѣсовъ дремучихъ, налети на него, какъ снѣгъ на голову...

Слова *Суворова.*

Въ то самое время, какъ мечъ и огонь непріятелей поѣдали собственныя владѣнія Карла XII, чужія царства падали къ его стопамъ и подносили ему богатыя контрибуціи. Столица Польши 11-го мая приняла въ свои стѣны побѣдителя и ожидала себѣ отъ него новаго короля. Важныя головы занялись тогда политикой, военная молодежь — веселостями въ кругу обольстительныхъ полекъ. Можно догадаться, что Адольфъ не пропускалъ ни одного редута. Разъ вечеромъ, возвратившись очень рано домой, онъ сидѣлъ раздосадованный въ своей квартирѣ и записывалъ въ памятной книжкѣ слѣдующій приговоръ: «Польская нація непостоянна!» Такое опредѣленіе характера цѣлаго народа вылилось у него изъ души по случаю, что одна прелестная варшавянка, опутавшая его сѣтями своихъ черноогненныхъ глазъ и наступившая на сердце его прекрасной ножкой (мелькавшей въ танцахъ, какъ проворная рыбка въ своей стихіи), сама впослѣдствіи оказалась къ нему

неравнодушной, сулила ему цѣлое небо и вдругъ предпочла бѣшенаго мазуриста. Едва докончилъ онъ свой приговоръ, ужасный для народа и особенно для извѣстной ему особы, какъ драбантъ загремѣлъ у его двери огромными шпорами и объявилъ приказъ короля немедленно явиться къ его величеству. Некогда ему было думать: зачѣмъ. Отъ самаго короля узналъ онъ, что отправляется курьеромъ къ Шлиппенбаху съ извѣстіемъ о новыхъ побѣдахъ и обѣщаніями скоро соединиться съ лифляндскимъ корпусомъ въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ этимъ порученіемъ велѣно Адольфу, до новаго приказа, остаться на родинѣ своей при генералъ-вахтмейстерѣ: такъ умѣла все мастерски уладить дипломатика баронессы Зегевольдъ. Отпуская Траутфеттера, король сказалъ, что они не надолго разстаются. Невѣрность польки все еще сверлила сердце Адольфа, какъ буравъ; образъ Луизы началъ представляться ему въ томъ обольстительномъ видѣ, въ какомъ изобразилъ ее Густавъ; порученіе короля было исполнено милостей, и Адольфъ въ ту же ночь распрощался съ Варшавою.

Курьеръ сѣвернаго героя, котораго одно имя бичевало кровь владыкъ и народовъ, не ѣхалъ, а летѣлъ. Все шевелилось скорѣе тамъ, гдѣ онъ являлся — и люди, и лошади. «Помилуй, паноче!» говорили польскіе извозчики почтовымъ смотрителямъ, почесывая одною рукой голову, другою прикладываясь къ полѣ ихъ кафтана: «то и дѣло кричитъ: рушай, да рушай! коней хоть сейчасъ веди на живодерню». — «Цыпъ, бисова собака!» бывалъ отвѣтъ смотрителя, «развѣ ты не знаешь, что офицеръ великаго короля шведскаго, нашего пана и отца, дѣлаетъ намъ честь скакать на нашихъ лошадяхъ, какъ ему заблагоразсудится? Благодари его мосць, что онъ не впрягъ тебя самого и не влѣпилъ тебѣ сотни бизуновъ, собачій сынъ!» Крас-

норѣчивыя убѣжденія шведскаго палаша разогрѣвали и флегму нѣмецкаго почталіона: то печально посматривая на бездыханную трубку, у груди его покоившуюся, то умильно кивая шинкамъ, мимо его мелькавшимъ, посылалъ онъ мысленно къ чорту шведскихъ офицеровъ, не позволявшихъ ему курить, ни выпить шнапсу, и между тѣмъ чаще и сильнѣе похлопывалъ бичомъ надъ спинами своихъ тощихъ лошадей-дромадеровъ. «Не Траутфеттеръ, а Доннерветтеръ надобно было ему прозываться», говорили сквозь зубы нѣмецкіе станціонные смотрители, подавая рюмку водки бѣдному страдальцу-почталіону—и со всею придворною вѣжливостію спѣшили отправить гостя со двора. Провожамый такими привѣтствіями, Адольфъ прискакалъ на четвертыя сутки въ Ригу; узнавъ, что Шлиппенбахъ находится въ Перновѣ, отправился туда, передалъ ему отъ короля бумаги и, желая удивить своимъ нечаяннымъ пріѣздомъ баронессу и невѣсту, которая, по мнѣнію его, должна была умирать отъ нетерпѣнія его видѣть, полетѣлъ въ Гельметъ. Здѣсь у корчмы остановился онъ, замѣтивъ свадебный поѣздъ. Пристальный взглядъ на лица крестьянъ, необыкновенно развязныхъ, и другой взглядъ на миловидныхъ крестьяночекъ, шушукавшихъ промежъ себя и луваво на него поглядывавшихъ, объяснили ему сейчасъ, что эта свадебная процессія была одна шутка гостей баронессы. Желая скрыть свое настоящее имя, онъ выдалъ себя за драбантскаго офицера Кикбуша, только-что вчера прибывшаго изъ королевской арміи, съ извѣстіями къ генералъ-вахтмейстеру о новыхъ побѣдахъ, и теперь, по исполненіи своего дѣла, возвращающагося въ армію; присовокупилъ, что между тѣмъ ему дано отъ генерала порученіе заѣхать по дорогѣ въ Гельметъ, и доложить баронессѣ о немедленномъ пріѣздѣ его превосходительства; что онъ остановленъ у корчмы видомъ

необыкновенной толпы, угадалъ тайну актеровъ, и проситъ позволенія участвовать въ ихъ шуткѣ. Офицеры и студенты, представлявшіе чухонцевъ, охотно согласились принять Адольфа въ свой поѣздъ; а какъ офицеръ, игравшій жениха, былъ чрезвычайно услужливъ, то, съ позволенія дѣвицы Рабе, уступилъ Адольфу свою роль, прибавивъ, что въ народномъ праздникѣ первое мѣсто принадлежитъ вѣстнику народнаго торжества.

Такимъ-то образомъ явился Адольфъ въ видѣ крестьянскаго жениха передъ своею невѣстою; такимъ-то образомъ подруга ея сама представила Луизѣ того, котораго эта, можетъ быть, никогда не желала бы видѣть. Каково же было изумленіе и ужасъ Катерины Рабе, когда Луиза, при взглядѣ на мнимаго Кикбуша, поблѣднѣла, когда драбантскій офицеръ, бывшій до того чрезвычайно смѣлый и ловкій, смутился, произнеся крестьянское привѣтствіе новорожденной и, наконецъ, когда онъ подошелъ къ баронессѣ Зегевольдъ и вручилъ ей письмо.

— Рука пріятеля моего Пипера!—вскричала баронесса, взглянувъ на адресъ; потомъ вглядѣлась пристально въ посланника и бросилась его обнимать, приговаривая задыхающимся отъ удовольствія голосомъ:— Адольфъ! милый Адольфъ! Этой радости я не ожидала.

— Адольфъ Траутфеттеръ! — раздалось въ толпѣ гостей.

Фюренгофъ, внутренно желавшій племяннику провалиться сквозь землю, спѣшилъ, однакожъ, прижать его къ своему сердцу. Послѣ первыхъ жаркихъ лобызаній и привѣтствій со всѣхъ сторонъ, Адольфъ просился переодѣться и явиться въ настоящемъ своемъ видѣ. Кто бы не сказалъ, смотря на него: «Антиной въ одеждѣ военной!» Но для Луизы онъ былъ все равно, что прекрасная статуя, хотя ей данъ исподъ-

тишка строжайшій приказъ обходиться съ нимъ, какъ съ милымъ женихомъ.

— Ты должна его любить, — прибавлено къ этому грозному наказу, — смотри, чего ему недостаетъ? Онъ все имѣетъ: умъ, прекрасную наружность и богатство. Ты была бы ворона, еслибъ и безъ моихъ наставленій уступила такой кладъ! Да чтожъ ты ничего не говоришь?

— Буду стараться исполнить волю вашу, — отвѣчала Луиза, опираясь ледяною рукою объ руку своей милой Кете.

Съ другой стороны, влюбчивый Адольфъ, сравнивая свою невѣсту съ тѣми женщинами, которыми онъ плѣнялся такъ часто въ каждомъ нѣмецкомъ и польскомъ городкѣ, на маршѣ карловыхъ побѣдъ, разомъ вычеркнулъ ихъ всѣхъ не только съ сердца, но даже изъ памяти своей, и поклялся жить отнынѣ для *единственной*, избранной ему въ подруги самою судьбою...— «Она сейчасъ узнала меня: это добрый знакъ!—думалъ онъ,—и меня испугалась: это что значитъ?...—Ничего худого. — Какъ не испугать это робкое, прелестное твореніе появленіемъ нежданнаго жениха, который, того и гляди, будетъ мужъ ея! Сердце мое и ласки матери говорятъ мнѣ, что мы въ дальный ящикъ откладывать свадьбы не станемъ». — Желая скорѣе описать свои новыя чувства двоюродному брату, онъ искалъ его между гостей, но, къ удивленію своему, не найдя его, спросилъ у одного изъ своихъ молодыхъ соотечественниковъ о причинѣ этого отсутствія. Вопрошаемый, бывшій дальній родственникъ баронессы; объяснилъ, что она отказала Густаву отъ дому за неловкое представленіе имъ роли жениха, даже до забвенія будто бы приличія.

— Это было въ отсутствіе маменьки,—продолжалъ вѣстовщикъ, — невѣста замѣтила ошибку и вольное

обхожденіе посѣтителя, разсердилась, разсказала все матери и...

— И загорѣлся сыръ-боръ! — сказалъ смѣясь Адольфъ,—ну, право, я не узнаю въ этомъ дѣлѣ моего двоюроднаго братца, скромнаго, стыдливаго, какъ дѣвушка!—Все я виноватъ,—продолжалъ уже про себя Адольфъ, — невольный мученикъ! навелъ я тебя на слѣдъ сердитаго звѣря моими наставленіями, и погубилъ тебя; но этому скоро пособить можно. Мой вѣрный Сози будетъ у меня шаферомъ на свадьбѣ, и мы тогда заключимъ мировую съ баронессою.

Разсужденія эти были прерваны необыкновеннымъ крикомъ на дворѣ. Адольфъ оглянулся и увидѣлъ, что народъ сдѣлалъ рѣшительное нападеніе на съѣстные припасы. Въ одинъ мигъ столы были очищены и быкъ съ золотыми рогами исчезъ. Всѣхъ долѣе покрасовалась круглая шляпа съ цвѣтными лентами на маковкѣ столба, намазаннаго саломъ, и всѣхъ болѣе насмѣшили усилія чухонцевъ достигнуть ея; наконецъ и она сорвана при громкихъ восклицаніяхъ. Чернь веселилась потомъ, какъ обыкновенно веселится. Лишь только гости возвратились во внутренность дома, амтманъ возвѣстилъ о пріѣздѣ его превосходительства генералъ-вахтмейстера.—«Его превосходительство!»—перенеслось изъ одной комнаты въ другую. Кромѣ нѣсколькихъ собесѣдниковъ, въ томъ числѣ и Краснаго носа, все засуетилось въ гостиной, все встало съ мѣстъ своихъ, чтобы встрѣтить его превосходительство. Зюбенбюргеръ остался преспокойно въ креслѣ, какъ сидѣлъ: коварная усмѣшка пробѣжала по его губамъ; движенія его, доселѣ свободныя, сдѣлались напоказъ небрежными. Фюренгофъ, при вѣсти о прибытіи главнаго начальника шведскихъ войскъ, задрожалъ отъ страха, вынулъ свои золотые луковкою часы изъ кармана и сказалъ:

— До двухъ часовъ остался еще часъ?

— Да! — отвѣчалъ хладнокровно Красный носъ,— впрочемъ, если указательная стрѣлка и завретъся, есть средства ее остановить.

Отвѣтъ этотъ былъ такъ же хорошо понятъ, какъ и напоминаніе времени, и рингенскій баронъ, оправившись нѣсколько отъ испуга и пріосанившись, спѣшилъ засвидѣтельствовать свое глубочайшее почтеніе прибывшему генералу

Вошелъ малорослый мужчина, погруженный въ огромный парикъ, въ лосинныя перчатки и сапоги съ раструбами до того, что изъ-подъ этихъ предметовъ едва замѣтенъ былъ человѣкъ.

— Здравствуйте, мои милые лифляндцы! Какъ можется? Каково поживаете? — произнесъ онъ, не сгибаясь и протягивая руку, или, лучше сказать, перчатку встрѣчавшимъ его низкими поклонами. — Все спокойно, все хорошо, небось, по милости нашего короля и насъ, а? Черезъ нашего вѣстника вы именно слышали уже о новыхъ побѣдахъ его величества?

— Честь и слава ему на тысячелѣтія! — воскликнули два или три голоса, между тѣмъ, какъ всѣ молчали.

— Можетъ быть, въ эту самую минуту, какъ я съ вами говорю, новый польскій король на колѣняхъ принимаетъ вѣнецъ изъ рукъ побѣдителя. Каково, meine Kindchen? Надобно ожидать еще великихъ происшествій. Кто знаетъ? Сегодня въ Варшавѣ, завтра въ Москвѣ; сегодня Августа долой; завтра, можетъ быть, ждетъ та же участь Алексѣевича.

— Послѣдній поупрямѣе и тяжелъ на подъемъ, — сказалъ кто-то изъ толпы.

Генералъ, казалось, не слыхалъ этихъ словъ: обратившись къ медику Блументросту, ударилъ большою перчаткою по руки его и произнесъ ласково:

— А, мой любезный медикусъ! Довольны-ли вы моею бумажкою? Ну, есть-ли заказы? Вы меня понимаете? Я говорилъ о васъ профессору анатоміи въ Перновѣ... да вотъ онъ самъ здѣсь.

Потомъ, не давъ Блументросту отвѣчать, продолжалъ, кивая Фюренгофу:

— А, господинъ рингенскій королекъ! Къ вамъ пріѣхалъ племянничекъ женишокъ, молодецъ хоть куда, любимецъ его величества; всѣ эти знанія требуютъ... понимаете-ли меня? (Здѣсь генералъ показалъ двумя пальцами одной руки по ладони другой, будто считалъ деньги). Мы люди военные; ржавчину счищаемъ мастерски со всякаго металла. Ха, ха, ха!

На всѣ эти привѣтствія Фюренгофъ униженно кланялся.

— А это что за уродъ? — спросилъ Шлиппенбахъ Фюренгофа на ухо, показывая огромнымъ перстомъ на Зибенбюргера, небрежно раскинувшагося въ креслѣ.

— А, а! ваше превосходительство... Гмъ!.. это... а, а... какъ бы вамъ доложить, ваше превосходительство... — проговорилъ, запинаясь, рингенскій баронъ, проклиная мысленно пріятеля своего Никласзона, поставившаго его въ такое затрудненіе особою Зюбенбюргера.

— Вы крѣпки на все,—сказалъ маленькій генералъ, махнувъ своею огромной лосинной рукавицей, которая раструбами едва не зацѣпила за носъ Фюренгофа, обратился къ баронессѣ и спросилъ у ней вполголоса: — Скажите мнѣ, маменька, откуда выкопали вы этого уродца?

— Ахъ, мой почтеннѣйшій генералъ - вахтмейстеръ!—отвѣчала баронесса,—ради Бога говорите потише, чтобы не оскорбить этого великаго человѣка. Баронъ Фюренгофъ сдѣлалъ мнѣ честь привезти его ко мнѣ.

— Гмъ! потомъ?

— Еслибъ знали, что это за сокровище! Онъ докторъ падуанскаго университета, корреспондентъ разныхъ принцевъ...

— Конечно и шпіонъ ихъ.

— Физикъ...

— Не сомнѣваюсь.

— Математикъ...

— Когда маршируетъ.

— Астрологъ...

— Можетъ быть, подагрикъ, и предугадываетъ погоду; навѣрно еще и алхимикъ; безъ того не терся бы около него нашъ баронъ. Вѣрнѣе всего, какой-нибудь шарлатанъ, который показываетъ истину не постаринному, на днѣ кладезя, а на днѣ кошелька, ха, ха, ха! какъ вашъ стригунъ, русскій козелъ Андреасъ Діонисіусъ.

— Да, мой козелъ,—возразила баронесса съ сердцемъ, но все-таки вполголоса, — проблеялъ мнѣ вчера то, что вашему соловью шведскому никогда не удастся пропѣть. Знайте... однакожъ, я вамъ не скажу этой тайны до тѣхъ поръ, пока вы не дадите мнѣ честнаго слова довесть до его величества мое усердіе, мою неограниченную преданность, мои жертвы.

— Вы уже недовѣрчивы ко мнѣ, милая мамаша?— сказалъ Шлиппенбахъ, нѣжно грозясь на нее огромнымъ пальцемъ своей перчатки.

— Услуга такъ важна...

— Повинуюсь. Честное слово шведскаго офицера, что я исполню ваше желаніе.

— Теперь вы, ваша армія, Лифляндія, спасены!— сказала шепотомъ баронесса и пригласила было генерала въ другую комнату, чтобы передать ему важную тайну; но когда онъ рѣшительно объявилъ, что голова его ничего не варитъ при тощемъ желудкѣ, тогда она

присовокупила: — Будь по вашему, только не кайтесь послѣ. Между тѣмъ позвольте мнѣ представить вамъ ученаго путешественника.—Господинъ докторъ Зибенбюргеръ! господинъ-вахтмейстеръ и главный начальникъ въ Лифляндіи желаетъ имѣть честь съ вами ознакомиться.

Шлиппенбахъ, не вставая со стула, протянулъ было руку Красному носу; съ своей стороны этотъ едва покачнулся тѣломъ впередъ, кивнулъ и сказалъ равнодушно:—очень радъ!

— Очень радъ! — повторилъ Шлиппенбахъ голосомъ оскорбленнаго самолюбія, привыкшаго, чтобы все падало передъ нимъ, и неожиданно пораженнаго неуваженіемъ иностранца. Опустивъ руку, столь явно отвергнутую, онъ покраснѣлъ до бѣлка глазъ и присовокупилъ насмѣшливо: — Ѣдете, конечно, другихъ посмотрѣть и себя показать?

— Вы не ошиблись,—отвѣчалъ хладнокровно Красный носъ,—составляя не послѣдній оригиналъ въ физическомъ и нравственномъ мірѣ, я люблю занимать собою исполиновъ въ этомъ мірѣ, люблю и самъ наблюдать ихъ; но до мелкихъ уродцевъ мое вниманіе никогда не унижалось.

— Господинъ докторъ ѣдетъ изъ Московіи, — подхватила баронесса, желая облегчить путь пилюлѣ, стоявшей въ горлѣ генерала.—онъ былъ нѣсколько времени при дворѣ тамошнемъ и лагерѣ Шереметева; видѣлъ и нашего пріятеля Паткуля, котораго изобразилъ мнѣ такъ живо, какъ бы съ нимъ никогда не разставался.

— Слѣдственно *онъ* присоединился тамъ къ порядочному звѣринцу,—сказалъ съ горькой усмѣшкой маленькій генералъ.

— Не полному! — возразилъ спокойно Красный носъ, — дорогою имѣю случай пополнять недостающіе экземпляры.

Шлиппенбахъ опять принялъ посылку по адресу, надулся какъ клещъ, думалъ отвѣчать по-военному, но, разсудивъ, что не найдетъ своего счета съ такимъ смѣлымъ слово-дуелистомъ, у котораго орудія не выбьешь изъ рукъ, и что неприлично было бы ему, генералу шведскому, унизиться до ссоры съ неизвѣстнымъ путешественникомъ, отложилъ свое мщеніе до отъѣзда изъ Гельмета, старался принять веселый видъ и спустилъ тонъ рѣчи пониже:

— Такъ вы удостоились лицезрѣнія Паткуля, господинъ докторъ? Что вы о немъ разумѣете?

— Что я о немъ разумѣю? На это отвѣчать трудно при шведскомъ генералѣ, подданномъ государя, котораго онъ врагъ, и среди общества лифляндскихъ дворянъ, которыхъ права онъ защищалъ — какъ слышно было—горячо и такъ безразсудно.

— Горячо, можетъ быть, — возразилъ кто-то изъ гостей твердымъ голосомъ, — но благородно и не безразсудно!

— Лифляндія должна гордиться такимъ патріотомъ, и кто думаетъ противное, недостоинъ имени благороднаго сына ея,—присовокупилъ графъ Л—дъ (тотъ самый, который въ царствованіе Екатерины I-й былъ ея любимымъ камергеромъ и впослѣдствіи времени, играя важную политическую роль въ Россіи, исходатайствовалъ своимъ соотечественникамъ права, за которыя пострадалъ Паткуль).

— Кто смѣетъ спорить съ патріотизмомъ нѣкоторыхъ лифляндцевъ? — сказалъ насмѣшливо Шлиппенбахъ. — Надобно плотину слишкомъ твердую, чтобы удержать разливъ его, который, мнѣ кажется, найдетъ скоро путь и въ Московію.

— Въ этомъ случаѣ, ваше превосходительство крѣпко ошибаетесь,—сказалъ графъ Л—дъ. — Между нами нѣтъ ни одного измѣнника своему государю; лиф-

ляндцы доказывали и доказываютъ ему преданность свою, проливая свою кровь, жертвуя имуществомъ и жизнью, даже и тогда, когда отечество не видитъ въ томъ для себя пользы. Не въ Россію, а развѣ изъ Россіи вторгнется къ намъ бурный потокъ, и, конечно, щепками вашего отряда не остановишь его и погибели нашей!

— Новое, неслыханное доселѣ краснорѣчіе! Щепки! великія жертвы! бурный потокъ! погибель Лифляндіи! Какія громкія имена, графъ! Мнѣ, право, смѣшно слышать ихъ, особенно отъ васъ, въ разговорѣ о такомъ ничтожномъ предметѣ, каковъ Паткуль. Скоро и очень скоро избавимъ мы Лифляндію, этого великодушнаго пеликана, отъ великихъ, тяжкихъ жертвъ ея, перенеся театръ войны подалѣе отъ растерзаннаго шведами отечества вашего.

— Ничтожный предметъ? Не думаю, — сказалъ графъ Л—дъ.

— Можетъ быть, я ошибаюсь въ названіи: ничтожный; это неприлично сказано объ измѣнникѣ, перемётчикѣ, бунтовщикѣ.—При этихъ словахъ Красный носъ сильно повернулся на креслѣ. Кажется, теперь настоящее имя ему пріискано.

— Ваше превосходительство, назвавъ его порядочнымъ именемъ, оскорбили бы вѣрноподданныхъ его величества,—сказалъ одинъ изъ гостей.

— Ни дать, ни взять, ваше превосходительство вылили его въ настоящую форму,—прибавилъ другой, низко сгибаясь.

— Приговоръ вашего превосходительства есть приговоръ потомства, — присовокупилъ третій потирая себѣ ладони.

— Вотъ истинные сыны отечества!—воскликнулъ генералъ.

— Гмъ! низкіе льстецы! — произнесъ громогласно

Биръ. Шлиппенбахъ оглянулся, искалъ, кто это произнесъ; но дерптскіе студенты загородили библіотекаря.

Графъ Л—дъ презрительно посмотрѣлъ на низкопоклонниковъ и сказалъ:

— Я давича наименовилъ уже этихъ господъ, и пусть одинъ изъ нихъ осмѣлится когда-либо назваться при мнѣ лифляндскимъ дворяниномъ. Еще могли-бъ они сохранить благородное приличіе хоть молчаніемъ!.. Кто вынуждалъ, кто выпытывалъ у нихъ собственный ихъ позоръ? Преданность государю, скажутъ они. Преданность!.. Пускай доказываютъ они ее, идучи на смерть за него, и не боятся также смѣло идти на смерть за истину! Клеветники и низкіе люди всегда дурные подданные, также какъ и худые сыны отечества. И кто-жъ, въ угодность мелкой власти, называетъ презрѣнными именами того, который пожертвовалъ собою для защиты ихъ собственныхъ правъ, выгодъ благосостоянія? Не тѣ ли самые, которые называли его нѣкогда своимъ благодѣтелемъ, вторымъ отцомъ? Едва не лобызали они тогда краевъ его одежды; едва не причли его божеству и не ставили ему алтарей! А теперь, когда онъ для нихъ не можетъ идти въ другой разъ на плаху, теперь.... Нѣтъ, я не могу быть съ ними вмѣстѣ, мнѣ душно здѣсь!

Сказавъ это, графъ Л—дъ взялъ шляпу, извинился передъ баронессою и вышелъ; за нимъ послѣдовало нѣсколько дворянъ.

— Что скажете вы объ этомъ маменька? — спросилъ Шлиппенбахъ баронессу.

— Я врагъ Паткулю не языкомъ, а дѣломъ, — отвѣчала дипломатка. — Впрочемъ, вы знаете, что я люблю политическіе споры. Не изъ возмущеннаго-ли моря выплываютъ самые драгоцѣнные перлы? Ловите ихъ, ловите, почтеннѣйшій генералъ, какъ я это дѣлаю, и простите благородной откровенности моихъ

соотечественниковъ, этихъ добрыхъ дѣтей природы, любящихъ своего государя, право, не хуже шведовъ.

— Прекрасно!—воскликнуло множество голосовъ,— благодаримъ нашу защитницу.

Примѣтно было, что баронесса отдыхала на лаврахъ, между тѣмъ какъ маленькому генералу, повелителю Лифляндіи, подсыпались со всѣхъ сторонъ тернія. Казалось, что при новомъ толчкѣ, данномъ его самолюбію, онъ долженъ былъ разразиться на собесѣдниковъ громовымъ ударомъ; напротивъ того, въ немъ оказался неожиданный переломъ, съ крошечнаго лба сбѣжали тучи, его обвивавшія; на лицѣ проглянуло насмѣшливое удовольствіе, и онъ, рукоплеская, примѣшалъ къ восклицаніямъ собесѣдниковъ и свое.

— Вотъ я это люблю, meine Kindchen! Спорьте всегда въ любви и преданности къ королю своему. Продолжайте, господа, анатомировать Паткуля, который намъ многимъ сдѣлалъ глубокія операціи; но между тѣмъ не забудьте, маменька, что для насъ, солдатъ, есть лагерные часы обѣдать, выпить рюмку и спать. За кѣмъ далѣе чередъ? Да, что скажетъ намъ почтеннѣйшій маріенбургскій патріархъ?

Проговоривъ это Шлиппенбахъ прислонился затылкомъ къ высокому задку стула, воткнулъ стоймя огромную перчатку въ широкія раструбы своего сапога, какъ бы дѣлалъ ее вмѣсто себя соглядатаемъ и судьею бесѣды, щурилъ глаза, будто собирался дремать, взглянулъ караульнымъ полуглазомъ на Фюренгофа и Краснаго носа, захохоталъ вдругъ, подозвалъ къ себѣ рукою Адольфа и шепнулъ ему на ухо:

— Дядя вашъ обманутъ: онъ привезъ къ намъ шпіона. Не правда-ли,—продолжалъ генералъ вслухъ,— дядя вашъ не догадался; что онъ потерялъ свою перчатку, именно правую?..

Фюренгофъ засуетился было искать свою перчатку, но повелитель Лифляндіи далъ ему знакъ, чтобы онъ остался на своемъ мѣстѣ, и, зѣвая, сказалъ Глику:

— Мы ждемъ вашего голоса.

Пасторъ, который по первому вызову успѣлъ только поправить на себѣ парикъ, выпрямиться и кашлянуть, по второму вызову произнесъ довольно протяжно:

— Хотя поздненько меня спрашиваютъ, можетъ быть, тогда, когда всѣ голоса собраны, когда кормчіе разговора довели его до геркулесовыхъ столповъ, да не посмѣетъ никто идти далѣе; однакожъ, дерзнемъ на челнокѣ нашихъ понятій пуститься хоть по водамъ, обозрѣннымъ моими высокопочтенными собесѣдниками. Igitur, скажу объ Іоганѣ-Рейнгольдѣ Паткулѣ, лифляндцѣ родомъ, сердцемъ и дѣлами, бывшемъ изгнанникѣ, нынѣ генералъ-кригскомисарѣ московитскаго монарха, генія-творца своего государства, вождя своего народа ко храму просвѣщенія,—вождя, прибавить надобно, шествующаго стопами Гомеровыхъ героевъ...

— Хватающагося за все и ничего не совершившаго,—сказала баронесса.

Катерина Рабе, услышавъ изъ другой комнаты тонкимъ своимъ слухомъ, что воспитатель ея говоритъ о московитскомъ Царѣ, привстала со стула, подошла на цыпочкахъ ближе къ разговаривавшимъ и низала на сердце каждое слово, сказанное о Петрѣ.

— Неправда! — возразилъ пасторъ, одушевленный необыкновеннымъ восторгомъ.—Онъ много, очень много сотворилъ. У Алексѣевича нѣтъ колеблющихся начинаній, нѣтъ попытокъ, мысль его есть уже исполненіе; она вѣрна, какъ взглядъ стрѣлка, не знавшаго никогда промаха. Стоитъ ему завидѣть цѣль, и какъ бы далека ни была — она достигнута. Другіе садятъ желудь, и ждутъ съ нетерпѣніемъ годы, чтобы дубъ выросъ: онъ изъ чужихъ предѣловъ могучею рукой исторгаетъ

вѣковые дубы, глубоко врываетъ на почвѣ благословенной, и дубы вѣковые быстро принимаются, и готовы осѣнить Московію.

— Придетъ молодой шведскій завоеватель,—перебила опять баронесса,—нѣсколькими ударами грознаго меча обсѣчетъ вѣтви великаго дерева московитскаго; и что отъ него тогда останется? Безобразный столбъ для смѣха проходящихъ!

— Я сказалъ, высокородная госпожа баронесса, я сказалъ, что древо просвѣщенія посажено не руками мальчишекъ верхоглядовъ, а врыто глубоко въ землю рукою могучею. Отсѣките вѣтви, срубите самый стволъ, появятся черезъ нѣсколько времени отпрыски, которые нѣкогда будутъ также дубы. Повѣрьте мнѣ, на исполинскомъ твердомъ пути Алексѣевича ничто его не остановитъ. Скорѣе не ручаюсь, чтобы пылкій, воинственный духъ молодого героя, всемилостивѣйшаго нашего государя и господина... но дѣло не въ томъ— не ручаюсь, говорю я, чтобы духъ этотъ не занесъ шведскаго Ахиллеса въ ошибки невозвратимыя, которыя послужатъ къ большему величію Петра. Впрочемъ, да не оскорбится вѣрноподданническій слухъ вашего превосходительства и вашъ, господа высокоименитые лифляндцы и шведы, если скажу вамъ по чувству истины: пылкость характера не есть добродѣтель въ царяхъ; она скорѣе въ нихъ погрѣшность. Обдуманная твердость, ничего не начинающая безъ цѣли, никогда не полагающаяся на счастіе; однимъ словомъ, Минерва въ полномъ вооруженіи—прошу замѣтить, въ полномъ... вотъ что составляетъ истинное достоинство государей и благоденствіе ввѣренныхъ имъ народовъ. А твердостію такою московитскій Государь обладаетъ въ высшей степени. Еще осмѣлюсь прибавить... присовокупить, кстати или некстати... въ послѣднемъ случаѣ, вы меня извините... нигдѣ не по-

кидаетъ Карла мысль о славѣ, для которой онъ, кажется... мнится мнѣ... такъ мнѣ сдается... готовъ все забыть; нигдѣ не покидаетъ Алексѣевича мысль о благѣ отечества. Алексѣевичъ въ Вѣнѣ, въ Стокгольмѣ, въ Парижѣ будетъ всегда близокъ къ своему народу. Отважный Карлъ, занеся ногу въ Московію...

— Дѣло не въ томъ, отецъ Плиній изъ Веттина!— перебилъ Шлиппенбахъ, потягиваясь и передразнивая пастора въ любимой его поговоркѣ,—дѣло не о вашемъ возлюбленномъ Алексѣевичѣ, котораго новый толчекъ шведскимъ прикладомъ, сакрементъ! подобный нарвскому, отобьетъ отъ кукольныхъ его затѣй. Мы спрашивали вашего мнѣнія на счетъ бѣглеца Паткуля.

— Виноватъ, господинъ генералъ - вахтмейстеръ! виноватъ, я нѣсколько отдалился отъ заданной темы. Что касается до высокоименитаго Іогана-Рейнгольда Паткуля, то я долженъ предупредить о слѣдующемъ. Знаменитые юристы галльскіе, въ томъ числѣ самъ Христіанъ Томазіусъ, это солнце правовѣдѣнія, и, наконецъ, лейпцигская судейская палата рѣшила до меня чудесный казусъ, постигшій именованную особу, то есть: имѣлъ-ли право вѣрноподданный его величества желать сохранить себѣ жизнь и честь, отнимаемыя у него высшимъ приговоромъ, и предложить свое служеніе другому государю и странѣ? былъ-ли приговоръ шведскаго суда справедливъ, и прочее? Галль, Лейпцигъ, Томазіусъ рѣшительно оправдали его на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ въ извѣстной дедукціи, изданной in quarto прошлаго 1701 года февраля 15-го дня. Послѣ того мы, сидящіе на послѣдней ступени храма Ѳемиды, какое посмѣемъ сдѣлать опредѣленіе? Развѣ примолвимъ: головы, подобныя Паткулю надо государямъ беречь, а не рубить. Правда, не лишнимъ будетъ еще упомянуть, что въ 5-мъ и 8-мъ пунктахъ извѣстнаго адреса онъ не имѣлъ атенціи къ юриспру-

денціи, и сожалѣть надо, что онъ не посовѣтовался съ людьми знающими. Вотъ, напримѣръ, если позволите, я докажу изъ конспекта моего...

Здѣсь пасторъ вынулъ изъ бокового кармана тетрадь въ золотой обложкѣ и хотѣлъ-было почерпнуть въ ней свидѣтельство доводамъ своимъ; но генералъ, махнувъ повелительно рукою, сказалъ:

— До другого времени, отецъ-юриспрудентъ и ораторъ изъ Веттина! Сакрементъ! маменька, лагерный часъ обѣда пробилъ!

— До обѣда я имѣю еще важное дѣло вамъ передать, — возразила баронесса, — оно касается, какъ я сказала давича...

— Прошу уволить, высокопочтенная баронесса!— перебилъ генералъ, —мы поѣдимъ, попьемъ, поспимъ, и тогда примемся за важныя дѣла. Но если для лучшаго аппетита необходимо привесть въ движеніе механизмъ языковъ, то попытаемся заставить говорить вашего почтеннаго свата. Гмъ! напримѣръ, господинъ баронъ Фюренгофъ, что бы вы, добрый лифляндецъ и вѣрноподданный его величества, чтобы вы сдѣлали, встрѣтивъ измѣнника Паткуля (генералъ посмотрѣлъ на Краснаго носа) въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ могъ быть пойманъ и преданъ въ руки правосудія.

На вопросъ Шлиппенбаха, языкъ Фюренгофа прозвучалъ, подобно колокольчику, сжатому по сторонамъ тѣломъ?

— А, а, господа!.. что до меня... то я, конечно... вы знаете мою преданность его величеству... но я не знаю, извѣстно ли вашему превосходительству, что онъ... хотя... но онъ...

— Кто онъ?—спросилъ рѣзко Шлиппенбахъ.

— Какъ доложить вашему превосходительству, не смѣю...

— Вы, дядюшка, хотите сказать, что Паткуль

вашъ родственникъ, — подхватилъ Адольфъ, — и не имѣете духа выговорить это?

— А, а, Адольфъ, любезный другъ, такъ же какъ и тебѣ; но ты знаешь, что я плохой ораторъ, и ты помогъ бы мнѣ, когда бы объявилъ свое мнѣніе, свои чувства.

— Вы меня вызываете къ отвѣту и я дамъ его,— сказалъ съ твердостью Адольфъ. — Солдатскій отвѣтъ коротокъ. Если я какъ рядовой воинъ шведской арміи, встрѣчу Паткуля посреди непріятелей, то не пощажу объ него благородной стали. Уничтожить жесточайшаго врага моего законнаго государя почту тогда особенною для себя честью. Но,—прибавилъ Траутфеттеръ съ особеннымъ чувствомъ, — еслибъ я нашелъ его беззащитнымъ, укрывающимся въ отечествѣ, гдѣ бы ни было, то я палъ бы на грудь моего благодѣтеля и второго отца, оросилъ бы ее слезами благодарности, и горе тому, кто осмѣлился бы наложить на него руку свою!

— Зараза вездѣ проникла! — воскликнулъ со вздохомъ Шлиппенбахъ. — Тяжкія, горькія времена!

— Благородный, молодой человѣкъ! — сказалъ въ то же время Зибенбюргеръ съ слезами на глазахъ,— кто въ эти минуты не желалъ бы быть Паткулемъ, чтобы обнять васъ? Жаль, что возвращаюсь изъ Московіи, а не ѣду въ нее; а не то съ какимъ удовольствіемъ разсказалъ бы я ему, что онъ имѣетъ еще въ Лифляндіи соотечественниковъ, друзей и родного.

Всѣ съ какимъ-то недоумѣніемъ обратили взоры на путешественника, принимавшаго такое живое участіе въ родственныхъ и гражданскихъ связяхъ Паткуля.

— Чтожъ? можно, не ѣхавши въ Московію, видѣться съ генераломъ московитскимъ,—сказалъ значительнымъ голосомъ Шлиппенбахъ, коварно посматривая на Краснаго носа.—Говорятъ, что онъ здѣсь...

— Какъ здѣсь? — спросилъ Адольфъ, измѣнившись въ лицѣ.

Фюренгофъ, при этихъ словахъ, былъ ни живъ, ни мертвъ; колѣна его ходили туда сюда. Онъ колебался уже открыть генералу тайну своего спутника и представить его живьемъ; но Паткуля спасло новое восклицаніе Шлиппенбаха.

— Да, онъ скрывается въ Лифляндіи,—отвѣчалъ съ таинственнымъ видомъ генералъ, — однакожъ, несмотря, что ученые шпіоны его слѣдятъ за мною даже на праздникѣ моихъ знакомыхъ, надѣюсь скоро дойти до логовища этого краснаго звѣря.

Баронесса перемигнулась съ Зибенбюргеромъ и сказала таинственнымъ голосомъ: — У кого есть вѣрный маршрутъ, сдѣланный по нѣкоторому астрологическому наблюденію, до нѣкоторой резиденціи въ глуши лѣсной... не правда-ли, господинъ докторъ.. тотъ можетъ не надѣяться, а исполнить?

— Увидимъ, увидимъ, кому скорѣе удастся,—воскликнулъ Шлиппенбахъ,—а для приступа къ нашимъ поискамъ...

Красный носъ подошелъ къ открытому окну, и почти въ тотъ же мигъ раздалось на дворѣ, среди шума народнаго: — Генералъ, господинъ генералъ-вахтмейстеръ! ради Бога! дѣло важное имѣю до тебя.

На этотъ возгласъ Шлиппенбахъ бросился на террасу; гости высыпали за нимъ. Баронесса, примѣтно смѣшавшись, искала около себя Никласзона; но вѣрнаго ея секретаря давно не было не только въ домѣ, но даже въ Гельметѣ; онъ умѣлъ заранѣе убраться отъ опасности. Дипломатка догадывалась, что ни кто иной взываетъ къ генералу, какъ преданный ему шведъ, Вольдемаръ изъ Выборга. Свѣдѣнія о скоромъ выходѣ русскихъ изъ лагеря, благодарность Пипера,

милостивое вниманіе самого государя,—все похищено у ней въ одну минуту.

Пользуясь общею суматохою, произведенною любопытствомъ, Адольфъ бросился къ Зибенбюргеру, схватилъ его за руку, отозвалъ въ другую комнату и торопливо сказалъ ему вполголоса:

— Вы—Паткуль! Голосъ второго отца, при первомъ его звукѣ, отозвался въ моемъ сердцѣ. Бѣгите, за вами примѣчаютъ. Фюренгофу сдѣлаютъ допросъ, и вы пропали. Кто знаетъ? черезъ нѣсколько минутъ я только шведскій подданный!

Выговоря это, Адольфъ бросился назадъ и смѣшался съ толпою на террасѣ. Зибенбюргеръ или Паткуль (читатели, вѣроятно, давно догадались, что это одно и то же лицо) имѣлъ только время пожать руку Адольфу, пробрался черезъ внутреннія комнаты и заднимъ крыльцомъ въ садъ. Тутъ онъ услышалъ въ кустахъ тихій голосъ: «Ау, ау, Красный носъ!» Онъ пренебрегъ этимъ насмѣшливымъ зовомъ и углубился въ садъ; но, забывъ расположеніе его, ошибся дорогами, отбился къ сѣверной сторонѣ, воротился, и опять пришелъ къ дому. На дворѣ была необыкновенная тревога. Не думая долго, побѣжалъ онъ прямо на восточную сторону, но тутъ заградилъ ему путь крутой оврагъ.

— Боже! я пропалъ!—воскликнулъ онъ.

— Ау, ау, Красный носъ!—опять раздалось около него.

— Лѣшій ли ты, или человѣхъ, волею или неволею, ты проведешь меня къ восточной калиткѣ,—закричалъ Паткуль, вынулъ шпагу изъ ноженъ и устремился на кустъ, откуда слышался голосъ.

— За мною, я твой проводникъ! — сказалъ кто-то, выпрыгнувъ изъ куста, какъ заяцъ.—Это былъ рыжеволосый мальчикъ, Мартышка. Паткуль, по сдѣланному ему описанію, тотчасъ узналъ племянника Фрица,

вздохнулъ свободнѣе, и ухватился за аріаднину нить, ему такъ кстати предлагаемую. Мартышка, махая ему рукой, указывалъ путь между деревьями и кустами, по камнямъ черезъ ручей Тарвастъ, и мигомъ довелъ его до восточной калитки. У ней съ нетерпѣніемъ и страхомъ дожидался вѣрный служитель его, Фрицъ, держа двухъ осѣдланныхъ бойкихъ лошадей, лучшихъ, какія были когда-либо на конюшнѣ баронессы.

— Слава Богу, вы здѣсь и спасены! — сказалъ ѣрный служитель, помогая Паткулю садиться на вошадь.

— Я отмщенъ, добрый мой Фрицъ, и месть моя откликнется въ сердцѣ Карла. Съ меня довольно! — отвѣчалъ Рейнгольдъ, вынулъ изъ кармана лоскутъ бумаги и, написавъ что-то на ней, вручилъ ее рыжеволосому вмѣстѣ съ крупною серебряною монетою.

Забыть наградить ею было бы опасно: месть неминуемо послѣдовала бы за этимъ забвеніемъ. Маленькому проводнику поручено отдать эту бумагу генералу Шлиппенбаху; шпоры вонзены въ бока лошадей — и скоро перелѣски къ сторонѣ Пекгофа скрыли Паткуля и его конюшаго, кончившаго уже свою роль въ Гельметѣ. Черезъ минуты двѣ, три, всякая погоня за ними была бы напрасна.

Обратимся къ террасѣ.

— Вольдемаръ, Вольдемаръ, чего ты хочешь отъ меня?—кричалъ генералъ-вахтмейстеръ гусляру, который, продираясь сквозь толпу, выбивался вмѣстѣ съ тѣмъ изъ рукъ двухъ дюжихъ служителей, его удерживавшихъ.

— Генералъ, меня не допускаютъ до тебя! — вопилъ умоляющимъ голосомъ Вольдемаръ.

— Мошенники! плуты!—продолжалъ кричать Шлиппенбахъ, — отпустите его, или я велю повѣсить васъ на первомъ гельметскомъ деревѣ!

Угрозы генерала немедленно подѣйствовали, какъ ударъ изъ ружья надъ ястребами, дѣлящими свою добычу; освобожденный плѣнникъ прорѣзалъ народныя волны и взбѣжалъ на террасу. Величаво, пламенными глазами посмотрѣлъ онъ вокругъ себя; тряся головой, закинулъ назадъ черныя кудри, иронически усмѣхнулся (въ этой усмѣшкѣ, во всей наружности его боролись благородныя чувства съ притворствомъ) и сказалъ Шлиппенбаху:

— Съ того времени, какъ ты пріѣхалъ, ищу къ тебѣ пробраться; но меня не допускали до тебя, по чьему-то приказанію Ты ничего не знаешь. Русскіе въ Сагницѣ.

Слова эти разлились по толпѣ, окружавшей генералъ-вахтмейстера, подобно электричеству громового удара; многіе смотрѣли другъ на друга и, слыша бѣду, ужь оглушенные увѣдомленіемъ о ней, еще ей не вѣрили.

— Русскіе въ Сагницѣ? — вскричалъ Шлиппенбахъ.—Что ты говоришь, несчастный? Если ты сказалъ мнѣ неправду, то завтра жъ велю тебя повѣсить на первомъ деревѣ.

— Нѣтъ, не отдамъ я костей своихъ здѣшнимъ воронъямъ. Лежать имъ на сторонѣ другой! — возразилъ Вольдемаръ, одушевленный необыкновеннымъ чувствомъ. Грудь его сильно волновалась и глаза горѣли огнемъ. — Говорю тебѣ: русскіе въ Сагницѣ. Того и жди гонца съ этимъ извѣстіемъ; но помни, что я первый принесъ его тебѣ.

Генералъ, нахмурившись, позвалъ вѣстника за собой въ ближайшую комнату и сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы никто за нимъ не слѣдовалъ. Недолго продолжалась потаенная бесѣда. Когда онъ показался вновь обществу, маленькое, сухощавое лицо его, казалось, вытянулось на цѣлую половину; однакожъ, стараясь

призвать на него спокойствіе, онъ сказалъ собравшимся около него и выжидавшимъ его словъ, какъ рѣшенія оракула:

— Мой добрый шведъ пересолилъ своимъ усердіемъ. При повѣркѣ выходитъ, что татары вздумали похрабриться и выползли изъ своего нейгаузенскаго разбойническаго притона. Шереметевъ только-что собирается надѣть львиную кожу! Впрочемъ удивляюсь, почему не допускали до меня вѣрнаго шведа.

Сказавъ это, Шлиппенбахъ повелъ мышачьими глазами своими вокругъ себя и, не найдя Краснаго носа, приказалъ нѣсколькимъ дюжимъ офицерамъ открыть его въ домѣ, во чтобы ни стало. Досада его была ужасная, когда ему доложили, что ученый путешественникъ скрылся внезапно невидимкою, вѣроятно помощію волшебства. Сдѣланъ былъ допросъ Фюренгофу. На этотъ разъ рингенскій баронъ, разсчитавъ такъ вѣрно, какъ свои проценты, что приближеніемъ русскихъ исполняются обѣщанія новаго его патрона, обладая уже драгоцѣннымъ охраннымъ листомъ и надѣясь впредь великихъ и богатыхъ милостей отъ родственника своего, генералъ-кригскомисара Московитскаго государя, укрѣпился духомъ противъ девятаго вала, на него хлынувшаго. Пріосанившись, онъ отвѣчалъ съ твердостію, что если, паче всякаго чаянія, былъ онъ обманутъ свѣдѣніями, доставленными ему изъ Лейпцига о г-нѣ Зибенбюргерѣ, то не считаетъ себя ни въ чемъ виноватымъ; но что впрочемъ его превосходительство самъ могъ ошибиться въ ученомъ путешественникѣ, принимая его за шпіона Паткуля; онъ же, съ своей стороны, видѣлъ въ немъ любезнаго и умнаго собесѣдника, непріятнаго только для тѣхъ, которые не любятъ истины и близоруки. Чтожъ касается до внезапнаго отъѣзда Зибенбюргера, то Фюренгофъ приписывалъ его разнымъ оскорбленіямъ, будто бы ему

сдѣланнымъ. Баронесса, обиженная требованіями отъ нея отчета въ ея поступкахъ, рѣшительно заступилась за рингенскаго барона. Такимъ образомъ, въ общей перебранкѣ отыгрался Фюренгофъ и поспѣшилъ было заранѣе уплестись изъ Гельмета, надъ которымъ стояла такая грозная туча; но, вспомнивъ, что онъ лишился на полѣ битвы перчатки, воротился искать ее. Адольфъ замѣтилъ это: далъ ему свою пару новыхъ перчатокъ и едва не вытолкалъ его изъ дому.

Черезъ нѣсколько минутъ, Мартышка, пользуясь приказомъ впускать къ генералу всѣхъ, кому нужно было съ нимъ переговорить, подалъ ему записку слѣдующаго содержанія:

«Господинъ генералъ-вахтмейстеръ шведскій! благодарю васъ: вы дали мнѣ случай поторжествовать именемъ покорнаго вашего слуги надъ вами и королемъ шведскимъ. Поблагодарите отъ меня и хозяйку Гельмета, почтеннѣйшую дипломатку шведскаго двора за лестный пріемъ, мнѣ оказанный и мною неожиданный. Ласки ея такъ обольстили меня, что я назначаю у ней мою главную квартиру на 29-е и 30-е нынѣшняго мѣсяца. Чтожъ касается до вашихъ мнѣ личныхъ оскорбленій, то мы сочтемся въ нихъ завтра на чистомъ полѣ».

«Генералъ-кригскомисаръ Его Царскаго Величества I. Рейнгольдъ Паткуль».

Писано въ Гельметѣ $\frac{16}{28}$ іюля 1702.

Шлиппенбахъ, прочтя эту записку, едва не заскрежеталъ зубами, подалъ ее неучтиво баронессѣ, и примолвилъ иронически:

— Плоды вашей дипломатики!

Баронесса, въ свою очередь, читая сладкое посланіе, измѣнялась безпрестанно въ лицѣ: то бѣлѣла, какъ полотно, то краснѣла, какъ алое сукно. Но скоро опра-

вившись отъ перваго впечатлѣнія, она разорвала записку въ мелкіе лоскутки и произнесла съ гордостію и твердо:

— Плоды вашей безпечности, вашей лѣни, господинъ генералъ-вахтмейстеръ! Вы проспали мои заботы и надежды и ваше доброе имя. Дѣло важное, которое я хотѣла вамъ втайнѣ передать, есть извѣстіе, сообщенное вамъ вѣрнымъ вашимъ шведомъ: можетъ быть, слаще было вамъ услышать это извѣстіе при свидѣтеляхъ. Впрочемъ, величіе души познается въ трудныхъ обстоятельствахъ. Кто не умѣетъ поставить себя выше своего состоянія, тотъ недостоинъ быть даже — женщиною! Амтманъ! — продолжала она, обратившись къ своему управителю, — поставь передъ въѣздомъ въ Гельметъ висѣлицу и прибей къ ней вывѣску съ надписью крупными буквами: *Главная квартира Іогана-Рейнгольда Паткуля*. Черезъ часъ приди получить отъ меня новыя приказанія. Если достанется когда Гельметъ московитамъ, то онъ достанется имъ дорого: пусть помнятъ они, что госпожа его — лифляндка Зегевольдъ. Народу позволь веселиться, сколько хочетъ: завтра мы употребимъ его въ дѣло.

Съ послѣднимъ словомъ она важно поклонилась обществу и тихими, твердыми шагами выступила въ другія комнаты.

— Кто далъ тебѣ эту бумажку? — спросилъ генералъ рыжаго мальчика, трясясь отъ гнѣва.

Огненный низко поклонился, почесалъ себѣ голову, утеръ носъ рукавомъ кафтана и сказалъ, протяжно выговаривая слова:

— Какой-то господинъ, съ большимъ носомъ, будто клевалъ все черешню. Онъ садился у воротъ на лошадку—ну вотъ, вѣдашь, на вороненькую, бѣлоножку, съ господской конюшни, что грива такая большая, какъ у тебя на головѣ.

— Говори дѣло, дуракъ!

— Вотъ ужь и дуракъ! Хе, хе, хе!... тлли!... Красный носъ сидѣлъ браво на лошадкѣ, какъ деревянный солдатъ, далъ мнѣ грамотку и сказалъ: отнеси, умница, эту грамотку маленькому дурному офицеру, котораго хуже нѣтъ, въ большихъ сапогахъ и въ большихъ рукавицахъ, и попроси съ него за работу.

— Подожди, я дамъ!... потомъ?

— Потомъ я все искалъ маленькаго дурного офицера въ большихъ сапогахъ и въ большихъ рукавицахъ, нашелъ тебя... тлли!... Господинъ пригожій, пожалуй за работу.

— Изъ ада что-ли ты, бѣсенокъ, вынырнулъ нынѣ съ другими бѣсами? — закричалъ генералъ, топая маленькими ногами въ большихъ сапогахъ.—Въ которую сторону поѣхалъ Красный носъ?

— Я... не виноватъ, господинъ хорошій... я вотъ сейчасъ тебѣ скажу. Кажется, какъ бы тебѣ не солгать... да, онъ поскакалъ прямо на Оверлакъ, ну, туда, гдѣ живетъ офицеръ, что уморилъ было барышню... тлли!...

Тутъ мальчикъ, играя шпагою стоявшаго возлѣ него офицера, запѣлъ жалобно:

Горько, горько пѣла пташечка,
Сизобокая синичка....

Шлиппенбахъ отдалъ приказанія пуститься въ погоню за Краснымъ носомъ (настоящаго имени его онъ не открывалъ), и собралъ около себя военный совѣтъ; между тѣмъ Мартышка продолжалъ распѣвать:

Ты сходи, послышь, сестрица.
Что за пѣсенку поетъ
Сизобокая синица.
Ахъ! поетъ синичка пѣсню:
Братецъ, тебѣ на войну!

— Братецъ — тебѣ — на войну! — повторилъ онъ, прихлипывая и кивая генералу; какъ вьюнъ проскользнулъ между слушателями своими и скрылся; только на дворѣ слышно было еще, какъ онъ распѣвалъ:

Курляндцы вялые ребята,
Все крадутся ползкомъ въ кустахъ.
Лифляндцы молодцы стрѣлять:
«Подстрѣлили разъ курляндца,
За ворону принимая.
Ха, ха, ха! ха, ха, ха!»

Въ военномъ совѣтѣ, послѣ многихъ разногласій, едва было рѣшено собрать шведскія войска при Гуммельсгофѣ и дать тамъ отпоръ набѣгу русскихъ, когда къ гельметскому двору прискакалъ шведскій офицеръ, такъ сказать, на шпорахъ и шпагѣ; ибо измученное животное, въ которомъ онъ еще возбуждалъ ими жизнь, пало, лишь только онъ успѣлъ слѣзть съ него. Случай этотъ принятъ былъ за худое предвѣстіе для шведовъ. Гонецъ подтвердилъ слова Вольдемара.

Надо было видѣть суматоху, произведенную между гостями, слугами ихъ и жителями Гельмета извѣстіемъ о приближеніи русскихъ.

— Лошадь такого-то!—Карету такого-то! одноколу! колымагу!—кричали всѣ въ разные голоса.

Кучера толкали другъ друга, второпяхъ брались за чужихъ лошадей; лошади были разсѣдланы, подпруги и уздечки порваны у иныхъ, у другихъ постромки экипажей подрѣзаны, сбруя разбросана и перемѣшана. Госпожи ахали, метались въ разныя стороны; плакали, ломали себѣ руки (падать въ обморокъ было некогда); господа сами бѣгали въ конюшни и по заднимъ дворамъ, чтобы помочь служителямъ осѣдлать лошадей, выгородить экипажи и сдѣлать разныя низкія работы, за которыя, въ другое время, не взяли бы

тысячей. Медикъ Блументростъ, до этого времени тщательно отдалявшійся отъ знакомства съ маріенбургскимъ пасторомъ, предложилъ ему теперь свой экипажъ, который, по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, стоялъ у самой террасы во всей готовности. За неимѣніемъ лучшаго способа перенестись въ Маріенбургъ, предложеніе медика, этого сосѣда *долины мертвецовъ*, было принято съ удовольствіемъ; Луиза и Катерина Рабе, прощаясь, плакали, какъ дѣти.

— Кто знаетъ, — говорили онѣ, — когда мы увидимся?...

Пасторъ поставилъ уже ногу на подножку экипажа, чтобы сѣсть въ него; но, подумавъ, что баронесса чертитъ, можетъ быть, планъ защищенія Гельмета, приложилъ палецъ ко лбу, спустилъ ногу и воротился назадъ, чтобы подать дипломаткѣ свои совѣты. Но такъ какъ она не приняла его и приказала ему сказать, что умѣетъ обойтись безъ совѣтниковъ, то Гликъ рѣшился отмстить ей немедленнымъ отъѣздомъ. Наконецъ Гельметъ опустѣлъ, и представителями великаго праздника, которымъ хотѣли удивить всю Лифляндію, остались одни пьяные латыши.

— Госпожа позволила намъ веселиться, — кричали они, — послѣ того не боимся не только московитовъ, самого чорта!

Куда дѣвался Вольдемаръ и слѣпецъ? Преданный генералъ-вахтмейстеру шведъ поскакалъ вслѣдъ за нимъ, а товарищъ его нашелъ пріютъ, какъ обѣщано было въ комнатѣ Адама Бира.

До свиданія, въ будущей части, друзья мои! Праздникъ баронессы меня такъ замучилъ, что я — насилу досказалъ.

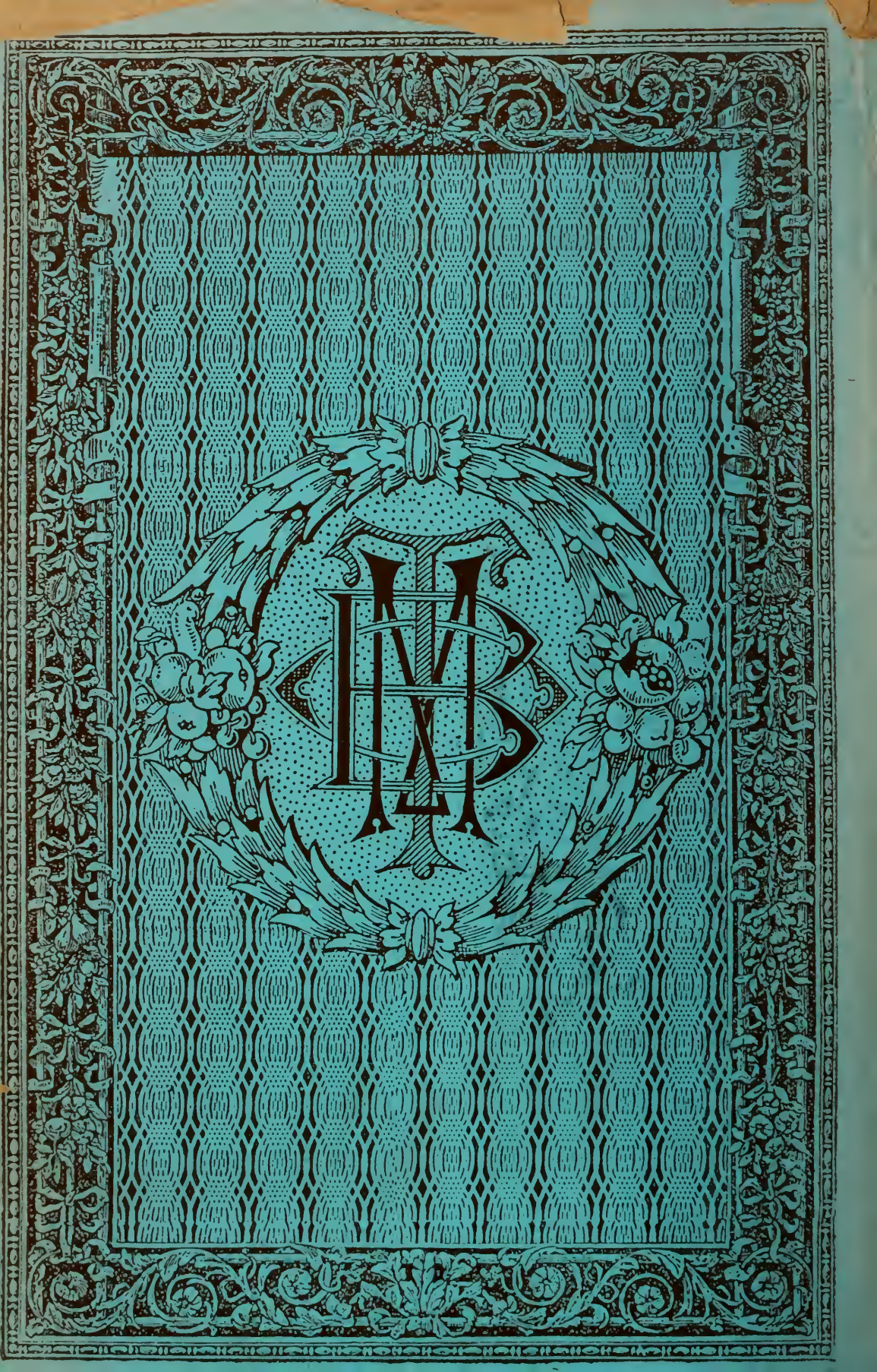
КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТАГО ТОМА

стр.

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ

Часть первая и вторая 1



494863
LR
L4314V
Lazhechnikov, Ivan Ivanovich
Полное собраніе сочиненій... С.А.Венгерова.
v.5.
[Transliter.: Polnoe sobranie sochineny... S.A.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

• БИБЛИОТЕКА •
РУССКАГО ИЗЯЩНАГО ПИСЬМА
• ВЫПУСК V • 1000 ЭКЗ. •